

3

Лунинчерский

ISSN 0042—8779

ЛВИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

Л.В. Волков : "Очерки русской культуры
XVIII века"
стр. 170

10/93

Приднестровский
гос. к
Б. А.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

10/93

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- А. И. Осадчая — Биржа в России 3
- В. М. Панеях — Упразднение Ленинградского от-
деления Института истории АН СССР в 1953
году 19

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Тимоти О'Коннор — Анатолий Васильевич Луна-
чарский 28

ВОСПОМИНАНИЯ

- Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева 47

ПУБЛИКАЦИИ

- Материалы следственной комиссии ЦК РСДРП
по делу Р. В. Малиновского (май — ноябрь
1914 91

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Генерал А. И. Деникин — Очерки русской смуты 109

СООБЩЕНИЯ

- В. Б. Кощеев — Еще раз о численности монгольс-
кого войска в 1237 году 131

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

Е. И. Федосова — Ф. Гизо во главе МИД Франции (1840—1847 гг.)	136
А. Я. Шевеленко — Демология	145

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

И. И. Пстыго — Самолеты над Марково и Уэлькалем	153
К. Ф. Попов — Судьба Сергея Седова	157
В. В. Познахирев — Вице-адмирал З. П. Рожественский	161
М. Ц. Арзаканян — Роковой выстрел Береговуа	165

ИСТОРИОГРАФИЯ

Л. В. Волков — Очерки русской культуры XVIII века	170
Б. В. Ананьич — Великие реформы в России. 1856—1874	177
А. Б. Мазуров — О. В. Мартышин. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики	179
А. Г. Голиков — А. П. Пронштейн. Источниковедение в России. Эпоха капитализма	181
В. С. Бойко — Белая книга о депортации корейского населения России в 30—40-х годах	183
В. Л. Керов — С. Л. Плешкова. Французская монархия и церковь (XV — середина XVI в.)	185
К. Е. Рогов — Энциклопедический словарь юного историка. Всеобщая история	187
В. В. Кравченко, В. В. Тимофеев — Д. Сондерс. Россия в век реакции и реформы. 1801—1881	188

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

А. Кан — Еще одно «белое пятно»	190
Г. И. Иванов — Наконец-то прервано долгое молчание	190

Биржа в России

А. И. Осадчая

История биржи в России насчитывает более двух столетий. Созданная впервые по указу Петра I в Петербурге в начале XVIII в., она действовала до начала первой мировой войны (по некоторым данным, еще в 1916 г. создавались новые биржи), а биржевые комитеты были упразднены лишь после победы Октября. В 1921 г. биржи возродились и просуществовали до 1930 г., когда Коммунистическая партия принялась за ликвидацию многоукладной экономики, а следовательно, и такой ее структуры, как биржа.

Изучение истории российской биржи началось еще в прошлом веке. Литература эта небогата¹, но ее дополняют издания самих биржевиков, в частности Всероссийских съездов представителей биржевой торговли, особенно советского периода².

Исторически первые биржи как специфические торговые собрания купцов (*bugsa* — *лат.* кошелек) возникли на заре капитализма в Западной Европе. Однако формирование биржи как специфической структуры рыночной экономики началось с появления на их торгах ценных бумаг, приносящих обеспеченный доход, — облигаций государственных займов, векселей и т. п. В XVI в. рос объем государственных кредитов, реализуемых через биржи. Начавшийся же в XVII в. процесс акционирования частных предприятий, торг акциями — первичный и вторичный — на биржах (при участии банков) означали принципиальный сдвиг в развитии товарно-денежных отношений, который превратил биржу в XIX в. в «бьющееся сердце» рыночной экономики, в инструмент ее активной капитализации. Биржа сформировалась первоначально именно как фондовая, то есть как посредница в торговле ценными бумагами: векселями, облигациями, акциями и т. д., а позже — банкнотами, валютой, драгоценными металлами.

Первой ввела акции в свой оборот Амстердамская биржа (основана в 1608 г.). Благодаря этому она привлекла к себе громадные денежные средства, значительно усовершенствовала биржевую технику. Здесь впервые были выработаны условия сделок на срок (срочных сделок). Биржа стала самой влиятельной в Западной Европе. Таким образом, именно фондовая биржа олицетворяла структуры рыночной экономики.

Товарно-сырьевые биржи, формирование которых началось по подобию фондовых, перенимали и специфические методы ее торга, прежде всего срочные сделки на поставки зерна и т. п. Предметом операций этих бирж

Осадчая Аэлита Ивановна — кандидат исторических наук.

стали оптовые партии так называемых заменимых товаров, то есть таких, каждая часть которых могла быть заменена другой, так как легко сводилась к определенным типовым характеристикам. Сам же торг становился все более организованным. В задачу биржи как посредницы, получающей за организацию торгова определенные доходы, входило обеспечение его регулярности, информации, правовой защиты, разработка различных типов договоров-контрактов и т. д. Для этого биржи создавали собственные органы управления и обслуживания торгов, привлекали специалистов, разрабатывали уставы и правила. Формы их взаимоотношений с государством в каждой стране складывались по-своему и обуславливались как принятой в нем политической концепцией управления, так и уровнем социально-экономического и правового развития.

Первая регулярная биржа в России, учрежденная царем-реформатором, была общей — товарно-сырьевой с элементами торговли фондами. Она была создана по образцу Амстердамской. Видя отставание России в развитии рыночных отношений, Петр I попытался активизировать их политическим путем, внося в существовавшие купеческие собрания элементы организации и техники западноевропейского биржевого торгова: включение в оборот ценных бумаг — векселей, заключение фрахтов и сделок на крупные партии привозимых товаров, а также регулярность этих торгов в специально сооружаемых для этого помещениях. Однако страна оказалась для этого недостаточно подготовленной, и в течение почти целого столетия Петербургская биржа оставалась единственной официально признанной. Там совершались исключительно товарные и фрахтовые сделки и только в 30-х годах XIX в. появляются акции частных обществ. Около 1796 г. возникла вторая такая биржа, в Одессе; не ранее 1816 г. — третья, в Варшаве. В 1837 г. получила право учредить биржевой комитет Московская биржа. Лишь в 1875 г. было построено новое здание московской биржи, соответствовавшее требованиям того времени. При нем были телеграфное, телефонное отделения, имелась даже библиотека на 15 тыс. названий: специальной справочной литературы, историко-статистических материалов и др.

К 1861 г. насчитывалось всего шесть бирж³ с ограниченным характером проводимых на них операций. Яркую картину состояния фондовых и товарно-сырьевых бирж, принятых на них норм и обычаев торгова оставил проф. А. Невзоров, ознакомившийся с ними в 1896 году. С его точки зрения, отсутствие точно выработанного законодательного определения сущности биржевых сделок и порождаемых ими правоотношений, а также общепринятой техники этих сделок, укоренившиеся в каждом городе собственные привычки и обычаи, равнодушие купечества как к самостоятельному формулированию норм, так и к организации своего сословия, — все это приводило к тому, что даже в столицах на биржах не было условий для выработки устойчивого уклада деловых отношений. Многообразие биржевых сделок тщательно скрывалось. «Торговая деятельность исконной “купчихи”, Москвы и в настоящее время резко бросается в глаза... — писал он. — Состав биржевых посетителей чрезвычайно пестрый. Кроме коренных московских купцов, в биржевой публике можно видеть типы представителей всех племен, населяющих Россию, особенно восточную ее часть... Это разноплеменное общество явилось сюда для того, чтоб получить разные сведения, важные для торгова, повидаться с нужными людьми, условиться о свидании в другом месте и т. п. Сделки же здесь заключаются в относительно редких случаях. Они совершаются в огромном большинстве случаев вне биржи»⁴.

На становлении биржевого дела в нашей стране сказывались те черты ее исторического развития, которые накладывали отпечаток на все социальные институты, порождая отличия от аналогичных институтов стран Западной Европы, капиталистически более зрелых. На протяжении всей своей истории Россия, отягощенная чертами «азиатчины», прилагала усилия к тому, чтобы стать равноправным участником европейского процесса. Большая роль в этом принадлежала ее государственным, политическим структурам. Однако их реформаторские идеи и шаги входили в проти-

воречие с консерватизмом социальной психологии, свойственным различным слоям российского общества. Так, по наблюдению Невзорова, у купцов, в частности производителей хлеба и составителей его партий, долгое время не складывалось понимания того, что для успеха продажи хлеба на биржах необходима типизация этих партий их подгонка по определенным показателям ⁵.

К началу XX в. и буржуазными, и марксистскими теоретиками была обоснована роль бирж в капитализации общественных отношений. По оценкам таких экономистов-теоретиков, как Г. Шульце-Геверниц и Я. Риссер, биржа в доимпериалистическую эпоху принадлежала к области «автоматически функционирующих экономических законов»; она обладала свойством, безусловно необходимым для всего хозяйства и для обращения ценных бумаг: «быть не только самым точным измерительным инструментом, но и почти автоматически действующим регулятором экономических движений, стекающихся к ней» ⁶. «Среди современных хозяйственных учреждений нет ни одного более характерного для капиталистической системы хозяйства, чем биржа, — писал М. И. Туган-Барановский, — и чем больше хозяйственный строй той или иной страны проникается капиталистическими чертами, тем большее значение приобретает в ней биржа. Поэтому по важности биржи в хозяйственной жизни той или иной страны можно судить о степени ее капиталистической зрелости» ⁷.

Эта роль бирж являлась объективным следствием проводившихся на них операций в форме биржевой игры, или биржевой спекуляции. При этом биржевая спекуляция на фондовых биржах принципиально отличалась от спекуляции на товарных, хотя и имела много общих черт.

Экономический смысл купли-продажи состоит в том, что товар в конце концов доходит до потребителя и исчезает с рынка. На фондовых биржах предметом торга являлись всякого рода ценные бумаги. Но если облигации, закладные, рента, билеты госзаймов, приносящие определенные и неизменные проценты, после выплаты по ним исчезали с рынка, то появление акций частных предприятий изменило дело. Процесс акционирования частных предприятий был вызван потребностью производственных капиталистов в дополнительных средствах для улучшения их предприятий. Накопленный денежными капиталистами к этому времени капитал, чтобы приносить прибыль, должен был постоянно обращаться, меняя собственника, и с выгодой для его владельца. Именно на фондовой бирже в ходе торга акциями частных предприятий развертывалась конкурентная борьба, сводились вместе представители этих двух типов капитала. Продавая акции, производственный капиталист инвестировал полученные средства в предприятие, добиваясь увеличения его доходности. Денежный капиталист, покупая акции, обеспечивал себе приносимый ими барыш (прибыль), размер которого, однако, зависел от прибыльности предприятия и мог быть учтен только по итогам его длительной деятельности. Поэтому возможность продать акцию на бирже вторично гарантировала денежному капиталисту возврат затраченного им капитала и одновременно приносила дифференцированную прибыль, или барыш, получаемый на разнице как результате колебания цен, спроса на собственно акции, не зависевшего от производственного процесса в самом акционерном предприятии.

Эта вторичная и последующая перепродажа акций предприятий и являлась биржевой спекуляцией в чистом виде, поскольку была непроизводительна, не приводила к исчезновению товара с рынка, а лишь позволяла обогащаться ее азартным участникам (или приводила их к убыткам). Однако у биржевой спекуляции, вызывавшей негативное отношение обществу, появлялся объективный, никем не преследуемый результат: она мобилизовывала все свободные денежные капиталы, заставляя их постоянно «работать», и давала средства для роста производственного капитала, его концентрации, то есть ускоряла темпы развития капитализма. Для биржи как посредницы в этого рода торговых операциях необходимость как можно более быстрого и безболезненного перевода капитала из промышленного в денежный и обратно имела следствием концентрацию фондовых операций в главных центрах экономической жизни страны. В начале XX в.

таким центром в России стал фондовый отдел Петербургской универсальной биржи.

Коренное отличие товарно-сырьевых бирж от фондовых заключалось в том, что их товары в конечном счете поступали к потребителю и исчезали с рынка. Тем самым на них реализовывалась промышленная и торговая прибыль и вместе с тем совершался необходимый обществу обмен веществ. Вместе с тем на товарно-сырьевых биржах со временем также были введены операции, сходные с биржевой спекуляцией на фондовых биржах. Но на этот раз они проводились с контрактами на поставляемые через биржу товары. Система срочных контрактов в биржевой торговле готовой продукцией и сырьем стала возможной в результате формирования следующих принципов: во-первых, торговля отсутствующим конкретным товаром, который должен быть сдан или принят в результате сделки; во-вторых, этот товар должен быть по преимуществу однородным, сводимым к определенному типу, стандарту, и массовым (так называемые заменимые товары); в-третьих, это товар, на который может быть учтен будущий спрос и будущее его предложение, так как его производство и потребление из-за специфики условий значительно разделены во времени. В практике биржевой торговли такими товарами стали зерно, сахар, чай, кофе, нефть, уголь, цемент и др. строительные материалы и т. п. Товары, которые предварительно осматриваются и одобряются покупателем, с точки зрения европейско-американских бирж, не считались биржевыми.

В результате паузы между заключением сделки и поставкой товара торгующие стороны подвергали себя риску из-за случайного перепада цен, который предусмотреть заранее было невозможно. Поэтому в оставшийся промежуток времени практиковалась многократная перекупка договора на поставку товара. Она и составила суть спекуляции на товарно-сырьевых биржах. Таким образом, сделка на срок, рожденная экономической необходимостью и имевшая первоначальной целью заготовить товаром для покрытия будущего спроса, будущих потребностей производства, с течением времени превратилась в самостоятельную операцию.

Вырабатывались все новые формы сделок на срок и методы их реализации. Эти спекуляции отличались от биржевой спекуляции на фондовых биржах тем, что товар (вернее, договор на его куплю-продажу), пройдя через ряд мелких спекулятивных сделок, все-таки доходил до потребителя и исчезал с рынка. Эти мелкие спекуляции приводили к уравновешиванию прибылей их участников и к приведению цены товара в конечном счете к его действительной рыночной стоимости. Вместе с тем страховка прибылей участников торга заставляла владельцев товаров извлекать их из хранилищ и поставлять на крупные биржи, наилучшим образом обеспечивавшие их интересы. В результате в торговле постоянно оказывалось необходимое количество товаров. В то же время выработка реальной рыночной цены товара показывала уровень рентабельности производства. А цены на исходное сырье и продукты питания ориентировали в ценообразовании на новые и более сложные продукты производства. Таким образом, как и в случае биржевых спекуляций на фондовых биржах, биржевая игра договорами на поставку товаров имела значение не только для их участников, но и объективно, общественно, так как решала ряд общих проблем рыночной экономики: сводя покупателя и продавца, она обеспечивала рынок страны необходимым количеством товара, в конечном счете приводила к выработке его рыночной цены, к выявлению общественно необходимых затрат на его производство, ориентировала в ценах на все более сложные товары.

Реформа 1861 г. дала толчок развитию капиталистических отношений в России. За короткое время возникает целый ряд бирж. А к началу первой мировой войны их насчитывалось более 90⁸. Но развитие собственно биржевого дела продолжало отставать. «...И в настоящее время биржевая торговля в России, несмотря на достигнутые успехи в смысле территориального распространения, носит на себе черты значительной отсталости, которая никоим образом не может быть истолкована в смысле присущей нам

будто бы самобытности, — делал вывод современник в 1912 г. — Русская биржевая техника в своем развитии идет теми же путями, что и западноевропейская, но находится пока в более ранней стадии совершенства»⁹.

Остановимся на этих особенностях. Россия принадлежала к числу тех стран, где именно из-за отсталости политического правосознания всех слоев и классов, что обуславливалось неравномерностью экономического развития различных сфер народного хозяйства и сохранением многоукладности, роль политической власти в экономике в целом, и в развитии биржевого дела в частности, была сравнительно велика. В 1895 г. при Министерстве финансов была создана комиссия для составления нормального биржевого устава взамен действовавших разрозненных уставов отдельных бирж. Комиссия выработала проект, но он не был утвержден, так как проведению единообразия в деятельности бирж препятствовали различный характер фондовых и товарных операций, а также пестрота условий и обычаев биржевого торгова в различных местностях. В конечном счете правительство ограничилось реформой лишь на Петербургской бирже (общей). В июне 1900 г. царь утвердил мнение Комитета министров об основании ее фондового отдела, а в начале 1901 г. — правила для этого отдела¹⁰. Для товарно-сырьевых бирж законодатели ограничились изданием Устава торгового, в котором были сведены ранее принятые акты и утвержденные уставы товарно-сырьевых бирж. При этом остались некоторые противоречивые положения, например, касающиеся определения сущности и задач этих бирж¹¹. С течением времени Устав торговый пополнялся все новыми статьями.

Следуя западноевропейской традиции, правительство в части законодательства о фондовом отделе взяло за эталон германское биржевое право и в некоторой части — практику организации фондовой биржи во Франции. Статьи законодательства, касавшиеся товарно-сырьевых бирж, не особенно ограничивали возможности их уставного творчества. Но вместе с тем правительство искало и формы контроля над обеими биржами.

Будучи самоуправляющимися организациями, все российские общие биржи в порядке надзора были подчинены Министерству торговли и промышленности — его отделу торговли, фондовый же отдел Петербургской биржи был подчинен Министерству финансов по Особенной канцелярии по кредитной части, причем последняя являлась почти полным хозяином на петербургском фондовом рынке.

Такое разделение было вызвано различной ролью этих двух типов биржи в экономической жизни. Фондовый отдел в известной степени походил на западноевропейскую фондовую биржу в ее германском варианте. Его деятельность наиболее непосредственно влияла на структурную перестройку крупного капиталистического производства применительно к условиям, когда в мировом хозяйстве усиленно шел процесс создания монополий, захвативший и Россию; рост финансового капитала, различных промышленных синдикатов, концернов и т. д. И правительство стремилось держать все происходящее там под своим контролем.

Основанием для этого было то, что фондовый отдел являлся средоточием оборота с облигациями государственных займов, и финансовое ведомство ставило своей задачей обеспечить здесь интересы государства. Так, действительными членами отдела могли быть только русские подданные. Избранные общим собранием биржи члены совета отдела из числа действительных его членов утверждались в должности министром финансов. Он же по представлению совета отдела назначал фондовых маклеров и утверждал правила о порядке заключения биржевых сделок¹². Представители Министерства финансов участвовали в деловом обороте — в сделках с фондами и валютой за счет Государственного банка и Государственного казначейства. В то же время фондовым маклерам было запрещено совершать сделки в отделе за собственный счет.

В порядке надзора два представителя Министерства финансов присутствовали с правом голоса в котировальной комиссии (комиссии, выводившей биржевые цены на фондовые бумаги и валюту на данный день торгова)

при составлении бюллетеня и в совете отдела при обсуждении вопроса о допущении бумаг к котировке в фондовом отделе. Эти меры должны были препятствовать попыткам недобросовестно воздействовать на котировку, то есть контролировать и ограничивать биржевую спекуляцию ценными бумагами и валютой. Тем самым российская фондовая биржа как посредническая организация утрачивала способность быть самым точным измерительным инструментом для ценности бумаг, находящихся в обращении. Империализм с его монополиями, проникая в Россию, с первых шагов и в самой важной сфере принимал форму слияния интересов чиновничества и крупнейшей буржуазии, «союза биржи с правительством». В то же время возрастание роли крупнейших банков также влияло на деятельность биржи, порождая явления монополизма. «В литературе об империализме говорят о падении роли биржи,— писал в этой связи В. И. Ленин,— но только в том смысле, что всякий гигантский банк сам есть биржа»¹³. Установление монопольных цен на фондовые бумаги снижало роль биржевой спекуляции в процессах мобилизации и концентрации капиталов, в вовлечении в них среднего и мелкого производства. Для России это было особенно неблагоприятно, так как именно эти предприятия, находившиеся на более ранних стадиях капиталистического развития и даже на стадии «предкапитализации» (например, многочисленные мануфактуры, промыслы), составляли численное большинство.

Чиновничье-бюрократический контроль правительства над фондовым отделом Петербургской биржи благоприятствовал корпоративным интересам определенных правительственных и деловых кругов, усиливал неравномерность капитализации общественных отношений в стране и в то же время не мог являться действенным инструментом борьбы со спекулятивными аферами.

Подобная противоречивость наблюдалась и в развитии товарно-сырьевых бирж, которые еще и в начале XX в. переживали первый этап своего развития. Об этом, в частности, свидетельствовала уже упомянутая неудавшаяся попытка правительства составить проект нормального биржевого устава. Большинство товарно-сырьевых бирж брало за образец уставы Петербургской (общей) биржи, утвержденные еще в 1831 и 1832 годах. Определенное понимание роли и места товарных бирж в экономической структуре страны так и не было выработано вплоть до начала первой мировой войны. И это являлось одним из основных показателей как недостаточности капитализма в стране, несмотря на уже появившиеся могущественные монопольные структуры, так и слабости товарной биржи как необходимого инструмента формирования рыночной экономики. Органы местного самоуправления смотрели на биржи весьма узко. С их точки зрения, создание бирж должно было лишь содействовать упорядочению и регулированию местной торговли, доставляя купцам и промышленникам необходимые сведения.

Зачастую биржи как местные организации возникали из-за назревших потребностей в представительстве местных торгово-промышленных интересов. Это отражало разобщенность местного купечества и промышленников. Поэтому биржевые комитеты выполняли не свойственные им функции. Когда в 1911 и 1912 гг. встал вопрос о создании торгово-промышленных палат, большинство бирж увидело в них себе угрозу и «настаивало на сохранении за последними их нынешней роли в качестве органов торгово-промышленного представительства, несмотря на всю невозможность при соблюдении этого условия сколько-нибудь рациональной реформы в смысле обеспечения торгово-промышленному классу полного, а не частичного только, представительства»¹⁴. Такое положение на биржах отражало незавершенность процессов классового образования в среде буржуазии России. Тем не менее в организационном отношении постепенно вырабатывалось некоторое их единообразие.

Товарные биржи в России являлись самоуправляющимися учреждениями. Из общего числа участников биржевого торга, имевшего открытый характер, выделялось биржевое общество (корпоративная часть биржи),

членами которого могли быть те, кто уплачивал установленный взнос в пользу биржи и отвечал требованиям ее устава: принадлежал к определенному разряду купцов или предпринимателей, в том числе сельскохозяйственных, или являлся представителем акционерного общества. Новых членов принимало общее собрание биржевого общества. Для управления делами биржи избирался биржевой комитет. Его председатель, а также старший маклер (или гофмаклер) утверждался Министерством торговли и промышленности, а в Петербурге и Москве гофмаклер прямо назначался министром.

Маклеры являлись посредниками при заключении биржевых сделок, и к ним, согласно закону, предъявлялись высокие требования с точки зрения их профессиональной грамотности, добросовестности. Они должны были быть русскими подданными. Маклерам не разрешалось служить приказчиками или уполномоченными в торгово-промышленных учреждениях или банковских предприятиях и участвовать в различных должностях в акционерных обществах.

Товарно-сырьевые биржи росли в предоктябрьской России как грибы, что также являлось показателем более ранней, по сравнению с западноевропейской, стадии их становления. И это выражалось прежде всего в технике биржевых сделок. В России постепенно вырабатывалось понятие «заменяемого товара», различались сделки «с наличным товаром» и с «будущим товаром», то есть были известны «сделки на срок». Но специфически биржевая сторона этих сделок — возможность перепродажи контрактов и др. операций с ними — не была разработана. Когда на VI Всероссийском съезде представителей биржевой торговли и сельского хозяйства (январь 1912 г.) было предложено ввести такого рода сделки, съезд отверг их. Делегаты более чем шестидесяти представленных на съезде бирж, среди которых было немало участвующих в торговле хлебом помещиков, просто не поняли, о чем идет речь, и опасались, что «введение срочных сделок вызовет весьма опасную биржевую игру зерновыми продуктами, которая губительным образом может отозваться на сельском хозяйстве, цены на продукты которого будут регулироваться не действительным спросом и предложением рынка, а чисто спекулятивными условиями»¹⁵. Хотя отдельные экономисты-теоретики уже понимали, что биржевая спекуляция есть «жизненный нерв» развитого биржевого оборота и без нее невозможно обеспечение реальной рыночной цепи товара и его страховки, в кругах самих биржевиков это не осознавалось.

На российских товарных биржах еще продолжали заключать сделки, когда товар предварительно осматривался и одобрялся покупателем, чего в те времена уже не могло быть на зарубежных биржах.

Развитию биржевого дела препятствовали два обстоятельства. Во-первых, в России до революции в области торговли сложилась своего рода монопольная система непосредственного сбыта-закупки. Такие фирмы, как Оконичников, бр. Башкировы, Парамонов и др. — на хлебном рынке; Высоцкий, Перлов, Попов — на чайном; Циндель, Прохоров, Морозов — на мануфактурном, имели многочисленную связанную с ними клиентуру по закупке и сбыту, а потому в биржевом посредничестве не нуждались¹⁶. Во-вторых, монополии в сфере крупного промышленного производства также использовали прямые торгово-закупочные сделки. «В синдикате *посредническая торговля* уже не находит себе места... — писал М. И. Боголепов. — Синдикаты превращают действительных торговцев в своих агентов с фиксированной комиссией или жалованием... Посредничество — биржа — умирает: покупай только у синдицированных предприятий и продавай лишь по ценам, назначенным синдикатом, — *это конец капиталистического торговца*. Биржа и торговля носят спекулятивный характер, презренны, подлежат устранению во благо промышленной монополии»¹⁷. Так в экономическом строе России, еще не успевшем проникнуться капиталом и вместе с ним усвоить роль биржи, уже проявились черты, препятствовавшие успеху капитализации всех сфер производства. Политическая же концепция правительства в отношении бирж также не была последовательной: стремясь, с одной

стороны, ввести экономические структуры в европейские формы, чтобы ускорить развитие страны, оно, с другой стороны, и само несло в своей деятельности инерцию старого и кроме того сталкивалось с социально-психологическим консерватизмом и с чиновничье-бюрократическими представлениями и интересами в области управления и контроля. Последние находили очень быстрые пути к слиянию с появившимися уже монополистическими тенденциями.

Новая жизнь биржи товарной и фондовой — началась в Советской России с переходом от военного коммунизма к новой экономической политике. Распадавшаяся на отдельные части хозяйственная система с ее подорванными производительными силами не желала больше подчиняться административному диктату. Только обмен через торговлю, через рынок мог связать отдельные хозяйственные единицы, принадлежавшие к различным экономическим укладам («социалистическому» в лице национализированной государством части народного хозяйства, а точнее, государственному; государственно-капиталистическому, частнокапиталистическому, мелкотоварному и натуральному хозяйству), в относительно целостную систему. И правительство обратило свой взгляд на биржи, которые стихийно стали возрождаться в стране с середины 1921 г. главным образом на основе кооперативного аппарата.

«Товарные биржи имеют своим назначением выявлять отношение спроса к предложению, облегчать и упорядочивать как товарообмен, так и связанные с ним товарные и торговые организации»¹⁸, — говорилось в первом постановлении Совета труда и обороны (СТО) «О товарных биржах», принятом 23 августа 1922 года. Таким образом, товарным биржам изначально отводилось заметное место в нэповской экономике: в качестве «самоорганизации торгующих» биржа сможет, как полагал Наркомат внутренней торговли, «мерами экономического порядка охватить и упорядочить товарооборот и оказать то воздействие, которое не может быть достигнуто в порядке административном». Здесь видны основы политической концепции правительства в отношении бирж. Во-первых, признание бирж не государственными, а общественными организациями, хотя, согласно постановлению СТО «О товарных биржах», они учреждались Комиссией по внутренней торговле при СТО или по ее собственной инициативе, или по ходатайству заинтересованных учреждений, предприятий, лиц, причем самочинное открытие бирж, наблюдавшееся до принятия этого постановления, более не допускалось. Во-вторых, правительство искало и нашло в лице бирж экономические рычаги развития торговли в стране. И, как это было известно из опыта капиталистических бирж, не только торговли. Этот экономический рычаг — свободный биржевой торг, при котором, однако, функции биржи «носят характер посреднический, а не оперативный»¹⁹.

Другой функцией биржи при этом являлась выработанная мировой практикой котировка биржевых цен. Котировка (от *фр.* *coter* — отмечать) — фиксирование и опубликование выявившихся на торгах цен. В каждый данный момент торга цену определяют спрос и предложение. Последовательный ряд котировальных цен дает, как уже говорилось, в конечном счете реальную рыночную цену товара, ту цену, которая является регулятором рыночной экономики и на которую ориентируются в своих долгосрочных планах как промышленники — производители товара, так и торговые посреднические предприятия.

Для политической концепции правительства характерно было также регламентирующее положение о том, кто мог становиться членами товарной биржи: это — государственные учреждения и торговые и промышленные предприятия, их объединения; кооперативные товарищества и их объединения; частные торговые и промышленные предприятия определенного ценза. Такое объединение в единой структуре, признаваемой общественной, и под общим ведением государственных органов организаций, принадлежащих к различным экономическим укладам, свидетельствовало о том, что товарная биржа по существу учреждалась первоначально как госкапиталистическая структура.

Биржи располагали органами сбора информации и статистических сведений о спросе и предложении, движении товара, колебаниях цен. Будучи экономически довольно сильными, они успешнее других учреждений, в частности чисто государственных, налаживали эту работу. Преследуя корпоративные цели, они одновременно решали и общественные задачи, поскольку были, по закону, обязаны представлять эти данные Наркомату внутренней торговли: «...Конъюнктурные и статистические сведения, имеющиеся у бирж, работа их оперативных отделов, котировальных комиссий, регистрационных бюро и т. д., представляют собой основу регулирующей работы внутриторгов. Обсуждение вопросов организации торговли самими торгующими может служить громадным подспорьем для внутриторгов»²⁰. Ведомство внутренней торговли не должно было повторять эту работу. При условии невмешательства в частную коммерческую деятельность (а этот принцип различные правительственные органы, связанные с биржами, были обязаны неукоснительно соблюдать²¹) такая форма учета и контроля со стороны государства устраивала всех участников биржевого торга, а правительству давала для решения его задач неоценимые по своему значению сведения.

Биржам предоставлялась автономия в решении собственных внутренних вопросов, таких, как определение состава своих членов и гарантий их платежеспособности, организация внутренней структуры, включая руководящие органы (биржевые комитеты) и различные функциональные отделы, сбор отчислений на собственные нужды и распределение доходов, наем работников и т. д., выработка принципов внутренних взаимоотношений, организация и проведение биржевых собраний, биржевого торга. Таким образом, организационные принципы деятельности бирж в начале нэпа находились в целом в соответствии с опытом их работы в дореволюционный период. Особенно большое значение это имело для налаживания биржевого торга. Как говорилось в упоминавшемся постановлении, товарные биржи имеют право «организовать биржевые собрания с обычными их функциями».

Вместе с тем деятельность товарных бирж находилась под надзором со стороны Наркомвнутриторга СССР и его органов на местах с точки зрения ее правомерности и государственной целесообразности. Внутрирги должны были также способствовать вовлечению в деятельность бирж торгующих; давать различные заключения по вопросам открытия бирж, утверждения их уставов; они собирали сведения о составе биржевых комитетов и переменах в нем и т. д. Им же биржи представляли свою текущую отчетность.

Постановления СТО августа — сентября 1922 г. активизировали процесс развития бирж, тем более, что одно из них предписывало государственным предприятиям и учреждениям регистрировать на биржах свои внебиржевые торговые сделки (постановление от 1 сентября 1922 г.)²². Декретом Совнаркома от 10 апреля 1923 г. государственные промышленные предприятия, действовавшие на началах коммерческого расчета (тресты), были обязаны не только регистрировать на бирже свои оптовые сделки, но и состоять ее членами²³.

Подразумевалось, что эти меры оживят биржевой торг (так и получилось) и позволят усилить контроль государства над торговой деятельностью госпредприятий. Они показывали, что в начале нэпа в правительстве сохранялись серьезные надежды на биржи как стимуляторы экономической жизни страны. Вместе с тем это была попытка преодолеть полное безразличие государственных предприятий к биржевому торгу, предпринятая в традициях насильственного «загона» торгующих на биржу. Причин равнодушия было несколько. Во-первых, тотальный товарный дефицит. Во-вторых, монополизм государственных предприятий-трестов, которые создавались по типу организационного строения капиталистических синдикатов и трестов: решая задачу концентрации производственных возможностей разоренной страны, такой принцип приносил за собой сразу и отрицательную сторону монополии — непосредственный торговый обмен по монопольным ценам. По политико-идеологическим причинам биржи не смогли преодолеть этого ценового монополизма госпредприятий.

В октябре 1922 г. Совнаркомом было издано постановление «О фондовых биржевых операциях». Организация фондовых бирж и фондовых отделов товарных бирж должна была, по мысли законодателя, содействовать регулированию фондового (ценных бумаг и т. д.) и денежного рынков. В состав участников этого биржевого торга — членов фондового отдела или фондовой биржи и их постоянных посетителей — допускались: кредитные учреждения; представители Госбанка, Наркомфина, Наркомата внешней торговли и др. органов; всероссийские кооперативные союзы и их отделения; частные торговые и промышленные предприятия с определенным уровнем капитала и отдельные лица ²⁴.

Фондовые отделы товарных бирж (фондовых бирж как таковых в этот период не было) стояли несколько особняком и пользовались автономией внутри товарных бирж. Однако их органы были значительно менее самостоятельны, чем органы товарных бирж: фондовые отделы строго подчинялись Наркомату финансов. Первоначальный состав членов фондовых бирж или фондовых отделов назначался этим ведомством по соглашению с Комиссией по внутренней торговле при СТО. Подобным же образом назначались и биржевые комитеты или советы фондовых отделов. В этом отношении советское законодательство было очень приближено к законам царского правительства.

Первым был организован в 1923 г. фондовый отдел при Московской товарной бирже. В 1927 г. такие отделы имелись при восьми биржах: Московской, Ленинградской, Харьковской, Киевской, Ростовской-на-Дону, Тифлисской, Бакинской, Владивостокской. Фондовые отделы сыграли некоторую роль при выявлении курса червонца и размещении государственных займов.

Совет труда и обороны был уполномочен издать по соглашению с наркоматами внутренней торговли и финансов правила для допущения ценных бумаг к обращению в фондовых отделах или на фондовых биржах. Вместе с Госбанком и Особым валютным совещанием Наркомфин ставил своей задачей воспрепятствовать биржевой игре ценными бумагами, так как был больше всего обеспокоен тем, чтобы не допустить концентрации капитала в руках определенных групп предпринимателей, несмотря на то, что собственные позиции государства были обеспечены господством в решающих отраслях народного хозяйства (так называемые командные высоты). А потому фондовая биржа теряла в значительной мере свой смысл и не развивалась.

В результате принятых в 1922—1923 гг. постановлений начался быстрый количественный рост бирж. Увеличивались их обороты. Завершалось в целом формирование сети бирж. Если в 1921 г. их было 6, в конце 1922—61, то в 1925 г. насчитывалось 104 биржи ²⁵.

Для объединения и представительства общих интересов бирж еще в январе 1923 г. был созван первый после революции съезд представителей биржевой торговли. Он создал организационный центр — Бюро съездов биржевой торговли (переименовано позже в Совет съездов). Последним была проделана довольно значительная работа как по выявлению и представлению интересов торгующих, так и по инструктированию и консультированию местных бирж.

Развитие биржевой торговли было сопряжено с большими трудностями и противоречиями. В обстановке всеобщего дефицита, когда покупатель бежит за продавцом, трудно говорить о реальной рыночной цене товара, продаваемого на бирже, так как торгующие сами по себе не нуждались зачастую в ее посреднических услугах и шли на биржу, принуждаемые государством. Но и там искали пути для спекуляции «по-черному» — в отличие от биржевой игры, или биржевой спекуляции. Так, в эти годы получили распространение «переодетые» биржевые сделки: предприятия-монополисты, заключая непосредственно с покупателем торговые сделки, оформляли их, однако, через биржу, потому что регистрационные сборы на внебиржевые сделки были значительно выше.

В невыгодные и неправомерные условия были поставлены представители частного капитала в промышленности и торговле. В большинстве

бирж они были выделены в особые секции — секции частной торговли «в целях выработки мероприятий, содействующих нормальному развитию частной торговли». Для этого секциям было предоставлено право ходатайствовать через биржевой комитет, защищая интересы частных предпринимателей, и содействовать ему «в деле вовлечения частной торговли и промышленности в биржевой оборот»²⁶. Однако организационное внутреннее деление бирж по социальному принципу не могло не привести к параллелизму в торговле и к превращению презренного «частника» на биржах в парию, а новые секции вырождались в бюро жалоб частной торговли на притеснения.

Следствием такого положения стало фактическое разделение биржевого торга на два: государственно-кооперативный и частный и, отсюда, фиксирование «двойных цен» котировальными комиссиями по каждому из рынков, ничем не связанных между собой²⁷. Это, в частности, отразилось в уже упоминавшемся декрете Совнаркома от 17 июля 1923 года. В нем предлагалось реализовывать продукцию трестов на бирже по ценам, назначаемым по соглашению с покупщиком. И вместе с тем говорилось, что «обязательные для треста оптовые цены, предназначенные для свободной продажи, могут быть устанавливаемы в необходимых случаях лишь» государственными органами руководства экономикой²⁸. Ко времени наибольшего расцвета столь своеобразной биржевой деятельности государство, являвшееся монополистом сферы крупного производства, уже стало понимать свою регулируемую роль в области ценообразования как диктовку рынку цены, построенной применительно к издержкам производства и представлениям о платежеспособности населения. При этом официальный взгляд на государственные предприятия как на предприятия «последовательно социалистического типа» (хотя уже уровень их социального и технического развития не позволял делать таких выводов) приводил к фактическому отрицанию понятия «прибыль» и т. п. Поэтому государственным предприятиям — участникам биржевого торга — не было интереса продавать свои товары в конкурентной борьбе, и они навязывали бирже свои твердые и к тому же монопольные цены. В этих условиях вторая — рыночная цена рассматривалась общественным мнением как спекулятивная.

Отсутствие и недопустимость биржевой спекуляции как специфического метода биржевого торга считались отличительной чертой советской биржи, ее преимуществом в сравнении с биржей капиталистической. Уже в 1923 г. даже в документах Совета съездов представителей биржевой торговли появляются противоречивые указания котировальным комиссиям. С одной стороны, воспрещалось «ставить не цену, существующую на рынке, а цену, которую хотелось бы на рынке увидеть», и предлагалось особенно отличать настроение биржи: твердое, устойчивое, оживленное, малодеятельное, выжидательное и т. д.; с другой — указывалось: «В тех же случаях, когда Биржа отмечает ненормальный скачок цен в ту или иную сторону, носящий характер спекулятивной игры, надлежит воздержаться от выведения справочной цены, показывая в то же время цены сделок, — тем самым котировальная комиссия отметит, что она считает положение рынка ненормальным и требующим вмешательства регулирующих органов»²⁹. То есть признавалась необходимость административного воздействия на цены.

Теоретики биржевого дела никак не могли определить реальное место биржи в структуре советской экономики, ее природу. Так, Совет съездов в одном из своих документов определял биржи как местные представительные центры торговли. В качестве общественных организаций биржи приравнивались к профсоюзам, коллегиям защитников при судах и т. п. Именно так они определялись в документе, подписанном одним из авторитетных партийных деятелей в области кооперации и внутренней и внешней торговли А. М. Лежавой (в то время нарком внутренней торговли). Биржа не входит в общую систему государственного управления и имеет свой бюджет, говорилось в документе, но «с другой стороны... товарная биржа осуществляет свои функции не в частном интересе, а в интересе общественности»³⁰. Это широко распространенное отрицание

наличия частных интересов на бирже как ее движущего механизма было обусловлено идеологической линией партии.

Некоторые советские теоретики биржевого дела, к числу которых принадлежал и Лежава, видели в бирже главным образом учетно-статистический орган. «Наши биржи имеют природу, которая трактуемым о биржах по шаблону кажется не настоящей и заставляет их думать, что такой биржи нам и не нужно... — писал он. — Биржевой аппарат сделался *необходимейшим органом* для централизованного правительственного руководства своими промышленными и торговыми предприятиями... Биржевая *статистика* дает исчерпывающий материал по всему оптовому обороту нашей госторговли. Государственные экономические наркоматы могут делать свои выводы по руководству всеми торговыми предприятиями, опираясь на показания биржевой статистики»³¹.

Представители другой группы, кстати, сами — биржевые деятели, трактовали биржу как учреждение, самостоятельно регулирующее рынок путем установления определенных цен, обязательных для всех членов биржи³². Однако попытки превратить биржу в высший контролирующий и направляющий торговлю орган наталкивались на жизненные интересы, лишая госорганы возможности маневрировать путем повышения или понижения цен, да и противоречили самой природе биржевого торга. Частный же торговец при отсутствии товара покупал бы по любым ценам, лишь бы его получить.

С точки зрения третьей группы теоретиков, советская товарная биржа по своей природе предназначалась для здорового, коммерчески необходимого посредничества³³. При всей ее слабости, она была наиболее приспособленной к существующей идеологической обстановке, и в то же время «здоровое, коммерчески необходимое» посредничество могло подразумевать классические, свойственные обычному биржевому торгу методы, рассматриваемые как общественно необходимые и буржуазной и марксистской литературой того времени³⁴.

На теоретических (а отсюда и практика) воззрениях на биржу сказывалось общее непонимание ведущими теоретиками партии большевиков, а тем более широкой партийной массой, роли госкапитализма в советской экономике, да и ленинские принципиальные идеи в данной области не были оформлены в стройную систему взглядов. По его мысли, партии предстояло еще самой находить в жизненной практике складывающиеся госкапиталистические формы. В ленинской концепции нэпа свободе торговли отводилась роль средства для восстановления нарушенных связей в народном хозяйстве. Госкапитализм же должен был стать тем основным производственным отношением (укладом), на базе которого могла быть укреплена экономика. Суть госкапитализма усматривалась в возможностях многообразных по форме контролирующих и регулирующих воздействий государства на крупное капиталистическое производство, ибо оно не боялось такого рода воздействий и в то же время противостояло таким тенденциям, как организационная распушенность и спекуляция «по-черному». Но именно крупнокапиталистическому производству за предыдущие годы был нанесен наибольший урон. И биржа, при условии признания ее госкапиталистической природы (т. е. при использовании специфических методов биржевого торга, выработанных мировой практикой), была в состоянии помочь постепенному решению комплекса задач: восстановлению и оздоровлению торговли и рынка в целом; накоплению капиталов, необходимых для восстановления и развития крупного производства, и государственного, и капиталистического; биржа могла противостоять диктату предприятий-монополистов путем выработки рыночной цены на биржевые товары и сырье, а значит, и создания реальных стимулов борьбы за повышение уровня производства.

Эта противоречивость во взглядах на природу советской биржи привела к тому, что в практической политике с середины 20-х годов возобладала тенденция к превращению бирж в пункты оптовой торговли, что вело к полной их ликвидации. К 1925 г. реальное значение в общей системе

оборота признавалось лишь за теми из бирж, где торговали хлебо-фуражными товарами: Краснодарской, Саратовской, Армавирской, Московской. Но отсутствие типизации товаров, ограниченность срочных сделок и связанных с ними операций приводили и здесь к тому, что биржи оказывали лишь торгово-технические посреднические услуги.

Являясь по преимуществу «универсальными» (что было присуще и до-революционным товарно-сырьевым биржам), они имели незначительный удельный вес в товарообороте. Это создавало впечатление, что они не справляются с посредническими функциями. Биржи пытались выйти из положения путем организации товарных секций. Но развитых форм биржевой торговли они еще не усвоили.

Тенденции к свертыванию бирж проявились уже в принятом ВЦИК и СНК СССР «Положении о товарных и фондовых биржах и фондовых отделах при товарных биржах» от 2 октября 1925 года³⁵. В нем на товарные биржи возлагались, наряду с ранее принятыми, не свойственные им постоянные или временные функции по регулированию торгового оборота. Допущение же ценных бумаг в фондовые отделы регулировалось особыми правилами Наркомфина. Любые специфические приемы биржевой торговли этим положением исключались. В последовавшем же в начале 1927 г. постановлении «О реорганизации товарных бирж» прямо указывалось, что их деятельность должна быть сосредоточена лишь на посредничестве в торговле теми товарами, которые в этом нуждаются (имелись в виду главным образом продукты сельского хозяйства). Предприятия-монополисты освобождались от участия в биржевых операциях и от регистрации внебиржевых сделок. Сеть бирж суживалась до 14: в Москве, Ленинграде, Харькове, Ростове-на-Дону, Киеве, Баку, Свердловске, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Одессе, Саратове, Тифлисе, Ташкенте и Владивостоке³⁶. Изданным в апреле 1928 г. конкретизирующим это постановление положением еще более усиливался административный контроль над биржами, превращавший их окончательно в организации, занимающиеся простой оптовой торговлей через прилавок. Маклеры стали рассматриваться в качестве своего рода совслужащих, порядок оплаты их труда утверждался соответствующими наркоматами. Биржевые сделки, в которых участвовало хотя бы одно частное лицо, контролировались фининспектором, что подрывало право на коммерческую тайну. Ликвидация бирж в начале 1930 г. постановлением Совнаркома завершила эту серию правительственных актов³⁷.

Так была ликвидирована единственная в Советской России признанная в мире экономическая структура, деятельность которой при правильной постановке дела могла способствовать выработке рыночной цены ценных (фондовых) бумаг и товарно-сырьевой продукции. Хотя биржевое дело в этот период не смогло подняться до европейского уровня, его развитие в первой половине 20-х годов шло по общему пути, несмотря на все препятствия. Ликвидация бирж отдала вопросы ценообразования и все с ними связанное во власть волюнтаризма, чиновничье-бюрократического произвола, способствовала утрате обществом объективных экономических критериев, явилась важным шагом по пути к застою и тупику, разрушая естественные стимулы развития общественного труда. Предпринятые правительством одновременно попытки массового акционирования производства не могли вывести из этого тупика: отсутствовали объективные критерии оценки стоимости фондов акционируемых предприятий. Были перекрыты пути инвестирования в эти предприятия крупных денежных капиталов (помимо собственных их средств и прямых государственных вложений), устранены возможности развития конкурентной борьбы через концентрацию и переливание капиталов — денежных и акционерных — от одного акционерного общества к другому.

В Европе и Америке тенденция к свертыванию бирж в виде поглощения их банками, финансовым капиталом проявилась в начале XX века. Однако последовавший кризис оздоровил экономику. Бирже — фондовой и товарно-сырьевой — было найдено новое место в системе взаимоотношений с финансистами (банками) и производителями (монополиями,

поставщиками сырья и др. товаров). Значительную роль в этом сыграло государство, которое в каждой стране находило свои, присущие ей законодательные и организационные средства и формы страхования участников биржевого торга, а вместе с ними и общества в целом, от биржевых афер.

Биржевое дело возрождается в России с конца 80-х годов. Бурный количественный рост товарных бирж стимулировали постановление Совета министров РСФСР «О деятельности товарной биржи в РСФСР» (март 1991 г.) и утверждение правил их регистрации. Вскоре по количеству и разнообразию заключаемых на биржах сделок страна оказалась «впереди планеты всей». Правда, подавляющее их большинство в действительности никак не отвечало выработанным в мировой практике представлениям о характере и функциях биржевой деятельности. Согласно же временному Положению, в задачи товарных бирж входило: оказание посреднических услуг по заключению торговых сделок, упорядочение торговли, регулирование торговых операций, сбор сведений о биржевых ценах, состоянии промышленности, торговли, транспорта и других факторах, влияющих на динамику цен.

Через год последовал закон «О товарных биржах и биржевой деятельности». По мысли его авторов, он должен был способствовать упорядочению и улучшению организации биржевой торговли, ее продвижению к классическим формам и методам биржевого торга. Товарные биржи должны были стать организованными рынками, на которых функции биржевого аппарата являются чисто посредническими, а преобладающими сделками должны были бы стать срочные («фьючерсные»), и опционные, заключаемые с определенными дополнительными условиями. Предполагалось, что закон будет способствовать концентрации бирж путем их объединения, а также исключения из их числа предприятий, использующих небиржевые приемы торговли, т. е. торговых домов, торговых складов и т. п.

Издание закона вызвало бурю протестов со стороны биржевиков. Подготовители закона ссылались на мировой опыт, обобщенный в нем, на необходимость привести биржевое дело в России в соответствие с общепринятой практикой. Инфляционные процессы, в которых биржевики видели главный тормоз для развития их дела, а также тотальный товарный дефицит рассматривались законодателями как временные явления, в преодолении которых должны были внести свой вклад и товарные биржи, содействуя — своими специфическими методами — формированию объективных рыночных цен, восстановлению нарушенных хозяйственных связей. Однако подготовители закона не приняли во внимание (и это отразилось на его содержании) отечественный исторический опыт: то, что за годы существования биржи в общественном сознании не сложилось понимания ее места в регулировании рыночных отношений; не получила признания специфика биржевой спекуляции и ее общественная значимость; не было преодолено отставание в развитии самой биржевой техники. Закон не определял форм взаимодействия товарной биржи и государства, действенных путей защиты биржи от диктата монополистов-производителей, а общества — от возможных биржевых афер.

В целом, таким образом, закон не создал условий для того, чтобы товарные биржи утвердились в роли «бьющегося сердца» рыночной экономики. Развитие передовых форм биржевой торговли невозможно, в частности, без страховых фондов различного типа, формируемых внутри биржевых структур под контролем и с помощью государства и различных банков. Об этом говорит и мировой и собственный российский опыт биржевой деятельности.

После издания закона о товарных биржах резко сократилось их количество и биржевые обороты в целом. Товарные биржи вошли в полосу кризиса. Срочные и опционные сделки так и не получили развития, не сложились и объективные рыночные цены товаров, продаваемых на бирже. Коммерческие структуры, созданные при большинстве производственных предприятий-монополистов, при заключении сделок предпочитают обходиться без бирж, произвольно устанавливая посреднические проценты. Отсутствие всесторонней информации, кустарщина в торговых операциях,

галопирующие цены порождают множество желающих нажиться на посредничестве.

В мае 1993 г. последовало правительственное постановление «О мерах по стимулированию роста организованного товарооборота биржевых товаров через товарные биржи». Биржи рассматриваются в нем как организованные рынки, обеспечивающие «концентрацию спроса и предложения, формирование объективных цен на основные сырьевые и продовольственные товары». К ним отнесены, помимо стратегически важных, мясо и мясопродукты, зерно, сахар, нефть и нефтепродукты, лес и лесоматериалы, хлопок, шерсть, черные и цветные металлы. Меры, указанные в постановлении, должны, во-первых, способствовать превращению биржевой торговли в важнейший фактор «формирования общероссийского и местных рынков»; во-вторых, расширить, путем предоставления правительством квот, участие товарных бирж в экспорте биржевых товаров; в-третьих, повысить контролируемую роль государства в регулировании деятельности бирж.

Формы помощи государства товарным биржам, сформулированные в постановлении, разнообразны. Так, центральным и местным органам власти предложено содействовать обеспечению бирж торговыми залами, складскими помещениями, включая портовые и железнодорожные, и оборудованием, а также средствами связи и транспорта по ставкам, приравненным к ставкам бюджетных организаций. Предполагается «обеспечить условия для перехода фермерских хозяйств, сельскохозяйственных организаций и предприятий всех форм собственности к совершению срочных и опционных биржевых сделок». Этому будут способствовать также конкурсы на биржах на размещение заказов на закупку и поставку товаров для государственных нужд. Различным министерствам, комитетам и комиссиям поручено рассмотреть предложения Российского биржевого союза и Международного биржевого и торгового союза и создать механизм для проведения этих сделок.

Разрабатывается специальная система контроля биржевых операций, особенно связанных с формированием экспортных цен и заключением экспортных контрактов, а также меры ответственности за уклонение от регистрации сделок или отказ в регистрации.

Таким образом, получает признание важная роль биржи в установлении долговременных рыночных связей, обеспечении гласного формирования цен на массовые виды сырья, материалов и продовольствия; поставлена задача включить российские биржи в формирование мировых цен на такого рода товары. Эти меры в целом направлены на преодоление монополистических явлений на сырьевом рынке. Государственные органы и биржевики проявили готовность к сотрудничеству. Все это поможет преодолению кризиса на товарных биржах, но, как представляется, при одном существенном условии — при условии преодоления одновременно кризиса также и на фондовых биржах, без чего трудно рассчитывать на оздоровление финансовой системы, правильное развитие операций с фондовыми ценными бумагами, в числе которых первостепенное место начинают занимать, наряду с государственными, акции приватизируемых предприятий. Действительная, ничем не стесненная продажа акций может стать для предприятий источником инвестиций, способом привлечения капиталов, накопленных внутри страны, владельцы которых будут защищены правом последующей перепродажи этих акций без ущерба для интересов предприятия. Только биржевая игра акциями приватизированных предприятий способна выявить их действительную рыночную цену. Однако государству — совместно с биржевиками-фондовиками — еще предстоит найти юридические и организационные формы взаимодействия разнообразных биржевых, банковских и производственных структур.

Примечания

1. См., напр., о дореволюционной бирже: НЕМИРОВ Г. А. Опыт истории С.-Петербургской биржи в связи с историей С.-Петербурга, как торгового порта. Вып. 4. СПб. 1893; [Анон.] Московская биржа. 1839--1889. М. 1889; НЕВЗОРОВ А. Русская биржа. Вып. 1--4. Юрьев. 1898--1901; ФИЛИППОВ Ю. Д. Биржа. Ее история, современная организация и функции. СПб. 1912.
2. Труды I Всесоюзного съезда представителей биржевой торговли. Стеногр. отч. М. 1923; Труды II Всесоюзного съезда представителей биржевой торговли. Т. 1-2. М. 1924; ЛЕЖАВА А. М. Государственное регулирование торговли и биржи. М. 1924; КРОН Ц. Природа и деятельность товарных бирж в СССР. Социалистическое хозяйство, 1924, № 4; МАМЧЕНКО М. Внутренняя торговля в СССР. М. 1925; БАК И. С. Биржа на Западе и в СССР. Харьков. 1926; НЕВЗОРОВ А. Советская товарная биржа. М. 1926; ШМИДТ К. А. Организация и практика биржевой торговли в СССР. М. 1927.
3. См. ШМИДТ К. А. Ук. соч., с. 17.
4. НЕВЗОРОВ А. Русские биржи. Юрьев. 1897. с. 45, 49-50.
5. Там же, с. 188-189.
6. Цит. по: ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 27, с. 334-335.
7. Банковская энциклопедия. Т. 2. Киев. 1916, с. 24.
8. См. ШМИДТ К. А. Ук. соч., с. 17.
9. ФИЛИППОВ Ю. Биржа в России. В кн.: ШТИЛЛИХ О. Биржа и ее деятельность. Прил. СПб. 1912, с. 335.
10. См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. (ПСЗ-3). Т. 22, отд. 1, ст. 21703; там же. Т. 20, отд. 1, ст. 18946; Свод законов Российской империи. Продолжение 1912 года. Ч. 7. Статьи к ч. 2, т. 11. Прил. к ст. 657, прим. 1.
11. См. ПСЗ-3. Т. 11, ч. 2, ст. 656--663, 692-713.
12. Например, «Правила для сделок по покупке и продаже иностранной валюты, финансов и акций на С.-Петербургской бирже», действовавшие перед первой мировой войной, были утверждены министром финансов 10 ноября 1907 года.
13. См. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 30, с. 126, 98.
14. См. ФИЛИППОВ Ю. Биржа в России, с. 339.
15. Цит. по: там же, с. 337.
16. См. ШМИДТ К. А. Ук. соч., с. 30.
17. Банковская энциклопедия. Т. 2. Биржа. Киев. 1916, с. 375.
18. Биржевое законодательство (Сборник постановлений, правил, циркуляров, разъяснений и др. о товарных и фондовых биржах СССР). М. 1925, с. 5.
19. Там же, с. 5, 8, 10, 11, 35.
20. Там же, с. 11-12.
21. «Совершенно недопустимым следует признать проявление некоторыми интрузиями попытки вмешательства в оперативную работу бирж в виде предварительного просмотра сделок, заключаемых на бирже, или последующий их контроль с требованием отмены заключенных сделок и пр., а также путем прямого вмешательства в построение котировальных цен», указывал Комитет внутренней торговли (там же, с. 12).
22. См. ШМИДТ К. А. Ук. соч., с. 37.
23. См. Биржевое законодательство, с. 24.
24. Там же, с. 369-370.
25. См. ШМИДТ К. А. Ук. соч., с. 39.
26. См. Биржевое законодательство, с. 428.
27. См. ШМИДТ К. А. Ук. соч., с. 146-147.
28. Биржевое законодательство, с. 23.
29. Там же, с. 61, 62.
30. См. там же, с. 14, 403.
31. ЛЕЖАВА А. М. Ук. соч., с. 26-28.
32. См. ЛЕВИ Д. Г. Условия активного влияния биржи на рынок (Доклад в Промышленно-Экономическом Совете ВСНХ).— Торговые известия, 6.I.1926.
33. См. ШМИДТ К. А. Ук. соч., с. 53.
34. См., напр., ГИЛЬФЕРДИНГ А. Финансовый капитал. Петербург. 1918. Главы о фондовой и товарной биржах.
35. См. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР, 1925, № 69, ст. 511.
36. См. там же, 1927, № 6, ст. 56.
37. См. там же, 1928, № 23, ст. 204; 1929, № 69, ст. 651; 1930, № 10, ст. 120.

Упразднение Ленинградского отделения Института истории АН СССР в 1953 году

В. М. Панеях

20 марта 1953 г. Президиумом Академии наук СССР было признано целесообразным упразднить Ленинградское отделение Института истории (ЛОИИ) АН СССР; 20 апреля 1953 г. дирекция этого Института приняла решение ликвидировать свое отделение в Ленинграде. Возникает вопрос: была ли эта акция закономерным этапом в политике партии по отношению к науке вообще, гуманитарным ее отраслям в частности?

Уже в 1918 г. Наркомат народного просвещения Союза коммун Северной области выступил с инициативой ликвидировать Академию наук и подобные учреждения как «совершенно ненужные пережитки ложно-классической эпохи развития классового общества»¹.

На одну из причин начавшегося сразу после Октябрьской революции преследования Академии наук указал в 1923 г. ее вице-президент В. А. Стеклов: «Зависть к успехам академии процветает в низших слоях так называемого ученого мира, особенно московского ... Эта зависть творит клевету и злословие»².

В 1926 г. М. Н. Покровский настаивал: «Должны быть перебраны одно за другим все учреждения, входящие в состав Академии, и относительно каждого должен быть поставлен вопрос: нужно ли оно?.. Нужно ли радикально реорганизовать, и в смысле личного состава и в отношении программы занятий, гуманитарное отделение Академии, или вовсе его прикрыть. С точки зрения экономии сил и средств последнее, конечно, было бы правильнее». Альтернатива, предложенная заместителем наркома просвещения, руководителем Коммунистической академии и Института красной профессуры, обосновывалась тем, что ученые в Академии наук «остались тем, чем были при царях», — а не стали строителями «социалистической культуры и социалистического общества»³. Особенно яростным нападкам Покровский подверг Музей антропологии и этнографии, Пушкинский Дом, Словарную комиссию и Археографическую комиссию. Все эти научные учреждения, как и Академия наук, находились тогда в Ленинграде.

Вместо предложенного Покровским «перебора» отдельных учреждений Академии наук был взят курс на огосударствление и большевизацию (по официальной терминологии — «окоммунизацию») по отношению ко всем учреждениям, где работали старые специалисты. В 1927 г. Совнарком СССР

Панеях Виктор Моисеевич — доктор исторических наук, зав. отделом древней истории России С.-Петербургского филиала Института российской истории РАН.

утвердил первый советский устав АН СССР, в январе — феврале 1929 г. в результате беспрецедентного ведомственного давления и газетной травли в ее состав была введена (хотя формально и путем выборов) группа членов партии, сразу же занявшая в ней руководящие посты. Параллельно шла чистка аппарата Президиума Академии наук.

Тогда же органы ОГПУ состряпали «академическое дело» (в печати его также называли «академическим делом Платонова - Тарле», «делом четырех академиков»). Были арестованы в 1929—1930 гг. более 115 историков, музееведов, краеведов, архивистов, этнографов, включая четырех академиков, нескольких членов-корреспондентов АН, сотрудников академических учреждений, работников ее аппарата. В 1931 г. во внесудебном порядке («тройка» Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе и коллегия ОГПУ) ряд арестованных был приговорен к ссылке, а большинство получило разные сроки заключения в лагерях; были и расстрелы ⁴.

Для исторической науки эта акция означала устранение из нее крупных ученых старших поколений, получивших образование до октября 1917 г., и ликвидацию тем самым так называемой буржуазной науки в расчете на создание советской исторической науки силами выучеников Коммунистической академии и институтов красной профессуры. Часть репрессированных ученых погибла в лагерях и ссылках, часть не вернулась к своей профессиональной деятельности. Те, кто уцелел и сумел вернуться в науку, поплатились не только здоровьем и тем, что многие из них до конца жизни подвергались преследованиям, но и моральной травмой, которая не позволяла им в полной мере использовать свой научный потенциал: все они жили под страхом новых арестов и высылки.

Особенно тяжелый удар был нанесен по коллективу ленинградских историков, поскольку большая часть арестованных была ленинградцами (из четырех арестованных академиков ими были трое — Н. П. Лихачев, С. Ф. Платонов и Е. В. Тарле). В лагерях и в ссылке оказалось подавляющее большинство представителей петербургской школы историков, которая сформировалась во второй половине XIX в. и наиболее полно воплотилась в университетском и академическом коллективах, сложившихся окончательно в десятилетие между революциями. А. Е. Пресняков определил ее характерную черту как «научный реализм, сказывавшийся прежде всего в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту вне зависимости от историографической традиции», в восстановлении прав источника и факта, получающих более полное и существенное значение вне подчинения их анализа какой-либо заранее установленной схеме, вне социологического догматизма, вредящего критическому отношению к источникам ⁵.

Петербургская школа противопоставлялась Пресняковым московской, по природе своей более идеологической, схематизирующей, у которой «материал, почерпываемый из первоисточников, не играл подобающей ему существенной роли» ⁶. Дело было также в различном, как отметил С. В. Чирков, «отношении историков к письменному памятнику и источнику и тех корнях исследовательской методики, которую можно обозначить как культуру исследования». При этом тщательно документированное изложение трудов петербуржцев, «где слово „не от источника“ расценивалось как слово от лукавого», противостояло намеренному затушевыванию историками-москвичами, особенно В. О. Ключевским, «огромной предварительной работы над источником». Художественно-исторический синтез москвичей противостоял скрупулезному документальному анализу петербуржцев ⁷.

Сочетание петербургской и московской школ придавало необходимое единство русской исторической науке, сохранявшей, несмотря на утраты конца 10-х — начала 20-х годов (от эпидемий и голода, эмиграции, начавшихся арестов), свой творческий потенциал. Разумеется, обе эти школы в целом не имели ничего общего с генерацией марксистских историков, взлелеянных учебными заведениями и научными учреждениями, создан-

ными под эгидой Покровского. После обескровливания московской школы и разгрома ленинградской именно это поколение выходит на авансцену и начинает определять направление развития советской исторической науки даже после дискредитации школы Покровского в середине 30-х годов.

Академическая часть ленинградских историков в первое десятилетие советской власти группировалась первоначально в Археографической и Постоянной исторической комиссиях, затем, после их слияния (1926 г.), — в Постоянной историко-археографической комиссии. Именно ее Покровский стремился ликвидировать прежде всего, заменив Комакадемией⁸. С 1925 г. в Ленинграде при Академии наук существовал также Музей палеографии (в 1930 г. преобразован в Музей книги, документа и письма). Когда председатель Археографической комиссии Платонов и директор Музея книги, документа и письма Лихачев после следствия, длившегося более года, отправились в ссылку (1931 г.), возглавлявшиеся ими учреждения были преобразованы соответственно в Историко-археографический институт и в Институт книги, документа и письма.

В начале 1936 г. путем слияния Историко-археографического института с Институтом истории Комакадемии создается Институт истории АН СССР, сразу переведенный в Москву. В Ленинграде же в марте 1936 г. создается небольшое по численности отделение Института истории, куда влились также Институт книги, документа и письма и Институт истории Ленинградского отделения Комакадемии. Примерно в то же время в Ленинграде прекратили свое существование все периодические издания по истории. Так завершилась «окоммунизация» исторических учреждений Академии наук, а обескровленная ленинградская школа историков попала в полное подчинение функционеров ЦК ВКП(б).

И все же, несмотря на репрессии, преследования и проработки в печати, эта школа историков полностью не угасла. В ЛОИИ продолжали работать академики Н. С. Державин, С. А. Жебелев, В. В. Струве и Е. В. Тарле, ряд других ученых, к ним подключились их ученики. Именно в небольшом коллективе ЛОИИ вскоре после окончания войны были подготовлены такие труды, как второй том академического издания «Правды Русской», «Судебники XV—XVI вв.», «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», монографии «Восстание Болотникова» И. И. Смирнова, «Очерки дипломатической истории русско-японской войны» Б. А. Романова, «Геродот» С. Я. Лурье, и др.

Эти достижения не стали, однако, препятствием для начавшейся с конца 1948 г. травли ленинградских ученых старшего поколения, являвшихся носителями традиций петербургской школы. Историческая кампания по искоренению буржуазного объективизма, космополитизма, «охота на ведьм», идеологические проработки затронули не только ленинградских историков. Но в отношении к ленинградцам сказывались давнее недоброжелательство и подозрительность властей. «Ленинградское дело» конца 40-х — начала 50-х годов было результатом этой подозрительности.

Травля ленинградских историков принимала различные формы. Появилась серия статей (В. Т. Папуто, Л. В. Черепнина и др.), призванных дискредитировать давно ушедших из жизни корифеев петербургской школы А. А. Шахматова, А. С. Лаппо-Данилевского, А. Е. Преснякова и др., а также здравствовавших ее представителей — С. Н. Валка, Б. А. Романова, С. Я. Лурье, А. В. Предтеченского. Выдвигались обвинения в противопоставлении Ленинграда Москве. Оно усматривалось, например, в самом признании факта существования петербургской школы, в стремлении выпятить роль Петербурга — Ленинграда в истории страны. Борьба с этими проявлениями «сепаратизма» приобретала порой курьезные формы⁹.

В 1950—1952 г. в ЛОИИ прошла серия увольнений, мотивированных главным образом «непригодностью» для работы в Академии наук по политическим соображениям. За два года было уволено около половины его научных сотрудников — 14 человек. Среди них оказались такие ученые старшего поколения, как В. Г. Гейман, С. И. Ковалев, Р. Б. Мюллер, С. Я. Лурье, О. Л. Вайнштейн, В. А. Петров, А. И. Болтунова, а также некоторые

молодые, например, О. А. Ваганов. Чистки эти велись под флагом борьбы с космополитизмом и с теми, «кто равнодушно относится к борьбе с враждебной идеологической системой, кому чужды основные задачи, стоящие перед советской наукой»¹⁰.

В результате было признано, что произошло «укрепление... коллектива Ленинградского отделения», поскольку принятые взамен уволенных сотрудники были моложе и, главное, «работают в области истории советского периода»¹¹. Из Ученого совета ЛОИИ были выведены такие ученые, как А. И. Молок, И. П. Петрушевский, С. И. Ковалев, А. Ю. Якубовский, У. А. Шустер, после чего в нем образовалось «партийное ядро в 7 человек» (из 16), и он мог «лучше контролировать и руководить научной работой». Все эти меры квалифицировались как «положительная работа по освежению кадров»¹².

Новый натиск на историческую науку начался с выступлений М. Д. Багирова и Ж. Шаяхметова на XIX съезде партии: журналу «Вопросы истории» и Институту истории были поставлены в вину ошибки при освещении национальных проблем. «Вопросы истории», утверждал автор статьи в партийном журнале¹³, внесли путаницу в проблемы «отнюдь не дискуссионные, давно решенные марксистско-ленинской наукой». Следствием этих нападков стало образование в начале 1953 г., согласно указанию ЦК партии, комиссии во главе с философом Ц. А. Степаняном для обследования Института истории с последующим обсуждением отчета о его работе на заседании Президиума АН СССР. Одновременно Отдел экономических и исторических наук и вузов ЦК КПСС проводил собственную проверку работы Института истории. По ее итогам Секретариатом ЦК КПСС была образована комиссия во главе с М. А. Суловым для подготовки и внесения в ЦК предложений «о мерах улучшения работы Института»¹⁴.

Институту истории ставилось в вину, что он не возглавил советских историков «в деле перестройки научной работы», что в нем «наблюдается стремление уйти от разработки и освещения актуальных проблем исторической науки», наконец, что допущены «серьезные ошибки в деле подбора, расстановки и подготовки кадров». В результате Институт оказался засоренным «людьми, политически сомнительными», исключенными «из партии за политические ошибки», привлекавшимися «в прошлом к судебной ответственности за антисоветскую деятельность», «примыкавшими ранее к меньшевикам, эсерам, бундовцам и др. враждебным партиям и группам»¹⁵.

В Институте к тому времени назрел внутренний кризис, вызванный сначала тяжелой болезнью, а затем уходом с много лет занимаемого поста директора акад. Б. Д. Грекова. А. Л. Сидоров, только что назначенный заместителем и вскоре ставший исполняющим обязанности директора, и член ЦК КПСС член-корр. АН СССР А. М. Панкратова в письме от 17 февраля 1953 г. секретарю ЦК Сулову и Румянцеву выдвинули программу, призванную выправить положение. Походя коснувшись перестройки плана работы, предусматривающей подготовку трудов по таким «актуальным проблемам», как «Вопросы исторической науки в свете гениального труда товарища Сталина „Экономические проблемы социализма в СССР“», «Сталинская мирная политика» и «Борьба с англо-американскими фальсификаторами исторической науки», они сосредоточили внимание на срочных мерах «по дальнейшему укреплению дирекции... и руководства важнейшими секторами».

Основным препятствием для «выполнения намеченных практических мероприятий» в письме было названо то, что «до недавнего прошлого дирекция целиком состояла из специалистов по ранним разделам истории феодализма». Авторы письма целили здесь лично в Грекова. За его спиной они просили направить в Институт в качестве заместителей директора работника Отдела науки ЦК Л. С. Гапоненко и зав. кафедрой Академии общественных наук при ЦК КПСС И. С. Галкина, а на должность заведующего сектором истории советского общества тогдашнего главного редактора Госполитиздата Д. А. Чугаева. В тот же сектор намечалось

привлечь полковников Г. Н. Голикова и Г. В. Кузьмина¹⁶. В письме Президента АН СССР А. Н. Несмеянова и ее главного ученого секретаря А. В. Топчиева Суслову от 21 марта 1953 г. эти просьбы были поддержаны, поскольку, по мнению руководителей Академии, «институт недостаточно обеспечен квалифицированными, марксистски подготовленными кадрами», а «подбор сотрудников и подготовка кадров ... до самого последнего времени проходили неправильно: основное внимание уделялось укомплектованию кадрами секторов, занимающихся изучением древней истории, феодализма и средних веков»¹⁷.

Возможно, ввиду отсутствия Грекова, вышедшего из недр Ленинградского отделения Института истории и обычно оказывавшего ему поддержку, основной удар было решено нанести по ЛОИИ. Этот шаг был направлен и против самого Грекова. Ведь в феврале — марте 1953 г. в вину именно ему было поставлено то, что за два года до этого он возражал против увольнения из ЛОИИ Болтуновой и Геймана, которые, впрочем, по настоянию ЦК были все же уволены Президиумом АН СССР¹⁸.

Итак, в феврале 1953 г. партийно-бюрократическая машина начала свои действия с целью компрометации ЛОИИ как научного учреждения в целом, и его ведущих сотрудников в частности. ЦК затребовал справки о состоянии кадров в отделении. Одна из них, цитированная выше, подписана заместителем директора Института и секретарем партбюро ЛОИИ, вторая — начальником управления кадров АН СССР С. И. Косиковым¹⁹, третья — секретарем Ленинградского обкома КПСС Н. Казьминым²⁰. Из одной справки в другую переходила фраза о том, что «состав научных работников Ленинградского отделения Института истории» является «особенно неудовлетворительным»²¹.

Доминирующий мотив справок один: в ЛОИИ много сотрудников, которые «имели проступки против Советской власти», «не внушающих политического доверия», «непригодных в деловом и политическом отношении», «сомнительных в политическом отношении». Те же обвинения содержатся и в докладных записках Румянцева и Лихолата Маленкову; Румянцева и Ю. Жданова Пегову; секретарей ЦК КПСС Сулова, Михайлова, зав. отделом ЦК Румянцева, президента АН СССР Несмеянова и ответственного работника ЦК Лихолата Маленкову; Румянцева Шаталину.

Во всех этих документах фигурировали одни и те же имена. Речь шла об известных ученых. Доктор исторических наук К. Н. Сербина оказалась негодна тем, что в «мае 1938 г. как жена репрессированного В. Н. Кашина была арестована и приговорена к 3 годам в трудовом исправительном лагере», хотя «в ноябре 1938 г. освобождена»²². Разумеется, ничего не сказано в докладных о ее самоотверженности во время блокады Ленинграда, где она сохранила ценнейший архив ЛОИИ, за что была награждена орденом Красной Звезды. Доктор исторических наук Д. П. Каллистов в 1928 г. «был подвергнут аресту и высылке в административном порядке» «по делу философского студенческого кружка в ЛГУ», но «в дальнейшем за работу на Беломорстрое досрочно освобожден». Кроме того, он «в ряде своих работ стоял на марриетских позициях». При этом было отмечено, что он «родственник акад. Б. Д. Грекова» и «родился в Варшаве»²³.

Доктор исторических наук Романов «в 1930 г. был арестован и осужден по т. н. «академическому делу», на пять лет» за участие в антисоветской организации «Всенародный союз борьбы за освобождение России» и «досрочно освобожден в 1933 г.»²⁴ Отмечено было и то, что в вышедшей в 1947 г. книге «Люди и нравы древней Руси» он представил «извращенное понятие о культуре Киевской Руси», а в феврале 1949 г. в ЛГУ на чествовании его в связи с 60-летием «дал ложную характеристику отношения общественности к старой профессуре»²⁵.

Кандидат исторических наук Ш. М. Левин, «будучи студентом, примыкал к взглядам интернационалистов», а согласно другой записке, «примыкал к меньшевикам-интернационалистам»²⁶. У доктора исторических наук Е. Э. Липшиц с 1928 г. в Париже «проживает ее дядя Карновский М. А.»²⁷. Доктор исторических наук Предтеченский то ли издавал «в 1918 г. газету

для Колчака», то ли «на территории, занятой Колчаком, занимался артистической деятельностью», а «в работах имел ошибки буржуазно-объективистского характера»²⁸.

Кандидат исторических наук А. И. Копанев «с 1941 по 1945 г. находился в плену у немцев», что соответствовало действительности, но в другом документе он обвинялся в том, что работал там переводчиком и, «выполняя поручения немецкой администрации..., собирал сведения и доносил немецко-фашистским захватчикам о советских гражданах, боровшихся против оккупационного режима»²⁹. А это была уже клевета, поскольку Копанев не проходил даже через советские фильтрационные лагеря и никогда не обвинялся органами безопасности в предательстве, о чем на запрос из ЛОИИ был дан недвусмысленный ответ.

Что касается организационных выводов из факта «засорения кадров» ЛОИИ, то в этом вопросе обнаружилось некоторые различия. Сидоров и Носов сообщали в ЦК: дирекция Института истории и партийная организация ЛОИИ, «учитывая эти данные биографий указанных сотрудников, но отмечая их деловые качества и научные труды, считают возможным в данное время использовать их на работе. В дальнейшем мы считаем целесообразным их постепенное замещение молодыми кадрами»³⁰. Секретарь же обкома Казьмин в письме Румянцеву ставит его в известность, что «руководству ЛОИИ... предложено в ближайшее время освободить от работы Копанева А. И.» (что сразу было исполнено) и просит заведующего отделом ЦК «поставить вопрос перед Президиумом АН СССР об освобождении от работы в ЛОИИ ... Сербиной, Левина, Романова и Каллистова»³¹.

Формулировкам решения комиссии ЦК партии был придан, как водится, более бесцветный характер. В записке Сулова, Михайлова, Румянцева, Несмеянова и Лихолата Маленкову предлагалось, чтобы Президиум АН СССР «в оперативном порядке» принял «меры по укреплению дирекции института и его ведущих секторов»; ему поручалось «пополнить состав научных сотрудников квалифицированными работниками, в первую очередь по истории советского общества, освободив от работы в институте лиц, не отвечающих требованиям, предъявляемым к работникам Академии наук»³².

В записке Румянцева Шаталину сообщалось, что «Президиуму АН СССР (тт. Несмеянову и Топчиеву) поручено принять оперативные меры по улучшению состава кадров и руководства Ленинградским отделением Института истории»³³. Однако омоложение кадров ЛОИИ, которое было произведено прежде (путем замены ранее изгнанных) и о котором одобрительно отзывались партийные инстанции, стало причиной того, что «значительная группа сотрудников» отделения «в течение длительного времени не дает печатных научных работ»³⁴.

На состоявшемся 20 марта 1953 г. заседании Президиума АН СССР был рассмотрен вопрос «О научной деятельности и состоянии кадров Института истории АН СССР». После доклада Сидорова, содоклада Степаняна и прений было принято постановление³⁵. В нем отмечалось, что «в целом работа Института истории не соответствует задачам, поставленным перед советской исторической наукой гениальными трудами И. В. Сталина и решениями XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза»; что в работах Института дается «неправильное освещение... прогрессивного значения присоединения нерусских народов к России, характера национальных движений»; что в Институте «нет должной бдительности по отношению к враждебным к марксизму-ленинизму концепциям и „точкам зрения“, а, напротив, «имеет место терпимое отношение к идеологическим ошибкам».

Основной удар в постановлении наносился по ЛОИИ: «Особенно неудовлетворительным является состав научных сотрудников Ленинградского отделения Института истории. Несмотря на отчисление в последние два года значительного числа сотрудников, непригодных для работы в Академии наук СССР (Лурье, Мюллер, Гейман, Болтунова и др.), в Ленинградском отделении находится еще немало лиц, не отвечающих требованиям Академии наук СССР (А. И. Копанев³⁶, Б. А. Романов, О. М. Тонкова,

П. В. Соловьев и др.) ... Немногочисленные работы, подготовленные Ленинградским отделением, подверглись серьезной критике в печати (работы Валка, Предтеченского и др.). Большинство сотрудников Отделения имеет узкую квалификацию и не может быть использовано для разработки актуальных проблем исторической науки. Две трети сотрудников являются специалистами по истории феодализма и древнего мира».

Таким образом, ведущие ученые объявлялись не соответствующими академическим требованиям. Их квалификация — препятствием для решения актуальных научных задач. Выполненные в ЛОИИ работы опорочивались, хотя некоторые из их авторов были лауреатами Государственных премий. Неверным было определение доли специалистов по истории феодализма и древнего мира в составе ЛОИИ (она едва достигала половины).

Недобросовестной оценке положения в ЛОИИ соответствовало решение Президиума АН СССР: «В целях сосредоточения кадров и улучшения организации работы Института истории считать целесообразным упразднить Ленинградское отделение Института истории, оставив в г. Ленинграде лишь Архив Института». В статье, опубликованной по поручению ЦК КПСС, Панкратова, обосновывая это решение, утверждала: «В течение многих лет бесконтрольно и бесплодно работало Ленинградское отделение Института истории»³⁷.

Реализуя постановление Президиума АН СССР, дирекция Института истории на заседании 16 апреля 1953 г. решила «с 20 апреля с. г. ликвидировать Ленинградское отделение, предупредив всех сотрудников о предстоящей ликвидации». Из «бывшего ЛОИИ» на работе в Институте истории были оставлены, кроме Е. В. Тарле, И. И. Смирнов, В. В. Струве, М. П. Вяткин, М. В. Левченко, С. Н. Валк, С. С. Волк, Б. М. Кочаков, Н. В. Киреев, Э. Э. Крузе, Ш. М. Левин, Н. Е. Носов и И. А. Бакланова (со временным проживанием в Ленинграде). В отношении их было решено «считать необходимым в течение 1953 г. принять меры к переводу ... из Ленинграда в Москву».

В штат Архива «из бывшего ЛОИИ» переводились А. Г. Маньков, В. И. Рутенбург, Б. А. Романов, Г. Е. Кочин, Т. М. Новожилова и З. Н. Савельева. Из Института были отчислены Д. П. Каллистов, А. В. Предтеченский, К. Н. Сербина, М. Е. Сергеенко, В. Е. Бондаревский, М. С. Иванов, Е. Э. Липшиц, З. В. Степанов, Р. М. Тонкова, С. И. Луппов, А. В. Паевская, В. И. Садикова, В. Ф. Варфоломеева и Е. И. Маслова.

Так прекратил свое существование коллектив, немало сделавший для развития исторической науки. Чтобы отвести от себя гнев партийного начальства, руководство Академии и Института истории принесло в жертву целое научное учреждение. Ход дела не изменили даже события, связанные со смертью Сталина. Ведь все ленинградское в глазах высших партийных органов после «Ленинградского дела» все еще продолжало оставаться заведомо подозрительным.

Разгром академического учреждения ленинградских историков нанес ущерб всей отечественной историографии. Партийно-бюрократическая машина проехала по судьбам конкретных людей — ученых, лишившихся работы или, в лучшем случае, вырванных из сложившегося творческого коллектива. Упразднение ЛОИИ было результатом многолетней дискриминационной практики, направленной против ленинградской школы историков и академических учреждений, ее олицетворяющих. Политическая конъюнктура начала 50-х годов оказалась как нельзя более благоприятной для реализации этой политики.

Само собой разумеется, ликвидация ЛОИИ болезненно воспринималась его бывшими сотрудниками. Показательны в этом плане письма Романова друзьям и коллегам. «Начался новый период в судьбе Института истории, — писал он Е. Н. Кушевой, — да и исторической науки. Выражение „засилье грековской школы“, думаю, надо переводить не дословно, смысл в том, что Б. Д., делая свое дело в области древностей, делая его успешно, поддерживал и кадры, которые несли работу в этой сфере, а что касается времен новых, то, не мешая, умывал руки и предоставлял другим (кому?)

делать это дело (и оно, конечно, не клеилось). Это умывание рук приводило и приводит в бешенство. И немудрено. Политика невмешательства не может почитаться у нас нейтральной. И вот результат! Но все же это явление не местное, а всесоюзное»³⁸.

Позднее, обращаясь к тому же адресату, Романов пишет: «В Ленинграде с научным производством в области истории дело покончено. Оно централизовано в Москве. Это вопрос общегосударственный, в частности, бюджетный, не нашему брату судить о целесообразности „упразднения“ (уж очень знакомый термин выбран для обозначения того, что сделано с ЛОИИ: его очень любил покойный Михаил Евграфович) ... Мне кажется, что тут мы имеем довольно глубокие корни — растение, которое вышло наружу сейчас на историческом огороде, завязалось несколько лет назад в виде Академии общественных наук. К тому оно и предназначалось, чтобы сменить старую (советскую однако же!) „школу“. Как Вы знаете, это — не первый опыт применения большого плуга. Это дорогостоящее удовольствие. Но мы же и живем в эпоху „экскаваторов“. К тому же и момент (в конъюнктурном смысле) уж очень подходящий»³⁹.

В другом письме Кушевой Романов продолжает: «Решение о нашем учреждении носило открыто репрессивный характер и задумано было в этом плане давно. Оно рассчитано на физическое уничтожение здешних работников в порядке более или менее ускоренного доживания»⁴⁰. Осенью 1953 г. он как бы подытоживает свои размышления: «Тяжелая сторона была в том, что это факт — учреждение и коллектив убиты наповал и непоправимо»⁴¹. Наконец, тогда же он высказывается относительно обвинения ЛОИИ в бесплодии: «Ничего не изменится в наших здесь судьбах: мы прокляты и отлучены ни за что ни про что... по-видимому, к удовольствию избранных. Конечно, было бы хорошо, если бы на наших трупах выросли новые всходы в Москве. Но для этого надо верить в чудеса, к чему я с детства не приучен. Менделеевых там я не вижу. А что произойдет от охотников обвинять нас в бесплодии по случаю собственного бесплодия — сказать не берусь. Это уже дело будущих историографов — произвести итог происходящей смене двух „эпох“»⁴².

Лишь через год ошибочность административных санкций, направленных против ЛОИИ, была признана, и в начале 1956 г. отделение было восстановлено. Однако воссоздание его коллектива затянулось на многие годы — настолько велик был ущерб, нанесенный ему в 1953 году.

Примечания

1. Вестник народного просвещения Союза коммун Северной области, 1918, № 6—8, с. 20.
2. СТЕКЛОВ В. А. Переписка с отечественными математиками. Воспоминания. Л. 1991, с. 293.
3. ПОКРОВСКИЙ М. Н. К отчету о деятельности Академии наук за 1926 г. В кн.: Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М. СПб. 1992, с. 592, 586.
4. ПЕРЧЕНОК Ф. Ф. «Дело Академии наук». — Природа, 1991, № 4; е г о ж е. Академия наук на «великом переломе». В кн.: Звенья. Вып. 1. М. СПб. 1991.
5. ПРЕСНЯКОВ А. Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Велико-русского государства». Пг. 1920, с. 6; е г о ж е. Образование Велико-русского государства XIII—XV столетий. Пг. 1918, с. 25—26.
6. ПРЕСНЯКОВ А. Е. Речь перед защитой, с. 6.
7. ЧИРКОВ С. В. Археография и школы в русской исторической науке конца XIX — начала XX в. В кн.: Археографический ежегодник за 1989 год. М. 1990, с. 21—27.
8. Пять «вольных» писем В. И. Вернадского сыну. В кн.: Минувшее. Исторический альманах. Вып. 7. Париж. 1989.
9. Готовившееся в ЛОИИ многотомное исследование по истории города от его возникновения до современности было решено назвать «Очерками истории Ленинграда» — в отличие от «Истории Москвы», издававшейся в то же время.
10. Доклад зав. ЛОИИ М. П. Вяткина на общем собрании сотрудников ЛОИИ 12 марта 1953 г. (стенограмма хранится в делах ученого совета ЛОИИ).

11. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 133, д. 303, л. 147. Справка о состоянии научных кадров ЛОИИ по состоянию на 10 февраля 1953 г. за подписью зам. директора Института истории АН СССР А. Л. Сидорова и секретаря партбюро ЛОИИ Н. Е. Носова, 12 февраля 1953 года.
12. Там же, л. 147–148.
13. МАКСИМОВ Л. О журнале «Вопросы истории». — Большевик, 1952, № 13.
14. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 133, д. 303, л. 142. Докладная записка А. М. Румянцева и Ю. А. Жданова секретарю ЦК КПСС Н. М. Пегову.
15. Там же; докладная записка зав. отделом ЦК КПСС Румянцева и ответственного работника отдела А. В. Лихолата секретарю ЦК КПСС Г. М. Маленкову (там же, л. 24–30).
16. Отечественные архивы, 1992, № 3, с. 65–66.
17. Там же, с. 66–67.
18. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 133, д. 303, л. 140. Докладная записка Румянцева и Жданова секретарю ЦК КПСС Н. М. Пегову, 27 февраля 1953 г.; там же, л. 139. Докладная записка Румянцева секретарю ЦК КПСС Н. Н. Шаталину, 14 марта 1953 года.
19. Там же, л. 157–160. Докладная записка Косикова Отделу экономических и исторических наук и вузов ЦК КПСС (А. В. Лихолату), 25 февраля 1953 года.
20. Там же, лл. 155–156. Докладная записка Казьмина Румянцеву, 21 февраля 1953 года.
21. Там же, л. 28.
22. Там же, л. 150; ср. л. 28, 155, 158. В одной из докладных Капин назван меньшевиком (л. 159), а в другой эсером (л. 142).
23. Там же, л. 150, 158.
24. Там же, л. 151, 158. Согласно следственному делу, название этой придуманной ОГПУ организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России».
25. Там же, л. 159.
26. Там же, л. 151, 141.
27. Там же, л. 158.
28. Там же, л. 28, 158.
29. Там же, л. 139, 142, 158.
30. Там же, л. 151.
31. Там же, л. 156.
32. Там же, л. 72.
33. Там же, л. 139.
34. Там же.
35. Архив Российской АН, ф. 2, он. 6а, д. 103, л. 66–101.
36. Он к тому времени был уже уволен из ЛОИИ.
37. ПАНКРАТОВА А. Насущные вопросы советской исторической науки. — Коммунист, 1953, № 6, с. 57.
38. Архив С.-Петербургского филиала Института российской истории РАН, ф. 298, оп. 1, д. 173. Б. А. Романов — Е. Н. Кушевой, 8 апреля 1953 года.
39. Там же. Романов — Кушевой, 25 апреля 1953 года.
40. Там же. Романов — Кушевой, 17 июня 1953 года.
41. Там же. Романов — Кушевой, 21 октября 1953 года.
42. Там же. Романов — Кушевой, 7 ноября 1953 года.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Анатолий Васильевич Луначарский

Тимоти О'Коннор

А. В. Луначарский (1875—1933) — одна из сложных и противоречивых фигур в русской истории XX века ¹. Прекрасно образованный, эрудированный, интеллигентный, имеющий широкий круг интересов в области литературы и искусства, он был одним из ярчайших русских представителей западного просвещения. Видный член большевистской фракции РСДРП до 1917 г., он казался самой подходящей фигурой для того, чтобы возглавить Комиссариат просвещения (Наркомпрос) в новом советском правительстве. Луначарского гораздо больше интересовала культура и образование, чем политика: он называл себя «поэтом или философом» Октябрьской революции ². Хорошо знающий несколько европейских языков, плодовитый поэт и драматург, он бесспорно являлся лучшим оратором среди большевиков после Л. Д. Троцкого. Многие современники Луначарского называли его интеллигентом среди большевиков и большевиком среди интеллигентов. Как комиссар Наркомпроса он пытался сделать беспартийную интеллигенцию частью советского общества и таким образом перепахнуть ту пропасть, которая отделяла интеллигенцию от масс в русском обществе в конце XIX и начале XX века.

На нем лежала огромная ответственность как на комиссаре просвещения в период с 1917 по 1929 г. — он отвечал за все, что делало советское правительство в области культуры и образования. При многих положительных качествах Луначарского в его характере были явные слабости, недостатки, иногда он допускал просчеты, серьезно сказывавшиеся на работе. Он был плохим администратором и предпочитал писать пьесы или сочинять стихи, а не заниматься скучными практическими делами своего комиссариата. Он не любил кропотливой работы и в интеллектуальном плане был небрежен и недостаточно собран. Хотя коммунисты были довольны, что человек с таким образованием и способностями руководил советской культурой, но положение его в коммунистической партии было достаточно изолированным. Он никогда не был членом ЦК или Политбюро, что говорит об отсутствии у него политической власти. Без сомнения, Наркомпрос страдал от того, что его глава не имел влияния в партийных кругах ³. Вскоре после революции М. И. Калинин заметил: «Рекомендация Луначарского не имеет никакого значения: она так же бесполезна, как любая рекомендация, которую я мог бы дать вам. Совсем другое дело, если бы вы могли сослаться на товарища Сталина» ⁴. При своих разносторонних спосо-

О'Коннор Тимоти — профессор истории университета Северной Айовы (США).

бностях он мог претендовать на более важный пост. Назначение руководителем Наркомпроса отражало не только его собственные пристрастия, но и ту незначительную роль, которую он играл в партийных делах. Более того, многие коммунисты сомневались в его преданности и надежности, т. к. он был близок к кругам беспартийной интеллигенции и имел «отклонения и увлечения»⁵.

Кроме того, трудно понять точно взгляды Луначарского на некоторые ключевые вопросы — например, на Пролеткульт, на цензуру и свободу слова, на роль искусства и художника в социалистическом обществе и на взаимодействие культуры и политики. Хотя он был плодовитым писателем, но количество не всегда гарантировало высокое качество. Он считался одним из ведущих литературных критиков своего времени, но его критические статьи и обзоры часто были написаны торопливо и небрежно или даже просто продиктованы стенографистке без последующей редакторской правки, грешили неточностями. Вряд ли его можно причислить к поэтам первого ранга; многие его пьесы не были бы поставлены на сцене, если бы он не был главой Наркомпроса; кроме того, его поддержка беспартийной интеллигенции была непоследовательной и в конечном итоге зависела от политических обстоятельств. Апостол терпимости, как его называли, не всегда проявлял терпимость к старой интеллигенции.

Исследователи уделяли много внимания его деятельности как главы Наркомпроса⁶. Существует большое количество исследований, посвященных его философским трудам, особенно идее богостроительства, его пьесам и поэзии, а также работам как театрального и литературного критика⁷. Но в целом участие Луначарского в революционном движении подробно не изучено. Делались и попытки создания его биографии, но объективное изучение его жизни с привлечением документальных материалов еще впереди.

Родился А. В. Луначарский в Полтаве в 1875 году. После смерти отца в 1885 г. мать с семьей переехала в Киев. Анатолий учился в Первой киевской гимназии, где попал под влияние студентов университета, увлеченных народничеством и марксизмом. Он принимал участие в работе радикальных кружков, получивших распространение среди гимназистов в конце 1880-х — начале 1890-х годов. Заинтересовавшись идеями народничества, затем он обратился к марксизму. Будучи гимназистом 7-го класса, он вел революционную пропаганду среди ремесленников и железнодорожных рабочих. Его ценили за знание марксистской литературы и умение общаться, но его интеллигентные манеры казались неподходящими для нелегальной конспиративной работы.

Для завершения своего образования Луначарский решил поехать в Западную Европу, как это делали многие молодые русские дворяне и интеллигенты. В 1895 г. он поселился в Цюрихе, где посещал лекции Р. Авенариуса по психологии и записался на два его семинара по философии и биопсихологии. Луначарский увлекся концепцией эмпириокритицизма, выдвинутой Авенариусом, — одним из философских ответвлений позитивизма (этой концепции придерживался и Э. Мах). В своей работе «Критика чистого разума» Авенариус отвергал дуализм разума и материи и утверждал, что опыт является всеобъемлющим. И Авенариус, и Мах отказывали марксистам в праве на абсолютную истину, они считали, что наука имеет дело лишь с относительными гипотезами. Но все же они оценивали марксизм как «гипотетический миф», побуждающий людей к действиям. Эта интерпретация оказала сильное влияние на Луначарского и послужила основой в разработке им идеи богостроительства.

В 1896 г. Луначарский прервал свои занятия, переехав сначала в Италию, затем во Францию. В Россию он вернулся в 1898 г. и в Москве вступил в революционный кружок А. И. Елизаровой-Ульяновой, старшей сестры В. И. Ленина. Впервые Луначарский был арестован 13 апреля 1899 г., но за неимением достаточных улик его освободили, выслав в Киев, где жила его мать.

24 мая Луначарский был арестован снова в ходе дальнейшего следствия

по революционному кружку Елизаровой-Ульяновой. Его перевезли в Москву и несколько месяцев он провел в Таганской тюрьме. Во время следствия стало ясно, что он не играл ведущей роли в кружке, а занимался в основном марксистской агитацией среди московских рабочих. 8 октября его освободили из тюрьмы, запретив проживание в Москве. Обосновался он в Калуге, где находился под надзором полиции до вынесения приговора по участию в кружке Елизаровой-Ульяновой. Вместе с другими революционерами, такими, как А. А. Богданов, И. И. Скворцов-Степанов и В. А. Базаров, он вел марксистскую пропаганду среди железнодорожных рабочих Калуги, школьных учителей и рабочих на фабрике Д. Д. Гончарова ⁸.

Весной 1900 г. Луначарскому разрешили съездить к матери в Киев. Он приехал 8 апреля, но вскоре, 29 апреля, был арестован как участник собрания Киевского комитета РСДРП. Луначарский протестовал против ареста, заявив, что вечером 29 апреля они обсуждали сочинения норвежского драматурга Генрика Ибсена, не имеющие ничего общего с политикой. Присутствующие также доказывали, что собрание преследовало литературные, а не политические цели. Луначарский провел месяц в тюрьме. В ходе следствия было установлено, что собрание 29 апреля действительно было литературным, но была отмечена «общая политическая неблагонадежность» Луначарского ⁹.

30 июня он вернулся в Калугу, где оставался под надзором полиции, ожидая приговора по участию в революционном кружке Елизаровой-Ульяновой. Наконец 15 мая 1902 г. царское правительство вынесло приговор: ссылка сроком на 2 года в Вятскую губернию. Но еще в феврале он обосновался в Вологде после того, как получил письмо от Богданова, который убеждал просить о переводе из Калуги. В июне Луначарский узнал, что по приговору ему определена Вятская губерния. Он немедленно попросил разрешение отбывать ссылку в Вологде; Министерство внутренних дел дало согласие ¹⁰.

Луначарский встретил в Вологде хорошо организованную колонию ссыльных революционеров, многие из которых были ему знакомы по киевскому подполью. Богданов был здесь с 1901 года. Луначарский вел здесь философские диспуты с выдающимся философом и религиозным мыслителем Н. А. Бердяевым. 1 сентября 1902 г. Луначарский женился на сестре Богданова, А. А. Малиновской (она была его женой до 1925 г., когда он женился на Н. А. Розенель, урожденной Сац).

В результате разногласий с губернатором А. А. Лодыженским Луначарский был вынужден в марте 1903 г. переселиться в г. Тотьму Вологодской губ., где и жил до окончания своей ссылки в мае 1904 г., продолжая заниматься революционной деятельностью. Вернувшись в Киев, он сотрудничал в газетах «Киевские отклики» и «Русская мысль», участвовал в Киевском литературно-художественном обществе, членом которого был прежде, кроме того, активно работал в Киевском комитете РСДРП ¹¹.

В Киеве Луначарский оставался до осени, когда по предложению Богданова он эмигрировал в Париж, где хотел исследовать причины постоянных внутренних разногласий, существовавших в РСДРП, кульминацией которых был раскол на большевиков и меньшевиков на II съезде в 1903 году. Луначарский стал воинствующим большевиком не столько потому, что он был согласен с Лениным, сколько из-за убеждения, что компромиссы и оппортунизм меньшевиков уничтожат революционное движение. Однако это решение было для него нелегким в значительной степени из-за его личных добрых отношений с Г. В. Плехановым и П. В. Аксельродом, с которыми он познакомился в Цюрихском университете.

При встрече Ленина и Луначарского в Париже в декабре 1904 г. они обсуждали издание новой большевистской газеты, которая должна была нейтрализовать «Искру», находившуюся в то время под контролем меньшевиков. «Вперед», первая нелегальная большевистская газета, появилась в Женеве 22 декабря. В начале этого же месяца Луначарский переехал туда, чтобы работать в редколлегии, в которую входили В. И. Ленин,

А. А. Богданов, В. В. Воровский и М. С. Ольминский. Ими было выпущено 18 номеров, последний из которых вышел 5 мая 1905 года.

Луначарский присутствовал на III съезде РСДРП в апреле 1905 г., но не играл там заметной роли. После съезда состояние здоровья вынудило его уехать лечиться в Италию. Революция 1905 г. прервала лечение во Флоренции. В октябре он вернулся в Россию и поселился в Петербурге, где вошел в состав редколлегии легальной большевистской газеты «Новая жизнь», пока это издание не закрыли в декабре, затем в «Вестнике жизни». В конце декабря полиция арестовала его за пропаганду марксизма среди рабочих.

В начале 1906 г. Луначарский был освобожден из тюрьмы. После этого он часто ездил в Финляндию для участия в конференциях и собраниях, которые объединяли революционеров всех фракций и партий, противостоящих царизму и политике недавно созданной Государственной думы. В записях охраны отмечено, что он был способным оратором и в своих выступлениях призывал Думу к большей политической активности¹².

Хотя в 1906 г. Луначарский был еще активно занят большевистской работой, но после поражения революции для него стало значительно сложнее эффективно работать в России. Для интеллигенции в этот период были характерны потеря веры в радикализм, разочарование, попытки пересмотреть прежнее теоретическое понимание революции. Постепенно правительство пришло в себя и начались аресты оставшихся в стране революционеров. Чтобы избежать нового тюремного заключения, Луначарский бежал за границу в начале 1907 г. с намерением поселиться в Италии. По пути в Италию он ненадолго остановился в Берлине, где находилась довольно значительная колония русских эмигрантов. Из-за своей территориальной близости к России и мощному влиянию социал-демократической партии Германии (СДПГ), Берлин привлекал многих русских революционеров, скрывающихся от царской полиции. В августе Луначарский посетил Штутгартский конгресс II Интернационала как представитель большевиков. В это время он стал «ведущим представителем» европейского синдикализма — теории, которой очень увлечены были русские революционеры после революции 1905 года. На этом конгрессе он подчеркнул, что «синдикализм мог бы отвлечь рабочих от профсоюзов»¹³.

Когда Луначарский покинул Россию, ему было 32 года. Он был уже профессиональным революционером, пережил аресты, заключение и ссылку. Внешне он ничем не напоминал типичного революционера: скорее это был серьезный молодой ученый, увлеченный интеллектуальными занятиями, а не свержением царского режима. Зарабатывал он на жизнь журналистикой: сотрудничал в русских газетах, готовил статьи по западноевропейскому искусству, литературе и театру. Критика им Думы и его убеждение, что Дума не представляет интересов рабочих, были в это время характерны для его политических воззрений.

Соглашаясь с Богдановым, под влиянием которого он находился, Луначарский расходился по вопросам революционной тактики с Лениным, после некоторых колебаний поддержавшим бойкот выборов в I Думу. Но на IV съезде РСДРП в Стокгольме в апреле 1906 г. Ленин переменял свою позицию и в дальнейшем призывал социал-демократов принять участие в выборах в Думу. Он считал, что новая революционная ситуация может не возникнуть в течение долгого времени. В этих условиях РСДРП будет вынуждена использовать легальные средства, в том числе участие в Думе, чтобы критиковать правительство и разоблачать то, что он называл «поддельным конституционализмом».

Богданов и Луначарский вместе с теми, кого Ленин именовал «отзовистами и ультиматистами», отвергали возможность работы в Думе для РСДРП. Левые большевики отрицали и другие легальные средства борьбы против царизма, считая, что агитация и пропаганда среди рабочих — лучший метод для подготовки будущей революции, которая, по их мнению, была неизбежной. Большевики антиленинского направления призывали бойкотировать выборы в Думу и сосредоточиться исключительно на нелегальной революционной деятельности. Намечавшийся

раскол в Большевицском центре обострился из-за финансовых дел. Политический и финансовый конфликт затрагивал в основном Ленина и Л. Б. Красина. Вскоре появилась и третья составляющая в этой драме Большевицкого центра. На этот раз главными конфликтующими сторонами были Богданов и Ленин. Луначарский участвовал в конфликте лишь косвенно и не играл в нем значительной роли.

При создании Большевицкого центра Богданов и Ленин договорились между собой: не обсуждать публично марксистскую философию и создать политический союз. Когда Богданов и Плеханов начали яростно дискутировать по проблемам теории познания, большевики приняли решение, что данный вопрос для них непринципиален. На практике же эту договоренность начали игнорировать. В 1904 -1906 гг. Богданов опубликовал свой трехтомный труд «Эмпириомонизм», где он, основываясь на эмпириокритицизме Авенариуса и Маха, подвергал пересмотру взгляды Маркса и Энгельса, утверждая, что марксистская теория познания была неполной. Отделяя культуру от экономики и политики, он заявлял, что каждая развивается независимо друг от друга. Он ставил культурные изменения выше перемен в экономике и политике, и соединял социализм с пролетарской культурой. Богданов полагал, что рабочие под руководством новой интеллигенции, которая выйдет из среды пролетариата, создадут свою собственную культуру, и выступал против пассивного принятия любого культурного наследия прошлого. Богданов был убежден, что в реальной жизни нельзя использовать лишь одну теорию, что идеология, включающая в себя не только классовые интересы, может преобразовать мир. Его взгляды нашли значительную поддержку среди большевиков, особенно у Горького и Луначарского. Все трое выделяли именно эмоциональную, этическую часть марксистских идей¹⁴.

В начале 1908 г. Богданов из Женевы переехал к Горькому на Капри. Хотя 11 февраля редколлегия журнала «Пролетарий» вновь единодушно приняла решение публично не обсуждать философский материализм, дискуссия по вопросам теории познания между Богдановым и Лениным стала острее и откровеннее. К апрелю, когда Ленин приехал на виллу Горького на Капри, где жили Богданов, Луначарский и Горький, отношения Богданова и Ленина были напряженными.

Споры на Капри были ожесточенными. Ленин считал полностью неприемлемым третий том «Эмпириомонизма» Богданова, вышедший в свет в 1906 году. Кроме того, Ленин спорил с Горьким и Луначарским по богостроительству, особенно в связи с тем, что только что вышел из печати в Петербурге первый том работы Луначарского «Религия и социализм» (второй том вышел там же в 1911 г.). Надежды Горького не оправдались, и приезд Ленина на Капри не только не разрешил разногласий, но еще больше их обострил. Впоследствии Ленин постоянно утверждал, что он защищает подлинную марксистскую теорию от ревизиониста Богданова и его последователей, представив свою версию марксизма как единственно верную.

21—27 декабря 1908 г. Пятая общероссийская конференция РСДРП собралась в Париже. Хотя в октябре многие большевики во главе с Красиным, Богдановым, Луначарским, Шанцером и Алексинским хотели выдвинуть ультиматум социал-демократам в III Думе, требуя от них подчиниться ЦК партии, конференция все же призвала к поддержке социал-демократов, работающих в Думе. В апреле 1909 г. Ленин продолжал свое наступление на левых большевиков, опубликовав в Москве свой «Материализм и эмпириокритицизм», над которым он работал в течение года. Эта основная работа по философскому материализму (хотя это скорее полемика, а не философия), была его ответом Богданову и Луначарскому. Для Ленина, претендующего на роль непререкаемого авторитета по марксизму, «Материализм и эмпириокритицизм» стал интеллектуальной основой.

В июне в Париже собралась расширенная редакция «Пролетария». Редколлегия во главе с Лениным присвоила себе право назначать и убирать членов не только Большевицкого центра, но и большевицкой фракции

в целом. Небольшим большинством голосов Ленин объявил большевиков — сторонников Богданова вне фракции. Ленинцы, такие как Н. К. Крупская, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, А. И. Рыков, М. П. Томский, осудили сторонников бойкота, отзовизма, ультиматизма и богостроительства. Луначарского они критиковали за его теорию богостроительства и потребовали от него порвать со сторонниками Богданова, но из фракции он исключен не был. Однако осенью 1909 г. газета «Утро России» напечатала статью, где утверждалось, что Луначарский, Горький и другие большевики были выброшены из РСДРП. Придя в ярость, Луначарский написал краткое опровержение в газету «Киевская мысль». Он назвал журналистов «Утра России» безответственными и обвинил их в публикации фальшивки¹⁵. В августе левые большевики основали на Капри Первую высшую социал-демократическую пропагандистско-агитационную школу для рабочих. Главными организаторами были Горький, Богданов, Луначарский и Алексинский.

В декабре несколько левых большевиков за границей, в том числе Луначарский, создали группу «Вперед» в РСДРП и основали журнал под тем же названием. Для утверждения своей преемственности с большевизмом они взяли имя первой нелегальной большевистской газеты, которая была основана Лениным и Богдановым в декабре 1904 года. Богданов официально объявил о создании группы в письме Центральному комитету партии от 28 декабря 1909 года. К письму прилагалась копия манифеста «Вперед», опубликованного без даты в Париже. Богданов продолжал обвинять ленинцев, что они действовали в июне как диктаторы и что именно они, а не большевики-богдановцы, отошли от истинного большевизма. Группа «Вперед» всемерно поддерживала нелегальную тактику борьбы против царского правительства, но воздерживалась от осуждения всех легальных средств борьбы, утверждая, что любые обобщения опасны и в «каждой конкретной ситуации надо решать», какие методы будут предпочтительнее¹⁶. Между ноябрем 1910 г. и мартом 1911 г. действовала вторая партийная школа в Болонье, организованная группой «Вперед».

Считается, что группа «Вперед» не была едина теоретически. Но участники группы не были единодушны и политически. Существовали значительные разногласия между членами группы «Вперед», с одной стороны, и сторонниками бойкота, отзовизма и ультиматизма — с другой. Более того, не все левые большевики присоединились к группе. Например, Красин не был ее членом. Отсутствие единства в группе мешало ее существованию как отдельной фракции в РСДРП. Но все же им удалось сохраниться и до 1917 г. выпускать свою периодику. Такая группа не могла иметь большого числа последователей в России. Тактика «Вперед» была непопулярна среди многих социал-демократов, которые считали, что в данной обстановке сосредоточиться исключительно на нелегальной революционной работе было нереально¹⁷. Луначарский был вынужден признать, что группа не имела большой поддержки в РСДРП, ее влияние распространялось лишь на небольшое количество местных организаций — в Московской области, в С.-Петербурге, в Одессе и особенно в Тифлисе. Организованная сторонниками Ленина весной 1911 г. партийная школа в Лонжюмо (под Парижем) также нанесла удар по усилиям группы «Вперед» найти поддержку в России.

Выдвинутая Луначарским идея богостроительства вносила дополнительный разброд в группу. Богостроительство обычно определяется как «религиозный атеизм», т. е. как попытка выразить марксизм посредством суррогата религии и дать альтернативу обещанному христианством вечному спасению праведников. Как модель большевистского утопизма богостроительство предлагало «войти в землю обетованную на земле», приняв социалистическое сознание¹⁸. Это была не просто вульгарная попытка заменить утвержденную религию марксизмом. Это движение включало в себя целое мировоззрение и вместе с другими большевистскими утопическими идеями стремилось представить будущее коммунистическое общество, — то, чего не сумели сделать Маркс и Энгельс.

Богостроительство появилось как следствие поражения революции

1905 года. Основными представителями этого движения были Луначарский и Горький. (Нельзя согласиться с исследователями, утверждающими, что Богданов и Красин были последователями богостроительства¹⁹. Каждый из них развивал утопические модели коммунизма, иногда они объединялись с Луначарским и Горьким против Ленина, но идея богостроительства была им чужда.)

Луначарский в значительной степени положил начало этому движению своим двухтомным трудом «Религия и социализм», в котором более всего его интересовали религиозные поиски и стремления человечества освободиться от имеющейся зависимости от природы и сверхъестественного. По его мнению, марксизм был кульминацией этого поиска, стремлением передвинуться с одного уровня сознания на другой. Когда в 1908—1909 гг. Ленин подверг нападкам его приверженность идеям богостроительства, Луначарский объявил об отказе от них. Но внимательное чтение его позднейших сочинений и изучение его деятельности как главы Наркомпроса показывает, что в действительности в течение всей своей карьеры он оставался верным утопическому представлению о коммунистическом обществе.

Как часто писал и отмечал в своих публичных выступлениях Луначарский, научный социализм позволяет людям признать собственную «боголичность». Осознание этого положило бы конец имеющейся якобы психологической зависимости человека от сверхъестественного и направило бы энергию людей на изменение этого мира к лучшему. Бог был искусственно создан человечеством, утверждал Луначарский, потому что люди были эмоционально неуверенны и чрезмерно озабочены своими собственными физическими возможностями. Он считал, что просвещение — это желанная цель самопознания, и в то же время, как и марксизм, это практическое средство для самореализации. Нельзя раскрыть бога, потому что его не существует, но бог должен проявиться внутри каждой личности в процессе сознательного понимания безграничности человеческих сил. Согласно Луначарскому, «люди не созданы в образе бога, но бог создан в образе людей». Он полагал, что «необязательно искать бога», вместо этого «необходимо миру дать бога» путем человеческого «триумфа в природе». По его представлениям, по-настоящему образованный человек — это не просто смертный, живущий короткий период времени, борясь за то, чтобы выжить, но это «борец-титан, напрягающий все силы, чтобы изменить лицо земли», и в конечном итоге «богочеловек, создание, для которого, вероятно, и был создан мир, и который будет управлять природой»²⁰.

Но Луначарский столкнулся здесь с неизбежностью смерти, которая по христианской традиции теряла свою власть из-за обещания физического воскрешения каждого человека. Он стремился разрешить эту проблему, приписывая бессмертие коммунистической утопии. Для него сущностью богостроительства было достижение бессмертия в социалистическом коллективе — «продолжающемся потоке поколений», который вберет в себя все человечество, включая прошлые и будущие поколения. Луначарский не имел в виду личное, телесное воскрешение, но в его сочинениях и речах есть много мест, где говорится о достижении совершенства в коммунизме. Борец-титан, или богочеловек, будет «всезнающим» и «всемогущим», не скованным какими-либо ограничениями в интеллектуальном, духовном или психологическом развитии. Предполагалось, что социализм даст возможность проявить людям все свои потенциальные силы и передать эти накопленные знания и опыт другим поколениям; социалистическое сознание вместе со всеобщим просвещением сможет убедить их в коллективном бессмертии человечества²¹.

Идеологические установки Луначарского о бессмертном коммунистическом коллективе были основаны на огромной вере в прогресс, на предположении, что каждое поколение будет не только жить значительно лучше, но что и самому человеку присуще становится «лучше» каким-то образом. Под этим он подразумевал культурный, интеллектуальный и духовный рост. Однако его утопические фантазии не смогли найти значительного

числа сторонников ни среди коммунистов, ни среди обычного населения главным образом из-за отсутствия средств для перехода к практическим делам. Сам Луначарский достаточно оптимистично смотрел на человеческую природу и связывал с марксистской революцией убежденность в «моральном равенстве всего человечества», но ему было довольно сложно убедить других принять эту утопическую модель. Для большинства людей, даже самых стойких коммунистов, идея коллективного бессмертия не была слишком утешительной. Богостроительство Луначарского не смогло эффективно заменить физическое воскрешение и вечную жизнь, которые предлагала христианская традиция, чтобы возвысить и придать смысл человеческим поступкам.

В отличие от Луначарского, Богданов и Красин верили, что люди смогут достичь бессмертия путем переливания крови. Богданов, врач по профессии, основал в 1926 г. первый советский институт по переливанию крови. Он умер 6 апреля 1928 г., видимо, пытаясь провести эксперимент по переливанию крови на себе (хотя точные обстоятельства его смерти остались неясными).

Луначарский и Красин содействовали созданию ленинского культа. После смерти Ленина Красин первым предложил бальзамировать и публично выставить его тело. Он стал членом комиссии по похоронам и вскоре вошел в ее исполнительный комитет. Он осуществлял контроль за бальзамированием тела Ленина (этот процесс начался 26 марта) и за сооружением первоначального мавзолея. 28 марта комиссия по похоронам была переименована в комиссию по увековечиванию памяти В. И. Ульянова (Ленина). Красин стал членом новой комиссии. Еще в 1924 г. было решено построить мавзолей из камня, который служил бы вечной гробницей. 13 ноября Красин и Луначарский впервые доложили комиссии о предполагавшемся сооружении. Строительство гранитного здания началось в июле 1929 г. и было закончено в октябре 1930 года²².

Возникает вопрос, почему такие выдающиеся революционеры — Луначарский, Богданов и Красин — были поглощены вопросами бессмертия и почему они содействовали созданию большевистской идеологии вечной жизни. В значительной мере это была попытка придать конечную ценность социалистической революции, показав, что она существенно преобразует человеческое существование. Получив православное воспитание, они остро осознавали притягательную силу христианства с его обещанием вечного спасения и победы над смертью. Их утопическое видение коммунистического общества — «земли обетованной на земле», как сформулировал это Луначарский, предназначалось для удовлетворения эмоциональных и психологических потребностей рабочих, крестьян и беспартийной интеллигенции, чтобы таким образом увеличить число сторонников социализма.

В конце концов идеология вечной жизни не сумела стать прочной опорой для утопизма большевиков. Понимание Луначарским коллективного бессмертия было слишком абстрактным и в эмоциональном плане не удовлетворяло людей, которым еще предстояло столкнуться с реальностью индивидуальной смерти. Хотя многие коммунисты разделяли веру Богданова и Красина в науку и технологию, переливание крови не стало ключом для обретения бессмертия или «возрождения умерших организмов». Ленинский культ успешно превратил создателя государства в настоящее божество, но даже это не могло обеспечить этой идеологии переход в нечто практическое. Идея большевиков о бессмертии была неподходящей заменой той надежде, которую предлагала христианская традиция.

Вернемся в дореволюционную эпоху. Весной 1911 г. Луначарский переехал из Италии во Францию и оставался там до 1915 года. Он много общался с русскими эмигрантами. Любопытно отметить, что друзей среди большевиков у него было немного, Луначарский предпочитал общение с меньшевиками и эсерами²³. Так же, как и в Италии, он погрузился в изучение европейского искусства и литературы в своей новой квартире в Париже. Он вращался среди художников, обосновавшихся в кафе «La Ruche» («Пчелиный улей») и принимал участие в разнообразных

издательских проектах. Он продолжал зарабатывать на жизнь обзорами искусства, литературы и театра Западной Европы для русских газет. Особенно много Луначарский сотрудничал как литературно-художественный критик в таких изданиях, как «День» и «Киевская мысль». Как и другим революционерам, ему не удавалось публиковать эмигрантские сочинения в России.

Постоянно проживая в Париже, Луначарский много путешествовал по Западной Европе с лекциями по искусству и поддерживал контакты с русской эмиграцией. В феврале 1914 г. он приехал в Берлин, намереваясь прочитать две лекции по современной литературе для эмигрантов. Первая — «Русская литература и Максим Горький» — прошла без инцидентов, но второе выступление было прервано берлинской полицией, которая арестовала Луначарского. Проведя ночь в тюрьме, он был вынужден покинуть Берлин и вернуться в Париж на следующий день²⁴.

В целом это был плодотворный период для созревания мировоззрения Луначарского. Погрузившись в культурное наследие Западной Европы, он бессознательно готовил себя к будущему назначению комиссаром просвещения. Луначарскому было почти 40 лет, когда началась первая мировая война. К тому времени его взгляды на основные идеологические и философские проблемы стали достаточно определенными.

В начале войны он придерживался оборонческих взглядов, но осенью 1914 г. присоединился к позиции редколлегии газеты «Голос». Он также, видимо, входил в левое крыло редколлегии газеты «Наше слово». Обе эти газеты были местом сбора интернационалистов, выступавших против войны. В то же время как военный корреспондент «Киевской мысли» и «Дня» он путешествовал по Франции, направляя корреспонденции о западном фронте. Последние его статьи в «Киевской мысли» были опубликованы в июне 1915 года²⁵.

Месяцем раньше, в мае, Луначарский уехал из Парижа в Женеву. Он продолжал критиковать сторонников оборончества, особенно Плеханова. Но Луначарский хотел объединить всех интернационалистов, включая и Ленина, который считал, что руководители II Интернационала совершили предательство, поддерживая военные действия. Однако Луначарский полагал, что националистические чувства рабочих объясняются их низким культурным уровнем. Хотя позже он и утверждал, что немедленно по приезде в Швейцарию присоединился к ленинцам, но осенью 1915 г. он критиковал Ленина столь же резко, как и другие интернационалисты²⁶.

Крушение царского режима в феврале 1917 г. ошеломило эмигрантов. Они были полны решимости как можно скорее вернуться в Россию. Луначарский еще не достиг примирения с Лениным, но известие о революции заставило группу «Вперед» искать союза с большевиками-ленинцами. Луначарский очень хотел вернуться в Россию, но опасался, что разрешенный немцами транзит из Швейцарии в Россию через Германию может скомпрометировать революционеров в глазах рабочих²⁷. Несмотря на опасения Луначарского, Ленин проехал из Швейцарии через Германию, Швецию и Финляндию и прибыл на Финляндский вокзал в Петрограде 16 апреля. Вторая партия эмигрантов вместе с Луначарским выехала из Цюриха 12 мая и достигла Петрограда 22 мая. Он не был в России с января 1907 года.

Поселившись в Петрограде, Луначарский помогал Горькому редактировать «Новую жизнь» и выступал против решения Временного правительства продолжать войну. Летом 1917 г. он был избран в Петроградскую городскую думу, руководил ее культурно-образовательной секцией. В то время он примыкал к межрайонцам, небольшой группе революционеров, образовавшейся вокруг Л. Д. Троцкого, которая занимала среднюю позицию между большевиками и меньшевиками. На VI съезде РСДРП в августе Луначарский пришел к формальному соглашению с большевиками-ленинцами. Троцкий уверял, что именно он первоначально способствовал их соединению с ленинцами²⁸. Но все же проблемы в отношениях Ленина и Луначарского еще оставались. На съезде Ленин к ужасу многих большевиков выступил за национальное самоопределение. Луначарский, Буха-

рин и другие продолжали придерживаться интернационалистской позиции. После Октябрьской революции у Луначарского были разногласия с Лениным по составу нового правительства. Луначарский выступал за правительство, в которое входили бы все партии, представленные в Петроградском совете.

Богданов и Луначарский помогли утверждению Пролеткульта в дни, непосредственно предшествовавшие революции. 16—19 октября проходила первая Петроградская конференция пролетарских культурно-просветительских организаций; осуществлению этого содействовал Центральный совет фабричных комитетов. Пролеткульт был создан на этой конференции. Центральный комитет Пролеткульта собрался впервые 17 ноября, и были организованы отделы, занимавшиеся различными видами культуры (театр, музыка, изящные искусства, школа и заочное образование, клубы, лекции и литература), которые сохранялись в этой организации в течение всего периода ее существования.

У Пролеткульта была трудная жизнь, частично из-за подозрительности к нему со стороны партийного руководства, которая объяснялась долгим периодом фракционности руководства Пролеткульта. Эта организация выступала за пролетарскую культуру, но подлинного осознания, что значит этот термин, не существовало. Луначарский боролся за примирительную

линию по отношению к культурному наследию прошлого, активисты из широких народных масс стояли на пролетарских шовинистических позициях. Важной была и проблема отношений Пролеткульта с партией и правительственными структурами на центральном и местном уровнях. Хотя Луначарский и защищал независимость Пролеткульта, по крайней мере в некоторых областях его работы, но Ленин вынудил его отказаться от этой политики в октябре 1920 г., когда Пролеткульт сделали отделом, подчиненным Наркомпросу²⁹.

Вскоре после Октябрьского переворота Луначарский был поставлен во главе Комиссариата просвещения³⁰. Зная очень мало о педагогической теории и в сущности не имея никакого административного опыта, в других отношениях Анатолий Васильевич был подходящей фигурой для этого. У него была любовь к знаниям и культурным традициям западной цивилизации и почти непоколебленная вера в образование как главное средство для улучшения социальных институтов. Он был полон решимости как можно скорее уничтожить безграмотность. Коммунисты называли культуру и образование «третьим фронтом» и не придавали просвещению такого значения, как политике или экономике, особенно в первые годы после революции, когда главным для них была консолидация власти.

Каковы же были личные отношения Луначарского и Ленина? Почему его назначили комиссаром Наркомпроса? Как мог Луначарский работать в советском правительстве в 1920-х годах, будучи в изоляции от партии? Несмотря на идеологические и политические разногласия, существовавшие между ними, Ленин «предпочитал энергичных и бодрых революционеров» и поэтому любил Анатолия Васильевича, так как тот был «по-настоящему блестящим и веселым человеком», который получал удовольствие, развлекая людей «остроумной беседой и анекдотами». Его даже считали «закадычным другом Ленина». Однако Ленин признавал, что хотя «французский блеск» Луначарского был «полезен большевикам», но он «не был полностью одним из них»³¹.

Осложняло их общение противоречивое, двойственное отношение Ленина к интеллигенции. Хотя он сам принадлежал к среде интеллигентов, но часто говорил о них с презрением, безжалостно критиковал, называл трусами, дилетантами, ругал за медлительность и слабоволие, хотя и признавал, что они талантливы и обладают качествами, недостижимыми для невежественных масс, — знаниями, умеют их применять и передавать другим. Особенно благоприятное мнение было у Ленина о технических и научных специалистах, их способностям он придавал особую, утилитарную ценность. Он уважал интеллигентов, которым «знание было необходимо как руководство к действию»³². Более того, если Луначарский полагал, что в конечном итоге пролетариат сможет создать свою собственную культуру, то Ленин возражал против этого, считая, что не может быть чисто пролетарской культуры или особой пролетарской науки. В отличие от Богданова и Луначарского, Ленин не сумел четко сформулировать всеобъемлющую теорию культуры.

Луначарский, предпочитавший музыку и поэзию политической пропаганде, имевший тонкий вкус, прочные связи среди беспартийной интеллигенции, вызывал недоверие и пренебрежение у многих коммунистов. Ленин и Троцкий были также выходцами из интеллигентной среды, но они нашли свое место в истории как политические и военные руководители. Они были энергичны, решительны, с большой силой воли, и полностью убеждены в правильности собственной позиции. Луначарский не принадлежал к таким людям; всю свою жизнь он был готов следовать за людьми с высоким интеллектом и сильной волей. Луначарский был человек мысли, а не действия. В 1920-х годах многие коммунисты продолжали критиковать его за прежние связи с группой «Вперед». Они иронизировали над его экспериментами в области культуры и образования, казавшимися многим непрактичными и нереалистичными, отвлекающими от настоящей работы для революции. Образ Луначарского — уступчивого, мягкого и слабОВОЛЬНОГО буржуазного интеллигента — не соответствовал той модели твердого

коммуниста, которая была популярна в 20-е годы. Говоря о Луначарском, Бердяев утверждал, что «в нем было что-то от провинциального учителя и немного от журналиста»³³. Горький также признавал способности Луначарского, но считал, что в нем «слишком много от книжного червя»³⁴. В понятие «твердый истинный большевик» входило и «частое употребление непечатных выражений». Эта «общая практика» в партии «не нравилась» Луначарскому, чье нежелание выражать себя таким образом делало его объектом грубых шуток среди его коллег³⁵.

Внешний облик Луначарского также усиливал впечатление о нем, как о профессоре-любителе, а не профессиональном революционере. В молодости красивый и стройный, он быстро постарел и казался значительно старше своих лет. С детства слабое его здоровье с годами еще ухудшилось. Сильная близорукость заставляла его носить очки с толстыми стеклами. Ему не шло пенсне, потому что оно привлекало внимание к его необычайно крупному носу. Среднего роста, он казался еще ниже из-за того, что сутулился, а став старше, располнел.

Несколько вызывающий стиль жизни Луначарского был одной из причин его «дурной репутации» в партии. После Октябрьской революции он жил вполне обеспеченно и с удовольствием выступал в роли комиссара просвещения. Его квартира и рабочий кабинет были хорошо обставлены и заполнены книгами, в нем сохранилось что-то от старого интеллигента. К концу 1920-х годов он стал «жертвой слухов, где его изображали в виде коммунистического культурного нэпмана, развращенного привилегиями, путешествиями за границу и хорошей жизнью»³⁶. Вторая жена Луначарского, Н. А. Розенель, способствовала созданию его отрицательного образа в партии. Она была актрисой Малого театра и кроме того снималась в кино, но в основном своими успехами она была обязана Анатолию Васильевичу, а не собственным актерским способностям. Она была большой модницей. Вот свидетельство ученого В. Н. Ипатьева: «Известная московская портниха, основавшая магазин модной одежды в Берлине и имевшая обширный круг знакомых среди видных большевиков, описывала мне, как крупные советские чиновники, приезжающие в Берлин, проводили время. Для иллюстрации она упомянула огромные суммы денег, которые тратила жена Молотова на платья, меха, развлечения и т. п. То же самое можно сказать о жене Луначарского, Наталье Розенель, которая тратила значительные деньги на наряды и жизнь за границей. „Однажды я встретила ее в доме одного друга в Берлине сразу после того, как она вернулась из Парижа. Ее изысканное платье буквально ослепило меня. Я спросила, сколько такое платье стоит в Париже. Небрежно она ответила, что заплатила 9 тыс. франков, или 500 золотых рублей в то время“»³⁷.

Луначарский считал, что большевики, придя к власти, завершив политическую революцию, должны были взяться за культурные преобразования. Поэтому он смотрел на свое положение главы Наркомпроса как на возможность бороться и критиковать. Он верил, что культура и просвещение — это предпосылки для развития прогресса в человеческих отношениях и особенно при создании коммунистического общества. Он настойчиво утверждал, что без прогресса в культуре политическая победа большевиков и осуществление основных экономических и социальных реформ будут напрасными³⁸. В 1925 г. он прямо сформулировал это: «Мы можем сказать, что достижение права на просвещение было главной, центральной целью революции. Революция была борьбой масс за право на просвещение»³⁹. Его подход к революции действительно был эмоциональным и романтическим.

В течение всей своей деятельности в качестве наркома просвещения Луначарский постоянно убеждал и членов партии, и все население в необходимости приоритета культуры и образования. Только через культурное просвещение, настаивал он, способна диктатура пролетариата создать коммунизм, так как лишь образование может изменить мышление и поведение человека в духе идей социализма⁴⁰. Его надежды уступили место серьезному разочарованию, когда ни центральное правительство, даже после

введения новой экономической политики в 1921 г., ни местная администрация не сочли нужным вкладывать средства в проекты Наркомпроса. В этих условиях Луначарский направлял одну за другой жалобы, обращая внимание, что без должного отношения к образованию и просвещению в целом советский режим будет не в состоянии даже при очевидных политических и экономических успехах прийти к коммунизму⁴¹.

Разочарованный, но полный решимости Анатолий Васильевич выступал за новую школу, «объединенную рабочую школу», как ее называли, которая обеспечивала обязательное, общее для мальчиков и девочек, свободное и светское обучение. Более того, он требовал, чтобы новая школа давала политехническое образование. В этой области он тесно сотрудничал с Н. К. Крупской, которая возглавляла политико-образовательную секцию (Главполитпросвет) в Наркомпросе. По их определению, термин «политехническое образование» означал обучение учащихся научным основам производительного процесса. Практика и теория должны быть прочно связаны, так как школа должна восприниматься как единица производства, а учащиеся должны знакомиться с основами производства, чтобы жить в развитом высокотехнологическом обществе и вносить свой вклад в его развитие. Наркомпрос призывал к постоянному сотрудничеству школы и местной промышленности и сельского хозяйства. Вначале школьники должны получать информацию от преподавателя в обстановке традиционной классной комнаты, а затем активно применять на практике или внедрять свои знания на фабриках и фермах.

Луначарский яростно спорил с критиками, утверждавшими, что объединенная рабочая школа лишь синоним технического образования. Политехническая школа отличалась от профессионального обучения, настаивали Луначарский и его коллеги в Наркомпросе, тем, что первая считала своей целью обучить общим принципам, навыкам и пониманию, а не просто подготовить к какой-либо профессии. Увлеченный идеей полного развития всех способностей человека, Луначарский боролся за введение широкой учебной программы, в которой были даны основы знаний в культурной и научной сферах (специализация же будет позднее). Он полагал, что раннее профессиональное обучение будет ограничивать созидательные способности человека. Отсутствие всестороннего общего образования, утверждал он, помешает изменить как поведение отдельного человека, так и культурное преобразование всего советского общества.

Луначарский полагал, что Октябрьская революция была началом культурных перемен, но эти изменения должны осуществляться осторожно, постепенно и целенаправленно, без всякого принуждения и насилия, грубую пропаганду и агрессивную классовую борьбу он считал пролетарским шовинизмом. Вместе с Лениным, Бухариным и Крупской, Луначарский считал, что предстоит достаточно долгий переход к коммунизму, тому историческому этапу, где будут достигнуты культурные и психологические преобразования, и в конечном итоге — человеческое совершенство. Кроме того, Луначарский заимствовал у Ленина идею о том, что революционная борьба может дать политическую власть, но развить культуру, которой требуется бережное и внимательное отношение, она не в состоянии⁴². В то время, когда радикальные коммунисты, сторонники Пролеткульта, заявляли, что пролетариат должен отвергнуть буржуазную культуру и вместо нее развивать собственную, Луначарский утверждал, что нужно впитать в себя культурное наследие прошлого, прежде чем появится подлинная пролетарская культура. Он считал, что Советская Россия должна сначала стать грамотной, чтобы пролетариат мог создать свою собственную культуру⁴³.

Люди, по Луначарскому, должны были осознать свою ограниченность и преодолеть ее через образование. Только так можно было достичь глубокого изменения в поведении. Он был уверен, что знание, саморазвитие и самоосознание станут доступными для всех, соединившихся в единое братство.

Новый советский гражданин, по замыслу Луначарского, это интел-

лигент, обладающий политическим сознанием и культурой. В период пребывания на посту наркома просвещения он больше, чем кто-либо в партии, способствовал примирению с советской властью беспартийной интеллигенции, в которую входили технические и управленческие кадры, а также создатели духовных ценностей и идей, получившие образование до революции. Многие современники признавали, что он сыграл значительную роль, убеждая работать на новое правительство агрономов, экономистов, инженеров, драматургов, актеров, поэтов, художников, профессоров, ученых, статистиков, учителей и писателей. Троцкий верно заметил в 1934 г.: «На посту народного комиссара просвещения Луначарский был незаменим в общении со старыми университетскими и преподавательскими кругами, убежденными в том, что ожидается полная ликвидация науки и искусства «невежественными узурпаторами». Луначарский же с воодушевлением и энтузиазмом доказывал этому замкнутому миру, что большевики не только уважали культуру, но и не были чужды ей. Бывало, какой-то академический старец, раскрыв рот, изумлялся этому вандалу, который мог читать на полдюжине современных языков и на двух древних, и походя, неожиданно выказывал такую обширную эрудицию, что хватило бы без труда на десяток профессоров. Примирению высококвалифицированной дипломированной интеллигенции с Советской властью во многом обязаны именно Луначарскому»⁴⁴.

Луначарский верил, что задачей революции и советского образования должно быть переобучение по социалистическим канонам беспартийной интеллигенции. Вот почему он выбрал примиренческую позицию, которая резко расходилась с жесткой линией радикальных коммунистов. Убеждая беспартийную интеллигенцию служить советскому государству, он надеялся не только обеспечить партию крайне необходимыми квалифицированными кадрами для управления страной, народным хозяйством и создания системы образования, но также и для того, чтобы побудить многих из них сделать первые шаги по пути собственного социалистического преобразования.

Его мировоззрение было одновременно и романтическим, и революционным: бросить интеллигенцию в гущу советской жизни и тем самым пропитать ее социалистическими принципами. Преобразившийся интеллигент станет образцом нового советского гражданина — рабочим-интеллигентом, фигурой из эпохи Возрождения, обладающим способностями и знаниями во всех областях человеческого развития. Это нелегко, но Луначарский был убежден, что осуществимо. Он отмечал, что интеллигенция уже имела богатую культурную основу. Она не нуждалась в первоначальном образовании для того, чтобы оценить уровень культуры и почувствовать потребность научного и экономического прогресса. Таким образом, хотя многие представители старой интеллигенции вначале относились равнодушно или враждебно к советскому правительству, но, по мнению Луначарского, в будущем они могли стать строителями коммунизма. Позже он пришел к осознанию того, что кроме активных членов партии интеллигенция была единственной средой, где могли появиться руководители и образцовые члены будущего великого и совершенного общества. Он считал, что интеллигенция, особенно научные и технические специалисты, были большей ценностью для правительства, чем золотой запас. Интеллектуально развитую интеллигенцию оставалось лишь переделать на социалистический лад⁴⁵.

Как нарком просвещения Луначарский смотрел на эту задачу с двух сторон: убедить коммунистов, что беспартийная интеллигенция может преодолеть свое недоверие к их партии и стать в ряды преданных участников социалистического строительства; побудить интеллигенцию добровольно помочь в освобождении Советской России от оков невежества и безграмотности и установить новое общество, основанное на принципах человеческого братства и совершенствования социальных институтов. Проявляя бескомпромиссную твердость в отношении тех интеллигентов, которые выступали против советского строя, он предоставлял им возможности

переосмыслить свои убеждения и рекомендовал обходиться с интеллигенцией уважительно и терпеливо. В 1922 г. он отметил: «Необходимо помнить, что основные директивы партии по отношению к интеллигенции таковы: бдительно и строго следить за возможными проявлениями враждебности отдельными ее членами и выказывать доброжелательность и ласковость с теми интеллигентами, кто помогает нам в этом чрезвычайно тяжелом деле строительства государства»⁴⁶.

Прежде всего Луначарский был против принуждения и силы при устранении интеллигенции из административного и управленческого аппарата в комиссариатах по образованию и экономике, а также против того, чтобы интеллигенцию вытолкнули из жизни советского общества. Он убеждал, что партия должна придерживаться принципов умеренности и терпимости и дать интеллигенции время для того, чтобы измениться. Особое внимание уделял Луначарский интеллигентам, занявшим промежуточную позицию между восторженным энтузиазмом и открытой враждебностью к советской власти. В отличие от некоторых коммунистов он не видел опасности в нейтральной или колеблющейся позиции, не разделял убеждения «либо вы с нами, либо вы против нас». Скорее его лозунгом было: «те, кто против буржуазии, с нами». Действительно, для него было важно, что многие представители интеллигенции не проявили преданности определенной политической идеологии или программе. Не ожидая, что интеллигенция сможет быстро подняться на такой же уровень политического сознания и партийности, как пролетариат, Луначарский считал, что и требовать от нее надо меньше, по крайней мере вначале. По его мнению, простого выполнения своих профессиональных обязанностей достаточно, чтобы интеллигенция обеспечила себе достойное место в советском обществе⁴⁷.

Придавая столь значительную роль интеллигенции в создании нового общества, Луначарский продолжал культурные традиции XIX века. Как и многие представители русского общества до него, он призывал интеллигенцию возглавить народ и служить ему, правда, теперь не в области политики, а в культуре, экономике и образовании. Для него Октябрьская революция была народной революцией; если интеллигенция отказывалась служить советской власти, то она отказывалась от своего народа. Луначарский призывал интеллигенцию разделить свои знания и умение с народными массами, уничтожив этим неграмотность и другие признаки отсталости. Он проповедовал то, что можно назвать «интеллигизацией» общества — подъем культурного и образовательного уровня масс до уровня элиты, чтобы первые также были в состоянии оценить и создать подлинную культуру. Совершив это, добавлял он, интеллигенция не только изменит Советскую Россию, но и преобразит ее. Общаясь с крестьянами и рабочими, с теми, кто занят тяжелым физическим трудом, интеллигенция проникнется духом пролетарского коллективизма; и результатом этого будет новый советский гражданин, вобравший в себя лучшие черты интеллигента и рабочего. По мысли Луначарского, все советские граждане, бывшие интеллигенты и рабочие, каждый в отдельности и в коллективе, строя социализм, обретут уверенность в себе и в своих способностях перестроить общество для всеобщего счастья и процветания.

Таким образом, Луначарский не исключал интеллигенцию из советского общества. Более того, он был убежден, что интеллигенция может содействовать становлению коммунизма. Развивая культуру и просвещение, интеллигенция может помочь построить коммунизм в Советской России. Именно интеллигенты — представители культурных традиций; крестьянам и рабочим необходимо выучиться, прежде чем они смогут внести свой собственный уникальный вклад в культуру.

Луначарский был не единственным сторонником социальной гармонии, он был тесно связан с Бухариным и некоторыми другими, увлеченными этой же теорией. Но многие коммунисты не разделяли этих настроений. Они отвергали позицию компромисса, занятую Луначарским, и считали ее некоммунистической. Их волновали дела более практические. Надеясь на служебное повышение, они полагали, что партия задолжала им за поддерж-

ку, оказанную революции в октябре 1917 г. и во время гражданской войны в России. Наиболее воинствующие были против гибкой и мягкой линии, которую проводил Луначарский, они видели в ней угрозу для социального выдвижения рабочих и крестьян. Рабочие, атеисты, комсомольцы и радикально настроенные интеллигенты также с трудом воспринимали его мировоззрение в данных экономических и политических условиях. Значительная часть советского общества отвергала призыв Луначарского к примирению в период, который характеризовался ростом классового сознания и социальной напряженности⁴⁸.

Воинствующие коммунисты не хотели идти на соглашение со старой интеллигенцией, что было реакцией на созданную Луначарским картину социальной гармонии и согласия. Они подсознательно чувствовали, что он отводил руководящую роль в преобразованном советском обществе просвещенной элите. Рядовые члены партии подчеркивали роль классового конфликта и социального переворота, что являлось пережитком героических традиций гражданской войны. Такая идеология, основанная на силе, власти и полном уничтожении всего старого мира до того, как будет создано новое общество, утверждала превосходство масс над интеллигенцией при переделке человечества и обуздании природных сил⁴⁹.

При жизни Ленина критики Луначарского лишь косвенно затрагивали его концепцию богостроительства. Ленин уважал преданность Анатолия Васильевича делу социализма и терпимо относился к его интеллектуальной любознательности и экспериментам в области культуры. В своих последних трудах Ленин явно одобрял взгляды Луначарского на коммунистическое общество и нового советского гражданина, разделяя его уверенность в том, что культурный процесс приведет к коммунизму. Ленин не принимал всех идей Луначарского о создании социалистического общества. Но к концу жизни Ленин пришел к пониманию того, что одной лишь политической революции 1917 г. было недостаточно для строительства советского социализма. Культурные преобразования стали и для него конечной целью⁵⁰.

После окончания гражданской войны положение Луначарского в партии постоянно ухудшалось. Его противники все громче выступали с обвинениями за философские отклонения от основной линии и утверждали, что он продолжает быть верным позициям богостроительства. Радикально настроенные интеллигенты и воинствующая партийная масса даже высказывали сомнения в его политической лояльности. Эта кампания росла с усилением власти Сталина, особенно после того, как Луначарский выступил против чистки в рядах беспартийной интеллигенции, начало которой положило Шахтинское дело 1928 года. Луначарский был противником проведения такой чистки частично по практическим соображениям, утверждая, что эти люди незаменимы в период экономической реконструкции и для развития культуры и образования.

Сталин снял Луначарского с поста наркома просвещения в 1929 г., развязав против него кампанию резкой критики, результатом которой был его полный политический разгром. Сталин недолго любил Луначарского, отметив еще в 1925 г., что тот был одним из «старых» революционеров, которые уже не играли значительной роли в партии. Хотя Луначарский никак не поддерживал Троцкого, боровшегося со Сталиным за власть после смерти Ленина, и фактически не участвовал в политических распрях внутри партийного руководства, но он отметил в 1923 г., что Троцкий был «вторым крупным лидером русской революции». В то время многие коммунисты могли выступить с такой же оценкой. В 1924 г. Луначарский также предупреждал, что «нельзя заменять Ленина одним политическим лидером». Кроме того в 1928 г. в связи с Шахтинским делом Луначарский критиковал Сталина и его сторонников за их «грубость и бестактность» в отношении беспартийной интеллигенции. Но так как Луначарский был далек от политики, то эти два человека встречались довольно редко.

Луначарский был достаточно проницательным человеком, чтобы почувствовать меняющиеся политические течения и сохранять свое положение главы Наркомпроса, стараясь придерживаться политики Центрального

комитета партии, даже отказываясь при этом иногда от своих прежних принципов. Накануне XV съезда партии в октябре 1927 г. он быстро сориентировался и осудил «троцкистскую оппозицию», отвергая всякую связь с ней и убеждая Центральный комитет уничтожить это течение политически⁵¹.

Сталин и его последователи высмеивали представления Луначарского о коммунизме и новом советском гражданине. Они повторяли при этом критические высказывания Ленина в 1909 г., где богостроительство приравнивалось к религиозному мистицизму. Сталин использовал совершенно другую образную символику, в отличие от Луначарского, при описании коммунистического общества и роли партии в Советской России. Решивший войти в историю своими героическими и великими деяниями, подобными тем, что приписывались Ленину, Сталин представил проведение индустриализации и коллективизацию сельского хозяйства как свой личный вклад в советский социализм. Сталин презирал старую интеллигенцию и считал, что пролетариат мог провести индустриализацию и без нее. Он утверждал, что правительство не нуждается в научных и административных знаниях беспартийной интеллигенции; коммунисты, как они это уже сделали в гражданскую войну, могут преодолеть любые препятствия⁵².

Сталин делал упор на революционную жертвенность и классовую борьбу, что расходилось с призывами Луначарского к социальной гармонии, товариществу и примирению. Предложенная Сталиным фантазия о мощной, индустриально развитой нации, мужественно защищающейся от внутренних и внешних врагов, перспектива работы для тех, кто был лишен гражданских прав при царизме, гораздо больше привлекали рабочих и партийные массы, чем то, о чем мечтал Луначарский — коллективное бессмертие, просвещение и социальное совершенствование путем культурного прогресса. В то время как Сталин и его последователи с успехом искажали утопические мечтания Луначарского, тот в свою очередь был не в силах признать противоречия, недостатки и парадоксы своих грез о социализированном человечестве.

Луначарский постепенно разочаровывается в советской идеологии и политике в период сталинского правления. В конце 1920-х годов он потерял большую часть своей прежней живости и искрометной энергии, частично и из-за ухудшившегося состояния здоровья. Он не слишком симпатизировал герою сталинского типа — погруженному с головой в административную и бюрократическую работу, не имеющего ни времени, ни потребности в интеллектуальных занятиях. Луначарский продолжал свою литературную работу, писал о последних новинках в области европейского и советского искусства и литературы. С 1927 по 1932 г. он был членом советской делегации в Подготовительной комиссии в Женеве перед Европейской конференцией по разоружению, затем работал на самой конференции. 1 февраля 1930 г. он был избран действительным членом Академии наук СССР. Несмотря на всю эту деятельность, у Луначарского не было настоящего контакта со Сталиным, так как «никакие другие два характера не были, или не могли быть более враждебны друг другу и более несовместимы, чем эти два»⁵³. Последним правительственным постом Анатолия Васильевича было его назначение советским послом в Испанию в августе 1933 года. Фактически он был выслан за границу. Он умер 26 декабря 1933 г. в Ментоне, во Франции, на пути в Мадрид.

Луначарский продолжал верить в «марксистский социализм», как он понимал этот термин, до самой смерти. Он оставался последовательным и верным в своих представлениях о новом советском гражданине, даже если был не в состоянии осуществить их практически. Ему не удалось примирить культурную революцию, быстрые темпы индустриализации и классовую войну в деревне с социальной гармонией, счастьем для каждого человека и реализацией творческих сил.

Примечания

1. ПРОЗОРОВСКИЙ Л. Б. Из прожитых лет. Театральные мемуары. М. 1958; ПОЛЯНСКИЙ В. Г. А. В. Луначарский.— Вестник жизни, 1919, № 6—7; ЗЕЛИНСКИЙ К. Л. На рубеже двух эпох. Литературные встречи. М. 1959; ЛУНАЧАРСКАЯ-РОЗЕНЕЛЬ Н. А. Память сердца. Воспоминания. М. 1972; ПЕЛЬШЕ Р. А. А. В. Луначарский.— Советское искусство, 1926, № 5; VOL'SKII N. V. (N. Valentinov). Encounters with Lenin. Lnd. 1968.
2. Цит. по: DEUTSCHER I. Introduction. In: Lunacharskii. Revolutionary Silhouettes. Lnd. 1967, p. 13.
3. ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ П. И. (В. Полянский) А. В. Луначарский. Биографический очерк к пятидесятилетию со дня рождения. М. 1926; FITZPATRICK Sh. The Commissariat of Enlightenment: Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharck. October 1917—1921. Cambridge. 1970, p. 9—10.
4. Цит. по: BERDIAEV N. A. Dream and Reality: An Essay in Autobiography. Lnd. 1950, p. 232.
5. ЗЕЛИНСКИЙ К. Л. Ук. соч., с. 294.
6. КОРОЛЕВ Ф. Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики. 1917—1920 гг. М. 1958; БЫЧКОВА Н. В., ЛЕБЕДЕВ А. А. Первый нарком просвещения. М. 1960; и др.
7. БУГАЕНКО П. А. А. В. Луначарский и литературное движение 20-х годов. Саратов. 1967; его же. А. В. Луначарский и советская литературная критика. Саратов. 1972; КОХНО И. П. А. В. Луначарский и формирование марксистской литературной критики. Минск. 1979; и др.
8. Автобиография Луначарского.— Литературное наследство. Т. 80; ТРИФОНОВ Н. А., ШОСТАК И. Ф. Из революционной биографии Луначарского. А. В. Луначарский и «Московское дело» 1899.— Там же. Т. 82.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 124, оп. 9, л. 47, л. 23, 76—77, 228—231, 242—243, 259; Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИА Украины), ф. 317, оп. 1, д. 1788, лл. 14, 59—61; д. 1665, л. 82, 129.
10. Автобиография Луначарского, с. 738; КОХНО И. П. Вологодская ссылка Луначарского.— Литературное наследство. Т. 82.
11. ГАРФ, ф. 102, ОО, 1903 г., л. 155, л. 94; ЦГИА Украины, ф. 275, 1904—1909 гг., оп. 1, д. 359, л. 21—22; д. 620, л. 4; ф. 320, 1910 г., оп. 1, д. 1070, л. 67.
12. ГАРФ, ф. 102, ОО, 1906 г., д. 2, ч. 1, т. 5, л. 24—26, 38—39.
13. WILLIAMS R. C. Collective Immortality: The Syndicalist Origins of Proletarian Culture, 1905—1910.— Slavic Review, Vol. 39, 1980, p. 395—396.
14. WILLIAMS R. C. Op. cit., p. 391; e j u s d. Artists in Revolution: Portraits of the Russian Avant-Garde, 1905—1925. Bloomington. 1977, p. 23—25, 32—35, 47—48, 55; и др.
15. ЛУНАЧАРСКИЙ А. В. Письмо в редакцию.— Киевская мысль, 29.XI.1909.
16. ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, 1910 г., д. 5, л. 203—208, 234—239, 242—244, 245—250; 1911 г., д. 5, ч. 1, л. 18, 27, 31.
17. Там же, 1910 г., д. 5, л. 102, 124—125, 234—235; 1911 г., д. 5, ч. 57, лит. Б, л. 43, 53—54, 192.
18. ЛУНАЧАРСКИЙ А. В. На новых путях. Самара. 1924, с. 23; его же. Просвещение и революция. М. 1924, с. 10.
19. TUMARKIN N. Religion, Bolshevism, and the Origins of the Lenin Cult.— Russian Review, vol. 40, January 1981, p. 41, 46; e a d e m. Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia. Cambridge. 1983, p. 12, 19, 136, 179—181.
20. ЛУНАЧАРСКИЙ А. В. Религия и социализм. В 2-х тт. СПб. 1911; его же. Что такое образование? Пг. 1918, с. 2, 12; его же. Собр. соч. В 8-ми тт. М. 1961—1967. Т. 3, с. 315; его же. Воспитание нового человека. Л. 1928, с. 11—12; его же: Проблема культурной революции.— Научный работник, 1928, № 5—6, с. 16.
21. ЛУНАЧАРСКИЙ А. В. Что такое образование?, с. 2; его же. О преподавании истории в коммунистической школе. Пг. 1918. с. 11—12, 17—19.
22. TUMARKIN N. Lenin Lives!, p. 180—182, 185, 193—195, 201—205, 235.
23. FITZPATRICK Sh. A. V. Lunacharsky: Recent Soviet Interpretations and Republications.— Soviet Studies, Vol. 18, January 1967, pp. 277—278.
24. ГАРФ, ф. 102, ОО, 1914 г., д. 5, ч. 1, лл. 5—10, 23—24.
25. SENN A. A. The Russian Revolution in Switzerland, 1914—1917. Madison. 1971; e j u s d. The Politics of *Golos* and *Nashe Slovo*.— International Review of Social History, vol. 17, 1971, Pt. 3. pp. 676, 691. Луначарский, однако, настаивал, что он занял позицию интернационалиста сразу же после начала военных действий (см. ЛУНАЧАРСКИЙ А. В. Европа в пляске смерти. М. 1967).

26. SENN A. A. *The Russian Revolution in Switzerland*, p. 79, 129. См. также: КОХНО И. П. А. В. Луначарский, с. 178—179.
27. SENN A. A. *The Russian Revolution in Switzerland*, p. 227; ЛУНАЧАРСКИЙ А. В. Свержение самодержавия. Несколько воспоминаний.— *Красная панорама*, 11.III.1927, с. 14.
28. TROTSKII L. D. *Portraits Political and Personal*. N. Y. 1977, p. 107; SERGE V., SEDOVA-TROTSKAIA N. *The Life and Death of Leon Trotsky*. N. Y. 1975, p. 48.
29. MALLU L. *Culture of the Future: The Proletkult Movement in Revolutionary Russia*. Berkeley. 1990, p. 29—10.
30. Мандат о назначении Луначарского народным комиссаром по просвещению 18 ноября 1917 г. см.: *Литературное наследство*. Т. 80.
31. VOL'SKII N. V. *Op. cit.*, p. 17; БУГАЕНКО П. А. А. В. Луначарский и советская литературная критика, с. 11; ЗЕЛИНСКИЙ К. Л. *Ук. соч.*, с. 299—300; MEDVEDEV R. A. *Nikolai Bukharin: The Last Years*. N. Y. 1980, п. 58; WILLIAMS R. C. *Artists in Revolution*, p. 24.
32. ЛЕНИН В. И. *Полн. собр. соч.* Т. 36, с. 137—139.
33. BERDIAEV N. A. *Op. cit.*, p. 124.
34. ГОРЬКИЙ М. *Собр. соч.* в 30-ти тт. Т. 29. М. 1955, с. 32—34.
35. MEDVEDEV R. A. *Op. cit.*, p. 58—59.
36. FITZPATRICK Sh. *Cultural Revolution as Class War*. In: *Cultural Revolution in Russia, 1928—1931*. Bloomington. 1979, p. 17.
37. *The Life of a Chemist: Memoirs of Vladimir N. Ipatieff*. Stanford. 1946, p. 409.
38. ГАРФ, ф. 5462, оп. 9, д. 2, л. 12—14; ЛУНАЧАРСКИЙ А. В. На новых путях, с. 26—27.
39. ЛУНАЧАРСКИЙ А. В. Всесоюзный праздник науки.— *Красная газета*, 8.IX.1925. См. также: ГАРФ, ф. 5462, оп. 9, д. 2, л. 12.
40. ЛУНАЧАРСКИЙ А. В. Что такое образование?, с. 6; е г о ж е. Пролетарская революция и народное просвещение.— *Народное просвещение*, 1925, № 10—11.
41. ГАРФ, ф. 5462, оп. 9, д. 2, л. 14; оп. 11, д. 12, л. 47—48; ЛУНАЧАРСКИЙ А. В. Проблемы культурной революции, с. 17, 22; е г о ж е. Всесоюзный праздник науки, с. 3—4 и др.
42. ЛУНАЧАРСКИЙ А. В. Культура и революция.— *Вечерняя Москва*, 6.XI. 1926; ГАРФ, ф. 5566, оп. 2, д. 5, л. 13; ЛЕНИН В. И. *Полн. собр. соч.* Т. 36, с. 137—138.
43. ГАРФ, ф. 5566, оп. 2, д. 5, л. 18—19; РГАЛИ, ф. 279, оп. 1, д. 65, л. 14—15; д. 66, л. 1об, 36—36об; д. 67, л. 13—13об; оп. 2, д. 23, л. 2; ЛУНАЧАРСКИЙ А. В. *Собр. соч.* Т. 3, с. 314—315; т. 8, с. 117; е г о ж е. Культурная революция и наука.— *Научный работник*, 1928, № 4, с. 4; е г о ж е. Советская власть и памятники старины. *Коммунистический интернационал*, 1919, № 7—8, с. 1071—1072; и др.
44. TROTSKII L. D. *Op. cit.*, p. 107—108.
45. ЛУНАЧАРСКИЙ А. В. Об интеллигенции. Сб. ст. М. 1923, с. 15—16.
46. ЛУНАЧАРСКИЙ А. В. Советская власть и интеллигенция.— *Петроградская правда*. 15.X.1922.
47. ЛУНАЧАРСКИЙ А. В. Интеллигенция в ее прошлом, настоящем и будущем. М. 1924, с. 63; е г о ж е. Об интеллигенции, с. 12, 18—19; е г о ж е. Советская власть и интеллигенция; е г о ж е. Проблема культурной революции, с. 23—24; е г о ж е. *Собр. соч.* Т. 2, с. 432—433, 441—442; е г о ж е. Интеллигенция и ее место в социалистическом строительстве.— *Революция и культура*, 15.XI.1927, с. 25—31.
48. FITZPATRICK Sh. *The Emergence of Glaviskusstvo: Class War on the Cultural Front*. Moscow. 1928—1929.— *Soviet Studies*, Vol. 23 (October 1971), p. 236—253.
49. FULOR-MILLER R. *The Mind and Face of Bolshevism*. N. Y. 1929, p. 11; GOLDMAN E. *My Disillusionment in Russia*. N. Y. 1923, p. 39—40; MEDVEDEV R. A. *Op. cit.*, p. 58—59.
50. ULAM A. V. *Lenin's Last Phase*.— *Survey*, vol. 21. Winter—Spring 1975, p. 148—149.
51. ЛУНАЧАРСКИЙ А. В. Письмо в редакцию.— *Правда*, 22.XI.1927.
52. СТАЛИН И. В. *Соч.* Т. 11, с. 53, 57—58, 60, 215—216; ЮДИН П. Ф. Ленин и философская дискуссия, 1908—1910 гг.— *Литературное наследство*. Т. 1, с. 18, 20.
53. DEUTSCHER I. *Op. cit.*, p. 21.

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева

Четырехсторонняя встреча в Париже

После моей поездки в Америку лидеры четырех держав — США, Франции, Англии и Советского Союза — договорились о встрече в Париже, с тем чтобы обсудить возможность обеспечения мирного сосуществования и договориться о разоружении. Это были главные темы дня. Мы тщательно готовились к совещанию. Намечалось оно на май 1960 года. Правда, особых надежд на возможность найти взаимоприемлемое решение у нас не имелось, но готовились мы тем не менее серьезно: хотели использовать буквально все для смягчения наших отношений и ставили целью гарантировать мирное сосуществование государств с различным социально-политическим устройством.

Весной того года мне доложили, что нашу границу перелетел американский самолет У-2. Самолеты этого типа мы уже знали, они не однажды летали над нашей территорией. Мы заявляли протесты, но власти США отклоняли их: дескать, никаких полетов такого рода их самолеты над советской территорией не совершали. Теперь же нас особенно возмутило то, что полет состоялся, когда была назначена встреча лидеров четырех держав в Париже, уже развернулась подготовка к ней и все участвующие стороны должны были стремиться создать условия для достижения договоренности. Свершившееся трудно было себе представить: это был неразумный шаг, просто глупый. Но он был сделан.

Громыко, как и полагается в таких случаях аккуратному исполнителю, пришел с выработанным в МИДе проектом протеста. Мы ознакомились с документом, и я предложил в Президиуме ЦК партии: «Давайте не принимать никакого документа, не станем протестовать официально. Какой в том смысл? Ведь американцы сами понимают, что они делают. Они поступают так для того, чтобы подчеркнуть наше бессилие, отсутствие у нас технических средств противодействий. Поэтому мы вынуждены заниматься лишь протестами дипломатического характера через печать или через ТАСС. Но это только ободряет их в нахальстве. Надо самолеты сбивать!» Раньше мы такие самолеты сбивать не могли: наши истребители не дотягивали до высоты, на которой они летали. Мы могли догнать их по скорости, но не могли достигнуть нужной высоты. Они летали, кажется, на высоте 21 тыс. м, а наши самолеты поднимались примерно на 18—19 тыс.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 2—12; 1991, №№ 1—12; 1992, №№ 1—3, 6—9, 11—12; 1993, №№ 2—9.

м, да и то с огромными усилиями, на особо подготовленных аппаратах, которые гонялись за этими У-2.

Но теперь ракеты «земля - - воздух» уже пошли у нас на конвейере. И когда 1 мая рано утром раздался звонок (а я отлично помню этот день) и я поднял трубку, министр обороны Малиновский доложил мне: «Со стороны Афганистана, явно из Пакистана, американский самолет У-2 следует в сторону Свердловска». Я ответил: «Надо отличиться и сбить этот самолет. Примите все меры!». «Да, я уже отдал приказ, будет сделано все возможное, чтобы его сбить», — ответил Родион Яковлевич. Я поинтересовался: «По его маршруту имеются наши зенитные средства?». «Имеются. Видимо, он напорется на них. У нас есть все возможности сбить его, если не проворонят зенитчики». Он допустил выражение «не проворонят» потому, что в апреле, когда был предыдущий идентичный случай, наши зенитчики упустили У-2: они не были подготовлены и своевременно не открыли огонь.

В Москве на Красной площади начался первомайский парад войск. Затем он закончился, пошла демонстрация трудящихся. День стоял прекрасный, солнечный. Демонстрация проходила с большим подъемом, настроение у всех было очень радостное. Вдруг появился маршал Бирюзов, который тогда командовал противовоздушной обороной страны. Мне сообщили о его приходе, и я сказал, чтобы он поднялся на Мавзолей Ленина. Бирюзов на ухо доложил мне, что самолет У-2 сбит, а летчика взяли в плен, сейчас его как раз допрашивают. Я поздравил маршала и с праздником, и с замечательным успехом, горячо пожал ему руку, и он ушел. Появление Бирюзова и разговор на ухо не остались незамеченными. Потом некоторые иностранные дипломаты говорили мне, что они сразу сообразили: что-то произошло! Бирюзов был не в парадной форме, а в обычном служебном кителе, то есть явился с места службы и что-то нашептывал...

Демонстрация закончилась, а я радовался не только ей, но и хорошему сюрпризу. Сколько лет мы ломали голову, как быть, сколько лет нервничали и возмущались, но далее того дело не шло. Когда мы протестовали, то видели, что протесты доставляют американцам только удовольствие. Они торжествовали в связи с нашим бессилием и продолжали нарушать суверенитет СССР, летая над нашей территорией. Теперь их ВВС набрались такого нахальства, что послали самолет в район Свердловска. Летел он со стороны Пакистана. Маршрут же был проложен так, что приземлиться он должен был в Норвегии. О самом маршруте и с какого аэродрома самолет вылетел, а также о цели полета мы узнали, конечно, от американского летчика Пауэрса. Кроме того, на карте, которая нам досталась, был нанесен маршрут.

Бирюзов несколько позднее доложил, как все произошло. У нас в шахматном порядке были разбросаны вдоль этого маршрута несколько зенитно-ракетных батарей. У-2 должен был напороться на ту или на другую из них, просто не мог при таком маршруте обойти их. Для верности наша ПВО запустила две ракеты. Первая же попала в цель, самолет был поражен сразу. Летчик выбросился с парашютом. Его сейчас же по приземлении схватили, увидев иностранца, рабочие местного совхоза. Потом приехали военные и забрали его с собой, обыскали, изъяли иглу не то булавку для самоубийства, отравленную ядом, и служебную инструкцию. Летчик на процессе показал, что самолет базировался на аэродроме в Турции, оттуда перелетел в Пакистан. Из Пакистана через Афганистан и советскую территорию направлялся в Норвегию, где должен был сделать посадку. На случай, если что-либо произойдет с самолетом, пилот обязан был покончить с собой, для чего был снабжен быстродействующим ядом. Булавка находилась в легкодоступном ему месте, чтобы он имел возможность тотчас воспользоваться ею. Но жизнь показалась Пауэрсу более привлекательной, и он отказался от задуманного, а булавка стала нашим трофеем.

Мы приказали доставить обломки самолета в Москву для публичного обозрения в Парке культуры и отдыха имени Горького. Народ валом валил, чтобы не только посмотреть, но и пощупать эти обломки. Пауэрс не оказал сопротивления при аресте, и в этом имелась логика, раз он не убил

себя. Затем он стал давать чистосердечные показания и все нам рассказал: сколько лет он занимается этим делом, сколько получал денег, назвал свою фамилию, рассказал о родных. Случившееся нас очень возмутило. Особенно возмущало, что летал он с такими заданиями уже много лет. Правда, политическим деятелям особенно возмущаться не следует, потому что так ведется борьба, та же война, только иными средствами. То была враждебная акция со стороны США, чего они и не скрывали. Они-то считали, что мы не в состоянии прервать такие полеты, сбивать их самолеты и получать вещественные доказательства того, что США пользуются недозволенными в мирное время средствами.

На второй день после события американцы опубликовали печальное заявление, что их самолет пропал без вести. Дескать, базируясь на аэродроме в Турции, летел в район Кавказских гор над ее территорией и не вернулся. Явное вранье! Мы же, как говорится, предвкушали горькое разочарование их разведчиков, которые состряпали ложное сообщение. Доказательства-то у нас как бы лежали в кармане. А пока наши разведорганы изучали факты и допрашивали Пауэрса. В печати шум поднялся невероятный. После 1 Мая открылась сессия Верховного Совета СССР, и мы разработали тактику поведения на сессии. Я предложил заявить о нарушении суверенитета СССР, желая опровергнуть сообщение американцев о том, что их самолет не перелетал нашей границы. Хотел сразу сказать, что этот самолет сбит нами, но без указания на то, в каком районе и что летчик остался жив. Такой план был принят. Имелось в виду запутать правительство США: раз советские лидеры не сказали, где именно самолет был сбит и какова судьба летчика, оно могло подумать, что Пауэрс погиб. Поэтому в Вашингтоне настаивали на том, что самолет летал над Турцией, хотя, возможно, сбился с курса и нарушил советско-турецкую границу. Там были уверены, что их версия может воздействовать в нужном направлении на общественное мнение других стран.

Когда американцы сами себя запутали небылицей, мы решили выступить в открытую и, сделав более полное сообщение, уличить их во лжи. Мне поручили заявить на сессии Верховного Совета о ходе расследования с точным указанием, на каком аэродроме базируются самолеты такого типа, в какое время и на какой аэродром данный самолет перелетел в Пакистан, когда и каким маршрутом летел через нашу территорию, какая задача была поставлена перед летчиком — проследовать в небе СССР на такой-то аэродром в Норвегии. Это стало сенсацией для печати и неприятным ударом по дипломатии США. А на сессии заявление было встречено и с гневом, и с воодушевлением. Гнев был направлен против США, радость изъяснялась за наши Вооруженные Силы и конструкторов, которые вооружили Советскую Армию ракетами, позволившими сбить самолет, считавшийся у американцев неуязвимым.

Нам это было политически выгодно, служило мобилизации общественного мнения, сплочению советских людей, одобрению ими политики СССР. Для правительства же это оказалось большой радостью: сколько лет американцы безнаказанно летали над нашей страной! Но, как в народе говорится, сколько кувшину по воду ни ходить, а разбитым быть. То есть сколько ни летать американскому разведчику, пришло время, и он поплатился. Случившееся сразу показало всем, кто какую проводит политику. Агрессивная линия США направлялась против Советского Союза. И свой шаг они совершили в то время, когда мировая общественность ждала, что же произойдет в Париже на встрече представителей четырех держав. Все надеялись, что на этой встрече договорятся о чем-то добром, что договоренность обеспечит более прочное и спокойное положение в мире. Все ожидали, что будут разработаны меры по предотвращению возможности возникновения новой мировой войны. И в то же самое время на деле была раскрыта двоедушная политика США, которые, с одной стороны, протягивают нам руку и заверяют, что преследуют мирные и дружественные цели, а с другой стороны, наносят в спину удар кинжалом. Такова империалистическая политика, для нас она не новинка.

Когда мы их «пригвоздили», американская печать выдвинула версию, что Эйзенхауэр не знал об этих полетах, и все стала валить на Центральное разведывательное управление. Из их статей следовало, что тут проделки Аллена Даллеса, брата покойного государственного секретаря США. А президент ничего не знал, и если бы ему было доложено, он не позволил бы такого. Конечно, то было самое разумное для них объяснение неразумной акции. Оно давало президенту возможность в какой-то степени обелить себя и сохранить свое лицо для предстоявшей встречи в Париже.

Когда были выставлены обломки самолета в парке имени Горького, иностранные журналисты много писали по этому поводу. Я все это читал и знал направленность их сообщений. Чувствовалось, что американские журналисты сами огорошены и потрясены. Они, видимо, рассчитывали на достижение договоренности между СССР и США, и вдруг такой пассаж! Здесь им трудно было выворачиваться, и они высказали осуждение данной акции. Правда, осуждали немногие, но все же такие имелись. А я решил поехать на выставку: меня тянуло посмотреть, что осталось от самолета? Со мной отправились и другие официальные лица, в том числе Бирюзов, дававшие пояснения при осмотре. Собралась различная публика, набегали иностранные корреспонденты, да и наши там присутствовали.

После осмотра корреспонденты стали задавать мне вопросы. Я вынужден был высказаться напрямую. Беседа с ними доставила мне удовольствие, так как у меня было желание еще раз выразить свое возмущение и заклеить агрессора. Я выступил перед толпой, которая собралась около павильона. В выступлении придерживался тактики, которую избрала некоторая часть американской печати: обвинил агрессивные круги США, военных, Аллена Даллеса, но не высказывал осуждения в адрес президента. Нам было выгодно, чтобы президент отмежевался от происшедшего, что позволило бы в дальнейшем проводить политику укрепления и упрочения связей, возникших после моей поездки в США и встречи с Эйзенхауэром.

Но в том же мае мы узнали о его заявлении, в котором сообщалось, что он знал о полетах и одобрял их. Эйзенхауэр объяснял это тем, что Советский Союз является закрытой страной и США вынуждены были заботиться о своей безопасности, вести разведку. Поэтому президент как главнокомандующий считал полеты необходимыми. Говорил, что и в дальнейшем США будут так поступать, поскольку обладают правом обеспечивать безопасность страны, даже не считаясь с суверенитетом других государств.

Явно неразумное выступление, если не сказать больше. Глупое выступление. Но оно состоялось. Так президент сам лишил себя возможности выгородиться из пикантной истории перед встречей в Париже. У нас теперь выбора не осталось, и мы выступили с резким осуждением происшедшего, не соглашаясь с такой политикой и с тем, что в США находят оправдание таким полетам. Куда же дальше? Если сам президент заявляет, что нарушался суверенитет, то это же, собственно говоря, призыв к войне! Нас буквально распирало возмущение, и мы использовали все публичные возможности для разоблачения агрессивной линии. Теперь мы не щадили и президента, потому что он сам подставил свой зад, и мы раздавали американцам пинки, сколько угодно и как только возможно.

Мировая общественность очень хотела встречи в Париже представителей четырех держав. И вдруг — такое разочарование... СССР не отказался от встречи, ибо не хотел взять ответственность на себя за ее срыв; мы не хотели, чтобы разочарование вылилось в гнев, направленный против нашей политики. Поэтому мы критиковали Соединенные Штаты, но готовились и к поездке в Париж, разрабатывая вопросы, которые должны были там обсуждаться.

Приближалось время вылетать туда. Мы стали формировать состав делегации. Заранее было обусловлено, что возглавят делегации главы государств или же правительств. В нашу делегацию, конечно же, вошел и министр иностранных дел. Как только мы узнали, что Вашингтон включил в сопровождение президента военных, я предложил поехать нашему министру обороны Малиновскому. Если в США хотят придать такой оттенок

встрече, то и мы ответим тем же. Подготовили мы и соответствующие документы. Цель встречи: обеспечение мирного сосуществования и решение спорных вопросов, прежде всего германского, и проблемы разоружения. Собственно говоря, эти вопросы остаются по сей час неразрешенными, хотя теперь таят в себе гораздо большую опасность, потому что за истекшее время накоплена масса взрывчатого материала. Если сейчас разразится война, то она окажется ужасной.

Наступил день отлета. Мы отправились в Париж на самолете Ил-18, очень хорошо и по внешнему виду, и по техническим качествам. На этот раз наше самочувствие было не таким, как по прибытии на Женевскую встречу глав четырех держав, когда мы летели на двухмоторном Ил-14. Все главы правительств и государств прибыли туда на четырехмоторных самолетах, что производило внушительное впечатление на обывателя. Двухмоторный, конечно, уступает четырехмоторному, но у нас тогда лучших самолетов просто не было. Потом мы слетали в США на Ту-114, сверхгиганте по тому времени. Он произвел ошеломляющее впечатление и на американского обывателя, и на американских знатоков самолетного дела.

Когда мы летели над Европой в Париж, я думал: «Мы уже не раз встречались, а надежды, что достигнем договоренности, мало». Тот факт, что перед самой встречей был сбит У-2, постоянно присутствовал в моем сознании. У меня возник вопрос: «Чего мы ждем? Разве сможет самое сильное в мире государство США пойти на соглашение в таких условиях? Можно ли ждать от этого государства разумного соглашения, если оно перед встречей подложило под нее мину?» Я убеждался, что мы можем выглядеть несолидно: нам преподнесли такую пилюлю, а мы сделаем вид, что ничего не понимаем и идем на совещание, как будто ничего не произошло? Совещание будет сорвано, но другие державы постараются, безусловно, свалить ответственность на нашу страну.

Нам нанесено оскорбление, а мы идем на совещание? И во мне созрела мысль: пересмотреть первоначальную направленность наших документов, особенно декларации, с которой мы хотели выступить при открытии встречи. Надо поставить США ультимативные условия: они должны извиниться за нанесенное нашему государству оскорбление. Нужно потребовать от президента взять обратно свое заявление, в котором он оставлял за США право на разведывательные полеты над чужими территориями, чего суверенные государства никому делать не позволяют. Советский Союз тоже был заинтересован в разведке с воздуха, но с неравноценным интересом. Наша страна была обложена американскими базами в Европе, Азии и Африке, а США оставались для нас недостижимыми. Тогда мы имели небольшое количество ракет, которые доставали бы их территорию, и фактически она оставалась нам недоступной. Поэтому США и демонстрировали свое превосходство.

То было желание диктовать нам условия с позиции силы. Если мы как ни в чем не бывало сядем за стол и начнем обычные переговоры, следовательно, принимаем позицию их силы, не протестуя против нее. Это было совершенно невозможно, недопустимо, таким поступком мы нанесли бы большой урон нашему авторитету в глазах мировой общественности и особенно среди наших друзей, коммунистических партий, и среди стран, которые борются за независимость. Их борьба ведется в трудной обстановке. Как можно им положиться на Советский Союз в тяжелую минуту, если он принимает плевки в лицо и делает вид, что ничего не произошло?

Даже не знаю, как это мы, готовясь к совещанию, не поставили заранее перед собой вопросы в таком виде, не встав грудью на защиту своей чести. Теперь я в срочном порядке высказал в самолете свои соображения Андрею Андреевичу Громыко, и он согласился со мной. Родион Яковлевич Малиновский тоже считал, что мои соображения правильны, что нам следует переделать документы. Поскольку вместе с нами летели машинистки и стенографистки, то я продиктовал поправки, а Громыко с мидовским штатом засел за переработку документов. Требовалось их перестроить, как говорится, на 180 градусов. И мы создали новый документ, который еще не

рассматривался нашим руководством в целом. К сожалению, правительство СССР никогда ранее такими вопросами не занималось, да и теперь не занимается. Их решает только партийное руководство, что совершенно неправильно.

Мы срочно все зашифровали и передали в Москву. Не помню сейчас, передали ли прямо из самолета (а такую возможность мы имели) или уже прилетев в Париж. И быстро получили ответ с полным одобрением новой позиции. Таким образом, мы улетели с документами, имевшими одну направленность, а в Париже их направленность была уже другой. Считаю, что это было абсолютно правильное изменение нашей позиции. Мы не отказывались от совещания при условии, если США в лице президента извинятся за допущенное ими нарушение суверенитета нашей великой Родины — Советского Союза. Помимо принесения извинений президент должен отказаться от своего заявления и дать нам заверения, что разведывательные полеты над территорией СССР впредь не будут производиться.

По прибытии в Париж я подумал: «А если мы сделаем свое заявление, президент же не извинится, и не откажется от полетов?» Когда мы находились в Вашингтоне, являясь гостями Эйзенхауэра, то пригласили его к себе. Он приглашение принял. Очевидно, наше приглашение останется в силе. В сложившихся же условиях он к нам приехать не сможет. Иначе как мы станем его приветствовать на нашей территории? Сопровождать его? Считать своим гостем? Это нетерпимо, это оскорбительно, это унижает нашу страну и ее руководство! И у меня возникла мысль: в декларацию, которую мы собираемся зачитать на первом заседании, нужно включить пункт о том, что если не будет принесено извинений, то мы отзываем свое приглашение.

Все согласились, и мы быстро послали в Москву на согласование и эту дополнительную позицию. Сразу же получили положительный ответ. Таким образом, у нас не только были подготовлены все документы, но и мы сами были напичканы аргументами взрывного характера. К нам нельзя было притронуться: тут же проскакивала искра. Таким было тогда наше состояние. А что же другие лидеры держав? Существует порядок дипломатической вежливости — наносить визит главе государства, в которое прибываешь. И я встретился с де Голлем до начала совещания. После посещения мною Франции я был уже лично знаком с ним. С Макмилланом был знаком по Женеве, но и с ним мы тоже встретились до начала официальной встречи. Я высказал им обоим свое недовольство позицией США, свою непримиримость. Де Голль и Макмиллан убеждали меня не требовать извинений: США — великая страна, ее президент не может делать такое публичное заявление, и его нельзя вынуждать. Но я парировал сей аргумент, сказав, что мы тоже не маленькая страна, тоже считаем себя великой державой, тем более что мы не можем согласиться, что великая страна наносила оскорбления хотя бы и малым странам.

С первых слов началась как бы перебранка. Напряженность все возрастала, заряд гнева в нас накапливался и требовал разрядки. Мы хотели стенографически зафиксировать ход совещания, поэтому захватили в Париж главную стенографистку Совета Министров СССР. Я относился к ней с большим уважением. Она стенографировала все мои выступления, в том числе в процессе их подготовки. Затем я пригласил и главную стенографистку ЦК КПСС. Помню их по именам: Надежда Петровна и Нина Ивановна. Чаще я работал с Надеждой Петровной. Теперь ее предупредили заранее, что она будет трудиться на этом совещании. И вдруг уже перед самым совещанием мы получили информацию от организаторов, что возникло предложение проводить его без стенографисток. Это нас ошеломило, поскольку мы хотели иметь полную стенограмму переговоров.

Нам сказали, что могут присутствовать лишь технические секретари. Тогда я предложил объявить Надежду Петровну секретарем. Это наше право, хотя, как правило, все секретари — дипломаты и мужчины. С нами же прибыл и такой секретарь. Однако никакого законодательства на данный счет нет, просто на практике я женщин в этом качестве не наблюдал.

И я сказал Надежде Петровне: «Вы наш секретарь, поэтому обретае юридическое признание на международном совещании». Она умная женщина, все понимала. А так как была несколько молчаливой и унылой, то ответила мне скупой улыбкой. Некоторую серьезность и строгость поведения она вообще всегда сохраняла и на лице, и в манере держаться.

Когда мы пришли в зал заседаний, то Надежда Петровна выглядела в черном платье королевой. Мои помощники, которые знали ее биографию, рассказывали мне, что ее отец был цыган, мать — украинка, поэтому она сохранила красивые черты цыганского лица и в своем платье выглядела, как Кармен. Мы шутили: «Надежда Петровна, ни одна страна не выставит равноценного Вам секретаря...». Зашли в зал, стали заходить туда и другие делегации. Первой вошла делегация Англии. Мы поздоровались, и тут же вошла делегация США. Ее члены сразу же последовали на свои места и сели, поприветствовав нас наклоном головы. Мы это поняли так: «Вас видим, но руки не подаем, находимся в состоянии конфликта и даже психологической войны».

Еще до начала совещания я обратился к президенту де Голлю за разрешением выступить с заявлением. Мы хотели предъявить свои ультимативные условия, и от того, как примет их делегация США, зависело, будем ли мы принимать участие в совещании. Я зачитал заявление. Переводчик Суходрев все точно переводил как очень хорошо подготовленный специалист, прекрасно знавший английский язык. Мне он очень нравился. Я сейчас вспоминаю о совместной работе с ним. Фамилия его типично украинская, но не знаю, украинец ли он, ибо от украинского языка в его речи ничто не проскальзывало. Знатоки английского и все журналисты отмечали, что переводчик у Хрущева в совершенстве владеет английским.

Итак, я зачитал декларацию. Именно зачитал, потому что в таких случаях никакое вольное изложение недопустимо. При вольном изложении могут появиться лишние слова, не так построится фраза, все это будет зафиксировано, а потом трудно исправить. Если допустить лишнее слово, тем более лишнюю фразу, появится возможность иного толкования текста — в пользу наших противников. Зачитав декларацию, я уселся. Произошло общее замешательство, особенно после фразы, в которой заявлялось, что мы отменяем свое приглашение, если не будут принесены извинения со стороны США, и президент не сможет стать нашим гостем после того, что он допустил в отношении нашей страны. Эйзенхауэр встал с места, его делегация — тоже, и мы разошлись. Не помню, было ли объявлено, что мы соберемся еще раз, или не было. Одним словом, наша декларация сыграла роль бомбы, которая разметала всех по своим комнатам. Круглый стол, который должен был нас объединить, развалился.

Инициатива в продолжении совещания была проявлена де Голлем. Через министра иностранных дел он передал нам, что три западные делегации соберутся без нашего участия, обсудят нашу декларацию и определят свое отношение к ней. Мы понимали, что президент с сопровождающими лицами и со своими союзниками Францией и Англией должен посоветоваться, чтобы определить их общую линию. Отчасти мы надеялись, что де Голль с пониманием отнесется к нашему заявлению, которое должно было бы импонировать его характеру. Он тоже очень строго вел себя при защите чести Франции и французов, так что наше заявление не противоречило его пониманию вещей. Мы ожидали, что он что-либо выскажет публично в поддержку нашей позиции, хотя понимали, что в принципе это для него было почти невозможно. Но думаю, что хотя бы внутренне он с пониманием относился к нашей позиции.

Настроение у меня было боевое, наступательное и приподнятое, хотя я знал, что США не согласятся на горькую пилюлю, которую мы приготовили и заставляем их проглотить. Поэтому и не думал, что они признают публично свою неправоту. Так у нас появился незапланированный свободный день. К какой-то своей работе иного плана мы не были подготовлены, а в Париже есть, что посмотреть, нашлись бы время и желание. Малиновский много рассказывал мне ранее о своей солдатской службе во Франции

в первую мировую войну. И я обратился к нему: «Родион Яковлевич, далеко ли та деревня, в которой стоял ваш полк на отдыхе во время первой мировой войны?». «Нет, недалеко», — ответил он. «А Вы хорошо помните те места, чтобы попасть туда без сопровождающих?». «Да, хорошо помню. Помню даже людей, а не только деревню. Я и сам хотел бы побывать там, повидать знакомых, перебраться словечком». Да и мне захотелось поехать туда именно вместе с Малиновским, который солдатом сражался против немцев вместе с французами. Собственно говоря, мы приехали сейчас на совещание по тому же германскому вопросу. Последствия агрессии, которую совершила Германия в 1941 г., еще не ликвидированы, с ней нет мирного договора. Мы надеялись на сочувствие со стороны французского народа.

Я и Родион Яковлевич, сопровождающие лица и охрана сели в машины и поехали. Громыко остался в Париже держать связь с делегациями и дожидаться телеграмм из Москвы. Выехали из Парижа по хорошему шоссе, обсаженному липами. Погода стояла ясная, солнечная. В пути наткнулись на липу, которая упала на дорогу, и объехать ее не могли. Чтобы убрать ее, пришли с топорами и пилами дорожники. Мы тоже вышли из машины и стали работать вместе с ними. Я попросил топор у француза, он охотно дал, остальные смотрели и улыбались: сможет ли русский премьер-министр владеть топором? Я никогда лесорубом не был, но привык к физическому труду еще с детства и умел в своем хозяйстве орудовать топором. Происходившее фиксировалось журналистами, фотографами и кинооператорами, но это не противоречило нашим желаниям и шло на пользу советской делегации. Я считал, что народ первым поймет: вот правительство, которое состоит из трудовых людей, а глава правительства, сам бывший рабочий, знает, что такое физический труд, и в таком возрасте еще владеет топором. Разрубили мы это дерево, растащили куски, сели в машину и отправились дальше.

Гидом нам служил Малиновский. Мы, никого действительно не спрашивая, прибыли в нужную деревню. Приехали туда прямо к дому, в котором квартировал Малиновский со своим другом. Никакой толпы не собралось, так как мы прибыли без предупреждения. Вышли из машины, а из дома навстречу — хозяин, человек лет 45. Мы с Малиновским представились ему, и Родион Яковлевич спросил, жива ли его мать, которая, видимо, помнит, как два русских солдата спали на сене у них в сарае? Хозяин очень любезно принял нас, пригласил в дом, появилась и его мать — хозяйка в былые времена. Мы поприветствовали ее, всемерно проявляя внимание. Малиновский напомнил ей, кто он, назвал и имя своего друга, заинтересовался, жив ли ее супруг. Она ответила, что умер.

Малиновский еще раньше говорил мне, что тот был стар, а хозяйка молода и очень красива. Друг Малиновского ухаживал за хозяйкой, она была влюблена в него. Солдатам это было выгодно, потому что хозяйка угощала их молоком, сметаной, вкусными изделиями французской кухни. Когда он назвал имя своего друга, ее постное лицо переменялось и оживилось. Она теперь выглядела старухой, хотя, с его слов, была моложе Родиона Яковлевича. Сейчас же ее сын убежал и вернулся с бутылками вина, накрыл стол, появились традиционные французские закуски, проявились душевная любезность и теплота хозяев. Сын ухаживал за нами, угощал вином. Старуха тоже вышла. Малиновский начал вспоминать былое. Хозяйка же, видимо, не хотела предаваться воспоминаниям и вела себя с нами довольно сдержанно. На ее лице было написано некоторое равнодушие, сын же проявлял типичное крестьянское радушие, но без телячьих восторгов.

Потом все вышли на улицу. Здесь уже собрались жители деревни. Многие у меня сохранились в памяти. Это были люди среднего возраста. Детишки, конечно, тоже присутствовали, как во всякой деревне в таких случаях. Малиновский стал расспрашивать о некоторых своих знакомых и обратился по-французски к немолодому уже человеку. «А сохранился ли ваш кабачок? Вы его посещаете?». Француз улыбнулся: «Да, кабачок есть,

и мы его посещаем так же, как и раньше, но той красавицы, о которой Вы, видимо, вспоминаете, уже давно нет на свете». Малиновский тоже заулыбался и сказал: «Я и не отказываюсь, что вспомнил ее». Тут все загалдели, вспоминая девушку из кабачка, писаную красавицу. Видимо, владелец кабака держал ее ради привлечения молодежи, чтобы побольше выпили его вина. На этом он имел заработок. О каких-либо своих вольностях в отношении красавицы или с ее стороны Малиновский никогда не говорил. Видимо, там были чистые, хорошие отношения. Он-то любил женщин, особенно красивых, о чем много раз честно рассказывал, вспоминая и о своем пребывании в Испании во время войны республиканцев против Франко.

К вечеру мы вернулись в Париж. Громыко сообщил, что заседания не будет. Главы трех держав обменялись мнениями. Эйзенхауэр решил, что извиняться не станет. Французы и англичане не возражали бы против извинений, тем не менее официальное заседание не состоялось. Еще когда я зачитывал декларацию, Эйзенхауэр обратился тут же к госсекретарю Гертеру за советом: «Я думаю, можно извиниться?» — сказал президент. Но Гертер ответил: «Нет!» и скорчил такую гримасу, которая не вызывала сомнений в его позиции. Так Эйзенхауэр и не дал заверений, что разведывательные полеты больше не будут повторяться. Таким образом, он опять показал, что находится под сильным влиянием госсекретаря. Во время совещания в Женеве он тоже добросовестно зачитывал записки Даллеса, которые тот ему подкидывал. Теперь диктовал Гертер, а Эйзенхауэр опять согласился. Президент был наделен и умом, и здравым смыслом, но шел на поводу у других, хотя понимал, что занимает неправильную позицию. Однако противостоять им не мог. Следовательно, не он формировал международную политику США.

Уже после того, как было решено, что совещание не состоится, я по долгу вежливости съездил к Макмиллану. Тот не мог ни защищать позицию США, ни осуждать своего союзника и только доказывал, что мы слишком многого потребовали: надо было принять во внимание положение президента, который не в состоянии извиняться публично. Макмиллан считал, что нам надо было найти более гибкую позицию для ликвидации напряженности, и выражал сожаление, что мы публично отказались от приглашения Эйзенхауэра в СССР. Я доказывал нашу правоту и думаю, что Макмиллан с пониманием отнесся к моим словам, что можно было увидеть по выражению его лица. Он сказал: «Господин Хрущев, сейчас Англия не занимает той позиции, которую она занимала когда-то в вопросах международной политики. Раньше Британия являлась владычицей морей и во многом определяла политику Европы и даже мира, а теперь мы стали иными. Сейчас самые мощные государства в мире — это Соединенные Штаты и Вы. Следовательно, именно от Вас многое зависит...».

Мы любезно распрощались с Макмилланом. То была моя последняя встреча с ним. Потом я нанес визит генералу де Голлю. Он занимал такую же позицию, как Макмиллан, то есть в какой-то степени нейтральную, и в ходе беседы употреблял почти те же слова и аргументы, что и Макмиллан. Но я чувствовал, что де Голль больше сожалеет о случившемся. Видимо, он возлагал большие надежды на совещание, чем Макмиллан. Это чувствовалось. Таково мое сугубо индивидуальное восприятие его слов. Может быть, я ошибаюсь, но именно такое у меня сложилось впечатление. Распрощавшись с де Голлем, я вернулся в посольство, где мы расположились. К нам приехал Торез со своей женой Жаннеттой Вермерш. Беседа состоялась братская, я рассказывал о последних событиях, Торез искренне был доволен нашей позицией и полностью ее одобрял. Я забеспокоился: «Правильно ли поймут нас французы? Французская общественность?». Она-то возлагала надежды на встречу. Все хотели мира. Мы заранее предвидели, что Запад свалит на нас срыв совещания. Если рассматривать дело формально, то это мы отказались от участия в нем, сделав резкое заявление. Наш документ сразу же был опубликован. Не искусенному в политике обывателю трудно было разобраться в тонкостях, а прожженным политикам мы дали возможность направить недовольст-

во за срыв совещания на Советский Союз и его главу. Это меня беспокоило, и я спросил Тореза о том. Он ответил, что, конечно, реакционеры воспользовались ситуацией, но члены компартии и общественность разберутся и будут на нашей стороне. Торез заулыбался, когда я рассказывал о посещении вместе с Малиновским французской деревушки. Я почувствовал, что все это ему импонирует.

Потом с визитом прибыл каноник, мэр города Дижон Кир. Когда я был во Франции гостем президента, то Кир со мной встретиться не смог, так как считался властями просоветским человеком, и они его на время как бы изолировали. Кир был активным членом Сопротивления фашистской оккупации и подвергался гонениям. Если мне не изменяет память, он дважды был приговорен к смертной казни. Теперь мне было интересно, как этот человек воспринял провал совещания. К тому времени уже зашумело французское радио, которое воссоставляло общественность против политики Советского Союза. Мы с Киром беседовали на открытом воздухе. В нашем посольстве имелся уютный дворик, а беседа получилась самая радушная. Он говорил мне о том, что сожалел, не сумев встретиться со мною раньше. Кир полностью одобрил нашу позицию, изложенную мной во время беседы. Потом я поинтересовался у этого немолодого, хотя и энергичного человека: «Каким транспортом Вы располагаете?». Персональной машины у него не было. И я предложил: «Если не возражаете, я предоставлю Вам свою машину, которая отвезет Вас по адресу, который Вы укажете». «Буду польщен этим и охотно принимаю Ваше предложение».

Кир высказал много любезностей в мой адрес, и мне было приятно это услышать в напряженный момент, когда на нашу политику вешали всех собак и буржуазная пресса хотела нас изолировать. Тот факт, что каноник Кир выезжает на машине из советского посольства с нашим флажком, имел большое значение. И я был рад, что он проявил трезвость ума и согласился воспользоваться нашей машиной. Мы распрощались очень любезно, я проводил его за ворота. Приходили и еще какие-то делегации, и отдельные лица, но это были люди левого политического направления. Правые в любой ситуации, если бы даже наша встреча хорошо закончилась, не почтили бы нас вниманием и не удостоили своим визитом. Да я в них и не нуждался. Наоборот, это могло бы быть плохо расценено левыми кругами. Люди, посетившие посольство, с пониманием относились к нашей политике и верили, что мы твердо стоим на позиции борьбы за мир, за мирное сосуществование двух систем, за развитие экономических и культурных связей между всеми народами независимо от социально-политического устройства в тех или других странах.

Буржуазная агитационная машина работала во всю мощь, восстанавливая общественное мнение против Советского Союза, обвиняла нас в срыве переговоров, в том, что мы «растоптали надежды» народов. Пришла пора улетать. В таких случаях задерживаться не рекомендуется. Мы поехали на аэродром в открытой машине. Я демонстративно хотел ехать таким образом и видел, как по-разному люди провожали нас. Конечно, никаких организованных манифестаций, ни дружеских, ни враждебных, не было, но одни группы людей горячо приветствовали нас, другие сжимали кулаки и грозили в нашу сторону. Здесь ничего противоестественного не было. Столкновение двух линий произошло в такое время, когда созрели условия для контактов. Мы уже съехались, чтобы разработать общую позицию, которая обеспечивала бы мир, чего хотели все народы... И вдруг все развалилось из-за ультиматума, который мы выдвинули!

Не каждый правильно понимал справедливость ультиматума. Некоторые подходили к делу с либеральных позиций, считая, что, хотя американцы проявили наглость, нужно было поступиться своими принципами, чтобы не сорвать совещание. Мне такая позиция понятна, но с ней никак нельзя было согласиться. Есть народная поговорка: «Дай коготкам увязнуть, весь влезешь в тину». Если бы мы не проявили мужества и не встали на защиту своей чести тогда, следовательно, согласились бы с США в том, что их

самолеты имеют право летать над закрытыми территориями любых государств. Что значит, закрытые? Это значит, что государство контролирует свои границы. Мы принимаем гостей добром, но непрошеные гости получают должное.

Прошло много лет, а я и сейчас считаю тот наш резкий отпор правильным. Я просто горд за время, когда мы дали отпор самому мощному государству, которое не считалось с мнением других стран. На этом закончился наш медовый месяц в отношениях с Соединенными Штатами Америки. У меня сложилось впечатление, что Эйзенхауэр лично хотел улучшения наших отношений, понимал вредность политики, проводимой в отношении нас, и желал сближения. Мы, со своей стороны, всегда этого хотели. С момента создания нашего государства Ленин делал все, что было в его силах, для установления дипломатических отношений со всеми странами. Припоминаю его знаменательное высказывание, что нужно строить нормальные отношения со всеми странами, существующими на планете. Если не признавать наличие капиталистического мира, то нам остается только улететь на Луну. Нужно признавать реальности, устанавливая дипломатические, экономические и культурные отношения со всеми странами.

После Ленина продолжалась такая же политика, а особенно после смерти Сталина, когда мы получили возможность свободно выражать свои мнения и устранить препоны, возникшие в результате проявлений сталинского недружелюбия, всего того, что затрудняло и усложняло отношения с капиталистическими странами. Мы постарались убрать барьеры, которые возникли в отношениях с Турцией, Ираном, Афганистаном, хотели улучшить испорченные отношения и со странами крупного капитала. С другой стороны, многолетняя безуспешная борьба против СССР, нагнетание напряженности между странами социализма и капитализма, антисоветская блокада не дали результатов. Нам казалось, что пришло время осознать, что нас сломить силой нельзя. Нет методов, которыми можно задушить такую страну, какой являлся Советский Союз, тем более, когда он уже не был единственной социалистической страной. Возникло содружество социалистических стран, мы усилились.

В своих выступлениях на встречах с зарубежными журналистами я потом указывал на неразумность антисоветской политики и напоминал, что Рузвельт, став президентом, положил доброе начало. До того ряд лет США не признавали Советского государства, у нас не имелось дипломатических отношений. А сейчас политика, проводимая США, тоже потерпит крах, как потерпела крах политика непризнания Советского Союза. Журналисты отвечали: «Бывшая Россия тоже 16 лет не признавала США после того, когда они добились независимости в войне с Англией». Я отвечал, что не надо брать дурной пример. Царская Россия не могла сразу реалистически подойти к изменившимся условиям в мире. Республиканское правление было для нее крамолой, поэтому и оттягивалось признание. Неужто теперь США должны столь же неразумно подходить к своей политике в оценке сложившихся новых условий в мире? Это не достигает цели, к тому же вредно для экономики США, которые выиграли бы больше, если бы между нами развивались нормальные экономические, культурные, научные и прочие отношения.

У некоторых возникает вопрос: «Может быть, нам раньше вообще не следовало принимать приглашение Эйзенхауэра?». Нет, это было бы неразумно. Даже при том, что ничего особенного не получилось, мы ничего не потеряли, а, наоборот, приобрели. Американцы лучше узнали Советский Союз. Мы обрели возможность лично встречаться со многими людьми, высказываться через американскую печать. Среди буржуазных журналистов появились люди, которые понимали необходимость улучшения отношений между Советским Союзом и США. Могут сказать, что встречи, церемонии и прочее --- бутафория. Но для буржуазного мира даже она имеет значение. Почетный прием нашей делегации означал признание провала политики изоляции, провала усилий ликвидировать Советский Союз. Наша моральная победа оказалась колоссальной. И мне приятно было слушать, когда

Эйзенхауэр во время беседы в Кэмп-Дэвиде иной раз обращался ко мне со словами «Мой друг». Опять скажут: «Это все слова». Верно. А что же вы хотите, чтобы два лица, которые занимают совершенно противоположные полюса, сошлись, и сразу же наши противоречия исчезнут? Это невозможно, такое могут представить себе только фантазеры или люди, которые совершенно не разбираются в вопросах классовой борьбы. Тут длительный процесс, и его не решают за столом при дружеских беседах.

Мы верим, что будущее — за рабочим классом, что идеи марксизма-ленинизма восторжествуют во всем мире. Бороться за это нужно разными средствами, но надо понимать слова Ленина, что революция не экспортируется, что на штыках нести революционные идеи в другие страны нельзя. Это дело рабочего класса каждой страны! Вот что надо признать и соответственно строить свою политику согласно ленинскому принципу мирного сосуществования, которое выражается и во взаимных контактах, и в обмене мнениями. Это полезно для социалистических стран. У капиталистов многому можно поучиться. Многое мы еще делаем хуже, чем они. У них больше и опыта, и знаний. Даже после того, как мы за десятки лет создали свою огромную армию интеллигенции, нам нужно хорошенько присматриваться к тому, что делается в капиталистическом мире, чтобы потом перенести все полезное на социалистическую почву.

Теперь — о другом, как Эйзенхауэр выполнил обещание, данное им американскому народу, заявив, что США и дальше будут продолжать разведывательные полеты над территорией Советского Союза. Он хвастался, что США имеют право нарушать границы, но на практике сделал правильный вывод: Советский Союз сбил один У-2, может сбить и другой, поэтому лучше его не провоцировать. Затем произошел такой инцидент: американские разведывательные самолеты летали вдоль нашей границы над Северным Ледовитым океаном и вторгались в пределы наших территориальных вод. Наши истребители сбивали одного нарушителя, он затонул. Американцы, как всегда в таких случаях, заявили, что летели над нейтральными водами. Они послали туда свою разведку, летали над теми водами, вызывали туда свои корабли, но не смогли доказать, что самолет был сбит над нейтральными водами. А у нас имелись вещественные доказательства: шесть их летчиков погибли, но оставшиеся в живых находились в советском плену.

До того момента, когда мы сбивали У-2, американские самолеты из Западной Германии часто нарушали границы Чехословакии и ГДР. Теперь командующий американскими войсками в ФРГ издал приказ не приближаться к границе между ГДР и ФРГ ближе чем на 50 километров. И больше подобных инцидентов не возникало. Тут польза нашего заявления сразу вылилась в то, что противник узнал, через какой рубеж нельзя переступить, потому что это не пройдет безнаказанно. А разве этого мало? Кроме того, мы показали всему миру, что не ломаем шапки даже перед таким мощным государством, как США. А ведь перед американской финансовой мощью западноевропейские державы ползают на брюхе. Мы же гордо поставили себя и сказали: «Нет!». Хотим дружбы, но не потерпим унижений, так как не придерживаемся в политике слов из Евангелия: если тебя ударили по одной щеке, подставь другую. Наоборот, считаем, что если нас ударят, то мы можем и голову оторвать тому, кто позволит себе такое.

Столкновение, которое между нами произошло, оказалось особенно чувствительным после того, как наметилось сближение. Когда Эйзенхауэр пригласил меня посетить США и быть его гостем, у народов появилась какая-то надежда на твердый мир, а у мировой общественности, которая хотела смягчения напряженности и исключения военного конфликта, зарождалась даже иллюзия гарантии мира. И вдруг — поворот! Но мы продолжали вести свою генеральную линию мирного сосуществования и по-прежнему строили свои отношения с другими странами таким образом, чтобы добиться в конце концов взаимопонимания и обеспечить мир во всем мире. Хотя получился большой накал страстей, мы все же прилагали усилия в данном направлении. После того, как был сбит американский самолет,

который разведовал наши радарные установки на берегу Северного Ледовитого океана, у нас опять возник диалог: США вынуждены были обратиться к нам с просьбой вернуть пленных летчиков. Трупы мы вернули сразу, а двух пленных удерживали. Не помню сейчас, какими условиями обговаривался возврат, но договоренности так и не получилось. Пленные летчики остались у нас.

Джон Кеннеди и Берлинская стена

Наступило время перевыборов президента в США. Эйзенхауэр к тому моменту отработал максимум: два срока. Когда я находился в США, он заметил мне, что вскоре истекает срок его пребывания в Белом доме. Я спросил его, не считает ли он возможным остаться на третий срок, и поинтересовался, имеются ли организации, которые вновь выставили бы его кандидатуру, а также были ли такие прецеденты? «Нет, нет, — отвечал он, — я сыт по горло, больше не хочу быть президентом, да и вообще не следует делать это, я хочу завершить свою политическую карьеру». Считаю, что его ответ был искренним. Его авторитет к тому времени был в США очень высок, и если бы он захотел, то мог бы быть избран в третий раз, как Франклин Рузвельт. Правда, Эйзенхауэр объяснил, что тогда шла война и народ хотел, чтобы Рузвельт остался на своем посту, к тому же выборы были затруднены; но в принципе третий срок президентства не положен.

Были выставлены такие кандидатуры на пост президента: протезе Эйзенхауэра его вице-президент Никсон и от демократической партии Кеннеди и Стивенсон. Началась подготовка к выборам. Эйзенхауэр сам выступал в пользу Никсона, поддерживая его кандидатуру, а это очень весомая поддержка. Для Советского Союза все кандидатуры были одинаковы, все они стояли на капиталистических позициях. Ясно, что любой из них будет проводить ту же политику, что и Эйзенхауэр. Но имелись существенные оттенки. Эйзенхауэр и Никсон — тоже разные люди. Первый для нас был более приемлем. А Джон Кеннеди вообще у нас был мало известен. В печати, впрочем, отмечалось, что он отличался умом. Еще во время моей поездки по США Комитет по иностранным делам сената организовал прием в мою честь. Председателем комитета был тогда Фулбрайт. Он представил мне присутствующих, и когда дошла очередь до Кеннеди, назвал его: «Вот мистер Джон Кеннеди». Я пожал ему руку и сказал: «О Вас идет молва, Вам предрекают большое будущее...» Я постарался тогда какие-то слова сказать каждому, с кем меня познакомили. Но на этом наше знакомство в те дни и кончилось. Впрочем, мы знали, что Кеннеди отличается от других конгрессменов остротой реакции, образованностью и тактичностью поведения.

Стивенсон приезжал в Советский Союз, и я с ним встречался. Особенно теплые встречи с ним состоялись у меня на ферме у Гарста.... Гарст и Стивенсон в разное время говорили мне, что они друзья. На ферме мы сфотографировались, обнявшись втроем и, положив руки друг другу на плечи, так и позировали перед фотокорреспондентами. Мистер Стивенсон дружески относился к Советскому Союзу и считал необходимым улучшать наши отношения. Естественно, его кандидатура была для нас наиболее приемлема, но демократическая партия его кандидатуру так и не выставила, ссылаясь на то, что он дважды уже проваливался и она не хотела рисковать в третий раз. Мне трудно судить за избирателей США, потому что там очень неустойчивые избиратели. Трудовой народ, голосуя за претендента, отдает ему реальную власть, но выбирает при этом такого человека, который проводит политику, не согласуемую с интересами тех же трудящихся. Судя с наших, классовых позиций, президент США проводит политику крупного монополистического капитала. Видимо, Стивенсон тоже проводил бы такую политику. Все же демократы решили, что лучше сделать ставку на Джона Кеннеди. Это был молодой человек, миллионер. Стивенсон, кажется, не был богат.

Разгорелась борьба между кандидатами. Американцы хорошо умеют делать это. Борьба между республиканцами и демократами шла как бы по коренным вопросам жизни, но капиталистические круги, выставляя кандидата, знают, что, независимо от избрания того или другого кандидата, основы капитализма не будут потрясены. Когда от республиканцев был выдвинут Никсон, а от демократов — Кеннеди, мы больше надеялись на улучшение отношений между нашими странами, если в Белый дом придет именно последний. На Никсона мы не рассчитывали. Его агрессивность по отношению к СССР, антикоммунизм, который он проповедовал, и его былые связи с сенатором Маккарти ничего хорошего не предвещали. Это был выдвигенец реакционеров. Когда я был гостем Эйзенхауэра, меня сопровождал в поездке Лодж, с которым у меня сложились хорошие отношения. Перед выборной кампанией Лодж приехал в Москву, по-моему, как турист. Он не был приглашен Советским правительством, а прибыл как вольный казак. Я принял Лоджа по его просьбе, мы встретились, как старые знакомые, я высказал ему много приятных слов, потому что он делал ранее для меня все возможное, чтобы я чувствовал себя в США получше, и мы потом разговорились. Он доказывал мне, что если будет выбран Никсон, то наши отношения не изменятся: Никсон — не такой, каким он себя иной раз подает в речах на предвыборных собраниях. «Вы, господин Хрущев, не обращайтесь внимания на содержание предвыборных речей. Когда он придет в Белый дом, сложится другая ситуация. Я уверен, что он тоже будет стоять за сохранение и даже улучшение отношений между СССР и США».

Лодж был заинтересован в том, чтобы мы в печати не делали выпадов против Никсона, так как именно Лодж выставлял свою кандидатуру в вице-президенты. Так что эта пара вдвоем готовилась прийти в Белый дом. Думаю, что Лодж и прислал в Советский Союз по рекомендации Никсона и Эйзенхауэра. Они хотели, чтобы он поговорил со мной, так как у нас сложились добрые отношения, и чтобы наша печать вообще не хвалила бы их кандидатов: «Нам не нужно Ваше выступление в чью-то пользу, это пойдет, наоборот, во вред. Просьба держать строгий нейтралитет. Не вмешивайтесь в наши внутренние дела во время выборов президента». А мы так и собирались поступать. Это вообще разумная линия. Но все-таки внутренне мы больше ориентировались на кандидатуру Джона Кеннеди.

На завершающем этапе выборов, непосредственно перед голосованием, к нам официально обратились власти США с просьбой отпустить домой Пауэрса и тех летчиков, которые были пленены со сбитого нами самолета над Баренцевым морем. Пауэрс был уже осужден. На суде присутствовали его родственники. С ним юридически все было точно оформлено. В отношении же двух или трех других летчиков имелась какая-то недоговоренность. Вашингтон просил, чтобы мы амнистировали Пауэрса, а тех летчиков просто выдали бы правительству США. Мы и сами стояли на таких позициях, не считая нужным держать их в тюрьме. Но время их возвращения имело определенное политическое значение. Получив обращение из Вашингтона, я высказал свои соображения, с которыми согласились все члены Политбюро: «Сейчас нам делать это не нужно, потому что кандидаты в президенты спекулируют на этом и в печати раздаются голоса, что вот такой-то кандидат сможет лучше обеспечить хорошие отношения между США и СССР (они говорили: «персонально с Хрущевым»). Буржуазная печать всегда выставляет конкретное лицо, а не общественное положение того или другого лица, которое оно занимает в своем государстве. Если мы сейчас отпустим пленных, это пойдет на пользу Никсону. Даже малейший перевес в его сторону нам невыгоден. Давайте не делать такого шага, потому что я не ожидаю, что, если Никсон станет президентом, наши отношения улучшатся».

Мы не сделали этого и правильно поступили, потому что большинство голосов получил Кеннеди. Перевес в его пользу был малым, так что любое колебание сработало бы в пользу Никсона и, безусловно, он получил бы желаемые голоса. И я сказал: «Как только новый президент определится, мы вернем их людей, а пока будем надеяться, что победит Кеннеди». Так

и получилось. Позднее, встречаясь с Кеннеди в Женеве, мы с ним, беседуя, шутили. Он был в общении приятным человеком. Тут я ему и рассказал: «Мистер Кеннеди, Вы знаете, что мы голосовали за Вас?» Он посмотрел на меня вопросительно: «Каким образом? Как это понимать?» И я поведал ему об обращении Вашингтона к Москве перед окончанием избирательной кампании, назвал точное число и сказал, что, если бы мы вернули Пауэрса и полярных летчиков, то это было бы засчитано в актив Никсона. Он посмеялся и ответил, успокоившись: «Ваш вывод правилен. Я согласен, что в тот момент даже малый перевес мог стать решающим. Поэтому я признаю, что Вы тоже участвовали в выборах и голосовали в мою пользу». Эта шутка отражала действительность. Должен сказать, что я не пожалел о занятой нами позиции. После того, как Кеннеди стал президентом, надежд на улучшение наших отношений прибавилось.

Общественное мнение США в пользу улучшения наших отношений звучало все громче и громче. Такие голоса раздавались и в демократических, и в деловых кругах. Кеннеди лучше, чем Эйзенхауэр, понимал необходимость и разумность таких шагов, и не только по деловым соображениям, а главным образом потому, что холодная война, которая в то время велась, могла привести к горячей. Он этого не хотел. Не хотел этого, конечно, и Эйзенхауэр, который мне неоднократно говорил, что боится мировой войны. Кеннеди не говорил мне, что боится новой мировой войны, но понимал, что она не окажется прогулкой, а будет кровопролитной и обязательно коснется территории США. В прежних мировых войнах, в которых они участвовали, их солдаты действовали на европейской и азиатской территориях, поэтому экономический потенциал страны не только не разрушался, а, наоборот, возрастал и росло ее могущество в целом. Монополисты зарабатывали на тех войнах, но в будущей войне они могут многое потерять, потому что война эта будет ракетно-ядерной. Все это Кеннеди отлично понимал. Он умел анализировать события и не боялся называть вещи своими именами. Поэтому он и начал свою международную деятельность с установления более тесных контактов с СССР. Он тоже хотел договориться о разоружении, с тем чтобы прекратить дальнейший рост напряженности и получить уверенность в том, что никакая случайность не сможет вызвать военные столкновения.

Кеннеди сообщил нам, что хотел бы встретиться с главой правительства Советского Союза. Мы тоже стояли на близкой позиции. Когда он пришел в Белый дом, мы хотели установить с ним контакт и попытаться договориться о том же на разумной основе. Мы тоже боялись войны, потому что не боится войны только дурак. Я не страшусь этой фразы. Да, мы боялись войны, потому что она приносит разорение стране, бедствия — народу и требует жертв. Это не значит, что можно откупиться от войны любой ценой, в ущерб своему престижу. Думаю, что умный человек поймет разницу. Когда я стоял во главе правительства, возникало много случаев, когда СССР очень ревностно становился на защиту своего престижа, давая отпор агрессивным силам и одерживая моральную победу без войны.

Кеннеди был эластичным человеком. Он сам определял внешнюю политику США. Он взял к себе много молодых умных и образованных советников. В вопросах международной политики они тоже были гибки, поэтому и советы давали ему в этом же направлении. Определяя политическую линию, Кеннеди подбирал себе таких помощников на все посты, которые импонировали бы ему и понимали его цели. Американская печать, соответственно, высказывалась за личную встречу Кеннеди с Хрущевым. Наконец, мы получили официальное предложение встретиться на нейтральной почве, то есть не в СССР и не в США. В Париже встреча состояться не могла, так как недавно попытка лидеров четырех держав договориться закончилась там провалом. О месте проведения новой встречи у нас состоялись предварительные переговоры. Она могла произойти в Вене, в Женеве или же в Хельсинки. Кеннеди предложил Вену. Мы считали, и я лично тоже, что лучше в Хельсинки, ибо полагали, что Финляндия с большим пониманием относится к нашей политике. Но Австрия нас тоже устраивала. Ее

правительство придерживалось взятых на себя обязательств проводить политику нейтралитета. Да Вена и сама по себе мирный город. И мы согласились встретиться в Вене. Получили доверительное сообщение о том, кто будет сопровождать президента из официальных лиц и из членов его семейства. С ним должны были приехать жена и мать. Формируя свою официальную группу, мы пригласили министра иностранных дел и других работников МИД, которые нужны были для подготовки справок и советов. Они могли помочь правильно разобраться в том или другом вопросе, возникающем при переговорах по военным, экономическим и дипломатическим проблемам, которые требовали улучшения дела. Проблема ленд-лиза была довольно затаскана, поэтому мы не надеялись, что она может быть разрешена, но все же приготовились обменяться мнениями и по ней.

Так как президент брал с собой свою мать и жену, то я тоже должен был взять Нину Петровну, чтобы на приемах женщины могли вести между собой беседы. Я лично не был сторонником этого. У меня, признаюсь, такой аскетизм, видимо, остался от времен Сталина. На официальных приемах, которые проводил Сталин, я никогда не видел жен. Единственное исключение он делал в свое время для жены Молотова. Очень редко в театре, в его правительственной ложе, появлялась жена Ворошилова, а так всегда налицо было только мужское общество. Микоян, который слыл у нас человеком, наиболее сведущим в контактах и толкователем этикета, сказал, что за рубежом наличие жены будет хорошо расценено и нам тоже следует придерживаться международного этикета. Тут я согласился.

В Вене была организована официальная встреча, положенная по рангу. Венцы встретили нас очень хорошо, никаких выпадов не наблюдалось, проявлялись внимание и приветливость. Венцы говорили, что они очень довольны тем, что их город стал местом встречи двух лидеров. Отношение к нам было теплое, потому что мы заключили мирный договор и вывели войска из Австрии. Наши войска 10 лет находились на территории Австрии, а их вывод приписывали персонально мне. Это сделало, конечно, наше правительство, но я не отказываюсь от своей инициативы. Немногие знают, какая внутренняя борьба шла у нас по вопросу заключения мирного договора с Австрией. Я доволен тем, что было принято правильное решение, и мы заключили такой договор. А премьера и вице-преьера я знал лично. Был знаком и с министром иностранных дел Крайским. У меня с этим человеком вообще сложились добрые отношения. Он с пониманием относился к необходимости иметь дружбу между нашими странами. Конечно, как социал-демократ он не симпатизировал нашему общественному строю, как вся социал-демократия Запада, стоял на буржуазных позициях. Но все-таки среди реакционеров числился либералом.

В Вену я прибыл в сопровождении министра иностранных дел Громыко, а президента Кеннеди сопровождал государственный секретарь США Раск. Сначала мы нанесли положенные визиты президенту и премьер-министру Австрии. Наша делегация была очень хорошо размещена. Затем назначили час первой встречи. Сейчас не помню, сколько их состоялось: две, три или больше. Начались двусторонние беседы. Мы повели обмен мнениями по тем же вопросам, по которым не могли достичь соглашения с Эйзенхауэром: Германия, Западный Берлин, разоружение, взаимовыгодные экономические связи, торговля — вот затронутые нами вопросы, которые должны были нормализовать отношения между странами при благополучном их решении. Самым острым вопросом оставалась судьба Германии, хотя разоружение не менее важно. Оно всегда будет вопросом вопросов, но решить дело разоружения без договоренности о Германии невозможно. Западный Берлин — тоже загвоздка, как опухоль на здоровом теле. Чтобы оздоровить тело, надо удалить опухоль. Поэтому мы и нажимали на решение в первую очередь вопроса о Берлине. Не решив судьбу Берлина, нельзя решить судьбу Германии и вопрос о мирном договоре. Это все взаимосвязано.

Пошел обмен мнениями. Кеннеди занимал те же позиции, что и Эйзенхауэр. Политика, которую проводил представитель республиканской парт-

ии Эйзенхауэр, и политика Кеннеди, представлявшего демократическую партию, одна и та же. Лишь персонально она несколько изменилась. Видоизменился и способ ее проведения. Но суть, на которой она основывалась, та же: в первую очередь соблюдаются интересы крупного капитала, сохраняются и агрессивные устремления США. В этом — главное: непризнание ими никого; делаю то, что моя, дяди Сэма, левая нога захочет. Каковы наши контраргументы? Конечно, те же, что мы приводили во время переговоров с Эйзенхауэром. Но время работало в нашу пользу. С каждым годом росла наша экономическая мощь, усиливалось наше вооружение. Мы все больше и больше продвигались в освоении космоса, наращивали и совершенствовали ракетно-ядерное оружие. Его ассортимент стал более широким, от тактических до стратегических ракет. Это придавало нам другой вес и звучность голоса, хотя мы и сдерживали себя. Наш партнер не должен был заметить, что мы тоже начинаем говорить с ним с позиции силы. Мы не хотели скатиться на позицию Даллеса, против которой раньше боролись. Пока США общались с нами на почве нажима, они сами уже ослабли, а мы росли, как богатырское дитя в сказке: не по дням, а по часам.

Мы упирали, главным образом, на решение германского вопроса. Что же нового выдвинул тут Кеннеди? Да ничего нового, только собеседник более эластично подбирался к сути дела. Кеннеди признавал формулу мирного сосуществования, и это меняло обстановку. Во время разговора с Эйзенхауэром о погашении нашей задолженности по ленд-лизу присутствовавший там министр финансов Диллон на мой вопрос о мирном сосуществовании спросил: «А что это значит?». Таких глупых вопросов Кеннеди, конечно, не задавал. Наоборот, он сам признавал, что надо обеспечить мирное сосуществование, и заявлял это в своих публичных выступлениях. Это было шагом вперед, появилась основа для толкового разговора: раз мирное сосуществование, значит надо решать все то, что обеспечивает его. И одна из реальностей — признание двух Германий: Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германии. Без признания двух существующих государств Германии при особом статусе Западного Берлина не могло быть и речи о том, что наши отношения нормализуются, а значит, будет расчищен путь к мирному сосуществованию и к нормализации контактов по всем направлениям.

Кеннеди это все понимал, но просто внутренне не был готов к переменам, как не было к ним готово общественное мнение США, и не соглашался с нашими доводами. Грубо говоря, на ноге Соединенных Штатов в Европе имелась болезненная мозоль, на которую мы всегда могли наступить в зависимости от своих потребностей и оказать нажим: связь западных держав, наших бывших союзников, через территорию ГДР с Западным Берлином. Этой больной мозолью Сталин пользовался не раз. Объявив блокаду Западного Берлина, он потерпел, однако, крушение и вынужден был снять ее. В дополнение к Потсдамскому соглашению, с западными державами был подписан дополнительный договор, который ухудшал наше положение в Западном Берлине. После смерти Сталина мы стояли на тех же позициях. ГДР стала нашим союзником, поэтому мы делали все именно в ее интересах. Да ведь наши интересы вообще совпадали. У нас были единый подход к делу и единая заинтересованность, как и у других социалистических стран, особенно тех, кто входил в Варшавский пакт. Но Кеннеди в вопросе о Западном Берлине не соглашался с нами. Мы официально обратились с предложением о подписании мирного договора с Германией и заявили: если Запад не согласится, мы будем вынуждены подписать отдельно мирный договор с ГДР. Тогда на ее территорию не будут распространяться положения Потсдамского соглашения, а будут действовать статьи мирного договора, который подпишут СССР и те страны, кто захочет.

Кеннеди реагировал очень болезненно. Он чувствовал, что мы можем это сделать. Я видел, что Кеннеди понимает наши рассуждения в буквальном смысле слова: он считал, что мы, подписав мирный договор, тем самым решим и вопрос о Западном Берлине и оккупируем его. Естественно,

мы таких намерений не имели, а хотели, чтобы он официально стал вольным городом, иначе произошло бы столкновение. Конечно, в случае столкновения сначала мы решили бы дело очень быстро в свою пользу, потому что в Западном Берлине находились небольшие вооруженные силы западных стран. Но большие или малые, а это уже стрельба, могла развиться и война. Поэтому мы не преследовали подобной цели и не хотели военного конфликта. Конкретно же мы стремились передать ГДР все функции, которыми пользовались по обеспечению связей через ее территорию западные страны с Западным Берлином. Она как суверенное государство сама решала бы это и, естественно, поставила бы вопрос более жестко, как это свойственно каждому суверенному государству. Западные державы вынуждены были бы считаться с правительством ГДР, которого они не признавали, как не признают и сейчас. Таким образом, возник бы какой-то конфликт военного порядка с непредсказуемыми последствиями.

Кеннеди сопротивлялся и доказывал, что Запад на это пойти не может; что Потсдамское соглашение определяет существование одной Германии и мирный договор может быть подписан только при условии создания единой Германии. Такие доводы Запад приводил все время. Сейчас, видимо, ситуация изменилась. Сам Брандт, премьер-министр Западной Германии, вынужден был признать де-факто, что существуют две Германии. Беседы по германскому вопросу протекали у нас очень обостренно. Мы решительно защищали свое право заключить мирный договор со всеми последствиями, вытекающими из этого, и рассматривали Западный Берлин как территорию ГДР, а пребывание там западных войск считали незаконным. Кеннеди доказывал обратное...

Что говорил он о мирном сосуществовании? Это очень интересно: он признавал необходимость строить наши отношения с целью обеспечения мирного сосуществования, исключить войну и военные столкновения, но понимал это по-своему. Согласно его пониманию дела, мы должны будем договориться и документально оформить это каким-то договором о том, что стоим на позициях мирного сосуществования, которое он толковал как фиксацию сложившегося во всех странах социально-политического строя, не допуская его изменений. Эта позиция для нас совершенно неприемлема. Я ему так и заявил. Мы согласны строго придерживаться условий мирного сосуществования, в спорных вопросах не должны ни прибегать к силе, ни вмешиваться во внутренние дела других государств. Однако и эти государства не должны вмешиваться во внутренние дела нашего государства. Вопросы политического устройства каждой страны должны решаться самими народами, и даже если будет изменяться общественный строй по решению самого народа, мы не должны вмешиваться в это. Вот как мы понимаем дело. «Нет, — отвечал Кеннеди, — должны вмешиваться, потому что могут быть засланы агенты другой державы». То есть, он навязывал нам свое понимание мирного сосуществования как обеспечения безопасности не только границ, но и внутреннего устройства государств, вечного статус-кво. Первую половину дела, гарантию безопасности границ, мы принимали. Вмешательство же во внутреннее устройство других государств для нас немыслимо и невозможно. Я предложил ему маленький экскурс в историю США: «Когда-то США были колонией Англии, а потом народ восстал и начал войну, в которой одержал победу. Так США стали независимым государством. История подтверждает, что существуют внутренние вопросы, которые решает сам народ, и надо обеспечить невмешательство во внутренние события».

Народы России тоже совершили революцию. И это тоже внутренний вопрос. «По-вашему, — говорю, — другие страны имели право вмешаться, вот они и вмешались: США, Англия, Франция навязали интервенцию молодому Советскому государству, но чем это кончилось, Вы отлично знаете. Царь Николай I на практике проводил ту политику, которую сейчас проповедуете Вы, помог Австрийской монархии подавить Венгерскую революцию. Это было позорное вмешательство во внутренние дела, но там один император помогал другому сохранить реакционный режим. Чем это

кончилось, Вы тоже отлично знаете. История доказала несостоятельность такой политики, Австро-Венгрия потом развалилась. Сейчас вообще все резко изменилось, а Вы хотите, чтобы мы с Вами вернулись к тем временам, когда заключались договоры между монархами для обеспечения устойчивости тронов и объединения усилий ради подавления народов, если они проявят желание изменить внутреннее положение в своей стране? Мы на это никогда не пойдем и всеми средствами будем бороться против такой политики».

Кеннеди — умный человек, но защищал интересы своего класса. Я же был несколько удивлен и поэтому во время переговоров немного иронизировал над ним, высмеивая его позицию как несовременную и устарелую. Наконец, он признал, что для смягчения напряженности требуется в первую очередь сохранять мир между СССР и США. Но если бы Кеннеди признал всю глубину формулы мирного сосуществования и постарался бы ее раскрыть, то с его стороны исключалось бы предложение, которое он внес, предлагая зафиксировать в застывшем положении как границы между государствами, так и их внутреннее социально-политическое устройство. А как быть со странами, остававшимися в положении колоний? Что же, мы должны помогать колонизаторам? Это реакционное предложение, и мы старались раскрыть его реакционность, доказать его несостоятельность, сочувствуя силам, которые старались изменить существующие порядки, но не вмешиваясь во внутренние дела этих стран, а лишь сочувствуя их народам.

Относительно ленд-лиза мы тоже обменялись мнениями, но остались при старых взглядах. Я повторил то, что в свое время говорил Эйзенхауэру: «Вы нам помогали, мы за это вам благодарны. Но мы вместе с вами вели войну против общего врага и ваши материалы оплатили нашей кровью. Кровь дороже любых материалов, которые мы от вас получали. Поэтому мы считаем, что уже давно и с лихвой оплатили стоимость ваших поставок по ленд-лизу». Кеннеди твердил свое. Наши встречи проходили днем, а вечером австрийское правительство устраивало в нашу честь роскошные приемы. Посетили мы оперу. Потом нам показали цирковое представление с лошадьми, очень красивое зрелище. Вена гордилась тем, что была родоначальницей использования лошадей в цирке. Дрессированные лошади используются во всех цирках, но у них в театрализованном представлении участвует масса наездников. Нас познакомили также с достопримечательностями, которыми богата Вена.

На приеме Кеннеди познакомил меня со своей женой и матерью. Его мать произвела на меня хорошее впечатление: приятная женщина! Супруга же его Жаклин — молодая женщина, о которой я много читал в газетах. Журналисты всегда выставляли ее красавицей, завораживающей своей красотой мужчин, но на меня она не произвела подобного впечатления. Да, молодая, энергичная, приятная, но без особого блеска... Об этом я говорю здесь лишь потому, что в печати как раз о ней писали другое. Видимо, она бойка на язык, как украинцы говорят — языкастая; и в разговоре находчива. С пей не связывайся — обрежет! Встретился я с ней в театре, во время перерыва пошли в буфет. Какие там могли у нас быть разговоры? Перебрасывались обычными фразами. Однако и тут она показала остроту своего языка. Меня как главу делегации Советского государства совершенно не трогало, какова она. Это дело мужа. Если она ему нравится, на здоровье и ему, и ей. То же самое и в отношении матери. Мы помнили, что она миллионерша, и, следовательно, должны были знать, с кем имеем дело, не забываясь. Могли улыбаться, жать любезно друг другу руки, но мы люди разных полюсов.

Во время прямых переговоров в комнате с нами находились только переводчики, а также Раск и Громыко. Наши беседы проходили в виде диспута. Не помню, чтобы Кеннеди обращался с каким-либо вопросом к Раску или чтобы Раск подавал реплики. Этого не было. Поэтому у меня создалось впечатление, что Кеннеди сам очень хорошо разбирался в международных вопросах и был подготовлен к переговорам. Все, о чем нужно

было обменяться мнениями, он изучил заранее и совершенно свободно владел материалами. Это было абсолютно не похоже на то, что я наблюдал, встречаясь с Эйзенхауэром. Это, конечно, говорило в пользу Кеннеди, и он выростал в моих глазах. Тут был партнер, к которому я относился с огромным уважением, хотя мы стояли на разных позициях и были как бы противниками. Я ценил его качества. Если президент сам разбирается в деталях политики, значит он и определяет ее. А так как президент заявил, что с пониманием относится к мирному сосуществованию, следовательно, зарождалась какая-то уверенность в том, что он не станет опрометчиво принимать такие решения, которые привели бы к военному конфликту.

Мы постоянно прощупывали возможность найти какие-то соглашения по острым вопросам для обеспечения взаимной безопасности. Беседы подходили к концу, но уже было видно, что конкретных соглашений мы достичь не сможем, потому что наши понимания дела слишком противоположны. Ни та, ни другая сторона не могли найти приемлемых условий для соглашений. То, что приемлемо для одной стороны, оказывалось неприемлемым для другой. Собственно говоря, на этом и основывались холодная война и состояние напряженности. Каждая сторона хотела бы обеспечить мир, но обеспечение мира трактовала по-своему, так, что это противоречило интересам контрагнера. Вот такую позицию занимал Запад. Да он и сегодня занимает эту же позицию, с той лишь разницей, что сейчас не может отрицать возросшей военной мощи Советского Союза. Поэтому противная сторона уже приспосабливает к нам свою политику. Наша встреча уже тогда была обусловлена тем же: США потеряли уверенность в том, что могут достичь своих целей при проведении политики с позиции силы. Именно соотношение сил стало иным, поэтому Кеннеди вынужден был искать возможность договориться на новой основе, которая, однако, устраивала бы Соединенные Штаты. Мы-то хотели договориться на такой основе, которая устраивала бы и нас, и США, а они о нас не думали. Поэтому реальных возможностей прийти к какому-то соглашению не возникло.

Зато я был благодарен правительству Австрии, ее премьер-министру и президенту за то, что они со своей стороны сделали все, чтобы наши встречи не были ничем омрачены. Венцы отнеслись к нам очень дружелюбно, и я не припоминаю никакого инцидента, который омрачил бы мое пребывание в Вене. Действительно, правительство Австрии выполняло обязательство соблюдать нейтралитет. У меня остались самые теплые чувства в отношении политики правительства Австрии. Президентом тогда был социал-демократ. Он тоже со своей стороны ничем не омрачал нашего пребывания. Я не знаю, был ли еще жив Рааб, с которым мы подписывали мирный договор, но его преемник проводил ту же линию.

Последняя наша встреча с Кеннеди произошла где-то на приеме или в театре. Кеннеди был очень мрачен. Не только озабочен, но и мрачен. Когда я смотрел на его лицо, он у меня вызывал сочувствие, сожаление. Я хотел, чтобы мы расстались с другим настроением, но помочь ему ничем не мог. Политика неумолима, а наше классовое положение не дало возможности, несмотря на усилия с моей стороны, прийти к соглашению. Как политик я это понимал, а как человек сочувствовал Кеннеди. Он был разочарован, а его внутренние противники в США, особенно агрессивно настроенные деятели, получили удовлетворение: «Вот, ты надеялся, что сможешь при встрече с Хрущевым добиться каких-то соглашений, а теперь сам убедился, что мы были правы, проводя политику с позиции силы. У нас и выхода другого не было, потому что коммунисты признают только силу, а иного языка не понимают. Ты хотел с ними разговаривать языком соглашений и в ответ получил шелчок по носу, возвращаясь опозоренным. Объявил всем, что едешь с уверенностью найти возможность договориться, а вернулся к разбитому корыту, приехал ни с чем. Следовательно, наша политика была правильной, а ты заблуждался».

Я именно так представлял себе переживания президента и сочувствовал ему, но вида не подавал. А сочувствовал ему, потому что не создавалось

предпосылок к лучшему, и мы опять отбрасывались назад, возможно, к еще большему обострению, к продолжению холодной войны. За это мы должны были платить, потому что опять начиналась гонка вооружений. Потребуются еще бóльшие ассигнования средств на оружие. Сначала в США. Это заставит нас последовать за ними. Такие события нам известны, они обременяют бюджет и снижают экономический потенциал гражданской жизни. Это-то меня, главным образом, и заставляло сочувствовать президенту, я понимал причины его огорчения: неудача внешней политики отразилась на наших бюджетах, а следовательно, на жизненном уровне народов. Но я нагнетал обстановку не ради этого, а чтобы поставить президента в безвыходное положение, заставив его признать необходимость пойти нам навстречу, иначе будет возможность конфликта. Кеннеди же не захотел под нажимом пойти на соглашение. Мои призывы осознать реалистичность наших доводов повисли в воздухе. Мы оба остались на старых позициях.

Кеннеди уехал первым, его провожали официальные лица и президент Австрии. Уже после его отъезда со мной захотел увидеться министр иностранных дел Крайский, и я его с удовольствием принял. Я знал, что Крайский во время войны был в шведской эмиграции вместе с Брандтом, нынешним премьер-министром ФРГ, а в ту пору — бургомистром Западного Берлина. Меня информировали, что они были друзьями, к тому же оба социал-демократы. Моя беседа с Крайским была полезной. Он рассказал мне о своих впечатлениях, которые остались у него от проводов Кеннеди: «Очень уж мрачен был президент, очень удручен, на нем просто лица не было. Видимо, итоги переговоров так его огорчили». Я ответил: «Да. С ним легко беседовать и даже приятно, но когда наступает момент принимать решение, он не проявляет понимания. Не понимает времени, в котором мы живем, и нового соотношения сил. Живет старыми понятиями своих предшественников. К принятию серьезных решений он, видимо, еще не готов. Наша встреча была полезна тем, что мы прощупали друг друга и теперь конкретно представляем позицию каждого. Но и только, а этого, конечно, мало».

Я, признаться, пересказал Крайскому содержание бесед с Кеннеди, ибо надеялся, что изложенная мною в острой форме наша позиция, ставшая известной Кеннеди, теперь через Крайского станет известна и Брандту. Может быть, наведет это его на какие-то размышления, они поймут, что наши намерения неотступны, и, не доводя температуру до кипения, в конце концов согласятся на разумные переговоры. Правда, я знал, что Крайский больше сочувствует Кеннеди, чем нам. Политика президента США ему ближе нашей, поэтому я рассматривал его как негласного агента той политики, которую проводит капиталистический мир в отношении СССР. И уж, безусловно, он подробно изложит мои слова Брандту, а от него кое-что зависело. Как правящий бургомистр Западного Берлина он мог оказать какое-то влияние на достижение соглашения, хотя в спорных вопросах находился тоже на противоположной стороне и не принимал нашу линию. А она была единственно правильной и сейчас остается такой и для Западной Германии, и для Западного Берлина тем более.

Затем в мою честь были устроены правительственные мероприятия (прием, обед), нас проводили с положенными церемониями, и мы улетели в Москву. После этой встречи через печать, в беседах, на приемах и прочими средствами мы нарочно стали рекламировать, что вот-вот намереваемся осуществить наши предложения и подписать мирный договор с ГДР. Мы довольно энергично это проводили, оказывая нажим на общественное мнение через печать и собеседования. Одним словом, все средства, которые нам были доступны, мы пустили в ход, с тем чтобы создать впечатление у наших противников, что, если они не поступят разумно и не постараются прийти к соглашению, то мы это сделаем. На какой же шаг пошел Кеннеди после встречи? Он назначил своим представителем в Западной Германии Люциуса Клея, который занимал этот пост сразу же после войны. Этим США продемонстрировали, что готовят ответ на нашу угрозу подписания мирного договора с ГДР. Назначая известного нам генерала на этот пост,

они хотели показать, что готовы и к военному конфликту. Командующим советскими войсками в ГДР был тогда Якубовский. И я предложил Советскому правительству в ответ на действия американцев совершить ход конем, утвердив командующим нашими войсками в ГДР Конева. Таким назначением мы хотели показать американцам, что поняли их поступок и принимаем вызов. Будущего же маршала Якубовского назначили заместителем маршала Конева. Решение было опубликовано, но между собой мы договорились, что реальным командующим как был, так и останется в Берлине Якубовский, хотя Конев тоже может принимать нужные решения. Мы были уверены, что вскоре все нормализуется и Конев вернется в Москву.

Наши совместные шахматные ходы, их — пешкой, а наш — конем, привели, однако, не к ослаблению, а к новой напряженности отношений. Президент Кеннеди опубликовал заявление о переводе какого-то количества войск в Западный Берлин для усиления гарнизона. Ответных действий с нашей стороны не было, потому что наших войск в ГДР и без того было достаточно. Гарнизон же в Западном Берлине был слаб, и мы могли бы быстро справиться с ним и подавить его сопротивление, если понадобится. Начать-то можно было быстро, да неизвестно, чем дальше кончится, а мы не хотели военного конфликта. Мы хотели лишь вскрыть нарыв, проведя хирургическую операцию, но не путем грубого вмешательства ножом, а сперва как-то обезболить это место и принять все меры, чтобы организм не ощущал особой боли и чтобы не было дурных последствий операции. Хотели все провести чисто дипломатическим путем, без применения оружия. Но Кеннеди не был к тому готов. Видимо, на него оказывали давление военные, которые имели в Вашингтоне большое влияние. Думаю, что сейчас они оказывают еще большее давление на свое правительство.

Конев убыл в Берлин. Приехав туда, объявил, что приступил к исполнению обязанностей. Мы порекомендовали Коневу нанести визит командующему американскими войсками. Тем более, что он лично был знаком с Клеем. Одним словом, необходимо было установить контакты напрямую. К тому времени мы уже договорились с Ульбрихтом и лидерами других социалистических стран об официальном установлении границы, которая прошла бы через Берлин и разделила его строго на Западный и Восточный. Тем самым ГДР получила бы возможность контролировать свою границу. Свободный проход через Западный Берлин в ГДР был лазейкой для всех разведок капиталистических стран. Они могли проникать в расположение наших войск, разведовать их вооружение, собирать прочие разведанные. Кроме того, через свободный проход в Западный Берлин наносился большой урон экономике ГДР. Создавалось вообще неустойчивое положение: много интеллигенции и других лиц ушло на запад из ГДР, а в ФРГ в это время начался большой промышленный подъем. Западная Германия нуждалась в рабочей силе и набирала рабочих из Италии, Испании, Югославии, Турции, других стран. Студенты, получившие высшее образование, тоже уходили туда, потому что в то время (да, наверное, и сейчас) Западная Германия оплачивает труд интеллигенции и рабочих выше, чем ГДР и другие социалистические страны. Вопрос прогрессивности того или другого строя — это вопрос политический, вопрос убеждений, но многие люди решают этот вопрос «от брюха». Они не смотрят, что получают завтра, сегодня же западногерманское общество дает больше, чем может получить человек в ГДР. Иначе и массового бегства не было бы, из ГДР уходили бы только политические недруги. Сложилось тяжелое положение, и Ульбрихт просил нас помочь им рабочей силой.

Мы, конечно, могли помочь, но подсобной рабочей силой, а квалифицированных рабочих нам самим не хватало. И я говорил товарищу Ульбрихту: «Германия нам навязала войну. Советский народ проливал кровь. Мы победители. Наши рабочие не станут у вас нужники чистить. Это не просто унижение. Такое предложение просто взорвет наших людей. Поэтому делать это мы не можем. Вам придется выходить из положения своими силами». Что же Ульбрихту делать? У него были настежь открыты ворота. Если он призывал своих людей к дисциплине или применял административ-

ные меры, немцы бежали, особенно квалифицированные рабочие, потому что находили высокооплачиваемую работу в Западной Германии. Народ там один и язык один, никаких трудностей. У меня давно возникла мысль установить какой-то контроль, закрыв все ходы и лазейки. И я обратился к нашему послу товарищу Первухину с просьбой прислать мне детальную карту Берлина с нанесением границы секторов. Он прислал, но карта оказалась неясной. Я подумал, что ему самому трудно найти нужную, и попросил обратиться от моего имени к Ульбрихту, рассказав о моей идее. И к Якубовскому мы обратились с той же просьбой — прислать карту, но военно-топографическую. Ульбрихт, узнав от Первухина о моем плане, просиял и в восторге сказал: «Я полностью за! Вот настоящая помощь!».

Я предупредил Первухина и Ульбрихта, что пока план будем держать в строгом секрете. Получив карты, мы в нашем руководстве обсудили план действий и единогласно приняли решение проводить его в жизнь как можно быстрее. По согласованию с Ульбрихтом собрали закрытое совещание представителей всех стран, входящих в Варшавский пакт. Присутствовали только секретари ЦК партий и председатели Советов Министров. Был сделан короткий доклад и предложена такая тактика действий: в определенный час будут установлены шлагбаумы и другие пограничные атрибуты, войска подойдут к этой границе, спереди немецкие солдаты, которые начнут устанавливать контроль, а сзади, на каком-то удалении, — цепь наших войск. Цель такова: Запад должен видеть наших солдат за спиной немцев. Выбрали 13 августа. Такое число считается несчастливым, но я сказал сомневающимся, что для нас это число станет счастливым. Все держалось в полном секрете. И вот войска установили границу. Гвалт возник необычайный: именно в тот момент США усилили свой гарнизон в Западном Берлине.

Появление такой границы сразу навело порядок, повысилась трудовая дисциплина в ГДР, заводы и сельские коллективы стали работать лучше. Между прочим, резко сократилось потребление продуктов «чужими». Ульбрихт нам сообщал, что экономия выражалась миллионными суммами. Население Западной Германии покупало многие продукты в ГДР и пользовалось ее коммунальными услугами, которые в ГДР были дешевле. Западная марка по покупательной способности значительно выше восточной. Таким образом обесценивалась марка ГДР. То есть, помимо политических западные немцы извлекали большие экономические выгоды. И все это ложилось бременем на плечи рабочих и крестьян ГДР. Теперь ситуация изменилась. И без подписания мирного договора ГДР обрела суверенные права. Получила все, как если бы был подписан мирный договор, кроме, конечно, моральной стороны дела: сохранялось официальное состояние войны. А мы все были очень довольны своим решением. Я получил и личное удовлетворение: без подписания мирного договора вырвали у Запада то, что нам положено по праву. Эта акция давала ГДР все возможности развиваться, как нужно каждой нормальной стране.

В октябре того же года мы получили сведения, что американцы готовятся разрушить стену, чтобы вернуть положение, которое было до 13 августа, и восстановить свободный проход в ту и другую сторону города. Мы узнали их план: впереди пойдут джипы с пехотой, вооруженные стрелковым оружием; за джипами мощные бульдозеры, которые разрушат стену; за бульдозерами — танки для прикрытия. Мы с Коневым разработали свою тактику и решили джипы с солдатами пропустить, пусть проедут. Мы-то контроль установили для гражданских лиц, а для военных сохранились условия, определявшиеся Потсдамским соглашением: как военные Запада могли посещать сектор Восточного Берлина, так и наши военные могли посещать Западный Берлин. Я тоже когда-то воспользовался этим правом и поехал с советским комендантом города по Западному Берлину, но не выходя из машины. Просто ездил, чтобы составить себе какое-то представление. Конечно, ездил еще до установления Берлинской стены и инкогнито.

У нас шли заседания XXII съезда партии. Конев присутствовал на

съезде как делегат и доложил мне, что в такой-то час американцы двинутся. Мы решили в переулках Берлина замаскировать наши танки. Когда пехота перейдет границу, а бульдозеры будут на подходе, то, чтобы не допустить разрушения стены, танки должны будут вывернуться из переулков и двинуться навстречу бульдозерам. Так и было сделано. Потом Конев сообщил: как только джипы с пехотой прошли, наши танки развернулись и выехали навстречу бульдозерам и американским танкам. Те приостановили движение. Пехота же, которой нечего было делать, развернулась на джипах и вернулась в Западный Берлин. Наши танки приостановили свое движение, американские — свое. Уж не помню теперь, в каком положении остались бульдозеры, видимо, тоже были заморожены на месте. В таком положении все и осталось на ночь. Утром, когда заседания партийного съезда возобновились, Конев опять доложил: положение не изменилось, наши танкисты сидят в танках. Иногда выскакивают, гоняются друг за другом, чтобы согреться, потому что ночь была прохладной. Уже наступила осень и американские танкисты, видимо, еще больше мерзнут в своих танках, но не выскакивают, ждут приказа.

Тут я понял, что надо искать какой-то выход, и сказал Коневу: «Пусть наши танки развернутся и уйдут в те переулки, из которых они вышли, но так, чтобы не были видны американцам. Я уверен, что не больше, чем через 20 минут (потребуется время доложить наверх и получить соответствующее распоряжение) американцы уберут свои танки, потому что им неудобно убирать танки под дулами наших орудий. Они влезли в эту историю, а теперь не знают, как выпутаться. Раз они не действуют, значит, тоже ищут выход. Вот мы им его и предоставим, первыми уберем свои танки, а они последуют нашему примеру». Конев так и сделал. Потом он сообщил: «Действительно, как только наши танки ушли, через 20 минут американские танки тоже развернулись и скрылись из глаз». Это явилось признанием де-факто закрытия границы и деления Берлина на две части: западную, капиталистическую, и восточную, социалистическую. Все это тогда очень обыгрывалось в печати. Западные газеты подняли шум, публиковали всяческие протесты и осуждения, но факт остался фактом.

Потом, кажется, происходили какие-то нарушения границы некоторыми гражданами ГДР, некоторые пытались убежать, и кое-кому это удавалось. Мне докладывали, что какая-то группа лиц на грузовом автомобиле сбила шлагбаум и проскочила в Западный Берлин. Чтобы такого не повторялось и нарушители не прорывались насильственным путем (иначе через такой контроль могли бы убежать и разведчики, которым угрожал арест), границу следовало укрепить. И я сказал: «Это не контроль. Такие нарушения дискредитируют тех, кто охраняет границу, показывают, что те не умеют ее охранять». Были приняты новые меры, но мы все же сомневались, смогут ли восточные немцы строго контролировать границу. Могла сложиться ситуация, когда нужно будет применить оружие, а немцу стрелять в немца тяжело. Мы высказывали свои сомнения, и ГДР нам ответила так: «У вас столько лет шла гражданская война, русские сражались против русских. И не только с вашей стороны воевал трудовой народ. Те, кто воевал на стороне белой армии, были введены в заблуждение, их вели генералы и офицеры, а вы в них стреляли. Почему же вы думаете, что немцы не понимают классовой борьбы? При выполнении воинского долга, защищая свою социалистическую республику, у нас не дрогнет рука». Так оно и произошло. И сейчас случаются инциденты, но войска ГДР воспитываются на марксистско-ленинском учении, понимают классовую сущность дела и твердо стоят на охране границ своего социалистического отечества.

Спустя какое-то время по закрытым каналам, а иной раз в ходе бесед, Запад стал высказываться, что сложившуюся ситуацию явно не изменить, надо признать границу де-факто и далее не накалять наших отношений. Американцы отозвали Клея. Как только это произошло, я предложил отозвать Конева. Если говорить образно, то мы сделали обратный ход конем и переставили его на московскую землю. Американские войска,

мобилизованные для усиления гарнизона, тоже были отозваны из Западного Берлина. Таким образом, восстановилось статус-кво. Вот первые последствия нашей неудовлетворительной встречи с Кеннеди в Вене. Можно сказать, что он потерпел поражение. Или ему нужно было бы начать военные действия против нас. Но это вообще неразумно. Он как умный человек понимал, что риск слишком велик. Да и не было особого смысла рисковать. А мы поставили Запад перед свершившимся фактом. Наши бывшие союзники по войне против гитлеровской Германии вынуждены были проглотить эту горькую пилюлю.

Посещение Организации Объединенных Наций

В 1960 г. мы обсуждали в руководстве страны вопрос о подготовке к поездке нашей делегации в Нью-Йорк, на очередную ассамблею ООН. Было принято решение возглавить правительственную делегацию Председателю Совмина СССР, хотя обычно такую делегацию возглавляет министр иностранных дел. Стали обдумывать вопросы для постановки на ассамблее, заслуживающие внимания. Такими вопросами мы хотели приковать к ним внимание всего мира. Они должны были, в первую очередь, помочь в борьбе за мир и освобождение народам, еще находившимся под колониальным гнетом. Я предложил также поставить вопрос об установлении определенного срока предоставления независимости всем колониям. Принятие такого решения стимулировало освободительную борьбу, и она была бы освящена международным форумом. ООН могла оказать и моральное давление на правительства, чтобы ускорить предоставление независимости колониям. Мы хотели, чтобы наша политика по-особому оценивалась африканскими и азиатскими народами. Ленинская внешняя политика преследует цель борьбы против угнетателей и эксплуатации человека человеком, за национальное и социальное освобождение, и я считал, что наш призыв найдет большой отклик в душах граждан колоний. Мы, обменявшись мнениями, пришли к заключению, что постановка этого вопроса будет иметь большое политическое значение, а наш авторитет среди народов «третьего мира» возрастет.

Данный вопрос надо было всесторонне обдумать, чтобы логично изложить его в докладе, заранее мобилизовать соответствующих людей, а колонизаторов не только поставить в затруднительное положение, но и вынудить их тоже проголосовать вместе с нами. Мы гадали, какую позицию займут США? У них нет колоний, но своим капиталом они подавляют малоразвитые страны и сводят на положение колониальных. Кроме того, их союзники, страны-колонизаторы Великобритания и Франция, вместе с США покровительствовали Португалии и Испании, тоже имевшим колонии в Африке и в Азии. Содержание выступления подготовили тематические институты АН СССР и МИД СССР, но мы не хотели, чтобы оно заранее просочилось в печать, дабы не дать нашим противникам возможность подготовиться и аргументированно выступить против.

Пришло время формировать делегацию, мы составили ее и объявили, что ее возглавит Хрущев. Вместе с делегацией СССР отправились делегации Украины и Белоруссии. Социалистические страны Восточной Европы тоже наметили во главе своих делегаций председателей Советов Министров или же первых секретарей Центральных Комитетов их партий. Это вызвало громкий отклик в мировой печати. Ряд других стран откликнулся на это известие и тоже объявил, что их делегации будут представлены, иногда лишь на какой-то период деятельности ассамблеи, главами правительств. Индия заявила, что приедет Неру, Югославия послала Тито, Великобритания — Макмиллана. Многие другие делегации тоже были представлены главами своих правительств.

Сговорившись с руководством большинства социалистических стран — членов Варшавского Договора, мы все отправились в Нью-Йорк на советском корабле. В назначенный день на него прибыли другие делегации за

исключением румынской, которая добиралась до Америки самостоятельно. Возник вопрос, не предпримут ли страны НАТО какие-либо диверсионные акты против нашего корабля? Такая возможность была. Водное пространство большое, можно потопить корабль, а потом, когда никого не останется и свидетелей не будет, разбирайся, по каким причинам это случилось... Несчастный случай? Или какая-то плавучая мина, оставшаяся от второй мировой войны? А ведь такие случаи бывали. Но мог же быть и диверсионный акт! Самолетом лететь мы все же отказались, хотя у нас тогда уже имелся Ту-114, и остановились на корабле. Я вспомнил, что Молотов, выезжая как-то на ассамблею ООН, пользовался английским кораблем. Он улетел в Великобританию, а из Лондона отправился в Нью-Йорк на ее пассажирском лайнере.

Наш корабль был голландского производства, очень удобный, небольшой, но хорошо сделанный. Для пассажиров имелись отличные удобства. Посадка состоялась в Калининграде-областном. Мы распрощались с провожающими, разместились, корабль дал прощальный сигнал, мы тронулись в путь. Наступал вечер, но какое-то светлое время мы еще имели возможность наблюдать за берегами нашей Родины. Чтобы достичь Нью-Йорка, нам требовалось восемь -- десять дней. Хватало времени завершить подготовку к докладу и обдумать все вопросы, которые стояли на повестке дня ассамблеи. Условия для работы на корабле были подходящими, весь аппарат, который был нам нужен, постоянно находился с нами. Мы провели совещание, обсудили возникшие вопросы, выявили позицию каждого нашего союзника и решили, что на ассамблее станем выступать единым фронтом социалистических стран.

Балтика встретила нас неприветливо. На рассвете стояли туманы, видимость очень плохая, поэтому мы шли все время с сигнальными гудками. Проходя по балтийскому мелководью, надо строго следовать фарватеру. Чтобы корабли не сбивались с пути, его оборудовали автоматическими сигналами: буи расположены так, что на корабле все время слышен монотонный сигнал и капитан имеет возможность правильно ориентироваться в направлении движения. Потом туман рассеялся, выглянуло солнце. Мы как раз подходили к Дании, были видны ее берега. Потом миновали шведские и норвежские берега, когда проплывали проливами. Вышли, наконец, в Северное море. Военные моряки сопровождали нас только до открытого океана. Ла-Маншский пролив мы проходили под прикрытием наших миноносцев, потом, когда вышли в Антлантику, миноносцы прекратили сопровождение и вернулись на Родину, а мы продолжали следовать своим курсом. Однако на пути следования уже в океане наш гражданский флот заранее поставил ориентиры -- корабли по маршруту. Через какое-то время они нам регулярно встречались и в случае несчастья могли оказать нам помощь. Кроме того, мы плыли оживленной трассой, довольно плотно насыщенной морскими транспортными средствами. Так что встреч хватало.

Я впервые за свою жизнь оказался в открытом океане. Воды там видимо-невидимо. Возникает особое чувство, когда первый раз попадаешь в такую стихию. Это чувство нарушалось «спутниками»: еще когда мы подходили к Дании, нас встретили зарубежные самолеты и вертолеты. Они облетали наш корабль, снижаясь до недопустимой высоты и чуть ли не задевая за мачты, фотографировали. Видимо, для журналистов Запада наша поездка была сенсацией. Удовлетворяя любопытство своих читателей, они освещали весь путь нашего корабля в Нью-Йорк. Сообщения прессы мы немедленно получали по радио и внимательно следили за тем, как освещается наша поездка. Облет корабля длился до тех пор, пока мы не вышли в открытый океан. А до этого времени над кораблем висели в воздухе частные, коммерческие, маленькие самолеты типа наших По-2. Они очень удобны, маневренны и дают возможность корреспондентам и фоторепортерам снимать корабль с любой точки.

Наконец, стали удаляться и исчезать вдали берега Европы. Последними исчезли из виду берега Великобритании. Видимость была хорошая, несмотря на большое расстояние. На какой-то день следования мы стали

опущать характерное покачивание, сперва легкое, потом посильнее, которое создает неуверенность в походке. Барометром влияния этого волнения на пассажиров был стол: выходя к завтраку, мы кого-то недосчитывались; за обедом, если качка увеличивалась, не было уже большего числа участников трапезы. Нам тут же сообщали, что такой-то товарищ или даже вся такая-то делегация не сможет прийти к завтраку, к обеду, и их не следует ожидать. Потом дело дошло до того, что вообще единицы приходили к столу. Сначала за обедом звучали морские прибаутки, и некоторые лица, отдавая дань традиции, которая существует на флоте, требовали к обеду чарку. Но постепенно к столу приходило все меньше и меньше людей, даже чарка перестала быть притягательной. Те, кто еще ходил, были серого цвета, общее настроение было довольно грустным, самочувствие -- плохим. Нас сопровождал доктор Владимир Григорьевич Беззубик, которого я знал много лет и относился к нему с большим уважением и как к врачу, и как к человеку. Он должен был оказывать нам помощь, но когда разыгралась качка и нас стало довольно прилично укачивать, то раньше всех мы лишились именно доктора. Он сам лежал, как говорится, без задних ног. Так все мы узнали, что такое морская болезнь. Однако знали, что пройдет качка, и люди вернутся к норме.

Наша охрана находилась в таком же состоянии и на ногах не держалась. Оказывается, мой организм был более стойким, и я не поддавался никакому укачиванию: на всем пути следования, независимо от волнения в океане, на меня оно совершенно не действовало. Я спал нормально и даже лучше, чем на суше, потому что качка способствует крепкому сну. Ходил по палубе на свежем воздухе, чтобы продувало, меня это только укрепляло. Но не помню, чтобы кто-либо из делегатов братских стран во время сильной качки составил мне компанию. Был случай, когда за столом сидели вдвоем я с каким-то партнером. Это служило предметом всяческих шуток, хотя тем, кого укачивало, было не до острот. А в спокойную и солнечную погоду на корабле было приятно. От скуки многие читали книги и журналы, которые захватили с собой, или работали над материалами, готовясь к сессии. Для пассажиров на кораблях существуют игры, о которых я не знал. Они несложны и делают времяпрепровождение довольно приятным. Игры занимали свободное время. Некоторые лица играли непрерывно, специальными ударными палками колотя по шайбе, которая, скользя, должна попасть в клетку с цифрой. Тот, кто наберет больше очков, считается победителем. Разметка для этой игры на палубе всегда была занята. Другие лица, как зрители, наблюдали за игрой и превращались в болельщиков. Так у нас возникло спортивное состязание. Я тоже принимал участие в игре.

И находясь на корабле, мы оставались в курсе политических событий. Это был момент острой борьбы в Конго. Левые силы возглавлял Лумумба. Мы следили за событиями. Аппарат, сопровождавший нас, был хорошо подготовлен и знал условия, в которых развертывалась борьба в Конго. Поэтому мы постоянно были ориентированы в международных делах, текших своим путем, и тотчас формулировали свою позицию, посылая затем в Москву шифровки для согласования. Так мы принимали участие в выработке мнения СССР по текущим вопросам. Между тем события в Конго протекали бурно. Мы всемерно поддерживали Лумумбу, его партию, всех, кто поднялся на борьбу с бельгийскими колонизаторами. Агентом бельгийских монополий, колонизаторов и организатором реакционных сил был там Чомбе. Прошло много времени, я сейчас не могу держать в памяти все детали дела, но помню, что со своей стороны мы делали все, чтобы поддержать революционные силы в Конго.

Это был одновременно самый напряженный период в отношениях между СССР и США, вызванный провалом четырехсторонней встречи в Париже в результате инцидента, умышленно подстроенного разведкой США, когда состоялся полет разведывательного самолета У-2. В печати шла крепкая перепалка... И вдруг мы объявляем, что советскую делегацию в Нью-Йорк возглавит Хрущев. Этим, как говорится, мы подлили масла

в огонь. Печать США реагировала очень бурно. Раздавались голоса, исходящие из позиции здравого смысла: они хотели приглушить антисоветчину. Но таких было мало. Большинство посылало всевозможные проклятия в адрес политики Советского Союза. Много говорилось о том, как нужно «встретить» Хрущева: призывали организовывать демонстрации протеста и т. п. Правительство (или губернатор Рокфеллер) издало распоряжение, что делегация СССР может находиться только в том районе Нью-Йорка, где расположена Организация Объединенных Наций, а за пределы его границы наша делегация не имеет права выезжать. Таковы ограничения.

Но это нас не сдерживало. Наоборот, я считал, что империализм США уже не всемогущ и не может подчинять международную политику своим капризам. Приняв решение ехать в США, мы использовали международное право, игнорируя все угрозы и антисоветскую свистопляску. Имели место и прямые провокации. На каком-то расстоянии от Америки, кажется утром, мне доложили, что справа по курсу нашего корабля всплыла чья-то подводная лодка. Я вышел на палубу. Расстояние было небольшим, и без бинокля было хорошо видно огромное стальное тело, омываемое волнами. Сомнений не было, эта подводная лодка принадлежит США. Мы спокойно следовали своим курсом, не обращая на нее внимания. Но с какой целью она всплыла? Это была военная демонстрация со стороны агрессивных сил, хотевших устроить какой-то «холодный душ» для делегаций социалистических стран, поугубить нас. Некоторое время подлодка плыла параллельно, потом погрузилась. Этим дело и кончилось. Вплоть до самого прибытия в Нью-Йорк больше никаких проявлений враждебности в океане мы не замечали.

Регулярно получая на борту обзоры печати США, мы знали, что нам готовятся какие-то, как у нас выражаются, «кошачьи концерты». Антисоветские силы готовили демонстрацию, когда мы будем подходить к причалам Нью-Йорка. Действительно, возле причала, который мы арендовали, нас встретил такой демонстрацией корабль средних размеров. На нем было множество ряженых людей, в разных цветных костюмах, с плакатами и лозунгами. Они что-то выкрикивали в репродукторы. Мне переводили: то были возгласы оскорбительного характера. Эти люди хотели унижить нашу страну и ее представителей, но кричали на довольно приличном от нас расстоянии, а между нашим кораблем и демонстрантами держались в промежутке катера, принадлежащие американской полиции. Они следили за тем, чтобы демонстрация проходила на расстоянии видимости, но чтобы не причинила никаких неприятностей нашему кораблю. Слышны были голоса, видны лица, да и только.

Мы все высыпали на палубу, смотрели на чучела и смеялись. Для нас это было чем-то вроде шутовского карнавала. На пирсе собралось много журналистов, среди них находились представители Советского Союза в ООН и посол СССР в США Меньшиков. Причаливая, мы увидели неприглядную картину: пирс был старый, полуразрушенный. Начали спускаться по сходням, вблизи все выглядело еще более затрапезно. Думаю, что некоторые американцы иронизировали по поводу того, что русские заарендовали такой заброшенный причал. Однако виноватого искать было нечего, это я был виноват. Когда во время предварительных переговоров нам сообщили, сколько будут стоить причал и стоянка нашего корабля, я поспешил, ибо приличная стоянка стоила очень дорого. И я предложил: «На кой черт нам тратить деньги, какое это имеет значение, где мы причалим? Лишь бы причалить. Дайте указание нашим людям, чтобы они поторговались и арендовали бы место подшевле». Ну, вот, это и было дешевое место.

Сошли мы. Не видно никаких демонстраций. Вероятно, полиция никого не допустила туда кроме журналистов, аккредитованных при ООН, и наших людей. Мы сразу же направились в помещение, которое являлось нашей собственностью в Нью-Йорке. Там жили большинство советских сотрудников и представитель СССР в ООН. Разместились хорошо, в квар-

тире без всякой роскоши, даже очень скромной, но удобной. Больше нам ничего и не требовалось. Эта квартира находится в центре города, в окружении массы других домов. Куда ни глянешь — стекла и бетон, небо светится в щелях между зданиями. Вот обычный пейзаж Нью-Йорка. Описание было бы не полным, если не сказать об автомашинах: шум, воздух испорчен выхлопными газами от непрерывно снующего огромного количества машин.

В связи с тем, что атмосфера вокруг нашей делегации и моей персоны была очень накалена и этот накал все время дополнительно нагнетался прессой, правительство США решило создать условия, ограничивающие возможность действий агрессивного характера. Полицейских было много, и они работали посменно круглые сутки, все на мотоциклах, поэтому при смене полицейских отрядов ночью или под утро, когда одна смена уходила, а другая прибывала, можете себе представить, что там творилось: сплошная артиллерийская канонада. Цилиндры у дежурных мотоциклов были охлаждены, и когда их заводили, начинались выстрелы с выхлопами, как будто рвутся снаряды, и все у меня прямо под окном. Тут, как бы ни хотелось уснуть и каким бы уставшим ни был, спать невозможно. Я просыпался и валялся на кровати в ожидании, пока вернется сон. Но абсолютно спокойного времени ни разу не было, потому что одни связные уезжали, другие приезжали, все время стоял треск. Кроме того, на улицах шумели машины. Не помню, на каком этаже мы жили, но слышимость была большая. Только находясь там, я понял, каково приходится людям, живущим на нижних этажах небоскребов. Это — особенность Нью-Йорка, города-колосса. Но, повторяю, само жилище наше было хорошим.

Далеко не все наши сотрудники могли так разместиться. В доме нашего представителя при ООН лишних комнат не имелось, а все главные лица — члены делегации разместились в советском собственном здании. Только представители Украины и Белоруссии находились в другом здании, на приличном расстоянии от нас. Я потом ездил к ним посмотреть: этот дом был арендован на время приезда; видимо, какая-то гостиница. Даже во время этой моей поездки Нью-Йорк своим величием каменных груд особого впечатления на меня все же не произвел. Ранее, будучи гостем президента США, я уже посещал Нью-Йорк, был и в ООН и помнил процедуру приема особо важных гостей. Меня ввели в зал заседаний, предоставив мне кресло перед президиумом, поближе к ораторской трибуне и лицом к аудитории. Я был знаком и с этим помещением. На каждое заседание сессии ООН выбирается ее председатель, а рядом с ним всегда сидит генеральный секретарь ООН. Когда я ранее посещал ООН, им был швед Хаммаршельд. Он всегда присутствовал в зале в сопровождении ряда служебных лиц. Так что я заранее знал, в какой зал еду.

Как только мы прибыли, началась закулисная деятельность по формированию органов сессии: выборы председательствующего на заседании, членов комиссий и подкомиссий. Они, согласно официальному положению, создаются временно, только на время проведения сессии. Сейчас не помню, какую кандидатуру мы выдвигали председателем, кажется, кого-то из Польши. Конечно, никаких надежд на его избрание мы не испытывали и делали это в порядке противопоставления, моральное право на что имели, но знали, что США со своими союзниками его кандидатуру не пропустят. Мы-то при голосовании всегда имели меньшинство. Запад выдвинул представителя Ирландии, и мы, конечно, выступили против, хотя и не знали данного человека. Потом меня проинформировали, что он работал преподавателем какого-то высшего учебного заведения. Эта кандидатура от Ирландии и получила абсолютное большинство голосов, преподаватель занял свое место. Но в комиссиях были представлены все страны, в том числе социалистические. Видимо, заранее согласовывалось количество мест для социалистических стран, капиталистических западных держав и вновь возникших государств, получивших независимость.

В самом центре зала размещалась делегация США, наша — справа от председателя, почти под трибунами журналистов и гостей. Трибуны

расположены высоко, поэтому разобрать лица присутствующих невозможно. Впереди перед нами сидела испанская делегация. Ее глава — немолодой худой седой человек с приличной лысиной и сморщенным лицом, не плоским, а вытянутым вперед. Если бы у нас с Испанией были нормальные отношения, я бы сказал: «Ничего, вполне приличный человек». Но у нас тогда отношения были хуже некуда, натянутые, даже враждебные, поэтому сей человек действовал на меня отталкивающе. Перед самым отъездом я виделся с Долорес Ибаррури. Я к ней относился с большим уважением и сохраняю это уважение сейчас. Она обратилась ко мне с просьбой: «Товарищ Хрущев, хорошо, если бы Вы в речи или реплике, выбрав момент, заклеили позором режим Франко в Испании». И я потом постоянно думал, как бы выступить, чтобы это не выглядело грубостью? Грубость-то будет неизбежной, но пусть допустимой для парламентарных порядков.

Однако выпад я должен был сделать не против делегации Испании, а против ее политического режима, в пользу трудового народа Испании. И когда я сидел и клевал носом в лысину представителя Испанского государства, то вспоминал Долорес и ее задание. Что касается делегации США, то хорошо запомнил, что в ее составе были негры и среди них женщина, солидная и красивая негритянка. Тут, конечно, состоялась как бы демонстрация того, что в США все люди пользуются равными правами. А на официальное заседание я попал впервые. Я, человек старой, до-революционной формации, читал в свое время отчеты о заседаниях Государственной думы и о том, как бурно они проходили, вплоть до удаления делегатов из зала. Чаще других удаляли с заседания членов фракции большевиков, наказывая их порою даже исключением из нескольких заседаний. Теперь я впервые попал в место заседания представителей различных классов и от государств с разным социально-политическим строем, следовательно, и с различными пристрастиями. Их представители стояли на неодинаковых классовых позициях, поэтому обострение обстановки было доведено до предела. Каждая делегация вела себя в отношении ораторов и содержания их речей по-своему, реагируя всеми доступными средствами, которыми могла пользоваться.

Обсуждались все вопросы очень бурно. Представители тех или других государств поддерживали те предложения, которые им импонировали. Если это был представитель социалистической страны, то мы, конечно, стояли за него и вообще поддерживали все предложения, выгодные социалистическим или неприсоединившимся странам. То были не просто выступления, а сплошной азарт, ажиотаж с большим накалом страстей. Представители буржуазных стран шумели, стучали о свои пюпитры, подавали реплики, устраивали обструкцию ораторам в том месте их речей, которое считали неприемлемым. Мы стали платить им той же монетой. Я впервые в жизни побывал на таком заседании, но быстро перенял форму протеста и стал участвовать в этом, поднимая шум, стуча ногами и пр.

Очередь слушания нашего вопроса была не близкой, и мы пока участвовали в обсуждении других вопросов, брали слово для реплик, для выступлений. От Советского Союза выступал я. Возникало много интересных ситуаций. При обсуждении какого-то вопроса выступил представитель Филиппин. Мне показалось, что он молод, по европейцам очень трудно разобратся в возрасте представителей Азии. Я, например, попадал иной раз в затруднение, встречаясь с китайцами. Мне казалось, что собеседник очень молод, а потом оказывалось, что он человек, уже поживший на свете. Филиппинец выступал с речью, направленной в поддержку политики США, выставляя себя эдаким прихвостнем американского империализма. Я резко выступил против него, с позиции социалистических стран. Не помню аргументации, которой я пользовался, но помню, что употребил выражение: «Мы еще вам покажем кузькину мать!». Имелся в виду «показ кузькиной матери» в вопросах экономики, культуры, демократического и социально-политического развития наших стран. Тот опешил. А спустя какое-то время снова взял слово: «Выступая здесь, господин Хрущев употребил выражение,

которое мне перевели. Я перелистал много словарей, но так и не смог разобраться, что это значит, какое значение имеет его выражение?». Наша делегация засмеялась. Он не первый не сумел перевести эту фразу. Когда-то американцы тоже задавали мне вопрос: «Что это такое?». И переводили буквально: «Мать Кузьмы».

Возникали и комедийные ситуации. Мы занимали твердую позицию и когда хотели выразить протест, то действовали так, как считали нужным, с тем чтобы это производило впечатление. Спокойно высказывали свою точку зрения, подчеркивали нашу политическую независимость в том смысле, что у нас нет никакого даже намека на преклонение или боязнь в отношении США. Они-то давили на малые страны, просто властвовали над ними, держа их за горло кредитами и вооруженным вмешательством в их дела. В перерыве, в кулуарах зала, ко мне подошел тот самый филиппинец, подал руку и сказал: «Вы меня не так поняли, я не хотел причинить какого-то ущерба Советскому Союзу». Ну, и ладно! А при обсуждении тех или иных вопросов для выступающих действует особый порядок. Ораторы записываются, очередь может быть очень длинной, пока подойдет твой черед, страсти остынут. На реплики давали две — три минуты сейчас же: как только оратор заканчивал выступление, объявляли: «Слово имеет такой-то делегат в порядке реплики». Эту удобную форму мы и использовали, потому что сразу получали возможность остро реагировать на вопросы, которые ставили наши противники.

Вот обсуждается какой-то вопрос о колониях. Я взял слово для реплики и решил ее использовать как раз с тем, чтобы выполнить поручение товарища Ибаррури. Очень остро выступил против режима Франко, не называя его фамилии, но охарактеризовал этот режим реакционным и кровавым. Употребил и прочие выражения, которыми мы пользовались в печати и в своих выступлениях. Получилось очень резко. Сейчас же выступил с репликой представитель Испании, тот, который сидел у меня под носом. И после его выступления наша делегация и делегаты других социалистических стран зашумели и застучали, хотя некоторые улыбались. Видимо, они не принимали всерьез такой непарламентский метод дискуссии. Вспомнив об отчетах о заседаниях Государственной думы в России, я решил поддать жару, снял башмак и начал стучать по пюпитру, да так, чтобы было погромче. Это вызвало бурную реакцию у журналистов и фотографов. Наши приятели после этого много шутили. Неру, встретившись со мной, заметил, что, может быть, и не следовало так поступать. Я-то понимал Неру. Он проводил политику нейтралитета, поэтому занимал промежуточную позицию между капиталистическими и социалистическими странами и хотел играть какую-то роль связующего моста, но с преобладанием личной симпатии к нашей политике по вопросам борьбы за обеспечение мира во всем мире, за мирное сосуществование.

Испанец, вернувшись, занял свое место. Проявлялось столь бурное выражение эмоций, особенно при репликах, что, даже когда он садился, мы перебросились колкостями. Хотя и мы не понимали друг друга, но мимикой выражали свое недовольство. Вдруг к нам подошел полицейский, который обслуживал заседание ООН. Эта полиция подчинена генеральному секретарю ООН. Здоровый такой верзила и, конечно, американец; подошел и встал, как истукан, между нами на случай, если дело дойдет до рукопашной. Происходили случаи, когда делегаты, схватываясь, применяли рукоприкладство.

Не помню, на какой день нашего пребывания в США мы узнали, что приехала делегация Кубы, возглавляемая Фиделем Кастро. Американцы отнеслись к этой делегации оскорбительно. А сделано это было так, как умеют делать в Америке. Кубинскую делегацию выселили из гостиницы. Выселил, конечно, якобы ее владелец. Вроде бы дело частное. Так что правительство не несет никакой ответственности, не вмешивается. Мне передали, что Кастро мечет гром и молнии, угрожая: если не найдет пристанища для его делегации, то как бывший партизан разобьет палатку на площади около здания ООН и будет там жить. Потом владелец какой-то

гостиницы в Гарлеме разместил делегацию Кубы у себя. Узнав о таком свинстве, проявленном в отношении кубинской делегации, мы возмутились. Посоветовавшись с членами нашей делегации, я предложил поехать в новую гостиницу с визитом, пожать руку Фиделю, выразить ему свое уважение и сочувствие, нет, не сочувствие, а возмущение. Он человек довольно волевой и вряд ли нуждался в сочувствии, а понимал, что это является ответом американской реакции на политику, которую проводит кубинское революционное правительство. Это он воспринимал гордо, поэтому для него это было не унижением, а результатом его борьбы против дискриминации его страны.

Я попросил нашего представителя связаться с Кастро по телефону и передать ему, что Хрущев хочет немедленно нанести ему визит. Так практиковалось, многие делегации приезжали друг к другу с визитами. Мне сказали, что Фидель благодарит за внимание, но хочет приехать сам. Он, видимо, считал, что Советский Союз — великая страна, а Куба — молодое революционное государство, поэтому он должен приехать первым, а уж потом с ответным визитом может приехать и представитель СССР. Тогда я попросил передать, что Хрущев уже выезжает, ибо считал, что именно мы первыми должны нанести визит. Это подчеркивало нашу солидарность с Кубой и возмущение дискриминацией, которая применялась к Кубе. И второе: кубинская делегация расположилась в негритянском Гарлеме, владельцем гостиницы тоже был негр. Тот факт, что кубинцы живут в Гарлеме, импонировал неграм, а прибытие Хрущева в район, населенный неграми, для нанесения визита делегации Кубы вообще носило демонстративный характер.

Я сообщил своей охране, что выезжаем. Охрана сейчас же обратилась к начальнику отряда полиции, который был к нам приставлен. Нас сопровождали полицейские мотоциклисты с необычайной трескотней. Их было довольно много. Наши товарищи передали мне, что начальник охраны, которого я знал лично (он охранял меня, еще когда я был гостем президента Эйзенхауэра), просит меня туда не ездить, потому что в таком районе могут быть неприятности, и всячески отговаривает. Это еще больше убедило меня в необходимости поехать, иначе журналисты сразу же раззвонили бы на всю Америку, что Хрущев побоялся негров или того, что там будет демонстрация, а может быть, нанесут ему какое-то физическое оскорбление. Официально я имел право туда ехать, так как район находился в пределах нашего свободного передвижения, и я попросил передать начальнику группы полицейских, что использую свое право и поеду, а он, если не хочет, может не ехать. Конечно, он поехал. Сразу же мне подали машину, и мы отправились к гостинице, в которой располагался Кастро.

Народу там собралась масса, прежде всего журналистов. Уж и не знаю, какими способами они обо всем всегда узнавали, но скрыться от них никуда было нельзя. Они дежурили около нашей резиденции и следили за полицейскими. И когда я приехал в Гарлем, там все было забито машинами. А раз приехало столько фоторепортеров, кинооператоров и журналистов, то и иной народ потянулся туда же, собралось огромное количество негритянского населения. Не буду здесь говорить о внешнем виде этой части Нью-Йорка, он достаточно хорошо описан, и люди, которые интересовались Америкой, имеют о том представление. А когда мы подъехали к гостинице, у подъезда нас ожидал Кастро с товарищами. Я впервые увидел его лично, и он произвел на меня сильное впечатление: человек большого роста с черной бородой, приятное строгое лицо, в котором светилась какая-то доброта. Она просто искрилась на его лице и в глазах. Мы заключили друг друга в объятия (заключили условное понятие, принимая во внимание мой рост и рост Кастро). Он нагнулся надо мной, как бы прикрыв меня своим телом. Хотя мой объем в ширину несколько больше, все поглощал его рост. К тому же он человек, плотный для своего возраста. Затем мы сразу же поднялись к нему в номер.

Войдя в гостиницу, я тотчас почувствовал, что там кроме негров никто не живет. Бедное старое здание, воздух спертый, тяжелый. Видимо, мебель

и постельные принадлежности проветриваются недостаточно, может быть, они не первой или даже не второй свежести... Мы зашли в его номер и перебросились несколькими фразами. Он выразил удовольствие моим посещением, а я высказал слова солидарности и одобрения его политики. Наша встреча была краткой, на этом, собственно, она и закончилась, и я вернулся в свою резиденцию. Можете себе представить, какой поднялся шум в американской печати? И не только в американской: это нашло широкий отклик во всем мире. Отмечались грубость и дискриминация, которые были допущены в отношении кубинской делегации, а также демонстративное посещение Кастро делегацией Советского Союза. И, конечно, наши братские объятия.

На следующий день мы прибыли в ООН еще до открытия заседания. Потом приехала кубинская делегация. От нас она располагалась довольно далеко. Я предложил подойти к ней и поздороваться. Мы демонстративно прошли почти через весь зал заседаний и там поприветствовали друг друга. Обнявшись с Кастро, вновь показали, что у нас складываются братские отношения и что мы как друзья относимся к Кубе. Мы подчеркивали наше единство в вопросах борьбы против империализма и колониализма, против агрессии империалистических держав. Получилась хорошая демонстрация. Она тоже нашла соответствующий отклик в печати. Конечно, печать реагировала по-разному: демократическая печать приветствовала, буржуазная перемывала нам косточки. Но это тоже было выражением своего отношения к нам и тоже шло нам на пользу.

Мое пребывание в Нью-Йорке затянулось, наша очередь для намеченного выступления долго не подходила, обсуждались другие вопросы. По сложившейся традиции вечерами шли взаимные приемы делегаций. Все вечера после заседаний были плотно заняты. Обязательно какая-то делегация приглашала нашу, потом мы приглашали ее. Это было полезно. Появилась возможность установления широких контактов. В другие страны ездить более сложно, а тут все в одном месте, поэтому и устраивались такие взаимные приемы. Один раз ко мне на прием для краткой беседы попросился наследный принц Марокко Хасан II. Тогда он был молодым человеком. Вообще-то приемы были тоже разные: одни проходили, как краткие встречи, другие — как званые обеды или ужины. Бывали ужины, на которые приглашалась не одна делегация, а могли быть приглашены многие по усмотрению того, кто делал приглашение. Такие ужины затягивались. В данном случае наследного принца я принимал для беседы на кратком приеме. Мы познакомились с ним, поговорили. Эта беседа представляла интерес для начального установления контактов. Вскоре король Марокко, не приходя в сознание, умер после операции, и Хасан II стал новым королем. Так установился контакт, который потом развивался в хорошем направлении.

На этом форуме индийская делегация была представлена премьер-министром Неру. Неру пригласил на прием только нашу делегацию. Мы с ним, сидя за столиком, вели беседу в окружении своих делегаций, но никто не вмешивался в разговор. Вот тогда-то он меня и расспрашивал подробно, как это мы решились поплыть в Нью-Йорк на корабле и какая у нас была охрана. «Видимо, вас сопровождали эсминцы и подводные лодки?». «Представьте себе, нет», — ответил я. У него вытянулось лицо. И я пояснил, что это была бы какая-то особая демонстрация, чего мы не хотели делать. Да и потом, какую же надо иметь охрану, чтобы исключить любую возможность? Охрана вообще малоэффективна. Нас сопровождали два эсминца до границ Европы. А когда мы вышли в открытый океан, эсминцы дали прощальные гудки и развернулись, а мы последовали далее своим курсом на пассажирском корабле. Рассказал я ему и о встрече с подводной лодкой «неизвестной национальности», без флага. Неру был удивлен тем, что мы решились на такое путешествие. «Это было небезопасно, имея в виду отношения, которые у вас сложились с США», — сказал он.

Потом стал расспрашивать меня, как мы встречались в Женеве с делегацией США? Его интересовал Аллен Даллес. «Как Вы с Даллесом

здоровались? Руку ему подавали?». «Представьте себе, не только здоровались. Когда Эйзенхауэр дал обед в нашу честь, то Эйзенхауэр, Даллес и я вообще сидели рядом». Он по-особому улыбнулся, как это умел делать Неру, с такой деликатной сдержанностью, с теплотой посмотрел на меня и произнес: «Не могу представить себе картину: Хрущев с Даллесом сидят рядом и разговаривают». Конечно, разговор наш был там довольно кратким: вопросы и ответы, дань вежливости, вроде мы ведем какую-то беседу, а беседа-то и не вязалась. Она больше касалась блюд, которые нам подавали: «Как Вам нравится это блюдо? А это? Какое Вы предпочитаете?». Никакого другого разговора у нас с ним и не могло состояться. Неру, конечно, понимал, что мы и янки — люди разных полюсов и проявляем не дружбу, а нетерпимость. Особенно этим отличался Даллес, который с ненавистью относился ко всему новому: к формированию собственных политических взглядов в освободившихся от колониального гнета странах, к социализму, ко всяким демократическим веяниям. Особенно он был нетерпим к идеям коммунистических партий. Поэтому на лице Неру и проскальзывало какое-то непонимание того, как столь разные люди могут не только встречаться, а сидеть рядом за общим столом.

С Неру мы свободно обсуждали все интересующие нас вопросы. С Индией у нас всегда были наилучшие отношения. Правда, никаких особенных впечатлений у меня от бесед с Неру не осталось. Ведь вопросы, возникавшие между нашими странами, разрешались легко и нормально, через дипломатические каналы. Но это была приятная встреча, и она демонстрировала наши дружеские отношения. Индия занимала положение лидера среди стран, которые освободились от колонизаторов. Ее либеральная политика уважалась всеми странами, даже колониальными метрополиями. Эта политика проявлялась в терпимости к социально-политическим устройствам. Неру проводил линию мирного сосуществования, экономических и культурных контактов между всеми странами. И нам было выгодно демонстрировать дружбу с таким государством, хотелось, чтобы на тот же путь стали и другие страны, особенно африканские, в которых начался бурный процесс освобождения от чужого господства и завоевания независимости. Странам, освободившимся от колониального гнета, тоже было выгодно дружить с Советским Союзом: это обеспечивало им возможность нормальных экономических и культурных отношений. Им можно было положиться на Советский Союз: он всегда придет на помощь, а молодые государства в такой помощи особенно нуждались.

Как раз когда мы прибыли в Нью-Йорк, Нигерия только что обрела независимость и прислала свою делегацию на ассамблею ООН. Возглавлял ее премьер-министр. Потом он трагически закончил свою жизнь. Во время переворота в Нигерии его похитили и затем убили. Этот премьер устроил прием. В числе приглашенных был и я. Не помню, пришел ли один или с товарищем Громыко. Наверное, с Громыко, потому что вряд ли нигерийцы сделали бы исключение для нашего министра иностранных дел. Но сидели мы не рядом с Андреем Андреевичем. Меня премьер Балева усадил напротив себя, рядом с представителем Великобритании. Балева был тучный человек огромного роста. Негр, но не с таким цветом лица, который я видел у сенегальцев — с синим оттенком, а несколько светлее. Может быть, он был и не чистокровный негр, но меня это вообще не интересовало. Конечно, он владел всеми манерами европейского человека. Прием его ничем не отличался от других приемов, на которые я приглашался. Держал он себя приветливо и дружелюбно.

Я был немного удивлен: зачем он, пригласив нашу делегацию, усадил нас рядом с представителями Великобритании? Мы тогда с Нигерией еще и дипломатических отношений не имели. Однако у нас возник большой интерес к ней, и мы хотели установить с ней дружеские отношения. Мы понимали значение этого огромного африканского государства: масса населения, богатые природные ресурсы. Мы понимали также, что бывшие колонизаторы не сразу выпустят Нигерию из своих рук. Она обрела юридическую независимость, но осталась в экономическом плену, и они хотят

удержать ее в своем лагере, продолжать эксплуатировать богатства Нигерии и одновременно препятствовать развитию освободительного движения, экономическому раскрепощению и переходу на позицию борьбы за построение социализма. Впрочем, Балева был далек от этого: богатый человек, принадлежащий к буржуазному классу. Он проводил политику создания нового и независимого государства, но на капиталистической основе, и очень внимательно, подчеркнуто внимательно вел себя в отношении Великобритании. По существу независимость он получил от британской короны и оставался сателлитом английского капитала вплоть до своего свержения.

Мы были глубоко убеждены в том, что все это там временные лица. Они выросли в колониях, поддерживались колонизаторами. Во многих таких странах даже офицеры в их армиях были британцами. Англия фактически обладала там реальной вооруженной силой и по сложившейся традиции поддерживала тесные контакты с бывшим государством-колонией. Вот такое состоялось знакомство. Когда нас пригласили к кофе, Балева подсел к нам. За этот же столик усадили представителя Великобритании. Разговоры у нас велись самые общие, да иначе и не могло быть, но нам было все же приятно. Приглашение советской делегации означало, что Балева вынужден показать своему народу, что он имел контакт с представителями СССР. Это говорило о том, что наша политика признавалась и в Нигерии. Только это могло побудить Балева установить с нами контакты в Нью-Йорке.

Я рассказываю тут о контактах с делегациями капиталистических стран, но пока почти ничего не сказал о большинстве социалистических стран Европы. В то время у нас имелись между собой самые тесные контакты. Мы обсуждали между нашими делегациями любые проблемы, и не было таких вопросов, по отношению к которым даже в оттенках возникал бы различный подход. Мы выступали единым фронтом и даже заранее распределяли роли, по какому вопросу какая делегация выступит и какой вопрос она поднимает. Правда, уже образовывалось на горизонте новое облачко, бросавшее тень на отношения с Румынией. Министр иностранных дел Румынии (его фамилию сейчас не помню) на меня производил впечатление умного человека, хорошо разбирающегося в вопросах международной политики, и вообще у меня к нему никаких претензий не было. И если я говорю о маленьком сгущении тучек, отбрасывающих тень, то только потому, что некоторые из представителей братских социалистических стран проявляли недовольство его активностью. Он действительно проявлял чересчур большую активность, много выступая с репликами. Обычно, если какая-то социалистическая делегация хотела выступить с репликой, то предварительно ставила в известность братские страны. Румынский же представитель этого не делал, а как бы демонстрировал перед другими социалистическими делегациями свою полную самостоятельность и независимость в таких случаях.

Я тогда ни к каким особым выводам не пришел и полагал, что это просто специфика характера. И потом думал, что в этом вообще нет ничего особенного. Не считал нужным давить на сознание представителей Румынского государства, не хотел создавать впечатление какой-то зависимости от нас. Желание показать, что Румыния имеет полную независимость в политике, меня вовсе не задевало. Но некоторых других это трогало, и в его адрес высказывались иной раз неодобрительные замечания такого типа: «Вот выскочка!». По постановке же вопросов и реплик румыны ни в какой степени не выходили за рамки понимания всех проблем другими социалистическими странами Европы. И их вопросы, и реплики вполне укладывались в наше понимание, а не торчали какими-то углами, задевавшими нашу общую политику. Нет, такого еще не было! Так что я спокойно относился к такой активности. Признаться, он мне даже нравился: молодой человек показывает свои возможности, хорошо разбирается во всех вопросах, своевременно и остро реагирует, в такт подает нужные реплики.

Я уже говорил, что, когда выбирали спикера на сессии Генеральной

Ассамблеи, мы выступили против представителя Ирландии. Но потом этот спикер показал умение и объективность в руководстве заседаниями. Мы даже пригласили его к себе на ужин, после чего состоялся обмен мнениями. Мне он понравился. У нас с Ирландией особых контактов не было, но мы сочувствовали ирландцам, сражавшимся с англичанами за независимость своего острова. Наше сочувствие оставалось на их стороне и после того, как основная часть острова обрела независимость. Однако люди, пришедшие там к руководству, в ответ не сочувствовали нашей политике. А встречу со спикером мы организовали по рекомендации Андрея Андреевича. Это были шаги Громыко по дипломатической линии. Видимо, он усматривал в том какую-то перспективу, какие-то возможности на будущее. Впрочем, и мне тоже было интересно встретиться и ближе познакомиться с представителем Ирландии.

Настали выходные дни. Ассамблея не заседает. Наше представительство владело замечательным загородным особняком — дачей в советском понимании. Но выехать туда я без разрешения властей не мог. Мне подсказали, что если мы обратимся за разрешением, то, безусловно, его получим. Я подумал-подумал, а стоит ли обращаться по такому вопросу? И в конце концов пришел к выводу, что это не затрагивает нашей чести, просто необходимо считаться с законами той страны, в которой пребываешь. Другого-то выхода все равно не было: либо сидеть взаперти, либо обратиться за формальным разрешением. Получив его, мы отправились за город. Но что значит — отправились? Это же не сел в машину и поехал... Нас сопровождала американская полиция. Получилась довольно сложная кавалькада. Это привлекло внимание, по пути собирались группы людей. Они выражали свое отношение к нашей делегации, причём в большинстве случаев реакция была недружественной: и языки показывали, и несли плакаты с враждебными к СССР и ко мне надписями. Полицейские машины сопровождали нас до самой загородной резиденции. Там роскошный парк и очень богатое помещение, условия для отдыха отличные. Когда мы гуляли, тоже не раз слышали свистки и автомобильные сигналы. Меньшиков объяснял мне, что это форма выражения протеста в наш адрес: так янки выражали свое негодование в связи с нашим пребыванием в Америке. Вот следствие нашего конфликта, возникшего из-за сбитого нами самолета У-2. США совершили агрессивный акт против Советского Союза, но их обыватель реагировал по-своему. Он был хорошо обработан. Правда, я видел и отдельные проявления дружеского отношения, были даже приветствия, но редко.

К своим выступлениям готовились также братские Украина и Белоруссия. Я придавал большое значение этим выступлениям и, исходя из политических соображений, попросил руководителей их делегаций выступать на своих родных языках. Не помню, какую тему они затронули. Ведь то было декларативное выступление, которое какого-либо влияния на развитие событий не могло оказать. Но звучал голос советского содружества, который мог найти отголосок у трудового народа США. Особенно я рассчитывал на эффект выступления представителя Украины. В США и Канаде жило много украинцев. Там и сейчас проживают их сотни тысяч. И я был убежден, что если будет транслироваться украинская речь, то ее станут слушать многие американцы украинского происхождения. Белорусов там было меньше, но тоже достаточное количество. И они также были потенциальными слушателями. В царское время западные губернии России были бедными, там наблюдался излишек рабочих рук, их обладатели искали приложения своих сил за пределами Родины, стремясь заработать на хлеб насущный, и эмигрировали...

Настал день их выступлений. Украинцы поступили, как я советовал, а с Белоруссией не получилось. Я был очень огорчен. «Мы не можем подготовить текст на белорусском языке, — оправдывались представители БССР, — и печатной машинки нет с белорусским шрифтом». «Если не можете, то другого выхода, конечно, нет, но это наносит ущерб национальной политике. Враги советской системы используют данный факт в пропа-

ганде: нет у союзных республик никаких прав, все там делается для показа за границе, сплошная фикция. Русские подавляют всех, и даже на таком международном форуме, как сессия ООН, ее член выступает не на своем родном языке, а на русском». Думаю, что это понимал и представитель Белоруссии, но он не был лично подготовлен, не знал толком своего языка. Выступления же их, и то, и другое, по содержанию были хорошими, отвечали целям нашей политики и были доброжелательно встречены. Что значит — доброжелательно? Это условное понятие, не то, что у нас. Выступил кто-то на собрании, и иной раз, независимо от содержания речи, зал приветствует. А там принимают по-разному: одни терпимо, другие с радостью, третьи враждебно — черта всякого буржуазного парламента, тем более такого форума, как Генеральная Ассамблея ООН. Так что я говорю о приеме речей в целом.

Мы часто устраивали внутренние совещания делегации СССР с делегациями УССР и БССР. Проводили совещания и с представителями других социалистических стран. Действовали хорошие контакты, и мы все проводили согласованную политику. Между прочим, иногда не были уверены, что нас не подслушивают. Поэтому при обсуждении коренных вопросов принимали специальные меры. Часть таких вопросов обсуждали за городом, во время прогулок. Но туда мы выезжали только в выходные дни. А вопросы порою возникали каждый день. Тут мы принимали особые технические меры для создания помех, для глушения подслушивающих аппаратов.

Мое пребывание в Нью-Йорке затянулось, восприятие событий потеряло свою остроту, но я не мог подняться и уехать. Нами был подготовлен вопрос о предоставлении независимости колониям. Я был записан в качестве докладчика. Было бы неправильным, не сделав доклад, убыть. Это значило бы расписаться в том, что мы не придавали этому вопросу серьезного значения, что было бы плохо расценено колониальными народами. И вот настал день нашего доклада. Он длился более двух часов. Подготовили его хорошо, текст получился содержательным и произвел положительное впечатление. Принят же он был, конечно, по-разному. Одни реагировали с восторгом, и в ходе доклада я слышал звуки одобрения от части делегатов; другие восприняли его враждебно. Это вполне понятно. Там было, как в парламенте буржуазной страны, состоящем из представителей различных классов. Любой обсуждаемый вопрос всегда служит интересам одного или другого класса. Поэтому по-разному воспринимается и каждый вопрос. Колонизаторы без всякого энтузиазма слушали мой доклад, а посланцы освободившихся народов или тех, которые еще находились на положении колоний, сочувствовали моему выступлению.

Мы достигли своей цели, поставив сей вопрос от имени Советского Союза. Хороший вопрос! И он оставил свой след, был по-доброму принят многими народами, на что мы и рассчитывали. Обсуждение доклада проходило содержательно и остро. Настало время формулировать резолюцию. Разработали ее мы. Теперь уже не помню деталей процедуры согласования. Признанным мастером по этим делам был Громыко, в чем он имел многолетний опыт, начиная с самого учреждения ООН, когда он присутствовал на учредительном заседании как заместитель министра иностранных дел СССР. А возглавлял нашу делегацию Молотов. Да, Громыко хорошо знал всю «кухню». В ходе обсуждения резолюции США не выступали против, но пошли по линии выхолащивания остроты из Декларации. Мы это предвидели и поставили США перед дилеммой: выступить против наших предложений — значит объединиться с колонизаторами, противопоставить себя народам огромных континентов, особенно Африки; поддержав же нас, они затронули бы интересы своих союзников — Великобритании, Франции, Испании, Португалии, Нидерландов, Бельгии.

Мы заранее чувствовали, что США не смогут демонстративно проголосовать против нас и будут вынуждены, скрепя сердце, голосовать вместе с нами. При закулисном обмене мнениями выяснилось, что за Декларацию будут голосовать не только США, но даже Англия и Франция, ибо они уже

встали на путь предоставления своим колониям государственной независимости. Противниками наших предложений оставались Испания и Португалия. Когда Андрей Андреевич Громыко сказал, что США, Франция и Англия проголосуют за наш текст, это, конечно, было победой. Но с точки зрения достижения эффекта мы своей цели достигали, даже если бы они решили высказаться против. Это придало бы еще больше остроты постановке вопроса о ликвидации колониальных режимов. Так жизнь подтверждала правильность марксистско-ленинского учения по национальному вопросу.

Нам происходящее было очень приятно. Мы добились своей цели, наша политика получила признание и у народов, завоевавших независимость, и у народов, которые еще борются за независимость. Они сразу увидели, кто их друг, а кто — враг. Социалистические страны первыми подняли свой голос в их защиту. Советский Союз проводит внутри страны политику равноправия между народами, за нее же он борется и в международном масштабе. И вот при голосовании абсолютное большинство стран высказалось за принятие Декларации и соответствующей резолюции. Кажется, ряд стран воздержался, потому что голосовать «за» не хотели, а «против» — значит выставить себя в дурном свете. Мы получили большое политическое удовлетворение от самой постановки этого вопроса и приобрели еще больше симпатий среди угнетенных.

С делегацией США на той сессии мы не поддерживали никаких контактов. Выступал там и Китай, как называли Тайвань. Мы, конечно, душой и телом были преданы КНР. Поэтому, когда выступал представитель Тайваня, делали все, что было доступно, для выражения своего презрения к нему: устраивали обструкцию, топтали ногами. И не только наша делегация, таких было много. Использовали мы и другие способы выражения протеста, хотя в таком огромном помещении наш способ все-таки не производил сильного эффекта. На всех заседаниях мы выступали с предложением лишить мандата представителя Тайваня и передать его Народному Китаю, который еще не входил в ООН. Но большинства голосов тут мы не собирали, хотя, признаться, я питал надежду, что теперь изменилась расстановка сил и создалась реальная возможность принять решение о лишении Тайваня мандата. К сожалению, ряд малых стран, которые юридически уже получили свободу, фактически еще находились под влиянием бывших хозяев и не раз голосовали вместе со своими господами, у которых ранее были на положении полурабов.

Во время моего пребывания в Нью-Йорке у нас разгорелся большой скандал с Хамаршельдом, по национальности шведом. Мы его знали и одно время относились к нему неплохо, поддерживали его кандидатуру, когда она была выдвинута на пост Генерального секретаря ООН после того, как его занимал норвежец социал-демократ Трюгве Ли. Не знаю, из-за чего у нас обострились отношения с Ли. Это было еще во времена Сталина. Когда я находился в Норвегии, то мне хвалили Ли и говорили, что он хорошо относится к Советскому Союзу. Но так уж сложились обстоятельства. Это очень трудный пост — Генеральный секретарь ООН, с массой сложной работы. Была выдвинута кандидатура Хаммаршельда, мы согласились. А когда в Конго обострились внутренние столкновения, мы посчитали, что Хаммаршельд недостаточно поддерживает интересы стран, борющихся против колониализма. У нас возникла идея: чтобы в ООН в равной степени отражались интересы трех группировок стран в мире — капиталистических, социалистических и «промежуточных», недавно получивших независимость, но еще не определивших своего социального выбора, — вместо одного генсека, единолично возглавляющего аппарат ООН, иметь трех лиц. Один будет от стран капиталистического лагеря, другой — от социалистического, третий — от освободившихся стран. Эту идею выдвинул лично я и горячо ее поддерживал. Но многие люди доказывали мне, что это невозможно, ибо будут заморожены все дела, нельзя будет продвигать вообще никакого вопроса. Я же доказывал свою правоту.

Мои коллеги в руководстве, в том числе Громыко, поддерживали мое

предложение. Ну что значит — заморозить? И почему следует бояться тройки? Ведь существует же нечто подобное в ООН — Совет Безопасности, который состоит из полутора десятков человек, причем пять стран там незаменимы и не переизбираются. Главные вопросы решаются именно этими пятью странами, и если одна голосует против, то дело считается не принятым. Такую же процедуру можно завести и для текущих вопросов. Текущие вопросы тоже имеют большое значение. Секретариат ООН управляет ее войсками. Они как раз находились в некоторых странах, включая Конго. От Секретариата зависело и то, какие даются директивы, какие назначаются люди на командные посты, какая будет проводиться повседневная политика. Поэтому я и считал, что надо иметь тройку, которая станет руководить всеми делами с учетом интересов каждой группировки. Конечно, вопросы станут решаться медленнее. Но иной раз это даже хорошо, соответствует конкретным интересам стран. У нас не было надежды выдвинуть на пост Генерального секретаря ООН кого-нибудь из коммунистов или хотя бы представителя некоммунистов от социалистических стран. Этого там не допустили бы. Значит, наши противники преследовали определенную политическую цель, подбирая свою кандидатуру на данный пост. Так почему бы нам не противопоставить им свою кандидатуру, не выдвинуть своего представителя? Тогда без согласия нашего представителя в тройке не могло бы быть принято решение, направленное против интересов социалистических стран. Соответственно это же касается неприсоединившихся государств и капиталистических держав. Три представителя стояли бы на страже нужных интересов.

При выборах произошла очень большая перепалка. В результате мы с Хаммаршельдом навсегда испортили отношения, и до конца его службы и до предела возможного. Вот такое обострение произошло на сессии. К сожалению, еще когда мы зондировали почву, то не смогли продвинуть свою идею. Империалистические державы были против и увлекли за собой страны, которые занимали позицию неприсоединения к блокам, поскольку Швеция формально тоже неприсоединившаяся страна. Наше предложение не нашло поддержки, и мы вынуждены были переориентироваться. Когда же Хаммаршельд погиб при авиационной катастрофе, то при выборах нового Генерального секретаря возникла кандидатура У Тана. Я не помню, кто первым ее назвал. С У Таном я был знаком. Он являлся представителем Бирмы, а с Бирмой у нас были тогда хорошие отношения, да и сейчас они дружеские. Мы полагали, что представитель Бирмы станет проводить более эластичную политику, во всяком случае не будет допускать политики, наносящей ущерб социалистическим и неприсоединившимся странам. И мы, как потом выяснилось, не ошиблись.

Так как в ходе выборов возникла опять обостренность, то все договорились избрать У Тана временно, с тем чтобы позже вернуться к этому вопросу. У Тан отбыл временный срок и показал себя принципиальным человеком. Он не шел на поводу у США, проводил политику с учетом интересов всех стран. Тогда мы изменили свою линию. Вначале, когда разрабатывалась наша директива, Громыко предложил повторно голосовать за У Тана как за временного генсека. Но я сказал: «Давайте проголосуем без оговорок и выдвинем его генсеком так же, как до него избирались другие». Андрей Андреевич удивленно посмотрел на меня, и я ему объяснил: «Сейчас лучшего кандидата чем У Тан, мы не найдем, наша иная идея опять будет провалена, поэтому и не следует выдвигать никого другого. Давайте сойдемся на У Тане». И мы проголосовали за него. У Тан был, конечно, очень доволен. Он обрел наше признание как признание правильности его политики. Мы не имели к нему претензий.

Претензий... А что такое претензии с нашей стороны? Если бы мы подходили к вопросу с чисто классово-позиционной позиции, то его деятельность, конечно, не удовлетворяла бы наших запросов. Принимая же во внимание характер данного международного учреждения, в котором водятся, как говорится, семь пар чистых и семь пар нечистых и еще есть «промежуточные», проводить политику, удовлетворяющую абсолютно всех, просто

невозможно. Там нужны большая гибкость и очень проницательный ум. Надо не усложнять вопросов, не обострять отношений, а уметь сглаживать углы, придерживаясь, однако, определенной позиции. Думаю, что У Тан хорошо справился со своей задачей. Он не раз конфликтовал с США. ООН приходится решать проблемы, которые затрагивают интересы всех стран. Здесь требуются тщательно подобранные люди, которые пользовались бы всеобщим доверием. Я уж не говорю об абсолютном одобрении. Доверие может быть, но абсолютного одобрения действий генсека ООН никогда не будет, это невозможно. У Тан, по-моему как раз удачная кандидатура. И он толково справляется со своими обязанностями. А Хаммаршельда У Тан временно замещал после того, как тот улетел в Конго, где велись бои между сторонниками Лумумбы и сторонниками Чомбе — личности, представлявшей интересы монополистических кругов Бельгии. Хаммершельд отправился туда познакомиться с ситуацией на месте. Наши разведчики докладывали мне, что его самолет сбили зенитчики из войск Лумумбы, и Хаммаршельд погиб.

Что касается ООН в целом, то мое отношение к этому учреждению таково. Я оцениваю его деятельность положительно, хотя, как свидетельствует история, решение им многих вопросов нас абсолютно не удовлетворяет или даже противоречит нашим интересам. К примеру — китайский вопрос. Но ООН — полезное учреждение. Его создали по инициативе Франклина Рузвельта, что было поддержано нами в период, когда советскую политику определял еще Сталин. После второй мировой войны наша страна получила достойное признание. Все убедились, что она не «колосс на глиняных ногах», как утверждали некоторые. Это выражение особенно нравилось Гитлеру, и он убедил себя, что стоит только двинуть немецкие войска и ударить по этому колоссу, как тот раскиснет и развалится. Чем это кончилось, теперь известно всему миру. К сожалению, не все политики усвоили урок должным образом. Кое-то еще продолжает питать надежду, что можно выиграть у СССР третью мировую войну. Правда, грубо говоря, таких дураков становится с каждым днем все меньше и меньше. Даже агрессоры из агрессоров, ненавидящие наш строй, вынуждены публично признать, что стереть в войне с лица Земли страну, руководствующуюся марксистско-ленинским учением и создавшую новое общество, невозможно. Хочешь-не хочешь, признаешь или не признаешь мирное сосуществование, но жизнь требует того, другого выхода нет: или мирное сосуществование, или кровопролитная и бесперспективная война. Наши классовые враги нехотя вынуждены примириться с существованием социалистических стран.

Международные проблемы ручейками стекаются в огромный бассейн — Организацию Объединенных Наций. Считаю это учреждение необходимым. Придумавшие его люди руководствовались правильными идеями. Есть, правда, и противники у этого органа. Например, КНР занимает такую позицию. Полагаю, что она занимает такую позицию потому, что ее не признали. Конечно, неразумно, что Китай не является членом Совета Безопасности, а его место там занимает сейчас чанкайшистский отщепенец, который проводит проамериканскую политику. Но это временное явление. Рано или поздно, Народный Китай войдет в Объединенные Нации. Надеюсь, к тому времени он вернется на разумные позиции, которых некогда придерживались ее руководители.

Много вопросов решается в ООН. Самое главное, что ООН дают возможность обсуждать все возникающие вопросы и вести международный обмен мнениями. Это имеет свою положительную сторону, хотя не всегда принимаются нужные решения. Я уже говорил, что следует понимать под правильным решением в условиях, когда собираются люди противоположных политических взглядов, преследующие совершенно разные цели. Однако есть вопрос, который интересует все народы независимо от социально-политического устройства их государств: обеспечение мира. Собственно, для данной цели и создана ООН, хотя и по этому вопросу существуют разные точки зрения. Все хотят мира, но не все считают мир полезным. Некоторые добиваются такого мира, который удовлетворял бы их полити-

ческие запросы, способствовал бы укреплению капиталистической системы. Мы со своей стороны занимаем иную позицию и считаем, что настанет такое время, когда весь мир будет представлять единое, органическое целое, в котором народы придут к общественному строю, теоретически опирающемуся на марксистско-ленинское учение. Тогда ни в одной стране не будет эксплуататоров и эксплуатируемых, будут ликвидированы несправедливые отношения между людьми. А потом возникнет и вообще новое, еще не виданное общество на коммунистических началах.

Но это в будущем, а живем мы сегодня. И все возникающие вопросы сегодня решаются в ООН. Возникают разные проблемы, и каждая страна подходит к их решению по-своему. Однако климат, который сам собой создается при обсуждении, охлаждает ретивых и сдерживает нетерпимых. Так возникают условия равновесия. Общемировой корабль ООН продолжает плавание в мировом общественном океане. Мне могут сказать, что был неудачный предшественник — Лига Наций. Она не сыграла нужной роли, не остановила развязывание второй мировой войны. Но другое было тогда время. Существовал единственный социалистический остров — Советский Союз, против которого объединились все. Некоторые же страны вообще не входили в Лигу Наций, например США. Потом из нее ушла фашистская Германия, которая окрепла и считала, что может развязать и выиграть мировую войну. Нас же недруги исключили из Лиги Наций по социальным мотивам. А война закончилась разгромом тех, кто ее развязал.

Условия, в которых мы живем сейчас, и условия, в которых существовала Лига Наций, совершенно непохожи. В то время капиталистическая система была могучей, она определяла линию войны или мира. Советский Союз особенно не брался даже в расчет и считался «колоссом на глиняных ногах». Теперь ситуация изменилась. Напомню о том, что сказал мне в Женеве Макмиллан. То была дружеская беседа, и он с грустью в голосе говорил: «Господин Хрущев, теперь Великобритания — уже не та Великобритания, которая слыла владычицей морей. Теперь не мы определяем мировую политику. Теперь самые мощные государства — США и СССР». То же самое, хотя и в других выражениях, повторял такой умнейший политик, как генерал де Голль. Имею в виду политику, которую он проводил, когда возглавлял Французское государство. В отношении внутренних вопросов я, конечно, качества умнейшего лица за де Голлем не признаю, потому что он был буржуазным лидером и верно служил своему классу со всеми вытекающими из этого последствиями. В вопросе же верной оценки Советского Союза отдаю ему должное. Он повторил почти ту же фразу, что и Макмиллан. Потом в близких выражениях это признал президент США Кеннеди. А из всех президентов США, с которыми я как-то сталкивался, он был умнейшим.

Пусть меня правильно поймут мои собратья-коммунисты. Пусть не укоряют, что Хрущев легко отзывается о покойном президенте Кеннеди. Когда воздается должное, это не принижает того лица, кто это говорит, и не служит возвышению враждебной нам социально-политической системы. Да, Кеннеди — капиталист, он представлял интересы капиталистов и был верен своему классу до последних дней жизни. Но в вопросе определения международной политики занимал четко обозначенное поле, стремясь обеспечить мир на Земле. Надо учитывать, в какое время мы живем, какое складывается соотношение сил капиталистических, социалистических и неприсоединившихся стран. Трудно сказать, что имеет решающее значение: голосование или наличие оружия? Раньше побеждала та страна, которая имела больше оружия и умела лучше его использовать. Сейчас можно иметь больше оружия, но проиграть войну. Тут особенно важно не просчитаться.

Джон Кеннеди правильно понимал расстановку сил в мире, умел правильно разбираться в этой арифметике, в небольших, но решающих числах. Сейчас прошло время, когда определение политического курса, быть войне или нет, зависело прежде всего от США и их союзников. Мы живем в дни, когда социалистические страны набрали экономическую мощь, обладают

научными и техническими знаниями, современными средствами ведения войны. Поэтому классовые враги вынуждены признавать социалистические страны, а среди них первую скрипку играет СССР как наиболее мощная держава, обладающая новейшим оружием. Кеннеди, признав это, заявил, что США обладают средствами, позволяющими уничтожить нас дважды, а СССР может уничтожить Америку единожды, но тоже уничтожить. Так что второго раза не потребуется. Разумным людям дико восторгаться тем, что они имеют возможность уничтожить кого-то дважды. Для тех, кто погибнет в схватке, утешения не будет: ни той, ни другой стороне. Каков же вывод? Разумный вывод один: обеспечить мирное сосуществование и предоставить возможность всем народам устраивать свою жизнь по собственному усмотрению.

Признание этого еще не означает, что все само собой покатится под горку, по смазанным рельсам. Нет, новый процесс будет идти с трениями, с конфликтами, возможно даже с местными военными столкновениями. Они и сейчас происходят. После второй мировой войны не было длительных передышек, когда бы молчали орудия, не трещали пулеметы, не сбрасывались бомбы. Это были локальные столкновения, а агрессивные силы, участвующие в них, вынуждены были оглядываться, как бы не перейти грани, не развязать третью мировую войну и не сгореть в ней. Может ли локальная война перерасти в мировой пожар? Да. Следовательно, самое умное — не допускать вооруженных столкновений вообще, для чего надо не вмешиваться во внутренние дела других государств. Лучше всего было бы ликвидировать военные блоки и не держать никаких войск на чужой территории. Самым реальным было бы всеобщее разоружение, переход к положению, когда страны не имеют армий и не производят оружия. В государствах достаточно внутренних полицейских сил для поддержания порядка. Правда, это пока еще далекое завтра. А сегодня мы живем в идеальном мире и должны исходить из реалий при оформлении своих отношений.

Вот почему ООН — очень полезное учреждение. Оно не разрешает противоречий, но умеряет страсти разгоряченных. Они начинают вернее ощущать сложившиеся международные условия. Представители разных стран воздействуют друг на друга. Если образно выразиться, там стираются грани. Не социально-политические грани, а наросты, угрожающие войной. Все получают соответствующий душ и успокаиваются, бывают вынуждены правильно оценить ситуацию, попридержать свой пыл. Вот как я понимаю значение Организации Объединенных Наций. Это учреждение борется за то, чтобы обеспечить мир. Дает ли ООН гарантию, что новой мировой войны уже не будет? Самым глупым было бы такое понимание дел и самым глупым был бы человек, который бы так подумал. Нет, не даст! Данное учреждение сдерживает, но не удерживает полностью. Однако и этого достаточно, потому что, сдержав, можно и удержать. К сожалению, ООН еще не позволяет нам спать спокойно: раз ООН существует, то и войны не будет. Жизнь показала, что такое суждение было бы ошибочным. Думаю, что людей, которые бы так понимали роль ООН, вообще нет. Тем не менее мы обязаны признать полезность этого учреждения: там сходятся люди для обсуждения назревших вопросов. Вот лучшее, что можно придумать в современных условиях.

Иное дело, что в качестве места и расположения аппарата ООН избран был Нью-Йорк. Это была ошибка. А ошибку совершили мы. В то время, когда определялось местонахождение ООН, Сталин имел решающий голос. Спор шел между США и Великобританией, между Рузвельтом и Черчиллем, а Сталин как третье лицо выбирал, на чьи весы положить голос Советского Союза, и отдал его в пользу США. Сталин хотел задобрить Рузвельта. Так и получилось, но исторически произошла ошибка, хотя в ней я Сталина не обвиняю. Мы все тогда были такого же мнения. Ведь из буржуазных стран США имели наибольшие буржуазно-демократические свободы и не имели колоний. К тому же они были удалены от Советского Союза, Западной Европы, Азии и Африки. Поэтому мы не увидели лучшего

места для размещения штаб-квартиры ООН. Если говорить о сегодняшнем дне, то всем было бы лучше, если бы ООН располагалась в Европе. Но тогда оценивалось, что Европа начинена взрывным материалом, тут развязываются войны. А теперь США проводят жандармскую политику, служат мировым жандармом, и условия работы ООН в Америке — не самые лучшие. Гораздо полезнее, если бы ООН располагалась в такой классической капиталистической стране, как Англия. Я уж не говорю о Швейцарии.

Когда мы спорили по германскому вопросу и насчет Западного Берлина, то обращались с таким предложением: «Давайте перенесем ООН в Западный Берлин, тем самым он приобретет особое международное значение». Но это предложение не нашло понимания у наших партнеров. Не найдет оно понимания и сейчас, ибо выбивает почву из-под ног тех, кто хочет отдать Западный Берлин ФРГ. Не знаю, наступит ли вообще время, когда народы признают необходимость перемещения ООН в другую страну. Сейчас африканские страны почти все уже освободились от старого колониализма. А там живут народы с черной кожей. Приезжать им в США, где они не признаются за настоящих людей и где сохранилась частичная дискриминация, трудно. Такое отношение человека к человеку вообще недопустимо. А когда подобную политику проводит государство, в котором расположена ООН, вдвойне! Это нетерпимая ситуация. Поэтому я считал бы необходимым даже сейчас, несмотря на большие затраты, перенести оттуда штаб-квартиру ООН. Считаю, что политически это оправдалось бы. Правда, сегодня это уже не столь острый вопрос. Будет ли он решен в будущем, трудно сказать. Не хочу гадать, история покажет.

На этом можно было бы поставить точку, но мне на память пришел еще один эпизод, связанный с нашим путешествием в ООН. Когда мы прибыли в Нью-Йорк, мне доложили о чрезвычайном происшествии на корабле. Оно заключалось в том, что один матрос покинул корабль и не вернулся, а пошел в полицию США и попросил политического убежища. Люди, сообщившие мне эту новость, были в страшном волнении. Я их успокоил и попросил не придавать делу большого значения: «Ну, и что же? Ушел и ушел. Пусть попробует капиталистических хлебов, узнает, почему они в Нью-Йорке и каковы на вкус!». Я, конечно, знал, что меня вскоре встретят журналисты, которые всегда неотступно сопровождали нас. Надо было подготовиться к ответу. И верно, при первой же встрече мне задали вопрос: «Господин Хрущев, как Вы смотрите на то, что матрос с Вашего корабля попросил убежища в Соединенных Штатах?». Отвечаю: «Мне докладывали об этом. Сожалею о происшедшем. Он человек неопытный, не имеет особой трудовой квалификации, и я сочувствую ему. Очень тяжело ему будет приспособиться к американским условиям жизни, ничего ведь нет у него за душой. Глупо он поступил, необдуманно. Если бы он мне сказал, что хочет остаться, а бы оказал ему какую-то помощь на первых порах». Весь накал, который был у журналистов, сразу исчез. Они ожидали совсем другой реакции с моей стороны, полагали, что я буду чернить этого человека, осуждать его и пр. Ждали чего угодно, но только не того, что услышали. Так провалилась сенсация, и журналисты не смогли заработать на этом деле.

А вот еще памятный случай. Меня он душевно тронул. Около моей резиденции, на большой улице, в угловом доме, всегда толпились корреспонденты. Не знаю, сколько их там было, но не меньше нескольких десятков. Некоторые там и ночевали, не отходя от места. Фотокорреспонденты и кинокамерщики регистрировали буквально каждый мой шаг. В условиях Нью-Йорка нормально гулять я не мог, это было просто невозможно. И я выходил на балкон подышать свежим воздухом, если можно так назвать воздух Нью-Йорка. Но другого у меня не было. Делал еще какую-то разминку, прохаживаясь по комнатам. Любил с балкона наблюдать городское движение. Все-таки какое-то разнообразие впечатлений. Так я получал передышку, совершая это по нескольку раз в день. И вот однажды я получил записку от журналиста. Он подписался, но сейчас не помню его фамилии. Там стояло: «Господин Хрущев, Вы выходите на балкон, что мне,

как журналисту, приятно. Мы можем с Вами встретиться, и я могу взять у Вас интервью. Однако хотел бы Вас предупредить: Вы, видимо, плохо учитываете особенности Нью-Йорка. Нью-Йорк на все способен. Выходить на балкон Вам небезопасно. Здесь может быть организована против Вас всякая всячина: могут выстрелить из машины или из окон, расположенных напротив Ваших. Одним словом, я как ваш доброжелатель хотел Вас предупредить, чтобы Вы это учли, не высовывались из дома и тем самым не подвергали бы себя опасности». Я прочел эту записку, как раз когда стоял на балконе. Но, именно получив такую записку я продолжал там оставаться. Все обошлось благополучно. Признаться, сейчас, когда я вспоминаю об этом эпизоде, меня трогает человечность того корреспондента. Не знаю, кто он по своим политическим убеждениям, корреспондент какой газеты, но и сейчас тепло вспоминаю об этом человеке.

На возвращение из Нью-Йорка в Москву у нас не было много времени. И мы решили отказаться от морского путешествия и вернуться самолетом Ту-114. К тому же, выбирая средство транспорта для поездки в Нью-Йорк, мы остановились тогда на корабле из-за выявленных в самолете дефектов. Мы могли полететь на другом самолете до Лондона, а из Лондона воспользоваться международной трассой. Но нам не хотелось прибегать к чужим услугам. Когда же подошло время возвращаться, мне сообщили, что дефекты самолета устранены, аппарат выверен, и Андрей Николаевич Туполев не сомневался в его надежности. Зато произошел еще один инцидент, но провокационного характера. Нет-нет, уточню: это было не после поездки в ООН, а в другом случае, когда мы улетали из США в 1959 году. Оставались буквально считанные минуты до вылета, как вдруг начальник охраны сообщил мне: по телефону неизвестное лицо предупредило, что на самолете Хрущева заложена бомба, и на этом разговор оборвался. Начальник охраны заверил меня: надо лететь! Он абсолютно убежден, что тут провокация. Все при погрузке внимательно осматривалось. Даже с вещами не мог попасть на борт какой-нибудь посторонний предмет, тем более бомба. Посторонних к самолету не подпускали, было установлено круглосуточное дежурство. И я сказал: «Хорошо, мы летим». Как известно, мы тогда благополучно преодолели пространство над океаном и приземлились в Москве. Вот такая нам была подброшена американская штучка. Хотели испытать наши нервы и посмотреть, поддадимся ли мы панике? Но трюк провалился и не принес удовлетворения тем, кто организовывал провокацию.

(Продолжение следует)

Материалы следственной комиссии ЦК РСДРП по делу Р. В. Малиновского (май — ноябрь 1914 г.)

5. Протокол заседания следственной комиссии 11 июня (29 мая) 1914 г. ¹.

11/VI. 1914 г. Малиновский показал:

1) В группе, созывавшей «совещания» (Шер, Ежов, Дмитриев и др.), Козлова, Бронникова, Плетнева, Быкова — не было. Речь шла только о лично друг другу знакомых, высланных из Петербурга. Предполагалось пригласить делегатом Магидова, жившего в Киеве. С Магидовым переписывался Кибрик. Он вообще переписывался со всеми. С Магидовым были близки Шер и Дмитриев. Магидов — самый крайний ликвидатор. Магидов из Киева переехал в Харьков, когда не помню. Из Петербурга в 1910 г. поехал в Киев, жил там самое меньшее с год. Я тоже был близок с Магидовым. Печатали с ним вместе листки и др.

Перед съездом фабричных врачей ² в Харькове был Дементьев (Квадрат). Был там еще один ликвидатор — очень видный, владеющий французским языком, наборщик Беляевский. Приметы: роста выше среднего, блондин, волосы не длинные. Теперь живет в Москве нелегально. От Харькова был другой делегат, выступал на съезде. Безусловно присутствовал на съезде. Был другой — печатник, быстрый, юркий. Лично меня не знал. Обо мне писать в письме не мог, чтобы он был арестован — не помню.

В Москве никто из приезжих делегатов не сел. Я был только корреспондент. Собралось всего 8—9 делегатов: Рига — 2, Баку — 1, Харьков — 1. Решено было: при открытии читать общую декларацию харьковский делегат. Вечером должно было быть собрание делегатов в Сокольниках. Я и латыши не нашли места. Я и Скабыш (Жук) предложили на съезд не идти. В 9 часов вечера в тот же день все разъехались. По-моему, уехал и харьковец. Один из латышей — ответственный редактор «Dziwes Balss» ³. Съезд был на Пасхе 1911 г. перед совещаниями о «новой партии». Партийной всероссийской подготовки к съезду не было. С Шером никаких переговоров о съезде не вел. Разговоры о подготовке к съезду были. Участвовали в этих разговорах: четверка + Скабыш + Малиновский + Шевченко (в Союзе текстильщиков, в Дорогомиловской школе). Говорили о распределении докладов.

Плетневу было лет 19—20, Бронникову было лет 21—22, Быков самый старший, лет 26, женат.

Дементьев мог интересоваться фабрично-заводским съездом, мог из Харькова писать кому-нибудь письмо, мог упомянуть меня. То же могу сказать и о Беляевском. Мог тогда писать и «Самовар» (ликвидатор). Он тоже, кажется, был тогда в Харькове. О провале какого-либо письма из Харькова не слышал. На суде (мировом) по поводу «скандала» Плетнева и других было установлено, что за ними следил шпик, который при аресте назвал себя дворником дома номер...

Продолжение. См. Вопросы истории, 1993, № 9.

С Плетневым у меня были прекрасные отношения. С Шером вся четверка была знакома до тюрьмы. Я был для них авторитетом как практический политик. Шер — как идейный руководитель. До знакомства со мной и Шером они не были ни на одном собрании. В группе «новых социал-демократов» никакого разделения на беков и меков не было. Знал я, что Шер меньшевик, что я большевик, знали все, и т. п., но фракционных разговоров никогда не было.

С Бронниковым осенью, уже будучи депутатом, сражался в Москве на большом собрании. Бронников выступал яростным ликвидатором.

С Козловым были более близки, считали себя более или менее равными.

С Быковым не было ни близких, ни плохих отношений. Выпивали все четверо со мной. Однажды пропили (по случаю отъезда Шевченко) 25 руб., полученные студентом. Упал тогда в Москву-реку Бронников. Были отчаянно пьяны.

В Москве был резчик Петр Соколов (неопределенный с.-д.), член правления Общества развлечений, молодой. Меня звали Бог-отец, Шевченко — Бог-дух, Соколова — Бог-сын. Это было летом 1910 г.

М. И. Лазарева — дама, любящая, чтобы за ней ухаживали. С ней был близок Соколов. Соколов уехал в Харьков (бежал от ареста). Теперь он в Петербурге. В новый год (1911) приехал в Москву депутат Захаров (раньше были Гегечкори, Полетаев, кажется, и Покровский) ⁴. Была в 12 часов вечеринка у М. И. Лазаревой. Была и четверка, Чиркин с женой, я с Захаровым, возможно, и Кацап. (В это время в Москве участвовал в наших делах и Кацап-Поляков). Наутро после новогодней пирушки я поехал с Кацапом к Макару.

В январе 1911 г. на почве ухаживания за М. И. у меня состоялся разговор с Соколовым и М. И. Кацап знал четверку. Был, кажется, членом Клуба общедоступных развлечений. Я ему, вероятно, говорил о совещаниях «новой партии».

Абсолютно отрицаю, чтобы Быков мне когда-либо мог сказать: «Ты провокатор». Быков пьет мало. Я бы сказал, он не пьет, но в ночь (когда 25 руб. пропили) и он был пьян. С глазу на глаз с Быковым не пил. Большой выпивки, где не было бы Шевченко, больше не было. Всего с ними (четырьмя) выпивали раза 3—4. Жили они далеко. Они на Девичьем поле, я в Сокольниках. Видались редко. Единственная крупная выпивка при отъезде Шевченко. Пропили: студент 25 руб., мы — около 10, в простом трактире. Кличка студента Николай, большевик, русский, блондин, читал в Дорогомиловской школе по политической экономии. Встречал его и Глеба вместе, встречался в редакции «Текстильного Рабочего» ⁵. Возможно, что студент ушел раньше и пришел позже. Твердо не помню, видал ли студента раньше. Трактирчик на Смоленском бульваре, дешево давали закуску, напротив квартиры доктора Астрахана ⁶.

Я не помню, чтобы встречался с Бухариным. Кажется, Мария Ивановна говорила, что студент Николай плохо читает политическую экономию. Лукина в редакции «Голоса Ткача» не встречал. Сестра Лукина — жена Первухина ⁷.

С Шулятиковым был единственный конфликт из-за пьянства Шулятикова, когда он явился в собрание в невозможном виде. Это — единственный конфликт. Не помню, чтобы я мог протестовать против излишних претензий Московского комитета. Кроме Георгия и Кацапа, вообще ни с кем сношений по нелегальным делам у меня не было. До 1911 г., считая себя слишком открытым в Петербурге, я не хотел идти в нелегальную организацию, боясь и за себя, и за безопасность нелегальной организации. Вероятно, я говорил об этом Полегаеву (в Москве). Может быть, говорил и кому-нибудь другому: такова была моя точка зрения. Вероятно, я говорил и Захарову. Кроме того, против вступления в местную нелегальную организацию говорило то, что я связался с Макаром, должен был войти в ЦК, к этому же времени (15—16 мая 1910 г.) был уже арестован и т. д. О каком-либо конфликте Макара с нелегальной организацией не слышал. Макар два с половиной часа мне лично делал «доклад» о пленуме ⁸. На собраниях, где он докладывал, я не был. Потом, когда приехал Инок, он сказал ему: «Он (т. е. я) уже все знает».

О Сухаревой башне. Два союза были в одном помещении: золотосеребряников и деревообделочников (1-ая Мещанская, 18, недалеко от Сухаревой башни). Бронников был должностным лицом у золотосеребряников. Это было в сентябре или в октябре 1910 г. Когда полиция пришла, нас было 4—5 человек. Мы все назвали фамилии. Подошла другая публика. Был Попов (Юрий). Кажется, был Кацап. Продержали всех дней 4—5. В ту же ночь был обыск на квартире у меня и у других.

Сидели все в общей камере в Мещанском полицейском доме. Мещанский дом недалеко (минут 20) от места ареста. На другой день после ареста принесла жена подушки, вечером колбасу и пр. Получили и другие. Попов даже разговаривал с женой, кажется, через окно. Какое собрание было в союзе — не помню. Выпустили всех в одно и то же время без всяких последствий. На другой день было в газетах о нашем аресте. Может быть, что жена пришла не назавтра, а через два дня. Мое невозвращение домой жена не могла истолковать иначе, как то, что я арестован.

Как-то летом на Сретенке встретил раз Кузнецова случайно. Зашли в ресторан «Саратов», посидели, уехал в Екатеринослав. В связи с совещанием группы Шера Кузнецов не приезжал.

С Чиркиным с 1910 г. личные отношения — самые плохие. Познакомился в 1906 г. В 1910 г. (около мая — июня) очень большой личный конфликт в Москве. Этот конфликт произошел после конфликта на совещании. Хороших личных отношений никогда не было с Чиркиным. Во время работы в союзе партийные отношения и с Чиркиным, и с Наумом, и с Томским⁹ все время были натянутые. Осенью 1910 г. Чиркин из деревни приехал в Москву и заехал прямо ко мне. Прожил несколько дней у меня. Тогда же Чиркин вступил в самые близкие отношения с Дмитриевым, Шером и другими ликвидаторами. О моем большом личном конфликте с Чиркиным знают Кибрик, Шер, Орлов. Знают, что это было после конфликта на совещании. Чиркин был знаком с четверкой. Работал на заводе Швартовского (4 месяца), где работали и Козлов и Плетнев. Бронников и Быков — золотосеребряники, первый работал в мастерской, второй, кажется, на дому.

В Дорогомиловской школе читал боевое стихотворение, но оно — легальное. Стихотворение Чеченца напечатано на 1 мая в «Металлисте»¹⁰. Были только рабочие. Кажется, еще была старушка-учительница. Чинов не было, или я не знал. Рабочий Красильщиков читал «Тюрьму».

Знал студента Виноградова (высокий, черный). Работал в Союзе текстильщиков, был большевиком. Пошел в ссылку в Вологодскую губ. Виделся с ним часто в союзе. Конфликтов никаких с ним не было. Клички «Сидор» я не помню, фамилию его узнал от Марии Ивановны. С Плетневым, Бронниковым он был, конечно, знаком. Из ссылки в 1913 г. прислали мне фотографию (писал, кажется, Козлов), где был и Виноградов. Знаком был с Виноградовым в Москве очень мало. Дел партийных нелегальных с Виноградовым никаких не имел. Думаю, что о делах Макара он не знал. В союзе встречались. Говорили о разных делах. Доверие было полное.

Квартира в Москве была только в редакции «Нашего Пути», хотя на мое имя. Во второй приезд (после закрытия и ареста) нашел дверь отпертой. (Все важное было вывезено раньше. От запертых ящиков и пр. ключи были у должностных лиц, у меня ключей не было.) Когда вошел, застал разгром. Украден самовар, оставлена ценная пила для резки бумаги. Когда увидел картину, послал телеграмму в «Правду», вызвал по телефону газетных корреспондентов. Один приехал. В газетах появились заметки. Я жил в гостинице. Никаких личных моих вещей и бумаг в помещении редакции никогда не было. Ключи от ящиков и т. п. были у Николая Николаевича¹¹, у кассира и других. Кассир все время был Лев Суница.

В первый приезд после разгрома редакции я, не имея ключей к шкафам и ящикам, обратился к Курскому. Курский указал на сестру Суницы. Она (сестра Суницы) сказала, что ключи от всех ящиков находятся у госпожи Волконской¹², служащей в столовой Высших женских курсов. Пошел туда. Мне сказали адрес (дежурная) Волконской: Патриаршие пруды... Волконская сказала, что от Суницы ключи эти достались ей для передачи мне, и немедленно отдала мне ключи. После я узнал, что полиция перед арестом держала всех несколько часов. За это время Суница подсчитал все деньги. На каждой кучке была подробная записка рукой Суницы. Я взял деньги, марки, все ценное и нужное, повез в Петербург. Ящики снова запер и ключи увез тоже в Петербург. Громилы взломали все внутренние помещения. Видно, что поломаны железом. Ключи теперь у Лукина. Я передал их Яхонтову.

Предполагаю, что разгром объясняется так: уголовные в тюрьме, вероятно, подслушали от товарищей разговор, что остались деньги. Дали знать, или сами, выйдя на волю, пошли, чтобы украсть. Это объяснение я, наверное, высказал корреспондентам газет, а может быть, и товарищам. Было предположение, что это дело полиции. Но я не верил. Ибо все время стоял городской. Корреспондент был

от «Утра России» или «Русского Слова»¹³. Были и рабочие. Вспоминаю, что было два корреспондента. Один из них — знакомый Бины и Боршевского. Они все видели. Потом беседовали.

Шер арестован, кажется, в его имении не ранее осени 1911 г. Об его планах не знал. После разрыва на совещании виделся с Шером во всяком случае не более одного раза при содействии Кибрика по вопросам только личного моего конфликта с Чиркиным. О политических вопросах при тогдашних наших отношениях говорить было невозможно. Переписка началась только после выборов в Думу.

Вспоминаю еще, когда Макар предложил мне войти в ЦК, я советовался по этому вопросу с Шером и только с ним. Пришел к нему на квартиру и долго разговаривал. После разговора с Шером мы решили, что принять предложение целесообразно. Отношения с Шером были таковы, что, если бы он отсоветовал, я не принял бы, пожалуй, места.

Тотчас после совещания (где поссорился с Чиркиным на почве одной абсолютно личной истории) Кибрик от имени товарищей явился ко мне с грубыми и злобными обвинениями против меня. После объяснений у меня с Кибриком установились несколько лучшие отношения, но старых дружеских отношений уже не могло восстановиться.

Из рабочих на совещаниях были только я и Чиркин. Чиркин арестован в Петербурге в связи с его процессом. Дмитриев был на одном совещании. Всего совещаний было два. Дмитриев был арестован долго спустя. Ежов — долго спустя (полтора года), жил нелегально, Шер — осенью. Кацап появился в Москве осенью 1910 г. из Таганки. Четверку он знал, как вообще видных рабочих. Пользовался огромным авторитетом. Всегда считался большевиком. Думаю, что он встречался и с Шером. Был очень близок с Никитиным¹⁴.

Летом 1911 г. я «зашился в кооперацию» в Московское потребительское общество, Пименовское и Сокольническое отделения, был председателем ревизионной комиссии. Работы было масса. Ни минуты свободной не имел. 6--8 июля я представил на общее собрание отчет о ревизии. Мой отчет утвердило общее собрание. Членом кооперации был все время.

Долгое время усердно посещал университет Шанявского, четыре раза в неделю в течение трех месяцев зимы 1910—1911 гг. Посещал лекции политической экономии и русской истории. Когда был вопрос о кооперативной школе, я часто выступал на делегатских собраниях. Подготовка каждого выступления требовала большого труда.

В 1910 г. в Москве часто встречался с Фомой (Смирновым) и много беседовал по политическим вопросам. С ним обсуждал обыкновенно все политические вопросы. Солидарность была полная с ним. В Петербурге с Фомой не был знаком. Фоме о совещаниях с Шером и другими не рассказывал, я вообще не придавал им тогда большого значения.

Роман (Ермолаев)¹⁵ либо участвовал, не помню, на самих совещаниях, либо, приезжая из Петербурга, вел сношения и пр. Это я во всяком случае помню.

Арест Макара. Первый арест приблизительно 10--16 мая 1910 г. в Москве, пошел к знакомым пить чай и попал в засаду. Инок — тогда же, через несколько дней, около 2 июня, и больше не возвращался. Второй арест Макара был в 1911 г., месяца не помню. Перед вторым арестом я ездил с Кацапом к нему в Тулу. Кацап участвовал только во второй попытке организации ЦК, во время первой он сидел в Таганке.

Очная ставка Р. Малиновского и Н. Бухарина Вопрос о совместной выпивке.

Бухарин объяснил. Участвовал и Чиркин, Марии Ивановны не было, был Шевченко. Место не то в Хамовниках, не то в Дорогомилове. Ресторанчик — средней руки трактир, имеющий претензию быть рестораном. Туда пришли около 10 часов вечера. Около 12 часов пришли Плетнев, Быков, Козлов и Бронников. Впрочем, вспоминаю, что Чиркина не было. Видел его в другой раз. Поводы были то, что я получил 25 руб., и то, что скоро я должен был быть именинником. Других поводов не было. Каким образом остальная часть публики (четверка) могла из театра прийти именно в этот ресторан — не знаю. Выпала четвертная бумажка, я был здорово пьян. Малиновский бумажку поднимал. Я заплатил рублей 15—16.

Все были здорово пьяны. Я был, пожалуй, менее пьян, чем другие. Помню, что пелись революционные песни.

Часть публики захотела на Воробьевы горы. Меня потащили тогда на Воробьевы горы. У Москвы-реки Шевченко и Бронников побежали по льду. Бронников провалился под лед. Я захотел его спасти. Тоже попал под лед. Нас вытащили на ремнях. Я свалился еще с извозчика по случаю пьянства. В дальнейшем Малиновский, кажется, рассказывал Марии Ивановне в шутку, что я влез на памятник Пирогову и оттуда говорил агитационные речи.

Мне кажется, что с Быковым я на этой вечеринке виделся впервые. Быков был в смысле политическом наименее яркой индивидуальностью. Только Бронников участвовал прямо в партийной организации. Был несомненно меком, но какого оттенка, не могу сказать. Фактически он был наиболее близок к группе Шера. Все остальные трое были без партийной подготовки. По дороге к Воробьевым горам я для прекращения пьянства вытащил бутылку у Бронникова и разбил ее. Шевченко, кажется, в тот вечер пирушки должен был уехать. Вспоминаю, что поводом, пожалуй, были и проводы Шевченко.

Малиновский. Дорогомилово от Хамовников очень далеко. Плетнев, Бронников и другие жили близко к трактиру и часто там бывали: хорошо кормили. Чиркина безусловно не было на выпивке.

В результате в общем намечается согласие обоих.

Характеристика четверки.

Бухарин. Быков — лет 26—28 было тогда. Толстовцем он себя не заявлял в разговорах со мной. Он думает, что Быков, вопреки мнению Малиновского, отнюдь не редко выпивал. По крайней мере, он отступил ведь еще один раз перед вторым съездом фабрично-заводских врачей. Не помню, было ли привлечение к мировому суду четверки перед фабрично-заводским съездом. Что-то вспоминаю о мировом суде.

Малиновский заявил, что относительно мирового суда, пожалуй, ошибся. Может быть, пустили версию для успокоения рабочих.

Бухарин. О Плетневе. Тогда было лет 25 приблизительно. На вид казался моложе. У Бронникова седина была, но не от старости. Проседь была. (Оба согласны.) Козлов — самый молодой на вид.

Личное знакомство с Бухариным.

Малиновский. Я фамилии не знал. Думал, что давно живет за границей. Приравнивал по важности к Стеклову¹⁶. Возможно, что меня спрашивали: «Знали ли Бухарина»? — и я отрицал. Это потому, что фамилии его совершенно не знал.

Бухарин вполне допускает, что Малиновский фамилии не знал. Но Вас спрашивали, как о Николае, описывали и т. д. Спрашивали не то Елена Федоровна, не то А. А.¹⁷.

Малиновский. Этого я не допускаю, но, конечно, может быть, что я забыл и б «Николае».

Беседа Бухарина с Малиновским о нелегальной работе в Москве.

Малиновский не помнит самой сцены (стука по столу). Бухарин был в моей памяти как архилевый большевик. Допускаю, что по вопросу об организационных сношениях с подпольем у меня мог быть конфликт. Я сильно надеялся на себя, думал, промаха не сделаю. Знал, что подполье ничего серьезного дать на съезде фабрично-заводских врачей не сможет. А линию по существу вел я партийную.

Вечеринка.

Малиновский вспоминает стихотворение, прочитывает.

Бухарин согласен, что именно то стихотворение. Это, оказывается, легальное стихотворение Чеченца, напечатанное в «Металлисте».

Арест недалеко от Сухаревой башни.

Выясняется, что никаких разногласий нет. Они (четверка), впрочем, утверждали, что жена пришла именно сразу же на следующее утро.

Эти 19 страниц читал, записано правильно Р. Малиновский.
20 июня 1914 г.

Текст — автограф Зиновьева, подпись — автограф Малиновского, пометки — автограф Ленина

В М о с к в е.

Малиновский. В 1911 г. обратился ко мне Кибрик (настоящая фамилия), не пойду ли я на собрание. Дело было на даче, летом. Поехал я в Кунцево, там увидел Ежова, Шера, Кибрика, Чиркина (Ленского, безусловно, не было), одного неизвестного (интеллигент, заядлый ликвидатор) и я. Шесть человек всего. (Дмитриева не было.) Там было предложено созвать конференцию (в принципе). Кажется, еще Семеныч, интеллигент (Н. Ф. Орлов). Потом было второе собрание на станции Николаевской ж. д. Химки на квартире у Дмитриева брата. Там расплевались, как я писал в ЦО. Больше никаких собраний не было. Намечания лиц не было. Наверное, собрания были еще без меня. После «расплевания» собрания распались.

Когда Шер был арестован после этого, не помню. Шера позвали в охранку во время второго съезда фабричных врачей (до собрания это было или после, не помню, думаю, что до). Шер мне рассказывал о допросе ему, Шеру — откуда он знает Плетнева, Малиновского, Бронникова, Козлова, «Ваше знакомство с ними похоже на приглашение Гучковым¹⁸ кучера на чай». Шер объяснил, что, выпуская книгу «Профессиональное движение», приглашал этих рабочих. Шеру сказали, что продолжение такого знакомства будет криминалом. (Он был арестован на несколько часов и освобожден.) Когда пошел в ссылку, я не помню. Кажется, я был уже тогда в Ростокине.

Арестованы были из этой группы Шер на квартире, Кибрик в Союзе печатников (пошел в ссылку в Вологодскую губ.). Чиркин судился в Петербурге. Орлов арестован через год и освобожден. Ежов уехал в Питер. Дмитриев не был арестован. Я жил в квартире Шера, приехав из Питера. Потом с Шером до выборов в Государственную думу не видался и не переписывался. Во время выборов Шер был в ссылке. Никитин был чрезвычайно близок ко всей группе Шера. После моего прохождения в уполномоченные все узнали, что я иду в Государственную думу (от выборов в уполномоченные до выборов в Государственную думу прошел месяц). Никитин уговаривал Безлепкова¹⁹, что он обязан уступить мне. Ссудил мне 50 руб.

Как Шер был арестован, не помню. Был ли конфликт с этой группой из-за любовной истории? Все меня обвиняли в легкомыслии по отношению к моей жене, но Шер меня защищал. Уговаривали не связываться слишком с той женой.

Кто был с Шером в ссылке из московских рабочих? Козлов, Плетнев (подпольные работники), Бронников, Кибрик²⁰. Все они работали со мной в московских союзах, обнаруживая абсолютное доверие ко мне. Все стали ликвидаторами только в ссылке, где их обрабатывали Шер и Кибрик (старший, остальные молодежь).

Перед вторым фабричным съездом никакой переписки со мной не было. Писал одно письмо в Союз металлистов по поводу съезда (длинное письмо организационного характера). Я был приглашен в организационный комитет по созыву второго съезда фабричных врачей на 2—3 заседания у доктора Орлова.

Плетнев, Бронников и Козлов арестованы как делегаты на съезд. Арест их представляет очень большой интерес. Они очень молодые, холостяки (20—21), гуляли на бульваре, попали в скандал и были арестованы, в кармане у кого-то из них что-то нашли.

Дошло ли мое письмо, не знаю. Абсолютно ничего нелегального в нем не было, имен никаких не было. Об аресте письма, которое меня компрометирует, ничего не знаю и не слыхал. Арестованы вообще почти все петербургские делегаты. На съезде был латыш социал-демократ ныне редактор латышской газеты (не знаю, был ли арестован). Видел его у Предкальна потом. Жук (кличка) — рабочий от фабрики Леонтьева в Петербурге — должен был знать все об арестах, вместе со мной работал. Жук теперь в Риге или Екат[еринославе] (Григорий Зиновьев его знает).

Совместно с Макаром никогда не был арестован. Меня взяли в Петровском парке, а Макара у знакомой на засаде. Охранка знала про прогулку мою, Шевченко + Макар в Петровском парке, где мы ели простоквашу. Выпущены я и Шевченко, кроме Макара. Взято тогда около 40 человек.

Бина только в Кракове (у Боронской, февраль 1913 г.) сказала мне о худых слухах московских рабочих вскользь, без имен, без подробностей, не придавая никакой серьезности. Кроме этого никто никогда не говорил о худых слухах. Ни одного вопроса, никакого разговора.

Сам Шер говорил мне (Когда? — После ареста Алексея Рыкова), что в списке

до 40 человек (адреса коих взяты у Рыкова) был Шер. Шер говорил об этом очень уверенно и подробно.

[Я] арестован был в Питере в 1910 г. 15 ноября, просидел до 27 января 1911 г. (воспрещено жительство в Петербурге). Уехал в Москву. Арестован там в толстовские торжества ²¹, осенью сидел 3—4 дня, выпущен без последствий. Сидели вместе с Поповым («Юрием»), Григорий Зиновьев знает, в охранку были вызваны вместе. Когда Попова допрашивали, он, вернувшись в общую камеру, рассказал, что он нелегальный, что он открыт. На другой день его и нас всех освободили. Он только мне сказал, что он нелегальный, я ему помогал. Кажется, был арестован 1 мая? Нет, не был. Кажется, был взят на 1 мая 1911 г. на 2—3 дня. Мне кажется, что был — пичего за мной не было. Помню, что арестован.

Кибрик знает, как я вместе с ним помогал ликвидатору Камермахеру (немецкая фамилия) бежать из ссылки, с поселения бежавшему через Питер в 1910 (?) году, осенью.

Был в Сокольниках. Был арестован летом, в мае 1911 г., в связи с Макаром.

Автограф Ленина

*6. Письма, имеющиеся в материалах следственной комиссии по делу Малиновского за май -- июль 1914 г. **

*Р. М. Малиновский из Петербурга — М. Н. в Петербург
22(9) мая **

Ко мне обратился тов. Петровский ²² с вопросом, почему я отказался от «почетного» звания члена Государственной думы. Мне казалось, что это так ясно для всех, что не стоит об этом говорить, но раз в действительности не ясно, то я готов изложить мои мотивы.

После привлечения Чхеидзе, осуждения Скобелева и такого быстрого требования выдачи его ²³, мне уже стало ясно, что правительство пошло не на шутку бороться с социал-демократами в Думе, а раз так, и средства отпора должны быть не шуточные.

22 апреля демонстрация, которая, по-моему, была произведена правильно и прекрасно, должна иметь за собой и логические последствия, но есть люди, которые могут не считаться с логикой. Но когда мы отказались от активных действий (поездки на места), отказ обращения, отказ от дальнейшей активной борьбы, безнаказанное лишение нас слова 7 мая ²⁴, отказ опубликовать стенограмму --- показали мне, что в Думе незачем быть. Отказ наших товарищей применить непарламентские способы борьбы, когда с тобой не стесняются, обходя все, все элементарное, убил во мне всякую возможность быть в Думе. Я не мог войти сегодня в зал заседаний. Мне говорят — был ты не последним в Думе и мог еще многое сделать. А если я не способен? Если ненавижу, проклипаю всю Думу, если я не верю в ее работу, значение и т. д.?

К чему я годен? Кому я нужен? Уверяю товарищей в одном — я много думал, много перестрадал, я понимаю, что для меня это политическое самоубийство и политическое ли только? Но идти в Думу, говорить речи я бессилён, а на большее стояла резолюция «в рамках сохранения» депутатских полномочий. Непарламентские способы борьбы для товарищей невозможны, а для меня парламентские неприемлемы. Что оставалось делать? Уйти и только уйти, что я и сделал.

Р. Малиновский

На большее я сегодня не способен, зол и пьян, поправь и помести ²⁵, если можно или нужно, хотя из слов Петровского можно было понять другое. Не ругай и прости, что не простился, не могу.

Роман ²⁶

Автограф

*Е. Ф. Розмирович из Киева и Харькова --- Заграничному
бюро ЦК РСДРП в Поронин
7 июня (24 мая) **

24 мая. Дорогие друзья! Я не могу больше молчать... Считаю своим долгом, как и год тому назад, сообщить вам, что у меня имеется очень много новых, важных наблюдений и фактов. Эти факты настолько красноречивы, что не оставляют

никаких сомнений в личности К[онстантина]²⁷. Я считаю, что он должен быть предан суду и прошу иметь меня в виду как главную свидетельницу по его делу. Несколько дней тому назад я случайно открыла еще одно обстоятельство, которое и заставляет меня снова заговорить с вами об этом. К глубокому сожалению, мне пришлось во всем этом деле сыграть большую роль. Повторяю, есть возмутительные факты, которые непосредственно затрагивают и меня. На днях сообщу новый адрес для переписки. Крепко жму всем руки.

Ваша Л.

Автограф

*Ранее 14(1) июня **

Из письма, полученного 14/VI 1914 г.

Вы, вероятно, уже получили мое письмо о деле К[онстантина]²⁸. Может быть, мои наблюдения опять покажутся вам недостаточно убедительными. Но я повторяю, не считаю себя вправе скрывать что-либо от вас. Я думаю, лишнее говорить о том, что я ни разу не нарушила постановление по этому делу, объявленное мне вами.

Татьяна

Копия, автограф Н. К. Крупской

*Позднее 14(1) июня **

Дорогие друзья! Я вынуждена отклонить ваши требования о немедленном приезде. Делаю это по следующим соображениям: ехать к вам сейчас — значит, не говоря о личных причинах, обречь себя на нелегальное существование, т. е. на долгое время совершенно отказаться от партийной работы. Я не вижу оснований для такого шага, так как месяца через полтора-два я смогу быть у вас, не подвергая себя подобным неприятностям. Конечно, я не нашла бы возможным на основании этих обстоятельств отказываться от немедленной поездки, если бы считала, что она диктуется общим положением дел, но я этого не нахожу и вот почему: руководящее учреждение, рассматривая дело, не нашло данных для привлечения К[онстантина] к суду и вынесло уже резолюцию о его полной политической честности²⁹.

Теперь возникает вопрос: могут ли те данные, которые имеются у меня, служить достаточным материалом для того, чтобы этому делу снова дан был ход? И вот мне кажется, что для выяснения этого вопроса нужна не моя поездка к вам, а нужно, чтобы руководящим учреждением была назначена здесь, в России, следственная комиссия по этому делу, не предвешая вопроса о суде. Я уверена, что сегодня вы вызовете меня, а завтра вам придется вызвать другого, третьего. Это и невозможно, и нецелесообразно. Повторяю, моя поездка сейчас ничего не даст для дела еще и потому, что многие факты, которые я сообщу, должны быть подкреплены рядом свидетельских показаний других лиц <...>³⁰. Подтверждением моих слов того, что касается меня лично <...> два-три человека.

В двух словах вот в чем дело. Последним обстоятельством, заставившим меня написать вам о К[онстантине]³¹, было то, что <...> переезжая с квартиры на квартиру, нашла в своих бумагах, взятых из Питера, показания М[ирона] по делу Заемы³². Об этих показаниях спрашивал меня К[онстантин], когда я вышла из тюрьмы, указывая на то, что их получила какая-то дама, похожая на меня и назвавшаяся его женой. Жена же К[онстантина] их не получала, и он ей даже устраивал очную ставку с швейцаром, приносившим эти показания. Чем могу я объяснить подобный факт? Всех обстоятельств этого дела нет возможности передать в письме, но они поразительны. Показания Мирона я храню, и они в верных руках. Этот факт меня ужасно волнует, так как он может быть каким-нибудь путем использован К[онстантином] против меня... Хорошо то, что я могу указать, что эти показания Мирон дал в то время, когда я была в тюрьме. Имея в виду всякие случайности, я все свои показания изложу письменно и оставлю в верных руках.

Не буду писать вам о своем моральном состоянии... оно ужасно. Как часто я гоню от себя всякие «черные мысли», чтобы только быть полезной и тем выполнить необходимую партийную работу.

Татьяна

Стала писать вам об этом ужасном деле, и так мне захотелось сейчас же, сию же минуту, рассказать вам все, чтобы сбросить тяжесть, лежащую у меня на душе. Умоляю, как можно скорее назначить расследование.

Ваша Татьяна

Копия, автограф Н. К. Крупской

*Из Вологды — Заграничному бюро ЦК РСДРП в Поронин
24(11) июня **

Выписка из письма из Вологды

11/VI... Сюда приезжал недавно видный ликвидатор Богданов³³ (литератор), который всем направо и налево рассказывал о провокации Малиновского. У нас есть свидетели, которые подтверждают это. Мы писали об этом в «Правду», они хотели переслать вам. Подробный его рассказ пришлем. Богданов — это архиликвидатор с пеленок.

Копия, автограф Н. К. Крупской

*29(16) июня **

16/VI. Дорогие друзья! У меня имеется следующий документ (копия) за подписью одного, могут подписаться еще несколько. Из конспиративных соображений переписываю: «После ухода делегата Малиновского, видный ликвидатор, сотрудник «Нашей Рабочей Газеты»³³, будучи в Вологде (в мае), рассказывал следующее: 1) Идут слухи о провокаторстве Малиновского и что он (Богданов), тоже уверен в этом; 2) литератор Малиновский (Богданов)³⁴ получил письмо на имя Малиновского (депутата) из охраны и это письмо дает доказательство о провокаторстве Малиновского (депутата); 3) из Саратова тоже получены какие-то сведения о провокаторстве Малиновского (какие именно, Богданов³³ не говорил); 4) два года уже работает следственная комиссия по делу Малиновского и правдисты, зная это, все-таки доверяли Малиновскому и тем самым прикрывали его; 5) депутат Петровский рассказывал Богданову в редакции «Нашей Рабочей Газеты», что когда они явились к Малиновскому с предложением явиться во фракцию и дать объяснения, первый раз Малиновский был пьян, во второй раз встретил его с револьвером в руках и сказал «Я плюю на ваш суд».

Все здесь изложенное могут подтвердить еще несколько лиц, в присутствии которых Богданов это рассказал».

Следует подпись.

Показания Виноградова пошлем на днях, но без подписи его.

Бронников в Москве, Быков будет здесь 22/VI. Козлов где-то в провинции, где не знаю.

С приветом

Копия

Копия, автограф Н. К. Крупской

*15(2) июля **

Вологда, 2/VII старого стиля.

Быков рассказывал (свидетели есть) следующее. Когда он, Бронников, Козлов работали в Москве и произведены были аресты, то 1) у одного из них при аресте найдено письмо, в котором прямо говорилось: «Романа Малиновского надо выгнать на съезд фабричных врачей, чтобы он там повел социал-демократическую линию». Человек, у которого нашли письмо, выслан. Малиновского — не тронули. 2) В то же время у другого товарища найдено письмо, в котором говорилось, что такой-то, приехавший из провинции, желает работать в организации, справиться с ним ближе надо у Р. Малиновского. Товарищ, у которого это письмо найдено, выслан. 3) Приезжий из Петербурга нелегал зашел к Малиновскому и говорил об организации Союза металлистов. Больше он ни у кого не был и ни с кем об этом не говорил. При аресте его спросили: «Вы приехали создать Профессиональный союз металлистов?». 4) Все в то же время был выбран в Москве руководящий коллектив, в который вошел и Малиновский. Вскоре после выбора за шестью представителями, за исключением Малиновского (было выбрано 7), была установлена такая слежка, что они должны были все уехать из Москвы.

Быков — ликвидатор. Приехал таковым в ссылку. Бронников в Москве,

Козлов — где-то в провинции. О первых двух пунктах говорил и Виноградов. Со всеми беседовал частным образом. Факты о Богданове сообщил уже все. Говорил он это, будучи здесь через несколько дней по уходу Малиновского. Свидетелей больше нет. Отказываются давать свои фамилии. Фамилию одного свидетеля сообщу³⁵. Сейчас нет ключа.

Копия, автограф Крупской

*Из Москвы — Заграничному бюро ЦК РСДРП в Поронин
17(4) июля **

Москва. Из письма от 4/VII.

Ж. был у Степанова, друга Богданова³⁶. Степанов говорил, что он ничего не знает и поэтому думает, что все это только сплетня. С самим Богдановым мы еще не видались.

Копия, автограф Крупской

*7. Показания Н. М. и Н. И. Бухариных, данные следственной комиссии 4 июля (21 июня) 1914 г.**

*Вопросы следственной комиссии к Н. М. Бухариной **

I. Знали ли Вы Александра Ивановича Виноградова? Если да, то как можно подробнее, и, называя свидетелей, расскажите, когда, как, при каких обстоятельствах познакомились, все, что о нем знали лично и от других (от кого?) и т. д. Когда он вернулся из ссылки и пошел в нее? Изменился ли и как за это время? (То, что не может быть опубликовано, отмечайте особо, но показывайте всю правду без утайки.)

II. Когда и сколько раз писали Вы Н. И. Бухарину, что А. И. Виноградов «звонит» в Москве о том, будто Малиновский провокатор? Откуда Вы это знали? Перечислите всех, кому «звонил» Виноградов, когда и т. д.— как можно подробнее.

III. Если слышали, какими «уликами» или соображениями мотивировал А. И. Виноградов свое мнение о провокаторстве Малиновского, то сообщите детальнее о каждой улике и каждом соображении.

IV. Слышали ли вообще, когда (годы и месяцы, по возможности, до ухода и после ухода) и от кого именно «улики» и соображения о провокации Малиновского? Какие именно улики и соображения?

Автограф Ленина

*Показания Н. М. Бухариной **

Прежде, чем ответить на поставленные вопросы, считаю необходимым выяснить следующее: я самым категорическим образом утверждаю, что в письме моем к Николаю Ивановичу Бухарину (на основании которого он дал известное показание) не шла речь об Александре Ивановиче Виноградове (он же Сидор). Николай Иванович совершенно не понял меня, благодаря условному языку письма.

I. С Александром Ивановичем Виноградовым едва знакома. Видела его раз у Н. И. Бухарина весной 1910 г. Знаю о нем, главным образом, от Н. И. Бухарина. В ссылку А. И. Виноградов пошел в первой половине 1911 г. В настоящее время ссылку отбыл, но остается в Вологодской губ., где получил место. От товарищей я слышала, что воззрения его изменились в сторону ликвидаторства.

II. В ответ на этот вопрос могу повторить только написанное выше: об А. И. Виноградове как о распространителе слухов о Малиновском не писала Николаю Ивановичу ни разу, и не могла писать, так как даже не знала до теперешнего приезда в Вену, известно ли А. И. Виноградову что-либо по делу Малиновского.

III. Этот вопрос отпадает ввиду изложенного выше.

IV. «Улики» и соображения о провокации Малиновского передавал мне Н. И. Бухарин со слов сидевших с ним в полицейском доме товарищей. Точно установить могу только год: 1911. Излагать же «улики» и соображения считаю излишним, так как они известны из показаний Николая Ивановича Бухарина.

Надежда Михайловна

4 июля 1914 г.

Автограф

Показания Н. И. Бухарина

В следственную комиссию по делу Р. Малиновского.
Дополнительное показание Н. И. Бухарина в связи с показаниями Надежды Михайловны.

По поводу показания Н. М. относительно А. И. Виноградова, которое сводится к тому, что Надежда Михайловна о нем мне не писала, заявляю, что я действительно был введен в заблуждение условным языком письма, заблуждение, которое выяснилось только с приездом Надежды Михайловны в Вену (3 июля 1914). Поэтому мои прежние показания по данному пункту³⁷ прошу считать недействительными.

Н. И. Бухарин

4 июля 1914

Автограф

Письмо Н. И. Бухарина из Вены — В. И. Ленину в Поронин

Wien, 4 июля 1914 г.

Дорогой Владимир Ильич, посылаю в следственную комиссию показания Надежды Михайловны, которая приехала только вчера, равно как и исправление своих прежних показаний.

По поводу заявления руководящего учреждения о раскрытии «имен, мест и дат»³⁸ считаю нужным сказать следующее: я, давая показания, думал, что «опубликование» действующих лиц³⁹ будет произведено лишь под некоторыми псевдонимами, как это делалось и раньше (например, «видный августовец, один и столпов «Борьбы»») — так, скажем, было напечатано уже однажды в «Правде». Что же касается опубликования настоящих имен (когда речь шла о моем имени, то выяснилось, что мне, так сказать, нечего терять), дат и мест, т. е. сведений конспиративного характера, то я считаю это невозможным и способствующим лишь большому успеху ликвидаторов в этой кампании. Мне кажется, что вообще здесь нужно соблюдать крайнюю осторожность, т. к. по существу дела я, например, точно такой же клеветник, как и Шер (поскольку нам неизвестны никакие сообщения Шера каким-либо третьим лицам, т. е. «болтовня» более или менее злостного характера).

Затем РСДРФ устраивает суд о клевете Ц.⁴⁰ Естественно, что суд должен будет рассматривать и дело Малиновского. Так как одним из главных свидетелей являюсь я, то можно ожидать, что меня потянут в суд по делу о «клеветничестве» Ц. Что думает ЦК по сему поводу?

Недавно я просил Вас ответить по делу каторжной комиссии относительно мандата или других мероприятий — ответа не получил. А между тем, от этого получается глупое положение: ходить дальше туда без всяких полномочий (мне или кому-либо другому из наших) неудобно.

Ответьте, пожалуйста. Сердечный привет всем. Антоныча⁴¹ «успокаивал». Он просит передать, что имел в виду отнюдь не себя.

Н. Б.⁴²

Автограф

8. Показания М. А. Савельева⁴³ 6 июля (23 июня) 1914 г.*

Первое мое знакомство с Малиновским относится к моменту созыва IV Думы. До этих пор я никогда с Малиновским не встречался и ничего сколько-нибудь заслуживающего внимания об нем не слышал.

По поводу о подозрении Малиновского в провокации могу сказать, что услышал об этом в первый раз от Е. Ф. Розмирович во время моего приезда в Киев числа 9—10 июня сего года. Дело было так. Утром, кажется, 9 числа, я прочитал в «Киевской Мысли»⁴⁴, что Малиновский сложил депутатские полномочия. Об этом я сообщил вскоре Е. Ф., которая, пораженная этим известием, сильно волнуясь, заявила мне: «Теперь у меня не остается больше сомнений в том, что Малиновский провокатор», или что-то в этом роде. Еще за день-два раньше мы установили, что Малиновский нагнал мне в Питере во время моего свидания с ним после выхода из

тюрьмы, что будто бы Е. Ф. заявляла и ему и во фракции, что она подозревает Мирона в выдаче меня и что будто бы она сообщала с моих (М. Савельева) слов о том, что я тоже подозреваю Мирона в сообщении охранному отделению, что я являлся агентом ЦК в «Прибое»⁴⁵, ездил за границу и т. д. Из обмена мнений между мной и Еленой Федоровной, между тем, выяснилось, что она об этом совершенно ничего не говорила.

Потом, после известия о сложении полномочий Малиновским и указания на подозрения его в провокации, Е. Ф. заявила мне, что именно не Мирона, а Малиновского подозревала она в моем провале. Причем вспоминаю, что в разговоре между нами указывалось, что для выдачи меня у Малиновского могли быть, кроме общих причин, еще специальная, именно, неприязненное отношение его ко мне в связи с моей близкой дружбой с Е. Ф. Это неприязненное отношение я лично постоянно чувствовал. Проявлялось оно часто в мелочах — как, например, в том, что он не зашел в «Правду» перед своим отъездом за границу⁴⁶, — хотя я просил его об этом для передачи письма (объяснил, что некогда). Он потом говорил Е. Ф., что я ему ничего не передал для нее и т. д. Об этом, мне помнится, я тоже говорил во время вышеупомянутого разговора в Киеве с Е. Ф.

Но, кроме мелочей личного характера, я могу указать и на целый ряд фактов со стороны Малиновского, где ясно сквозило личное, а не партийное отношение к делу, поскольку это было связано со мной. Вот некоторые: после моего приезда из-за границы, когда я в качестве соредактора в «Правде» установил совместно с заграничными членами ЦК ряд пунктов, кажется 6 или 7, которые должны были быть проведены в жизнь редакцией, я на заседании редакции «Правды» встретил по ряду пунктов ничем не объяснимую оппозицию Малиновского, очевидно, почему-то считавшего себя оскорбленным тем, что за граница передала ряд пунктов через меня, хотя он (вот не помню) или только что перед этим ездил за границу или собирался поехать. Таким образом он (при поддержке Мирона) провалил вопрос о гонораре Каменеву, о создании при «Правде» рабочей группы и т. д.

Чисто личными мотивами объясняю я и его нападки на ведение дел в «Просвещении»⁴⁷, когда он открыл против меня чуть не целый поход, причем ясно сквозило, что его самолюбие затрагивало то обстоятельство, что я держался в ведении просвещенских дел независимо от него (хотя обо всем существенном я всегда осведомлял фракцию и ее секретаря, точно руководствуясь теми нормами, которые были установлены между мной и Кобой, согласно постановлению январского совещания⁴⁸). Дело дошло до того, что на собрании некоторых полусотрудников просвещенских как-то: Бонча, Политикуса⁴⁹ и т. д. он поставил вопрос, совсем помимо меня, относительно финансовой стороны дела и отчетности в «Просвещении». Лично у меня, как я уже указал в начале показания, никогда не возникали сомнения, т. е. до разговора с Е. Ф., относительно возможности провокации со стороны Малиновского, хотя он всегда казался мне человеком странным, авантюристом, непартийным и недисциплинированным, в то время человеком с хитрецой и глубоко неискренним. Отношение к людям и учреждениям всегда носило у него ясно личный характер.

Я вспоминаю, как он высказывал направо и налево свое неудовольствие за границей, после того, как его освободили на «летнем совещании» от ряда функций. Особенно два факта мне памятли. Это первый — резкие заявления Малиновского по поводу поведения на «летнем совещании» Ленина, причем один факт особенно возмущал его, именно попытка Ленина путем кооптации в ЦК одного товарища обеспечить за собой таким путем большинство голосов для непринятия нежелательного для него проекта резолюции по национальному вопросу, поддерживаемого Малиновским. Это, по его словам, определило отношение Малиновского к Ленину и его политике. Другой факт — это поведение в редакции «Правды». Помнится даже, что он как-то раз сказал Виноградову (фактор при типографии), личности сомнительной, что тут скоро все будет иначе, и что он опять возьмет бразды правления (не ручаюсь за точность формулировки фразы).

Остановливаясь на подозрениях, высказанных Е. Ф. по поводу моего ареста, я могу установить следующие факты: 1) 8 или 9 января моя мать была в Департаменте полиции, причём директор Департамента полиции ей показывал бумагу о моем освобождении, после чего я просидел еще полтора месяца. Дело мое было решено на заседании Особого совещания при Министерстве внутренних дел 29

января, выпущен я был 21 февраля, т. е. через три недели, тогда как остальные выпущены были дней через 10. Наконец, мной были получены сведения через знакомых одного нижегородского уездного предводителя дворянства, непосредственно из Департамента полиции, что в моем деле есть провокатор, который сообщил Департаменту полиции все подробные данные о моей личности и деятельности.

Мне известен, наконец, факт несомненно шантажистского характера со стороны Малиновского, выразившийся в том, что им подложен к Е. Ф. документ важного партийного значения⁵⁰ — по крайней мере я не могу иначе объяснить странное появление этого документа в бумагах Е. Ф. в Киеве и внезапное «исчезновение» его в Петербурге.

Что касается слухов о прежней деятельности Малиновского, скажу, что от Валентина Валентиновича Оболенского⁵¹ в Харькове слышал о том, что в Москве про Малиновского ходили разные слухи, причем он мне рассказывал, что как-то трое рабочих за выпивкой с Малиновским сказали ему: «Да, мы знаем, Роман, что ты провокатор», а он будто бы шутя им ответил: «Ну, полно вам ерунду говорить». Знают целый ряд фактов про деятельность Малиновского и разные «слухи» также путисты⁵², Усагин, кажется, и остальные.

При проезде через Москву весной сего года мне приходилось говорить с товарищами по разным вопросам, два члена редакции [«Рабочего Труда»⁵³] говорили, что удивляются тому, что Малиновский при возникновении газеты обязательно хотел быть официальным издателем, настаивал на том, чтобы редакция помещалась в квартире «Рабочего Пути»⁵⁴, а затем по непонятному стремлению его созвать общее собрание представителей разных профессиональных союзов для обсуждения организации распространения и поддержки [«Рабочего Труда»]. В результате чего собрание в количестве 74 человек было арестовано и целый ряд лиц выслан (Малиновский, не доходя до квартиры, увидев полицию, вернулся). На том же собрании у секретаря, кажется, в висевшей куртке были найдены прокламации с призывом к поддержке газеты.

Перечисленные мной факты, и особенно факт прямой лжи в передаче разговора с Е. Ф. и факт «подложения» (?) ей мироновского показания, вызывают во мне большое недоумение. Могу сообщить, что вспоминая личное впечатление от встреч с Малиновским, психологически, личность его при всей отрицательности не производила впечатления человека, служившего в охранке. В заключение хотел бы указать, что (считаясь с тем, что дело является слишком важным для престижа и положения партии) вынесенный оправдательный приговор Малиновскому⁵⁵ я нахожу слишком поспешным.

В заключение выражаю пожелание, чтобы в интересах дела следственная комиссия была пополнена хотя бы одним-двумя русскими товарищами.

М. Савельев

6/VI-14 г.

Автограф

(Окончание следует)

Примечания

1. Название документа здесь и в тех случаях, когда после него стоит звездочка, дано его подготовителями. На обороте первого листа протокола имеются зачеркнутые пометки В. И. Ленина: Личные знакомые. Приметы четырех. Пьянство, 25 руб. Разговор об отношении к МК. Виноградов. Вечеринка.

2. Апрель 1911 года.

3. «*Dziwes Balss*» («Голос Жизни») — рижская рабочая газета.

4. Захаров М. В. (1881—?) — рабочий, член РСДРП, большевик. Депутат III Государственной думы от рабочей курии Московской губернии. Гегечкори Е. П. (1879—?) — член РСДРП, меньшевик. Депутат III Государственной думы от Кутаисской губ., один из лидеров социал-демократической фракции. Полетаев Н. Г. (1872—1930) — рабочий, член РСДРП с 1904 г., большевик. Депутат III Государственной думы от рабочей курии Петербургской губ., возглавлял большевистскую часть социал-демократической фракции. Покровский

- И. П.* (1872 - ?) — врач, член РСДРП, примыкал к большевикам. Депутат III Государственной думы от Кубанской, Терской областей и Черноморской губернии. В 1910 г. как представитель с.-д. фракции вошел в редакцию большевистской легальной газеты «Звезда».
5. «*Текстильный Рабочий*» — социал-демократический журнал, издавался в Петербурге в 1914 г. нерегулярно, близок по направлению к большевикам. Освещал деятельность Союза текстильщиков.
 6. *Астрахан И. Д.* (1862—1918) — врач, автор ряда работ по социальному страхованию, работал на текстильных фабриках Хамовнического района Москвы. Принимал участие в организации в 1909 и 1911 гг. Первого и Второго съездов фабрично-заводских врачей.
 7. Малиновский ошибся, Н. М. Лукина была женой Н. И. Бухарина.
 8. См. Материалы следственной комиссии... — Вопросы истории, 1993, № 9, прим. 74.
 9. *Томский М. П.* (1880—1936) — член РСДРП с 1904 г., большевик. В 1907—1908 гг. — член ПК РСДРП. Деятель профсоюзного движения. В 1918 г. член Верховного революционного трибунала при ВЦИК по делу Малиновского.
 10. «*Металлист*» — еженедельный журнал, орган петербургского Союза металлистов. Выходил в 1911—1914 годах. *Чеченец* — Волков, рабочий, член РСДРП, меньшевик, член правления Союза металлистов.
 11. *Николай Николаевич* — Крестинский Н. Н. (1883—1937) — член РСДРП с 1903 г., большевик. С 1908 г. работал в профессиональном движении, в думских социал-демократических фракциях и в большевистской печати.
 12. *Волконская С. Н.* (1889—1942) — член РСДРП с 1912 г., большевик. С 1909 по 1915 г. училась в Москве на медицинском отделении Высших женских курсов Герье, председатель общества Красного Креста на курсах.
 13. «*Утро России*» — ежедневная газета в Москве, издавалась в 1907, 1909—1918 гг. П. П. Рябушинским, орган промышленников и финансистов. «*Русское Слово*» — ежедневная газета в Москве, издавалась в 1895—1918 гг., близка к кадетам.
 14. *Никитин А. М.* (1876—?) — присяжный поверенный, член РСДРП, меньшевик. Работал в легальных рабочих организациях Москвы, в Московском кооперативном потребительском обществе. В 1912 г. член Московского социал-демократического избирательного комитета по выборам в IV Государственную думу. В 1917 г. давал показания по делу Малиновского в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.
 15. *Роман — Ермолаев К. М.* (1884—1919) — член РСДРП, меньшевик. С 1907 г. — член ЦК РСДРП, в годы реакции стоял на позициях ликвидаторства. Работал в Петербурге.
 16. *Стеклов Ю. М.* (1873—1941) — член РСДРП с 1893 г., большевик. С мая 1910 г. находился в Париже, член Парижской секции большевиков.
 17. Трояновские Е. Ф. и А. А.
 18. *Гучков А. И.* (1862—1936) — капиталист, лидер партии октябристов, председатель III Государственной думы (1910—1911 гг.).
 19. *Безлепков А. И.* — рабочий, член РСДРП с 1905 г., меньшевик, затем большевик. Выборщик в IV Государственную думу от рабочей курии Московской губ. (от Коломны). Снял свою кандидатуру при выборах в Думу, уступив место Малиновскому, кандидатура которого была предложена ЦК РСДРП.
 20. Имеется пометка Ленина: Все ликвидаторы теперь.
 21. Видимо, имеется в виду годовщина со дня смерти Л. Н. Толстого (ноябрь 1911 г.).
 22. *Петровский Г. И.* (Марк) (1878—1958) — рабочий, член РСДРП с 1897 г., большевик. Депутат IV Государственной думы от рабочей курии Екатеринославской губ., входил в большевистскую фракцию, с мая 1914 г. ее председатель. В 1912 г. был кооптирован в ЦК РСДРП, участник Поронинского и Краковского совещаний ЦК (1913 г.). Принимал участие в работе редакции «Правды». В ноябре 1914 г. арестован. Разговаривал с Малиновским 21(8) мая, в день его ухода из Думы, и 22(9) мая 1914 г. послал телеграмму Заграничному бюро ЦК РСДРП: «Малиновский без предупреждения сложил полномочия, дать объяснения отказался, выезжает за границу» (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 1, д. 1474, л. 1).
 23. *Чхеидзе Н. С.* (1864—1926) — один из лидеров меньшевиков, член Кавказского областного бюро РСДРП, депутат III и IV Государственных дум от Тифлисской губ., председатель социал-демократической фракции до ее раскола в 1913 г., затем возглавлял меньшевистскую часть фракции. 22 апреля (5 мая) 1914 г. в числе 24 депутатов IV Думы, выступивших с предложением снять с повестки дня обсуждение бюджета до принятия законопроекта о свободе депутатского слова, был исключен на 15 заседаний. Отказался покинуть зал Думы, и ее председатель М. В. Родзянко намеревался привлечь его к судебной ответственности. В 1917 г. давал показания по делу Малиновского Чрезвычайной следственной

комиссии Временного правительства. *Скобелев М. И.* (1885—1939) — инженер, член РСДРП с 1903 г., меньшевик. Депутат IV Государственной думы от русской курии Закавказья. Ему в Баку был вынесен приговор (4 месяца тюремного заключения) за помещение в газете антиправительственной статьи. 20(7) мая 1914 г. в Думу поступил запрос от Министерства юстиции о выдаче депутата для заключения его под стражу (см. «Путь Правды» № 80, 21(8) мая 1914 г.).

24. 20(7) мая 1914 г. председатель IV Государственной думы Родзянко лишил слова социал-демократических депутатов, когда они хотели сделать внеочередное заявление.
25. В газете «Путь Правды» № 84 от 25(12) мая 1914 г. были опубликованы разъяснения М. Н. по поводу этого письма: «В некоторых газетах появились сведения о существовании письма Малиновского к РСДР фракции, выясняющего будто бы политические мотивы его отказа от звания депутата. Как явствует из вышеизложенного заявления фракции (см. там же), такого письма не существует. Существует только его частное письмо ко мне, присланное мне им за полчаса до его отъезда. Письмо это в возбужденных выражениях говорит о «ненависти к Думе», о том, что «я негоден к произнесению речей» и т. д. Оно вместе с тем содержит в себе признание самого Малиновского о том, что оно писано в невменяемом состоянии. Вместе с тем сам Малиновский не только не видел необходимости в его опубликовании, но предоставил этот вопрос на полное мое усмотрение.

Я немедленно с тем же посыльным ответил Малиновскому письмом, в котором писал, что поступок его объясняю себе лишь крайним нервным расстройством, и просил его немедленно протелеграфировать председателю Думы о взятии обратно своего заявления (факт оглашения заявления на думском заседании мне не был еще известен) и приехать ко мне. Однако письмо мое было вручено Малиновскому в момент, когда он садился на извозчика, чтобы ехать на поезд. При этих обстоятельствах я считал и считаю невозможным опубликование частного письма Малиновского ко мне до тех пор, пока я не получу на это разрешение самого Малиновского. Моя осторожность в опубликовании частного письма Малиновского, написанного в состоянии явного болезненного возбуждения, вполне оправдана телеграммой, полученной в ночь на 11 мая, и в которой Малиновский обещает прислать «Открытое письмо» через два дня.

Таким образом, ясно, что Малиновский в письме ко мне совсем не видел того политического заявления, с изложением мотивов своего поступка, которого вправе ждать от него рабочий класс. Узнав из телеграммы место нахождения Малиновского, я немедленно обратился к нему с телеграфным запросом о том, подлежит ли его письмо публикации. Если последует его согласие, письмо будет немедленно опубликовано. Если нет, оно будет передано в компетентные руки. М. Н.».

Телеграмма от Малиновского была получена и опубликована в газете «Путь Правды» № 89 30(17) мая: «Признаю свой шаг неправильным. Разрешаю печатать письмо с высланным сегодня дополнением. М.» Под дополнением Малиновский подразумевал «Открытое письмо» (см. Материалы следственной комиссии... — Вопросы истории, 1993, № 9, прим. 2). Оба письма были опубликованы в «Пути Правды» № 91 от 2 июня (20 мая) 1914 года.

26. На обороте имеется пометка: Воскресенье 8 ч.
27. Р. В. Малиновский.
28. См. предыдущее письмо.
29. Речь идет о постановлении ЦК РСДРП, опубликованном в «Трудовой Правде» № 3 13 июня (31 мая) 1914 г.: «От общероссийского руководящего учреждения марксистов. Руководящее учреждение, ознакомившись с объяснениями Р. Малиновского, а равно и с резолюциями различных групп организованных рабочих и приняв во внимание заявление РСДР фракции, напечатанное в № 91 «Пути Правды», приходит к следующему заключению.

I. 1) Как бы ни были тяжелы условия работы членов РСДР фракции, рабочие депутаты обязаны оставаться на своем посту, несмотря ни на какие трудности. 2) Сложение полномочий депутатом рабочего класса без ведома марксистского целого, без предварительных объяснений с рабочими избирателями и со своими товарищами по думской фракции есть факт чудовищного нарушения дисциплины и дезорганизации, заслуживающий самого сурового осуждения со стороны всех сознательных рабочих России.

II. Из рассмотрения обстоятельств ухода Малиновского и его личных объяснений руководящее учреждение приходит к убеждению, что поступок Малиновского не имеет под собой политической подкладки и является всецело результатом обостренной нервозности, душевной усталости, временного затмения, в состоянии которого Р. В. Малиновский совершил это вопиющее нарушение дисциплины.

III. Руководящее учреждение констатирует, что своим поступком Малиновский поставил себя вне рядов организованных марксистов и что только специальное «решение» марксистского целого могло бы изменить это положение и вновь открыть Малиновскому доступ к работе в рядах организованной социал-демократии, если бы этот вопрос был возбужден в будущем организованными рабочими.

IV. Руководящее учреждение, исполняя свою обязанность, рассмотрело вопрос о распространявшихся слухах, при помощи которых бросали тень на политическую репутацию Малиновского. Расследование это обнаружило, что нет никаких решительно данных для возбуждения расследования о Малиновском по заподозрению его в политической нечестности. Руководящее учреждение безусловно убеждено в политической честности Малиновского.

V. Руководящее учреждение выражает твердую уверенность, что московские рабочие, которым шаг Малиновского нанес особенно сильный удар, приложат все усилия к тому, чтобы в лице нового избранника московских рабочих РСДРП фракция получила достойного члена, готового до конца нести знамя последовательного марксизма.

VI. Руководящее учреждение обращает внимание рабочих на те недопустимые приемы клеветы, к которым в связи с уходом Малиновского прибегли ликвидаторы для дезорганизации рабочего движения. Руководящее учреждение приглашает рабочих дать решительный отпор клеветникам и напрячь все силы к тому, чтобы укрепить ряды организованных марксистов, положив предел кампании клеветников.

VII. Руководящее учреждение приветствует энергичное участие рабочих групп в обсуждении важного момента в жизни марксистского целого и в выраженных в их резолюциях осуждения шага Малиновского видит защиту принципа дисциплины, а в решительном отпоре клеветникам-ликвидаторам видит залог дальнейшего роста организации рабочих марксистов.

Рабочее движение держится не отдельными личностями. Рабочее движение сильно участвует масс, пролетарской дисциплиной, организованностью десятков и сотен тысяч рабочих. Еще теснее сплотятся вокруг своих представителей все сознательные рабочие под знаменем последовательного марксизма».

30. <...> — здесь и далее пропуск в тексте.

31. См. два предыдущих письма.

32. *Мирон* — Черномазов М. Е. (1882—1917) — член РСДРП, большевик. С 1913 г. является секретным сотрудником Петербургского охранного отделения. С апреля 1913 г. — ночной выпускающий редактор «Правды». Был заподозрен в провокаторстве и по решению ЦК РСДРП в феврале 1914 г. отстранен от партийной работы и изгнан из редакции. Окончательно разоблачен в 1917 году. *Заема Н. В.* (1887—?) — рабочий, член РСДРП с 1913 г., большевик. В 1913—1915 гг. работал в Петербурге, в 1913 г. — член ПК РСДРП, участвовал в организации типографий комитета на Охте и в Колпине. Был направлен на совещание ЦК РСДРП в Поронин. Малиновский и Черномазов обвинили его в провокаторстве при провале в августе 1913 г. колпинской типографии. На совещание он допущен не был. Осенью Крупская в письме Черномазову просила его заняться в Петербурге разбором дела Заемы, письмо попало в полицию. По данным Департамента полиции, Заема провокатором не был. Окончательно реабилитирован в 1919 году.

33. *Богданов Б. О.* См. о нем: Материалы следственной комиссии... — Вопросы истории, 1993, № 9, прим. 50.

34. *Малиновский А. А.* (Богданов) (1873—1928) — экономист, философ, литератор, член РСДРП с 1896 г., большевик. На III, IV, V съездах РСДРП избирался в ЦК. В 1907—1909 гг. — член Большевицкого центра. В 1909—1911 гг. входил в группу «Вперед». Позднее от партийной деятельности отошел.

35. Имеется пометка Н. К. Крупской: Вологда. Фамилия свидетеля Эдуард Клиндзин.

36. *Степанов* — Скворцов-Степанов И. И. (1870—1928) — член РСДРП с 1896 г., большевик, литератор-марксист. Друг А. А. Малиновского (Богданова).

37. См. Материалы следственной комиссии... — Вопросы истории, 1993, № 9, с. 113.

38. Речь идет о следующем заявлении ЦК РСДРП, опубликованном в «Трудовой Правде» № 15 27(14) июня 1914 г. под заглавием «К делу клеветников»: «Нам сообщают следующее заявление руководящего учреждения марксистов: Малиновский не участвует теперь после известного решения руководящего учреждения (см. прим. 29. — *Ред.*) в работе организованных марксистов. Но он для нас — и для всех рабочих России — человек честный; ибо ни один честный человек не выступил открыто обвинять его в провокации, не говоря уже о доказательстве обвинений. А «слухи» — далеко не обвинения, особенно слухи аноним-

ные, безымянные. Ликвидаторская печать усердно продолжает распространять «слухи» о Малиновском, упорно не говоря, в чем эти слухи, когда и от кого именно они исходили и исходят.

Пока шумят ликвидаторы, руководящее учреждение начало, между прочим, по просьбе самого Малиновского, формальное расследование. Это расследование, как своевременно было заявлено нами во всеуслышание в печати, уже привело нас к безусловному убеждению в политической честности Малиновского. Но этого мало. Расследование уже открыло нам некоторых распространителей темных слухов. Как только данные будут окончательно собраны, эти распространители будут по именам названы в печати. Подробные данные расследования с названием лиц, мест и дат будут опубликованы в ближайшем будущем. Кроме того, мы найдем пути для более детального ознакомления со всеми этими данными представителей организованных рабочих Петербурга, Москвы и других городов России.

Гг. Мартов и Дан делают в своем письме вид, что они незапятнанные граждане, могущие требовать третейского или даже партийного суда. Но это неверно. Господин Л. Мартов и его соучастник г. Дан в течение целого десятилетия многократно разоблачаемы были в печати, выражающей взгляды огромного большинства сознательных рабочих. Поэтому на основании десятилетнего опыта Л. Мартов и Ф. Дан для нас — люди без чести, заведомые клеветники, опускающиеся в борьбе с противником до самых низких приемов. Никогда и ни на какие суды с этими господами, кроме таких судов, к которым привлекают низких клеветников, мы не пойдем. Всем тем, кто прислушивается к нашему мнению, мы советуем поступать так же.

Мы убеждены, что если бы гг. Мартов и Дан не боялись быть разоблаченными, они могли бы найти средства принять суд, например, в Швейцарской республике, без малейшей опасности для личной чьей бы то ни было неприкосновенности. Достаточно было бы, например, того, чтобы ближайшие соратники Мартова и Дана, живущие за рубежом (например, Аксельрод или Мартынов), взяли на себя предъявление обвинений, если только хоть они верят «слухам» Дана и Мартова. Но вместо этого Мартов и Дан трусливо отказались от суда, предложенного им Малиновским (Речь идет о следующей телеграмме Малиновского, опубликованной в «Рабочем» № 4 7 июня (25 мая): «Хотя по личным причинам я отстранился от политической деятельности, но остаюсь сторонником большевизма. Черносотенцев привлекаю к суду. Мартова и Дана привлеку к официальному суду свободной страны, если они будут иметь мужество выступить за подписями с прямыми обвинениями. Малиновский». В этой же газете опубликована телеграмма В. И. Ленина: «Мартов и Дан грязные клеветники, всегда пускающие о противниках темные слухи. Требуем от них прямого обвинения за подписями. Руководящее учреждение, расследовав слухи, безусловно убеждено в политической честности Малиновского». — *Подгот.*), и предпочли приплести к спору никогда не интересовавший нас вопрос о том, какие лица являются фактическими редакторами «Нашей Рабочей Газеты».

Если есть какие бы то ни было социалистические или демократические группы, которые доверяют честности Л. Мартова и Ф. Дана, тогда пусть эти лица обращаются к ним. Л. Мартов и Ф. Дан боятся обвинять сами за личной подписью. Они не обвиняют, а повторяют темные слухи. Пусть попробуют они найти такие ответственные коллегии, которые скажут, что они дают веру «слухам» Мартова и Дана, что они берут на себя ответственность за печальные выступления ликвидаторов, что они сами обвиняют Малиновского в провокации.

Мы знаем, что ликвидаторы насчитывают целый ряд групп, которые так или иначе признают возможным единство или компромисс, или сближение с ними. Сюда относятся, например, помимо «августовского руководящего учреждения», группы «Вперед», группа Троцкого, в последнее время также группа Плеханова, Бунд, думская фракция Чхеидзе, группа грузинского ликвидатора Ана (Н. Н. Жордания. — *Подгот.*) и т. д. и т. п. Несомненно, что комиссию, составленную из представителей всех этих и подобных групп, ликвидаторы считали бы крайне авторитетной. Мы посмотрим, какие из этих групп, не боясь себя запятнать, пожелают поверить гг. Мартову и Дану и разделить с ними ответственность.

Мы предлагаем им, мы делаем им вызов: пусть гг. Л. Мартов и Ф. Дан обратятся ко всем этим политически дружественным им группам, пусть предложат они им принять на себя ответственность за честность и серьезность слухов, за выступление с прямым обвинением Малиновского, за обстоятельный допрос ликвидаторских распространителей слухов. Мы же, повторяем, во всяком случае доведем дело до конца партийным путем, понимая

по-прежнему под партией четыре пятых объединенных марксистских рабочих России. Немного времени и терпения требуется теперь, чтобы дожидаться опубликования во всеобщее сведение всех существенных данных и окончательного разоблачения бесчестных клеветников. Мы раскусили кое-что насчет распространителей слухов, мы знаем главные имена и мы опубликуем их. Товарищи рабочие сумеют терпеливо подождать этого времени. И они увидят, кто действительно расследовал то, что подлежало расследованию, и кто только «использовал момент», чтобы попытаться самым бесчестным путем посеять смуту». (См. также статью в «Рабочем» № 6 от 11 июня (29 мая) «Дело Малиновского с Мартовым и Даном».)

39. См. прим. 38.
40. Имеется в виду открытое письмо «гражданина Ц.» в большевистскую фракцию IV Государственной думы с требованием организовать суд над Малиновским. В газете «Трудовая Правда» № 10 22(8) июня 1914 г. опубликована заметка от РСДР фракции в защиту Малиновского.
41. Речь идет о письме Бухарина Ленину, написанном ранее 3 июля (20 июня) 1914 г. (см. «Известия ЦК КПСС», 1989, № 4, с. 214—215). *Каторжная комиссия* — организационная комиссия по созыву конференции деятелей России и Польши по вопросам о каторжных тюрьмах и ссылке. Работала в Вене с июня 1914 года. В нее входили представители ОК меньшевиков, Бунда и др. Был приглашен и представитель ЦК РСДРП. *Антоныч* — Трояновский А. А.
42. Имеется конверт с адресом, написанным рукой Н. М. Бухариной: Frau Uljanoff, Rogonin, Galizien. Дата в штемпеле: 4.VII.1914. На обороте конверта Лениным написано: 1) письмо Бухарина и ее, 2) заявление в комиссию, 3) заявление о дополнении.
43. *Савельев М. А.* (Ветров, Макс) (1884—1939) — член РСДРП с 1903 г., большевик. В 1911—1913 гг. — редактор журнала «Просвещение» и одновременно с 1912 г. член редакции «Правды». С 1913 г. — представитель ЦК в издательстве «Прибой» (см. прим. 43). В конце декабря 1913 г. арестован и в марте 1914 г. выслан из Петербурга, жил в Воронеже.
44. «*Киевская Мысль*» — ежедневная политическая и литературная газета. Издавалась в Киеве в 1906—1918 годах.
45. «*Прибой*» — легальное большевистское книгоиздательство, созданное в Петербурге в начале 1913 г.; работало под руководством ЦК РСДРП. Выпускало политические брошюры. В начале первой мировой войны прекратило деятельность.
46. В январе 1914 года.
47. «*Просвещение*» — ежемесячный большевистский теоретический легальный журнал, издавался в Петербурге с декабря 1911 по июнь 1914 года.
48. См. Материалы следственного дела... — Вопросы истории, 1993, № 9, прим. 74. *Коба* — И. В. Сталин.
49. *Бонч-Бруевич В. Д.* (1873—1955) — член РСДРП с 1895 г., большевик. Сотрудник большевистских газет и журналов. *Политикус* — Михайлов Л. М. (1872—1928) — член РСДРП с 1900 г., большевик. Сотрудник большевистских газет и журналов.
50. Имеется в виду заявление Черномазова от 6 мая (23 апреля) 1914 г. (см. Материалы следственной комиссии... — Вопросы истории, 1993, № 11—12, прим. 25).
51. *Оболенский В. В.* (Осинский Н.) (1897—1938) — литератор, член РСДРП с 1907 г., большевик. Работал в Московской студенческой революционной организации. В феврале 1911 г. арестован.
52. Сотрудники ежедневной большевистской легальной газеты «Наш Путь». Выходила в Москве в августе — сентябре 1913 года. Вышло 16 номеров. Помещение редакции было снято на имя Малиновского.
53. «*Рабочий Труд*» — еженедельный большевистский легальный журнал, «литературно-политический и общепрофессиональный орган». Издавался в Москве в июне — июле 1914 года. Вышло 4 номера. Являлся преемником газеты «Наш Путь».
54. Ошибка, речь идет о «Нашем Пути».
55. См. прим. 29.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Очерки русской смуты

Генерал А. И. Деникин

Том четвертый. Вооруженные силы Юга России

Глава X. Добровольческая армия и флот. Силы, организация и снабжение

Добровольческая армия к началу 1919 г. имела в своем составе: 5 дивизий пехоты ¹, 4 пластунских бригады, 6 конных дивизий, 2 отд. кон. бригады, армейскую группу артиллерии, запасные, технические части и гарнизоны городов. Численность армии простиралась до 40 тыс. штыков и сабель, при 193 оруд., 621 пулем., 8 брон. автомоб., 7 бронепоезд. и 29 самолетах.

Главная масса войск сведена была в пять корпусов: I, II и III армейские, Крымско-Азовский и I конный ² (генералы Казанович, Май-Маевский, Ляхов, Боровский и барон Врангель), позднее, в феврале, был сформирован и II Куб. корпус ген. Улагая. В состав I и II корпусов в феврале вошли переданные донским атаманом части бывших Астраханской и Южной армий, на которые возлагалось столько надежд немецфильскими кругами и которые были тогда уже, к сожалению, в стадии полного развала.

В начале декабря 1918 г. Добровольческая действующая армия располагалась в четырех главных группах ³: 1. Кавказская группа (I, III, I кон., позднее II кон. корпуса с приданными частями) силами в 25 000 и 75 орудий располагалась между Манычем и Кавказскими предгорьями у Минеральных Вод. Она имела общей задачей — окончательное освобождение Северного Кавказа до Кавказского хребта, овладение зап. берегом Каспийского моря и низовьев Волги, что давало возможность войти в связь с англичанами у Энзели и с уральцами у Гурьева и отрезать советскую Россию от бакинской и грозненской нефти.

2. Донецкий отряд (ген. Май-Маевского) силою в 2¹/₂—3¹/₂ тыс. и 13 оруд. в районе Юзовки прикрывал Донецкий каменноугольный район и Ростовское направление.

3. Крымский отряд ген. барона Боде (потом Боровского), первоначально только 1¹/₂—2 тыс. и 5—10 оруд., прикрывал Перекоп и Крым, базы и стоянки Черноморского флота; он должен был служить кадром для формирования на месте Крымского корпуса.

4. Туапсинский отряд ген. Черепова (2-я дивиз. с приданными частями) силою в 3000 и 4 оруд. имел задачей прикрывать нашу главную базу — Новороссийск — со стороны Грузии.

Таким образом, всех действующих сил мы имели 32—34 тыс. и около 100 орудий, из которых на главном театре сосредоточено было 76%.

Против нас противник располагал следующими силами: 1. На Северо-Кавказ-

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 3—12; 1991, №№ 1—12; 1992, №№ 1—9, 11—12; 1993, №№ 2, 4—9.

ком театре — XI и XII (формирующаяся) советские армии, насчитывавшие до 72 тыс. и около 100 орудий.

2. На Ростовском и Крымском направлениях в течение декабря действовали объединенные шайки «батьки» Махно силою в 5—6 тыс. и в низовьях Днепра — 2—3 тыс. передавшегося на сторону Советов петлюровского атамана Григорьева¹. Кроме того, вся северная Таврия была наводнена неорганизованными, «аполитичными» шайками, занимавшимися грабежом и разбоями. Только с конца декабря, после овладения Харьковом, большевики направили через Лозовую на юго-восток, против Май-Маевского, и на юг, в направлении Александровска, первые регулярные дивизии из группы Кожевникова.

3. На Сочинском направлении стояло, эшелонируясь от Лазаревки до Сухуми, три-четыре тысячи грузинских войск, под началом ген. Кониева.

Всего, следовательно, на фронтах Добровольческой армии в соприкосновении с нами советских войск было около 80 тыс. и грузин 3—4 тыс.

Когда 26 декабря 1918 г. состоялось объединение Добровольческой и Донской армий и театр войны расширился новыми обширными территориями, явилась необходимость выделения Добровольческой армии и создания при мне объединяющего штабного органа. Я принял звание «главнокомандующего вооруженными силами на Юге России», прежний армейский штаб стал штабом главнокомандующего, а для Добровольческой армии приступлено было к формированию нового штаба.

Предстоял весьма важный вопрос о назначении командующего Добровольческой армии. Я считал наиболее достойным кандидатом на этот пост — по широте военного кругозора и по личной доблести — участника Добровольческого движения с первых же шагов его генерала Романовского. Однажды, после очередного доклада, я предложил ему на выбор — армию или штаб главнокомандующего. Не скрыл, что его уход будет тяжел для меня: нет подходящего заместителя, придется назначить случайного человека, и я останусь в своей большой работе и в своих переживаниях одиноким. С другой стороны (перед глазами у нас был пример незабвенного Маркова), я не сомневался, что и Романовский, став в строй, выйдет из удушливой атмосферы политики, быстро приобретет признание войск, развернет свои боевые способности и покроет славой себя и армию. Иван Павлович думал день и на другое утро сказал, что останется со мной... Принес в жертву нашей дружбе свое будущее!

Непроницаемым покровом завешены от глаз наших пути Господни. Кто знает, как сложилась бы тогда судьба армии и Романовского... Вынесла ли бы его на гребень волны или похоронила в пучине... Мы знаем только одно: это решение стоило ему впоследствии жизни.

Обсудив вместе с начальником штаба вопрос о командующем, остановились на ген. бароне Врангеле². Он был моложе других корпусных командиров и только недавно вступил в ряды Добровольческой армии — это должно было вызвать обиды. Но в последних славных боях на Урупе, Кубани, под Ставрополем он проявил большую энергию, порыв и искусство маневра. Назначение барона Врангеля состоялось⁴. Один из достойных корпусных командиров, первопоходник, ген. Казанович благодаря этому ушел в отставку⁵, другие поворчали, но подчинились. Начальником штаба армии стал ген. Юзефович.

Ввиду последующего развертывания Крымско-Азовского корпуса в армию, войска, подчиненные ген. Врангелю, получили наименование Кавказской добровольческой армии. С 27 декабря по 10 января, чтобы дать закончить ген. Врангелю операцию I кон. корпуса на путях от Петровского до линии Св. Крест — Минеральные Воды, армией временно командовал ген. Романовский.

1 января 1919 г. я отдал приказ⁶: «Четырнадцать месяцев тяжелой борьбы. Четырнадцать месяцев высокого подвига Добровольческой армии. Начав борьбу одиноко — тогда, когда рушилась государственность и все кругом бессильное, безвольное спряталось и опустило руки, горсть смелых людей бросила вызов разрушителям родной земли. С тех пор льется кровь, гибнут вожди и рядовые Добровольцы, усеяв своими могилами поля Ставрополя, Дона и Кубани.

Но сквозь ужасы войны, сквозь злобу и недоверие ничему не научившихся тайных врагов своих, Армия принесла чистой и незапятнанной идею Единой Великой державной России. Подвиги Армии безмерны. И я, деливший с нею долгие, тяжкие дни и горе и радость, горжусь тем, что стоял во главе ее.

Я не имею возможности теперь непосредственно руководить Добровольческой армией, но до конца дней моих она останется родной и близкой моему сердцу. Сердечно благодарю всех моих дорогих соратников, чьими беспримерными подвигами живет и крепнет надежда на спасение России».

Название «добровольческих» — армии сохраняли уже только по традиции. Ибо к правильной мобилизации было приступлено в кубанских казачьих частях с весны, а в регулярных — со 2 августа 1918 года. Три последовательных мобилизации этого года подняли на Северном Кавказе десять возрастных классов (призывн. возр. 1910—1920 гг.), в Приазовском крае — пока два (1917, 1918 и частью 1915, 1916 гг.), в Крыму один (1918 г.). Ввиду того что революция повсеместно разгромила органы учета, установить точно процент уклонившихся штаб мой не мог. По приблизительным его подсчетам, цифра эта для Северного Кавказа определялась в 20—30%. Мобилизованные поступали в запасные части, где подвергались краткому обучению, или — в силу самоуправства войсковых частей — в большом числе непосредственно в их ряды. Число прошедших через армейский приемник в 1918 г. определялось в 33 тыс. человек. К концу 1918 г. был использован широко другой источник пополнения — пленные красноармейцы, уже многими тысячами начавшие поступать в армию обоими этими путями.

Весь этот новый элемент, вливавшийся в Добровольческие кадры, давал им и силу, и слабость. Увеличивались ряды, но тускнел облик и расслаивались монолитные ряды старого Добровольчества. Лихорадочно быстрый темп событий среди непрекращавшегося пожара общей гражданской войны, если и допускал поверхностное обучение, то исключал возможность воспитания. Масса мобилизованных во время пребывания в тылу, в мирной обстановке запасных батальонов, была совершенно пассивной и послушной. За вторую половину 1918 г. из запасных батальонов дезертировало около 5%. Но, выйдя на фронт, они попадали в крайне сложную психологически обстановку: сражаясь в рядах Добровольцев, они имели против себя своих односельчан, отцов и братьев, взятых также по мобилизации Красной армией; боевое счастье менялось, их села переходили из рук в руки, меняя вместе с властью свое настроение. И дезертирство на фронте значительно увеличивалось. Тем не менее основные Добровольческие части умели переплавить весь разнородный элемент в горниле своих боевых традиций, и, по общему отзыву начальников, мобилизованные солдаты вне своих губерний в большинстве дрались доблестно.

Что касается кубанского казачества, оно несло тяготы значительно большие: выставляло десять возрастных классов в состав действующей армии и во время борьбы на территории Кубани почти поголовно становилось в ряды в качестве гарнизонов станиц и отдельных, партизанского типа, отрядов. Природные конники — кубанцы неохотно шли в пластунские батальоны; пехота их была поэтому слаба и малочисленна, но конные дивизии по-прежнему составляли всю массу Добровольческой конницы, оказывая неоценимые услуги армии.

В отношении старых Добровольцев мы были связаны еще формально четырехмесячным «контрактом». Первый период для главной массы кончился в мае, второй в сентябре, третий кончился в декабре. Еще в августе я хотел покончить с этим пережитком первых дней Добровольчества, но начальники дали заключение, что психологически это преждевременно... Мне кажется, что и тогда уже они ошибались. 25 октября я отдал приказ ⁷ о призыве в ряды всех офицеров до 40 лет, предоставив тем из них, кто освобождался из армии, или покинуть территорию ее в семидневный срок, или подвергнуться вновь обязательному уже призыву... А через полтора месяца состоялся приказ ⁸ об отмене четырехмесячных сроков службы, которая стала окончательно общеобязательной. К чести нашего Добровольческого офицерства надо сказать, что приказы эти не только не встретили какого-либо протеста, но даже не привлекли к себе в армии внимания — так твердо сложилось убеждение в необходимости и обязательности службы.

Итак, с конца 1918 г. институт добровольчества окончательно уходил в область истории; и добровольческие армии Юга становятся народными, поскольку интеллектуальное преобладание казачьего и служилого офицерского элемента не наложило на них внешне классового отпечатка.

С января 1919 г. в штабе учрежден был отдел, ведавший формированиями. Войска специальных родов оружия организовывались обыкновенно в тылу и уже готовыми поступали на фронт; также было и с кубанскими полками, которые

комплектовались территориально в своих округах. С формированием пехоты дело обстояло иначе: необыкновенно трудно было поставить материальную часть полков средствами нашего немошного армейского интендантства, и штаб мирился с формированиями на фронте, где заинтересованные непосредственно в своем усилении начальники находили возможность, с грехом пополам, обусть, одеть, вооружить и снарядить новые части.

Но бои кипели непрерывно, фронт, ввиду большого неравенства сил, всегда нуждался в подкреплениях, резервов в тылу не было, и новые части бросались в бой задолго до своей готовности. Противник не давал нам времени на организацию. У нас не было такой предохранительной завесы, которую для Украины представлял немецкий кордон, для Сибири — фронт Народной армии, для Грузии — Добровольческая армия. Добровольческие части формировались, вооружались, учились, воспитывались, таяли и вновь пополнялись под огнем, в непрерывных боях. Тем не менее войсковые части, рожденные и воспитанные на фронте при такой обстановке, иногда за счет ослабления кадровых полков, являлись более боеспособными, чем тыловые формирования.

Другим крупным злом в организации армии было стихийное стремление к формированиям — под лозунгом «возрождения исторических частей Российской армии». «Ячейки» старых полков, в особенности в кавалерии, возникали, обособлялись, стремились к отделению, обращая боевую единицу — полк — в мозаичный коллектив десятков старых полков, ослабляя ряды, единство и силу его. Такие формирования возникали и в тылу, существовали негласно по целым месяцам, добывая частные средства или пользуясь попустительством властей разных рангов, ослабляя фронт и превращая иной раз идейный лозунг «под родные штандарты» — в прикрытие шкурничества.

Также велико было стремление начальников к формированию частей «особого назначения». Таковы, например, «Летучий отряд особого назначения Кавказской добровольческой армии» (у ген. Врангеля) во главе с ротмистром Барановым, имевший довольно темное назначение — борьбы с крамолой... «Волчьи сотни» ген. Шкуро — его личная гвардия, постепенно терявшая боевое значение, обремененная добычей... «Карательные отряды», формировавшиеся ставропольским военным губернатором ген. Глазенапом, превратившиеся в лейб-охрану богатых местных овцеводов, и т. д. ...

Со всеми этими бытовыми явлениями мы боролись, но, очевидно, недостаточно сурово, так как, меняя внешние формы, они продолжали существовать.

На Севастопольском рейде ко времени прихода союзников находились остатки нашего Черноморского флота, уцелевшие после новороссийской катастрофы⁹. Среди них линейный корабль (дредноут) «Воля»¹⁰, крейсер «Кагул», более десятка миноносцев, несколько подводных лодок, старые линейные корабли и много мелких судов вспомогательного назначения. Большинство боевых судов требовало капитального ремонта.

Как я уже говорил, с приходом в Севастополь союзники подняли на наших судах свои флаги и заняли их своими командами. Только на «Кагуле», трех находившихся в ремонте миноносцах и на старых линейных кораблях оставались еще русские флаги.

Необходимо было кому-нибудь взять на себя охрану андреевского флага и беспризорного русского достояния. Центрами притяжения были только Украинская держава и Добровольческая армия. Первая обосновывала свое право на русское наследство «историческими границами Великой Украины», включавшими весь северный черноморский берег, и обещанием германцев передать Украине к ноябрю весь Черноморский флот. Вторая выступала как общерусский военный центр Юга. Основания Украины к тому времени были настолько одиозны в глазах русской общественности и морского офицерства, что вопрос о подчинении флота был предрешен и не потребовал ни малейшей борьбы.

Вся трудность заключалась в выборе лица, которое могло бы возглавить флот и успешно повести дело его возрождения. Я совершенно не имел никаких знакомств в морских кругах и вынужден был руководствоваться мнением моряков, находившихся в сношениях со ставкой. Получалась картина полного безлюдия. Мне называли только два имени: один — контр-адмирал князь Черкасский, который оставался где-то в советской России и которого нам так и не удалось разыскать; другой —

вице-адмирал Саблин; деятельность последнего в качестве командующего советским флотом перед новороссийской катастрофой требовала еще выяснения, и сам он жил тогда за границей. Пришлось остановиться на адмирале Канине, который пользовался известной популярностью в морской среде и авторитетом в морских вопросах, но не отличался качеством боевого вождя...

13 ноября я отдал приказ о назначении адм. Канина и.д. командующего Черноморским флотом. Канин, под влиянием «украинских» адмиралов Покровского, Клочковского и др., некоторое время колебался, потом вступил в должность, и присоединение Черноморского флота к Добровольческой армии совершилось автоматически и безболезненно. Присоединение номинальное, так как был командный состав, но не было в его распоряжении боевых судов. Началась длительная, нелепая и глубоко обидная борьба с союзным морским командованием за право существования русского флота.

Только в начале января старший в то время французский адмирал Амет предложил Канину укомплектовать два находившихся еще в ремонте миноносца: в то же время союзным командованием дано было разрешение подготовить крейсер «Кагул» для отправки в Новороссийск с целью... поднятия затопленного парохода «Эльбрус».

А между тем, вскоре по побережью Черного и Азовского морей начались бои, и помощь флота стала необходимой. Снова, как в первые дни Добровольчества — в дни деревянных бронепоездов и краденых пушек, офицерская молодежь снаряжала старые пароходы и баржи, с тихим ходом и неправильным механизмом, вооружала их орудиями и ходила вдоль берегов, вступая в бой с большевиками, рискуя ежечасно стать жертвой стихии или попасть в руки врага. А боевые суда наши в это время томились в плену у союзников...

Между тем, штаты морских учреждений росли непомерно, собравшееся в большом числе в Севастополе морское офицерство томилось бездельем, а боевая готовность даже ничтожного числа судов, которое было предоставлено нам, подвигалась плохо. В марте приехал Саблин и сменил Канина. Саблину пришлось уже попасть в волну первой эвакуации Крыма и быть свидетелем тяжелой картины, как союзники, при общем паническом настроении, топили лучшие наши подводные лодки, взрывали цилиндры машин на оставляемых в Севастополе судах, топили и увозили запасы. Было невыразимо больно видеть, как рос синодик остатков русского флота, избежавших гибели от рук немцев, большевиков и матросской опричнины...

«Кагул»¹¹, подводную лодку «Тюлень» и еще 5 миноносцев и 2 подводных лодки на буксирах удалось с огромным трудом вывезти в Новороссийск, где приступлено было к ремонту, вооружению и укомплектованию их. Наши решительные протесты, возмущение, с которым русская общественность отнеслась к факту бездеятельности войск и флота союзников в трагических одесских и крымских событиях, а может быть, и возросшее доверие к силам Юга, заставили союзников прекратить противодействие: летом 1919 г. во время операции по вторичному овладению Крымом и Новороссией, в составе флота числились уже 1 крейсер, 5 миноносцев, 4 подводных лодки и десятка два вооруженных пароходов, лодок и барж. К осени союзники возвратили нам все остальные захваченные суда, в том числе дредноут «Воля», получивший наименование «Генерал Алексеев».

Снабжение армий находилось в руках главного начальника снабжений¹², непосредственно подчиненного пачальнику военного управления¹³. Главным источником снабжения до февраля 1919 г. были захватываемые нами большевистские запасы. При этом войска, не доверяя реквизиционным комиссиям, старались использовать захваченное для своих нужд без плана и системы. Часть запасов получалась с бывшего Румынского фронта. Все это было случайно и крайне недостаточно. В ноябре, к приходу союзников, официальный отчет штаба рисовал такую картину нашего снабжения:

Недостаток ружейных патронов принимал не раз катастрофические размеры. «Бывали периоды, когда на всю Армию оставалось несколько десятков тысяч патронов, и, если пулемет в начале боя имел 2—3 ленты, то это считалось очень и очень благополучным»... Такое же положение было с артиллерийскими патронами: «К 1 ноября весь запас армейского склада состоял из 7200 легких, 1520 горных, 2770 гаубичных и 220 тяжелых снарядов. Обмундирование — одни обноски»... Санитарное снабжение... «можно считать несуществующим.

Нет медикаментов, нет перевязочных средств, нет белья. Имеются только врачи, которые бессильны бороться с болезнями. Индивидуальных пакетов не имеется вовсе. Часто бывают случаи, когда полное отсутствие перевязочных материалов заставляло применять грязное белье самих же раненых... Грозность нашего положения была тем больше, что к весне, благодаря непрерывным кровопролитным боям и эпидемиям, число раненых и больных в лечебных заведениях армий доходило до 25 тысяч.

С начала 1919 г., после ухода немцев из Закавказья, нам удалось получить несколько транспортов артиллерийских и инженерных грузов из складов Батума, Карса, Трапезунда. А с февраля начался подвоз английского снабжения. Недостаток в боевом снабжении с тех пор мы испытывали редко¹⁴. Санитарная часть улучшилась. Обмундирование же и снаряжение, хотя и поступало в размерах больших, но далеко не удовлетворявших потребности фронтов¹⁵. Оно, кроме того, понемногу расхищалось на базе, невзирая на установление смертной казни «за кражу предметов казенного вооружения и обмундирования». Таяло в пути и, поступив, наконец, на фронт, пропадало во множестве, уносимое больными, ранеными, пленными, дезертирами...

Замечательно, что всякого рода хищения военного имущества и распродажа его на сторону встречали в обществе безразличное, часто покровительственное отношение. Рынок имеет свои законы: предельное сжатие его вызывает противодействие, чуждое моральных побуждений. Обмундирование, поступавшее на Дон, после раздачи казакам, отправлялось обыкновенно в станицы и пряталось на дно все еще не опустошенных казачьих скринь.

Собственным попечением наши органы снабжения заготавливали совершенно ничтожную часть потребности. Причин много. Были и общие, вытекавшие из финансовых затруднений армии, недостаточного развития в промышленном отношении Северного Кавказа, общего развала торговли и промышленности; были и частные — шаблоны нормальной войны и нормального полевого положения, отсутствие у нас системы и творчества, властно требуемых обстановкой, совершенно иной и исключительной; наконец — всеобщая деморализация нравов.

Один из видных армейских интендантов по поводу гонения, воздвигаемого обществом и печатью на интендантство, писал в то время: «Промышленность разрушена; сырья в армии нет, технических и транспортных средств почти нет, опытных специалистов мало, конъюнктура рынка, не регулируемая никакими финансово-промышленными органами, своевольно стремится в беспредельную высь. Тыл, органы снабжения должны напрячь все свои творческие, административные и изобретательные способности, чтобы при таких условиях дать армии хотя бы малое, необходимое. Условия работы неизмеримо труднее, чем во время австро-германской войны, и требуют исключительных специальных знаний, опыта и энергии.

Между тем, вместо компетентных работников, специалистов, школой и большим опытом подготовленных к работе снабжения армии, хорошо знакомых с организацией снабжения, промышленным миром и рынком, дело снабжения находится в руках исключительно офицеров Генерального штаба, незнакомых ни с рынком, ни с торгово-промышленным миром, ни с политической экономией, ни с квалификацией товаров и продуктов.

Законы, нормы отстали от жизни, а новых еще не создано. Каждый активный исполнитель-заготовитель вынужден на свой риск и страх во много раз превышать те права, которые даны ему законом. События совершаются с невероятной быстротой, и жизнь не терпит промедления. Чтобы не отставать от жизни, приходится отбрасывать в сторону всякие бумажные нормы и преступать всякие законы, для чего нужны компетентные, честные исполнители, свобода действий и полное доверие».

«Честные исполнители, полное доверие», конечно, это — первооснова успеха работы. Но где их взять! Когда на Дону, на Кубани, не переставая, одна за другой выплывали на свет панамы... Когда несколько месяцев главное интендантство вооруженных сил находилось под воздействием назначенной мною сенаторской ревизии Таганцева... Ревизия добросовестно искала «виновных», привлекала к ответственности крупных и мелких нарушителей закона, но не умела найти грехи системы, не умела и не могла изменить общих условий, питавших преступность.

От общественности, так дружно отозвавшейся на нужды армии в 1916 г., мы, в этом отношении, помощи видели мало: военно-промышленный комитет, земгор, красный крест были разрушены и только начинали проявлять свою деятельность. От «демократии»? Один из органов Шрейдера «Родная Земля», описывая вопиющие нужды армии, говорил: «Нуждалась ли бы армия в чем-нибудь, если бы была окружена горячей и любовной заботливостью русской демократии? Конечно, нет: русский народ умеет самоотверженно отдавать последнюю свою рубашку, последний свой кусок хлеба тому, кому он верит, в ком он видит борца за светлое и правое народное дело. Очевидно, есть что-то в атмосфере, окружающей Добровольческую армию, что расхолаживает нашу демократию...»¹⁶. Русский народ и демократия господина Шрейдера — это далеко не одно и то же. Народ отверг эту «демократию» на Волге, на Востоке, на Юге, по всей России. Но он не усыновил также в родительской любви своей ни красной, ни белой армии: не нес им в жертву добровольно ни достатка своего, ни жизни.

Пресловутый частный торговый аппарат претерпел, очевидно, с революцией серьезное перерождение: я не помню крупных сделок наших органов снабжения с солидными торговыми фирмами, но зато в памяти моей запечатлелись ярко типы спекулянтов-хищников, развращавших администрацию, обиравших население и казну и наживавших миллионы: М.— на Кубани, Ч.— на Дону и в Крыму, Т. Ш.— в Черноморье и проч., и проч. Но все это были партизаны, рожденные безвременьем и чуждые традиций промышленного класса.

Крупная торгово-промышленная знать появилась на территории Армии, главным образом, после падения Одессы и Харькова в начале 1919 года. Многие лица из ее рядов успели вынести с пожарища русской хранины часть своих достатков, сохранили еще кредит, а главное — организационный опыт в широком государственном масштабе. Мы ожидали от них помощи, и прежде всего в отношении армий. Эта помощь была предложена действительно, но в такой своеобразной форме, что на ней стоит остановиться...

14 сентября 1919 г. между Донским правительством в лице начальника отдела торговли и промышленности Бондырева и «Товариществом Мопит»¹⁷ был заключен договор на поставку Донской армии и населению заграничной мануфактуры. «Мопит» являлся комиссионером казны, взяв на себя «при всемерном содействии войска Донского»¹⁸ на территории Дона и, без ведома командования, на территории Добровольческой армии (§ 2) — скупку сырья, отправление и продажу его за границу, покупку там и доставку на Дон мануфактуры. Основной капитал для оборота, в общем до миллиарда рублей, должен был выдаваться донской казной по частям авансом; все решительно расходы, как-то: провоз, хранение, пошлины и т. п., ложились на казну. «Мопит» за услугу Донской армии брал себе в качестве «организационных расходов» и предпринимательской прибыли за покупку сырья 19% и за операцию с мануфактурой 18%. Весь договор был полон неясностей и недомолвок, позволявших при желании значительно расширять размеры прибыли. Но самое странное было то, что статьи договора ставили выполнение его в зависимость от доброй воли «Мопита», предоставляли ему возможность воспользоваться самому всеми выгодами реализации драгоценного и купленного сравнительно за бесценок донского сырья.

Статья 9-я гласила: «Если полученные товариществом авансы не будут по вывозе сырья за границу и его реализации покрыты поставками товаров или вырученной от продажи сырья валюты в обусловленный срок, то Товарищество обязуется возратить войску полученные авансы, с начислением процентов со дня просрочки в размере взимаемых Государственным банком по учету векселей... И только.

С договором этим я ознакомился из газет. Я не имел права вмешиваться во внутренние дела суверенного Дона, но, так как весь экспорт регулировался Особым совещанием и выполнение поставок на Донскую армию договором обеспечено не было, я приказал выдачу Товариществу разрешения на вывоз сырья и хлеба за границу прекратить. Особая комиссия рассмотрела затем договор и, после разъяснения его статей учредителями и видоизменения, Особое совещание сочло возможным допустить деятельность «Мопита».

А. В. Кривошеин, объясняя свое участие в «Мопите», жаловался мне¹⁹ на «газетные инсинуации» и утверждал, что учредители его преследовали цели,

исключительно государственные, а лично он «с содержанием злополучного договора познакомился впервые, когда начался уже газетный поход». «Учредители Мопита,— писал он,— обширная группа издавна пользующихся уважением и все-российской известностью москвичей обратилась ко мне с предложением избрать меня председателем совета, придавая этому политическое значение как лишней возможности объединить их на общей платформе сейчас и особенно ввиду предстоявшего прихода в Москву. Мысль — основать здесь крупное московское дело и, таким образом, теснее сплотить черноземный юг с промышленной Москвой — казалась правильной и своевременной»...

Но общество, взволнованное этим делом, видело в нем только коммерцию, а не политику. Часть прессы чрезвычайно резко ополчилась против «мопитян», которых вины наиболее умеренный в своих заключениях «Приазовский Край»²⁰ определял такими словами: «...В договоре нет элементов заведомого обмана или заведомого введения в невыгодную сделку... Тяжелая сторона ее заключается в том, что и именитые москвичи также являются одними из многих, наживающихся на армии, на гражданской войне»...

Как бы то ни было, и печать, и общество, и армия постепенно пришли к одинаковому заключению. Нет больше Мининых! И армия дралась в условиях тяжелых и роптала только тогда, когда враг одолевал и приходилось отступать.

Казна наша пустовала по-прежнему, и содержание Добровольцев поэтому было положительно нищенским. Установленное еще в феврале 1918 г., оно составляло в месяц для солдат (мобилизованных) 30 руб., для офицеров от прапорщика до главнокомандующего в пределах от 270 до 1000 руб.²¹ Для того чтобы представить себе реальную ценность этих цифр, нужно принять во внимание, что прожиточный минимум для рабочего в ноябре 1918 г. был определен советом екатеринодарских профессиональных союзов в 660—780 рублей.

Дважды потом, в конце 1918 и в конце 1919 г., путем крайнего напряжения, шкала основного офицерского содержания подымалась, соответственно, на 450—3000 руб. и 700—5000 руб., никогда не достигая соответствия с быстро растущей дороговизной жизни. Каждый раз, когда отдавался приказ об увеличении содержания²², на другой же день рынок отвечал таким повышением цен, которое поглощало все прибавки.

Одинокий офицер и солдат на фронте ели из общего котла и, хоть плохо, но были одеты. Все же офицерские семьи и большая нефронтовая часть офицерства штабов и учреждений бедствовали. Рядом приказов устанавливались прибавки на семью и дороговизну, но все это были лишь паллиативы. Единственным радикальным средством помочь семьям и тем поднять моральное состояние их глав на фронте, был бы переход на натуральное довольствие. Но то, что могла сделать советская власть большевистскими приемами социализации, продразверстки и по-вальных реквизиций, было для нас невозможно, тем более, в областях автономных.

Только в мае 1919 г. удалось провести пенсионное обеспечение чинов военного ведомства и семейств умерших и убитых офицеров и солдат. До этого выдавалось лишь ничтожное единовременное пособие в 1½ тыс. рублей... От союзников, вопреки установившемуся мнению, мы не получили ни копейки.

Богатая Кубань и владевший печатным станком Дон были в несколько лучших условиях. «По политическим соображениям», без сношения с главным командованием, они устанавливали содержание своих военнослужащих всегда по нормам выше наших, вызывая тем неудовольствие в Добровольцах²³. Тем более, что Донцы и Кубанцы были у себя дома, связанные с ним тысячью нитей — кровно, морально, материально, хозяйственно. Российские же Добровольцы, покидая пределы советской досягаемости, в большинстве становились бездомными и нищими.

Глава XI. Моральный облик Армии. «Черные страницы»

Ряды старых Добровольцев редели от постоянных боев, от сыпного тифа, косившего нещадно. Каждый день росли новые могилы у безвестных станций и поселков Кавказа; каждый день под звуки похоронного марша на екатеринодарском кладбище опускали в могилу по несколько гробов с телами павших воинов... Пал в бою командир 1-го арт. дивизиона, полк. Миончинский, известный всей армии своим

искусством и доблестью... Умер от тифа начальник 1-й дивизии ген. Станкевич, выдержавший во главе сборного отряда всю тяжесть борьбы на степном Манычском фронте, и много, много других.

В начале января мы похоронили умершего от заражения крови, вследствие раны, полученной под Ставрополем, ген. Дроздовского. Одного из основоположников Армии — человека высокого патриотизма и твердого духом. Два месяца длилась борьба между жизнью и смертью. Навещая Дроздовского в лазарете, я видел, как томился он своим вынужденным покоем, как весь он уходил в интересы Армии и своей дивизии и рвался к ней. Судьба не сулила ему повести опять в бой свои полки.

Для увековечения памяти почившего его именем назван был созданный им 2-й Офицерский полк, впоследствии дивизия, развернутая из этого полка. Приказ, сообщавший Армии о смерти ген. Дроздовского, заканчивался словами: «...Высокое бескорыстие, преданность идее, полное презрение к опасности по отношению к себе — соединились в нем с сердечной заботой о подчиненных, жизнь которых всегда он ставил выше своей. Мир праху твоему — рыцарь без страха и упрека».

Состав Добровольческих армий становился все более пестрым. Ряд эвакуаций, вызванных петлюровскими и советскими успехами (Украина), и занятие нами новых территорий (Крым, Одесса, Терек) дали приток офицерских пополнений. Многие шли по убеждению, но еще больше по принуждению. Они вливались в коренные Добровольческие части или шли на формирование новых дивизий. Коренные части ²⁴ ревниво относились к своему первородству и несколько пренебрежительно к последующим формированиям. Это было нескромно, но имело основания: редко какие новые части могли соперничать в доблести с ними. Это обстоятельство побудило меня развернуть впоследствии, к лету 1919 г., четыре именных полка ²⁵ в трехполковые дивизии.

Вливание в части младшего офицерства других армий и нового призыва и их ассимиляция происходили быстро и безболезненно. Но со старшими чинами было гораздо труднее. Предубеждение против Украинской, Южной армий, озлобление против начальников, в первый период революции проявивших чрезмерный оппортунизм и искательство или только обвиненных в этих грехах по недоразумению, — все это заставляло меня осторожно относиться к назначениям, чтобы не вызвать крупных нарушений дисциплины. Трудно было винить офицерство, что оно не желало подчиниться храбрейшему генералу, который, командуя армией в 1917 г., бросил морально офицерство в тяжелые дни, ушел к буйной солдатчине и искал популярности демагогией... Или генералу, который некогда, не веря в белое движение, отдал приказ о роспуске Добровольческого отряда, а впоследствии получил по недоразумению в командование тот же, выросший в крупную Добровольческую часть, отряд. Или генералу, безобиднейшему человеку, который имел слабость и несчастье на украинской службе подписать приказ, задевавший достоинство русского офицера. И т. д., и т. д.

Для приема старших чинов на службу была учреждена особая комиссия под председательством ген. Дорошевского, позднее Болотова. Эта комиссия, прозванная в обществе «генеральской чрезвычайкой», выясняла *curriculum vitae* (путь, хронику жизни, послужной список (*лат.*)... *Ред.*) пореволюционного периода старших чинов и определяла возможность или невозможность приема на службу данного лица или необходимость следствия над ним. Процедура эта была обидной для генералитета, бюрократическая волокита озлобляла его, создавая легкую фронду. Но я не мог поступить иначе: ввиду тогдашнего настроения фронтового офицерства, эта очистительная жертва предохраняла от многих нравственных испытаний, некоторых — от более серьезных последствий... Вообще же, «старые» части весьма неохотно мирились с назначениями начальников со стороны, выдвигая своих молодых — всегда высоко доблестных командиров, но часто малоопытных в руководстве боем, и в хозяйстве, и плохих воспитателей части. Тем не менее, жизнь понемногу стирала острые грани, и на всех ступенях служебной иерархии появились лица самого разнообразного служебного прошлого... Труднее обстоял вопрос с военными, состоявшими ранее на советской службе.

К осени 1918 г. жестокий период гражданской войны «на истребление» был уже изжит. Самочинные расстрелы пленных красноармейцев были исключением и преследовались начальниками. Пленные многими тысячами поступали в ряды

Добровольческой армии. Борьбу, и притом не всегда успешную, приходилось вести против варварского приема раздевания пленных. Наша пехота вскоре перестала грешить в этом отношении, заинтересованная постановкой пленных в строй. Казаки же долго не могли отрешиться от этого жестокого приема, отталкивающего от нас многих, желавших перейти на нашу сторону. Помню, какое тяжелое впечатление произвело на меня поле под Армавиром в холодный сентябрьский день, после урупских боев, все усеянное белыми фигурами (раздели до белья) пленных, взятых 1-й конной и 1-й кубанской дивизиями...

В ноябре я отдал приказ, обращенный к офицерству, остававшемуся на службе у большевиков, осуждая их непротivление и заканчивая угрозой: «...Всех, кто не оставит безотлагательно ряды красной армии, ждет проклятие народное и полевой суд Русской армии — суровый и беспощадный». Приказ был широко распространен по советской России нами и еще шире... советской властью, послужив темой для агитации против Добровольческой армии. Он произвел гнетущее впечатление на тех, кто, служа в рядах красных, был душою с нами. Отражая настроение Добровольчества, приказ не считался с тем, что самопожертвование, героизм есть удел лишь отдельных личностей, а не массы. Что мы идем не мстителями, а освободителями... Приказ был только угрозой для понуждения офицеров оставлять ряды красной армии и не соответствовал фактическому положению вещей: той же Болотовской комиссии было указано мною не вменять в вину службу в войсках советской России, «если данное лицо не имело возможности вступить в противобольшевистские армии или если направляло свою деятельность во вред советской власти»²⁶. Такой же осторожности в обвинении, такой же гуманности и забвения требовали все приказы Добровольческим войскам, распоряжения, беседы с ними.

В отношении генералов, дела которых доходили до главнокомандующего, цифровые данные дают следующую картину: за период с сентября 1918 г. по март 20-го суду было предано около 25 лиц. Суд присудил одного к смертной казни, четырех к аресту на гауптвахте и 10 оправдал. О трех, четырех справки не имею. По моей конфирмации — смертной казни, каторжным работам и арестантским отделениям не был подвергнут никто из них. Наказание заменялось арестом на гауптвахте и, в важных случаях, разжалованием в рядовые, причем к декабрю 1919 г. все разжалованные были восстановлены в чинах.

Судьба младшего офицерства разрешалась в инстанциях низших; я приведу здесь результат маленькой анкеты, рисующей и психологию, и практику разрешения этого вопроса самими войсками. «Не будучи долго поддержаны другими, первые Добровольцы вместе с тяжкими испытаниями, выпавшими на их долю, впитывали в себя презрение и ненависть ко всем тем, кто не шел рука об руку с ними. В Кубанских походах, поэтому, как явление постоянное, имели место расстрелы офицеров, служивших ранее в Красной армии...

С развитием наступления к центру России изменились условия борьбы: обширность театра, рост наших сил, ослабление сопротивления противника, ослабление его жестокости в отношении Добровольцев, необходимость пополнять реденеющие офицерские ряды — изменили и отношение: расстрелы становятся редкими и распространяются лишь на офицеров-коммунистов.

Поступление в полки офицеров, ранее служивших в Красной армии, никакими собственными формальностями не сопровождалось. Офицеры, переходившие фронт, большею частью отправлялись в высшие штабы, для дачи показаний. Таких офицеров было не так много. Главное пополнение шло в больших городах. Часть офицеров являлась добровольно и сразу, а часть после объявленного призыва офицеров. Большинство и тех и других имели документы о том, что они в Красной армии не служили. Все они зачислялись в строй, преимущественно в офицерские роты, без всяких разбирательств, кроме тех редких случаев, когда о тех или иных поступали определенные сведения. Часть «запаздывающих» офицеров, главным образом высших чинов, проходили через особо учрежденные следственные комиссии (судные).

Отношение к офицерам, назначенным в офицерские роты, было довольно ровное. Многие из этих офицеров быстро выделялись из массы и назначались даже на командные должности, что в частях Дроздовской дивизии было явлением довольно частым. В Корниловской дивизии пленные направлялись в запасные батальоны, где офицеры отделялись от солдат. Пробыв там несколько месяцев, эти

офицеры назначались в строй также в офицерские роты. Иногда ввиду больших потерь процент пленных в строю доходил до 60. Большая часть из них (до 70%) сражались хорошо. 10% пользовались первыми же боями, чтобы перейти к большевикам, и 20% составляли элемент, под разными предложениями уклоняющийся от боев. При формировании 2-го и 3-го Корниловских полков состав их состоял, главным образом, из пленных. Во 2-м полку был офицерский батальон в 700 штыков, который по своей доблести выделялся в боях и всегда составлял последний резерв командира полка.

В частях Дроздовской дивизии пленные офицеры большей частью также миловались, частично подвергаясь худшей участи — расстрелу. Бывали случаи, что пленные офицеры перебежали обратно на сторону красных.

Что касается отношения к красному молодому офицерству, т. е. к командирам из красных курсантов, то они знали, что ожидает их, и боялись попасться в плен, предпочитая ожесточенную борьбу до последнего патрона или самоубийство. Взятых в плен, нередко по просьбе самих же красноармейцев, расстреливали».

Этот больной вопрос возник и в Красной армии и был разрешен как раз в обратном направлении. Для агитации среди белых Бронштейн составил лично и выпустил воззвание: «...Милосердие по отношению к врагу, который повержен и просит пощады. Именем высшей военной власти в Советской республике заявляю: каждый офицер, который в одиночку или во главе своей части добровольно придет к нам, будет освобожден от наказания. Если он делом докажет, что готов честно служить народу на гражданском или военном поприще, он найдет место в наших рядах»...

Для Красной армии приказ Бронштейна звучал уже иначе: «...Под страхом строжайшего наказания запрещаю расстрелы пленных рядовых казаков и неприятельских солдат. Близок час, когда трудовое казачество, расправившись со своими контрреволюционными офицерами, объединится под знаменем советской власти...»²⁷.

Мы грозили, но были гуманнее. Они звали, но были жестоки. Советская пропаганда имела успех не одинаковый: во время наших боевых удач — никакого; во время перелома боевого счастья ей поддавались казаки и Добровольческие солдаты, но офицерская среда — почти вся оставалась совершенно недоступной советскому влиянию.

Армии преодолевали невероятные препятствия, героически сражались, безропотно несли тягчайшие потери и освобождали шаг за шагом от власти Советов огромные территории. Это была лицевая сторона борьбы, ее героический эпос. Армии понемногу погрязали в больших и малых грехах, набросивших густую тень на светлый лик освободительного движения. Это была оборотная сторона борьбы, ее трагедия. Некоторые явления разъедали душу армии и подтачивали ее мощь. На них я должен остановиться.

Войска были плохо обеспечены снабжением и деньгами. Отсюда — стихийное стремление к самоснабжению, к использованию военной добычи. Неприятельские склады, магазины, обозы, имущество красноармейцев разбирались беспорядочно, без системы. Армии скрывали запасы от центрального органа снабжений, корпуса — от армий, дивизии — от корпусов, полки — от дивизий... Тыл не мог подвезти фронту необходимого довольствия, и фронт должен был применять широко реквизиции в прифронтовой полосе — способ, естественный и практикуемый всеми армиями всех времен, но требующий строжайшей регламентации и дисциплины.

Пределы удовлетворения жизненных потребностей армии, юридические нормы, определяющие понятие «военная добыча», законные приемы реквизиций — все это раздвигалось, получало скользкие очертания, преломлялось в сознании военной массы, тронутой общенародными недугами. Все это извращалось в горниле гражданской войны, превосходящей во вражде и жестокости всякую войну международную. Военная добыча стала для некоторых снизу — одним из двигателей, для других сверху — одним из демагогических способов привести в движение иногда инертную, колеблющуюся массу.

О войсках, сформированных из горцев Кавказа, не хочется и говорить. Десятки лет культурной работы нужны еще до того, чтобы изменить их бытовые навыки... Если для регулярных частей погоня за добычей была

явлением благоприобретенным, то для казачьих войск — исторической традицией, восходящей ко временам Дикого поля и Запорожья, прошедшей красной нитью через последующую историю войн и модернизированную временем в формах, но не в духе. Знаменательно, что в самом начале противобольшевистской борьбы представители Юго-Восточного союза казачьих войск, в числе условий помощи, предложенной Временному правительству, включили и оставление за казаками всей «военной добычи» (!), которая будет взята в предстоящей междуусобной войне ²⁸...

Соблазну сыграть на этой струнке поддавались и люди, лично бескорыстные. Так, атаман Краснов, в одном из своих воззваний-приказов, учитывая психологию войск, атаковавших Царицын, недвусмысленно говорил о богатой добыче, которая их ждет там... Его прием повторил впоследствии, в июне 1919 г., ген. Врангель. При нашей встрече после взятия Царицына он предупредил мой вопрос по этому поводу: «Надо было подбодрить кубанцев. Но я в последний момент принял надлежащие меры»...

Победитель большевиков под Харьковом, ген. Май-Маевский, широким жестом «дарил» Добровольческому полку, ворвавшемуся в город, поезд с каменным углем и оправдывался потом: «Виноват! Но такое радостное настроение охватило тогда»...

Можно было сказать а priori (на основании ранее известного *(лат.)*.— *Ред.*), что этот печальный ингредиент «обычного права» — военная добыча — неминуемо перейдет от коллективного начала к индивидуальному и не ограничится пределами жизненно необходимого.

После славных побед под Харьковом и Курском 1-го Добровольческого корпуса тылы его были забиты составами поездов, которые полки нагрузили всяким скарбом, до предметов городского комфорта включительно...

Когда в феврале 1919 г. кубанские эшелоны текли на помощь Дону, то задержка их обуславливалась не только расстройством транспорта и желанием ограничить борьбу в пределах «защиты родных хат»... На попутных станциях останавливались перегруженные эшелоны и занимались отправкой в свои станицы «заводных лошадок и всякого барахла»...

Я помню рассказ председателя Терского округа Губарева, который в перерыве сессии ушел в полк рядовым казаком, чтобы ознакомиться с подлинной боевой жизнью Терской дивизии. «Конечно, посылать обмундирование не стоит. Они десять раз уже переоделись. Возвращается казак с похода нагруженный так, что ни его, ни лошади не видать. А на другой день идет в поход опять в одной рваной черкеске»...

И совсем уже похоронным звоном прозвучала вызвавшая на Дону ликование телеграмма ген. Мамонтова, возвращавшегося из Тамбовского рейда: «Посылаю привет. Везем родным и друзьям богатые подарки, донской казне 60 миллионов рублей, на украшение церквей — дорогие иконы и церковную утварь»...

За гранью, где кончается «военная добыча» и «реквизиция», открывается мрачная бездна морального падения: насилия и грабежа. Они пронеслись по Северному Кавказу, по всему Югу, по всему российскому театру гражданской войны — творимые красными, белыми, зелеными, — наполняя новыми слезами и кровью чашу страданий народа, путая в его сознании все «цвета» военно-политического спектра и не раз стирая черты, отделяющие образ спасителя от врага.

Много написано, еще больше напишут об этой язве, разъедавшей армию гражданской войны всех противников на всех фронтах. Правды и лжи. И жалки оправдания, что там, у красных, было несравненно хуже. Но ведь, мы, белые, выступали на борьбу именно против насилия и насильников!.. Что многие тяжелые эксцессы являлись неизбежной реакцией на поругание страны и семьи, на растление души народа, на разорение имуществ, на кровь родных и близких — это неувидительно. Да, месть — чувство страшное, аморальное, но понятное, по крайней мере. Но была и корысть. Корысть же — только гнусность. Пусть правда вскрывает наши зловонные раны, не давая заснуть совести, и тем побудить нас к раскаянию, более глубокому, и к внутреннему перерождению, более полному и искреннему.

Боролись ли с недугом? Мы писали суровые законы, в которых смертная казнь была обычным наказанием. Мы посылали вслед за армиями генералов, облеченных чрезвычайными полномочиями, с комиссиями, для разбора на месте совершаемых войсками преступлений. Мы — и я, и военачальники — отдавали приказы о борьбе

с насилиями, грабежами, обиранием пленных и т. д. Но эти законы и приказы встречали иной раз упорное сопротивление среды, не воспринявшей их духа, их вопиющей необходимости. Надо было рубить с голов, а мы били по хвостам. А Рада, Круги, казачество, общество, печать в то же время поднимали не раз на головокругительную высоту начальников, храбрых и удачливых, но далеких от моральной чистоты риз, создавая им ореол и иммунитет народных героев.

За войсками следом шла контрразведка. Никогда еще этот институт не получал такого широкого применения, как в минувший период гражданской войны. Его создавали у себя не только высшие штабы, военные губернаторы, почти каждая воинская часть, политические организации, Донское, Кубанское и Терское правительства, наконец, даже... отдел пропаганды... Это было какое-то поветрие, болезненная мания, созданная разлитым по стране взаимным недоверием и подозрительностью.

Я не хотел бы обидеть многих праведников, изнывавших морально в тяжелой атмосфере контрразведывательных учреждений, но должен сказать, что эти органы, покрыв густой сетью территорию Юга, были иногда очагами провокации и организованного грабежа. Особенно прославились в этом отношении контрразведки Киева, Харькова, Одессы, Ростова (донская). Борьба с ними шла одновременно по двум направлениям — против самозванных учреждений и против отдельных лиц. Последняя была малорезультативна, тем более что они умели скрывать свои преступления и зачастую пользовались защитой своих, доверявших им начальников. Надо было или упразднить весь институт, оставив власть слепой и беззащитной в атмосфере, насыщенной шпионством, брожением, изменой, большевистской агитацией и организованной работой разложения, или же совершенно изменить бытовой материал, комплектовавший контрразведку.

Генерал-квартирмейстер штаба, ведавший в порядке надзора контрразведывательными органами армий, настоятельно советовал привлечь на эту службу бывший жандармский корпус. Я на это не пошел и решил оздоровить больной институт, влив в него новую струю в лице чинов судебного ведомства. К сожалению, практически это можно было осуществить только тогда, когда отступление армий подняло волны беженства и вызвало наплыв «безработных» юристов. Тогда, когда было уже поздно...

Наконец, огромные расстояния, на которых были разбросаны армии — от Орла до Владикавказа, от Царицына до Киева, — и разобщенность театра войны в значительной мере ослабляли влияние центра на быт и всю службу войск.

Я прочел эти черные страницы летописи и чувствую, что общая картина не закончена, что она нуждается в некоторых существенных деталях. В разные периоды борьбы вооруженных сил Юга моральное состояние войск было различным. Различна была также степень греховности отдельных войсковых частей. Десятки тысяч офицеров и солдат — павших и уцелевших — сохраняли незапятнанную совесть. Многие тысячи даже и грешников, не будучи в состоянии устоять против искушения и соблазнов развратного времени, умели все же жертвовать другим — они отдавали свою жизнь. Боролись и умирали. Быть может, за это суд Божий и приговор истории будет менее суров: «Виновны, но заслуживают снисхождения!»

Черные страницы Армии, как и светлые, принадлежат уже истории. История подведет итоги нашим деяниям. В своем обвинительном акте она исследует причины стихийные, вытекавшие из разорения, обнищания страны и общего упадка нравов, и укажет вины: правительства, не сумевшего обеспечить Армию; командования, не справившегося с иными начальниками; начальников, не смогших (одни) или не хотевших (другие) обуздать войска; войск, не устоявших против соблазна; общества, не хотевшего жертвовать своим трудом и достоинством; ханжей и лицемеров, цинично смаковавших остроумие армейской фразы — от благодарного населения — и потом забросавших Армию камнями...

Поистине нужен был гром небесный, чтобы заставить всех оглянуться на себя и свои пути.

Глава XII. Борьба на Северном Кавказе летом и осенью 1918 года

Добровольческая Армия, по мере своего продвижения в глубь Кавказа, попадала

в обстановку сложных и запутанных взаимоотношений. Чрезвычайно разнообразны те исторические, национальные, социальные, религиозные и бытовые условия, которые создали удивительную кавказскую мозаику и приводили в движение события там в первый год революции.

Мы видели, что конец 1917 и начало 1918 гг. ознаменованы были расслоением русского элемента в крае (иностранцы, казаки), разложением терского казачества и обособлением в этнографических пределах мелких народностей Северного Кавказа — обособлением, болезненно отозвавшимся на судьбах казачества.

С весны 1918 г. эти процессы углубляются, и кавказские народы подпадают, в большей или меньшей степени, под влияние советской власти; оно оспаривается, впрочем, Турцией, с конца 1917 г. усиленно привлекавшей горцев, при посредстве своих и туземных эмиссаров, пантурской и панисламистской пропагандой. Вначале эти два влияния резко враждебны, потом, после заключения мира, они временно теряют свою остроту. Эти внешние воздействия запутывают еще больше внутривременную рознь, которая сдерживалась некогда сильной центральной властью, а теперь положительно раздирает кавказские народы, давая возможность ничтожной советской силе утвердиться на Северном Кавказе.

Состав населения Терской области определяется в 1917 г. следующей примерной таблицей: Все население — 1 450 712. В том числе русских: а) казаков — 20%; б) иностранцев — 20%; [всего] — 40%. Горцев: а) осетин — 17%; б) чеченцев — 16%; в) абардинцев — 12%; г) ингушей — 4%; [всего] — 49%. Кочевников — 4 1/2%; прочих (арм., груз., перс., немц. и т. д.) — 6 1/2%. Участие этих народов в политической жизни края далеко не соответствовало их численному составу.

Ингуши — наименее численный и наиболее спаянный и сильный военной организацией народ — оказался, по существу, вершителем судеб Северного Кавказа. Моральный его облик определен был давно уже учебниками географии: «Главный род занятий — скотоводство и грабеж»... Последнее занятие здесь достигло особенного искусства. Политические стремления исходили из той же тенденции. Ингуши стали ландскнехтами советской власти, ее опорой, не допуская, однако же, проявления ее в своем крае. Одновременно они старались завязать сношения с Турцией и искали турецкой помощи из Елисаветполя, немецкой — из Тифлиса. В августе, когда казаки и осетины овладели Владикавказом, ингуши своим вмешательством спасли терский Совет комиссаров, но при этом жестоко разграбили город и захватили государственный банк и монетный двор. Они грабили всех соседей: казаков и осетин во имя «исправления исторических ошибок», своего малоземелья и чересполосицы; большевиков — в уплату за свои труды и службу; абардинцев — просто по привычке, и владикавказских граждан — за их беспомощность и непротивление. Их ненавидели все, а они занимались своим «ремеслом» дружно, широко, организовано, с большим размахом, став наиболее богатым племенем на всем Кавказе.

Осетины, помимо многих частных взаимно враждебных подразделений, представляли два основных лагеря — православных и мусульман. Первые дружили с казаками, вторые — с ингушами. Командование в лице ген. Фидарова²⁹ тянуло к объединению с Турцией и к ингушам, национальный совет и большая часть интеллигенции поддерживали советскую власть. Народ же, ненавидя большевиков, оставался пассивным и не следовал ни за своими правителями, ни за командованием; официально признавал советскую власть и тайно, неорганизованно входил во все комбинации для ее свержения.

В конце июня две, три сотни осетин приняли участие в нападении на Владикавказ. После неудачи этого выступления, собравшийся Ардонский совет, под влиянием оплачиваемой большевиками партии «Кермен»^{III}, вновь признал единогласно власть народных комиссаров и даже высказался за вооруженную поддержку ее. Но народ не откликнулся и тогда на постановления своих представителей. Большинство осталось пассивными, часть же осетин поступала в ряды терцев или в дерущиеся на их стороне отряды полковников Хабаева и Кибирова. Эта приверженность Осетии к старым государственным связям и полная несклонность ни к большевизму, ни к крайним формам национальной независимости послужили источником многих бед: и ингуши, и в особенности большевики разорили и уничтожили много осетинских аулов и хуторов на Курпе, в Моздокском отделе, возле Владикавказа и на Военно-Грузинской дороге.

Кабарда, занятая большевистскими гарнизонами и управляемая большевистскими комиссарами, смирилась сразу. Отношение края к советской власти определялось просто географическим положением его: Малая Кабарда, сдавленная между большевиками и ингушами, признала всецело советскую власть, а Большая Кабарда (Нальчикский округ), примыкая к фронту восставших терских казаков (Прохладненскому), выставила против большевиков отряд, сначала в две сотни, потом разросшийся до бригады, конницы, под начальством ротмистра Серебрякова — представителя кабардинских узденей (дворянства). В то же время представитель «кабардинского пролетариата» пастух Катоханов на советские средства сформировал отряд из кабардинцев-большевиков, понесший вскоре поражение в бою с Серебряковым.

Чеченцы, помимо сложной внутренней своей распри, разделились и по признакам внешней политики, образовав одновременно два национальных совета: Грозненский округ, имевший старые счеты с терцами, по постановлению Гойтинского съезда шел с большевиками и получал от них деньги, оружие и боевые припасы. Другая часть чеченцев — Веденский округ, подчиняясь решению Атагинского съезда, стоял на стороне казаков, хотя и не оказывал им непосредственной помощи, и был против большевиков. Первые были связаны поэтому теснее с Ингушетией, вторые с Дагестаном. Между обеими группами разгоралась сильнейшая вражда, приводившая иногда к многодневным кровопролитным боям, чем до некоторой степени смягчалась опасность положения терских казаков. Осенью 1918 г. Чечня установила близкие сношения с турецким командованием в Баку, которое через Дагестан оказывало чеченцам помощь оружием.

Наиболее стойкою в борьбе с большевиками оказалась Дагестанская область. Вся весна и лето 1918 г. прошли в мелких стычках дагестанцев с красногвардейскими отрядами, стремившимися проникнуть по астраханскому тракту в Баку, и с плоско-стными кумыками (на сев. области), примкнувшими всецело к большевикам. Исход борьбы был неблагоприятен для дагестанцев: Петровск, Темир-хан-Шура, Дербент были заняты местными и пришлыми красногвардейцами, овладевшими железнодорожной линией и приморской дорогой. Борьба в нагорной части, однако, продолжалась. Турецкая пропаганда в Дагестане раздувала всемерно религиозный фанатизм и возбуждала туркофильские симпатии; в край ввозилось в довольно большом количестве оружие и боевые припасы, и с середины мая в него проникали турецкие инструктора и аскеры; со 2 сентября 1918 г., когда турки заняли Баку, эта связь значительно упрочилась, в Дагестане появились турецкие отряды и, в результате соглашения, турки обещали двинуть туда дивизию.

«Все дороги, ведущие из России в Азербайджан и Анатолию, проходят через Северный Кавказ, который должен, поэтому, находиться в надежных руках», — таков был лозунг пантурецкого движения, воспринятый, по преимуществу, местной политиканствующей интеллигенцией. Но в народе это движение, по-видимому, не имело глубоких корней. Потому ли, что турецкая оккупация Азербайджана наглядно показала свою темную изнанку, потому ли, что связь с Россией была еще достаточно сильна. Дагестанцы расценивали приходящие извне разноплеменные войска, прежде всего как помощь против большевиков, как средство водворения порядка.

Кинематографическая лента прикаспийской жизни в 1918 г. меняла, поэтому, быстро и почти безболезненно свои картины. Летом турецкие инструктора и отряды... В начале сентября — появление войск Л. Бичерахова^{IV}, в состав которых входило много ненавистных мусульманам армян; Бичерахов занял Петровск и заключил договор с полк. кн. Тарковским³⁰, «командующим Дагестанскими войсками», о выводе турок в двухдневный срок в Гуниб и об удалении их затем в двухнедельный срок из пределов Дагестана... В октябре к Петровску подходит турецкая бригада, Бичерахов на судах уходит в море, турки совместно с дагестанцами режут несчастных армян и восстанавливают взаимный альянс... В ноябре турецкие эшелоны спешно уходят на Баку и Тифлис, их сменяет полковник Роулинсон и небольшой английский отряд: туркофильское настроение быстро бледнеет, а имам Дагестана Нажмудин Гойтинский, вместо газавата, проповедует связь с единой Россией...

Такова была та национально-политическая канва, на которой кавказская советская власть, не блиставшая ни умом, ни талантами, рисовала свои кровавые узоры,

не заглядывая в будущее, не стесняясь государственными интересами, ей чуждыми, исходя только лишь из чувства самосохранения.

9 марта 1918 г., после добровольного устранения «Терско-Дагестанского правительства»³¹, на Тереке установилась советская власть^v. Номинально Терская область объявлена была составной частью Российской советской республики, связь с которой поддерживалась, впрочем, лишь присутствием во Владикавказе представителя всероссийского ЦИК «чрезвычайного комиссара» Орджоникидзе. Верховной властью края считался «Терский народный съезд»³², органом управления и законодательства — выделенный им «Народный совет»³³ и — как власть исполнительная — «Совет народных комиссаров». Эта трехстепенная власть имела соответственные подразделения в казачьих отделах и горских округах. Независимо от этих органов, в крае продолжали свое существование полунезависимые местные советы и исполн. комитеты рабочих и солдатских депутатов, сохранившиеся в Кизлярском и Моздокском отделах органы терского казачьего самоуправления, а во Владикавказе, Моздоке и других городах некоторое время и социалистические городские думы. Такое нагромождение властей усиливало лишь безвластие и анархию³⁴.

Во главе совета народных комиссаров стал эмигрант Ной-Мойше Буачидзе³⁵, грузинский еврей, начавший свою революционную деятельность еще в 1905 г. ограблением Квирильского казначейства^{vi}; в состав совета вошли люди по преимуществу с уголовным прошлым — Пашковский (землед.), Фигатнер (вн. дел), Бутырин (воен.) и друг.; почти все совершенно чуждые краю.

Новая власть не имела надежной опоры в крае, в котором почти не было промышленности и, следовательно, фабричного пролетариата, основной ее силы. Красногвардейские отряды, формировавшиеся из солдатчины и местных иногородних, обслуживали преимущественно местные совдепы, плохо подчинявшиеся центру. Поэтому, наряду с попытками создания собственной армии из подонков Владикавказских окраин и пришлого бездомного, бродячего люда, вся политика власти, все декреты, постановления съездов, агитация — направлены были к разделению местных элементов и к привлечению благоприятствующей военной силы, связанной с советами, если не идеологией, то материальными обоюдными выгодами.

Поперек пути совета стояло терское казачество, хотя и сильно тронутое внешними проявлениями большевизма, но цепко державшееся еще за свои привилегии, преимущественно экономического характера. Совет считал, поэтому, необходимым разрушить военную и экономическую силу казачества. Это решение было обосновано первоначально не столько на реальном противодействии терцев, сколько на инстинктивном страхе нового правящего класса перед «страшной силой казачества» и его «реакционной ролью» в прошлом. Об этом большевистские ораторы говорили на всех съездах, сопровождая свои речи личными красочными воспоминаниями о «казачьей плети». Происходило большое недоразумение, так как казаки наиболее склонны были опереться на советскую власть в своей борьбе против чеченцев, ингушей и притеснявших их непокорных центру местных совдепов.

Насаждая и поддерживая материально горские национальные советы, большевики начали тщательно вытравлять остатки казачьего самоуправления. Особым декретом все существовавшие до того времени войсковые части объявлены были распущенными, но исполнение декрета последовало только в отношении казачьих частей, так как в то же время, по предложению комиссара воен. дел Бутырина, собрание горских фракций Народного совета постановляло организовать сводный отряд «для борьбы с контрреволюцией»...

Совдепами наряжались целые экспедиции для поголовного разоружения станиц. За разоружением следовало полное истощение реквизициями и грабежом, насилиями и убийствами. Весьма примитивный «аграрный закон», принятый на «3-м Терском народном съезде», отнимал у казаков земли в пользу крестьян и «исправлял исторические ошибки» в пользу чеченцев и ингушей мерами, крайне элементарными по замыслу и крайне жестокими по выполнению. Так, например, соединенными силами ингушей и красной гвардии были разгромлены 4 станицы Сунженской линии, стоявшие поперек пути между горной и плоскостной Чечней³⁶; казаки из них выселены поголовно (до 10 тыс.) и с остатками своего добра безоружные потянулись на север, без каких-либо определенных перспектив; гибли и мерзли по дороге, подвергаясь вновь нападению и ограблению со стороны горцев. Положение этих

острых чересполосных клиньев исторического казачьего расселения по Тереку и Сунже было особенно тяжело.

Под ударами со всех сторон воля к сопротивлению начала падать в казачестве. Многие станицы Волжского и Сунженского отделов разоружались по первому окрику большевиков и выдавали небольшим красногвардейским частям и ингушам припрятанное оружие, пушки, боевые припасы. Ибо вопрос шел уже не об сохранении «вольностей», а только о самосохранении.

На 7-м казачьем съезде, под давлением совета комиссаров и большевистствующих казаков, терцы постановили отказаться от всех своих привилегий и «вольностей». Но и это самоотречение не изменило положения, и преследование казачества продолжалось с прежней силой.

Политика и практика советской власти на Кавказе неизбежно должна была привести к восстанию наиболее угнетаемых элементов, какими являлось русское офицерство вообще и терское казачество.

По Кавказу и особенно на Минераловодской группе сосредоточилось много тысяч офицеров (на одной группе не менее десятка тысяч), проживавших остатки своего достояния или бедствовавших, обезоруженных совдепами и находившихся под их моральным гнетом и усиленным надзором. Под влиянием требований Москвы, совет Владикавказских комиссаров в апреле решил приступить к формированию красной армии, для чего обратился к офицерам с патриотическим воззванием — помочь родине, угрожаемой немецко-турецким нашествием. Вместе с тем, совет обратился с предложением стать во главе формирований «народной армии» к генералам Рузскому, Радко-Дмитриеву и Мадритову. Первые два отклонили предложение и были убиты; генерал Мадритов вошел в сношения с Ноем Буачидзе.

По распоряжению советской власти, в мае состоялся офицерский митинг в Пятигорске, с участием не менее тысячи человек, который после долгих прений вынес резолюцию: «Принимая во внимание крайне тяжелое положение родины, необходимо создать для борьбы с внешним врагом народную армию, построенную на самой суровой дисциплине, принятой в одной из лучших республиканских армий. При этом все боеспособные офицеры обязаны вступить в таковую, не сводя личных счетов и не предъявляя никаких личных требований. Что касается поступления офицеров в красную гвардию, то это предоставляется доброй воле каждого». Эта резолюция, по-видимому, удовлетворила совет комиссаров, который в начале июня обратился к выделенной митингом комиссии с предложением рекомендовать ему генерала в качестве командующего войсками Терской области. Предназначен был ген. Мадритов, который, сформировав себе штаб, переехал во Владикавказ в распоряжение совета комиссаров.

Руководители всей этой сложной комбинации уверяли, что целью их было «сформировать Терскую армию, совершить переворот и присоединиться к Добровольческой армии»³⁷... Вероятно, такие иллюзии поддерживали многих офицеров в советской России, успокаивали совесть и оправдывали бездеятельность. Фактически у кавказского офицерства³⁸ ни желания, ни смелости, ни малейшей работы мы не видели. Штаб Мадритова не проявлял никаких признаков жизни, а вскоре всякая связь его с Минераловодской группой порвалась: в июне временно захватил Кисловодск партизан, полк. Шкуро и оставил его, а из Петрограда вернулся на Кавказ жестокий пятигорский сатрап Анджиевский³⁹; всякие местные организации распались, начались казни... Офицерство беспомощно подставляло свои головы под удары большевистских палачей или распылялось по станицам и аулам; очень немногие ушли со Шкуро, и в последовавшей летом и осенью 1918 г. вооруженной борьбе из двух, по крайней мере, десятков тысяч офицеров приняли участие лишь отдельные лица, небольшой отряд в 300—500 человек полковника Литвинова и два, три более мелких.

Общерусского белого центра на Кавказе так и не создалось; терские же казаки в этот период жили еще фронтовыми настроениями и относились холодно к своему офицерству и недружелюбно к пришлому. По крайней мере отряд Литвинова, ставши на Владикавказский фронт, испытывал большую нужду: «Продовольствие от казаков было самое недостаточное, даже воду офицеры возили себе — в станицах не нашлось для этого быков или лошадей. При этом... никакого содержания офицеры не получали, были совершенно раздеты и босы». Элемент этот был, однако, наиболее послушным и боеспособным,

терское командование охотно использовало его на опаснейших участках фронта, где многие «пришельцы» сложили свои головы, защищая терские станицы...

Подготовка Терского казачества к восстанию велась с конца мая — на Минеральной группе, в Моздоке, в Кизляре и Владикавказе (казачья фракция Народного совета). Выступление предполагалось в августе, после окончания полевых работ, но захват полк. Шкуро Кисловодска в середине июня дал сигнал к преждевременному восстанию Волжского отдела, наиболее пострадавшего (Минеральн. группа), быстро перекинувшись и в отдел Моздокский, который большевики не успели обезоружить. Большевики спешно направили против восставших отряды красной гвардии из Пятигорска, Владикавказа и Минеральных Вод. Георгиевск был скоро ими взят, но под Прохладной казаки нанесли большевикам тяжелое поражение. С тех пор в течение пяти месяцев шла упорная борьба восставших терцев, заключенных в тесном районе между Прохладной и Кизляром и окруженных со всех сторон врагами.

Военно-политическим центром стал Моздок. Туда же переехала казачья фракция Народного совета из Владикавказа. 20 июня в Моздоке состоялся съезд казаков и крестьян (юртовых) Терского войска, который избрал в качестве исполнительного органа «Казаче-крестьянский совет» во главе с соц.-рев. инженером Бичераховым⁴⁰. Этот совет и стал во главе движения, признав командующим войсками, вместо ген. Мистулова, раненного под Прохладной, полк. Федюшкина.

Политическое возглавление наложило свой отпечаток на весь ход борьбы. В течение июля шли длительные переговоры между Казаче-крестьянским советом и комиссарами, потом между советом и 4-м «Съездом трудовых народов», собравшимся во Владикавказе. Казаче-крестьянский совет, признавая советскую власть, требовал только изменения политики советов комиссаров в отношении терцев, прекращения репрессий, возвращения вооружения и отставки наиболее одиозных комиссаров. «Съезд народов» требовал «полного подчинения и выдачи зачинщиков мятежа». Переговоры прервались неожиданно восстанием во Владикавказе, поднятым полк. Беликовым и Соколовым, которые опирались на несколько осетинских сотен, стоявших в пригородной слободе, на городскую самооборону и на казаков трех ближайших сунженских станиц. В ночь на 25 июля полк. Соколов с 80 казаками ворвался в центр города, завладел Апшеронскими казармами и разоружил часть красноармейцев, но никем поддержан не был. Сотни то подходили к городу и вступали в бой с засевшими в нем большевиками, то вновь расходились по домам, не проявляя никакого подъема, никакой связи с организацией.

Тем временем часть комиссаров во главе с Пашковским была схвачена, но отпущена на свободу по просьбе «Народного съезда». Сам «съезд» вскоре разбежался, а оставшиеся члены его, преимущественно соц.-рев., ввиду падения «совнаркома», выделили из своего состава «Исполнительный комитет», который возглавил собою «Терскую республику» и владикавказское восстание и назначил «командующим всеми вооруженными силами республики» ген. Мадритова⁴¹. Так как, однако, ближайшие «вооруженные силы», ввиду угрозы ингушей их станицам, драться не хотели, то на 12-й день полной и беспросветной путаницы комитет и командующий покинули Владикавказ. Злополучный город грабили сначала уходящие осетины, потом оставшиеся красноармейцы и, наконец, вошедшие в него ингуши. Совнарком был восстановлен, а исполнительный комитет, прибыв в Моздок, при содействии Бичерахова, объявил себя там «Временным народным правительством Терского края», подчинив своей власти Казаче-крестьянский совет и восставших терцев⁴². Одновременно в Моздоке открыл действия «областной комитет соц.-рев», став фактически третьей надстройкой многостепенной и чужеродной казачеству власти.

Все эти сцены политической чехарды сильно напоминали бы сатиры Щедрина или пародии Вампуки, если бы не были густо окрашены человеческой кровью, если бы не ставили на карту судьбу терского войска, Кавказа и белого движения.

В середине сентября в Моздоке созван был новый казаче-крестьянский съезд Терского края (края — в пределах полосы Прохладная — Кизляр!), который должен был разрешить капитальнейшие вопросы: о построении власти в Терской республике, о том месте, которое должна занять она в федеративной России, и об отношении к надвигающейся на большевиков с севера Добровольческой армии⁴³... В то время, когда фронт изнывал уже от боевых тягот и неустройства, поистине недуг словоблу-

дия поразил глубоко российских граждан, извратив масштаб и перспективы, отвлекая их от простых и ясных целей борьбы.

Связь с Добровольческой армией установилась только в сентябре посылкой аэропланов через фронт XI советской армии. 9 сентября на аэроплане был послан на Терек ген. Колесников и небольшая сумма денег для офицерских формирований, в распоряжение ген. Левшина ⁴⁴, которому вместе с тем предписано было добиваться установления на Тереке единоличной атаманской власти. Штаб мой послал терцам общую ориентировку и сообщил ближайшие задачи и цели Добровольческой армии, а именно: движение к пределам Терека и освобождение от большевиков Северного Кавказа. Это известие о близкой помощи подняло значительно настроение командного состава и казаков, но встречено было холодно революционной демократией. Бичерахов по этому поводу говорил ген. Мадритову: «Неизвестно, что нам несет Добровольческая армия — быть может, нам (терцам) придется и с ней сражаться» ⁴⁵...

В результате, на Тереке образовались две влиятельные группы. Одна — в Прохладной, вокруг командующего войсками полк. Федюшкина, бывш. председателя войскового круга Губарева и Левшина. Другая — в Моздоке, вокруг Бичерахова, Семенова и соц.-рев. комитета.

Все начинания терского командования разбивались о противодействие правительства. Командование желало ввести всеобщую мобилизацию, полковую организацию и нормальную дисциплину... Правительство объявляло о формировании «добровольческих отрядов имени Учредительного собрания, на основах добровольной сознательной дисциплины», с митингами, часто с выборами начальников. Командование стремилось на запад, чтобы через Пятигорск войти в боевую связь с Добровольческой армией... Правительство тянуло на восток, к Петровску, где обосновалось соц.-рев. Каспийское правительство Бичерахова-брата, мечтавшее также подчинить своему влиянию весь Северный Кавказ, Черноморье, Кубань ⁴⁶, и где сосредоточился в начале сентября его отряд. А казачество не разбиралось, конечно, в стратегии, не имело большого желания идти ни на восток, ни на запад, наивно думая побороть большевиков обороной родных станиц и зная определенно, что ослабление их гарнизонов повлечет неминуемо чеченское или ингушское нашествие... «Родные хаты» — стимул большого морального значения, но почти всегда гибельный для стратегии.

Армия так и не сложилась. Бились отдельные отряды, чисто ополченского характера. Казаки служили посменно, появляясь на фронте на основании «сознательной дисциплины», на одну, потом на две недели и не раз, не дожидаясь запаздывающей смены, расходились по станицам, обнажая фронт. Боевые припасы были на исходе, помощь ниоткуда не приходила...

Под влиянием всех этих условий, при содействии большевистской агитации и более чем странной правительственной пропаганды падал дух казачий. Некоторые станицы целиком или частью приняли сторону большевиков. «Происходила невиданная война,— говорит Е. Бунаковский,— население делилось на части и неделями сражалось друг с другом на улицах родной станицы. Сторонникам советской власти помогали красноармейцы. И когда борьба делалась невозможной, нежелавшие подчиняться большевикам уходили в сторону Грозного. Образовался новый казаче-казачий фронт»...

Достоин удивления, как при этих условиях, без дисциплины, без денег, без боевых припасов, почти в полном окружении — в течение пяти месяцев командный состав и лучшая часть казачества находила силы продолжать борьбу. Дрались и умирали, не теряя веры в свое дело и в конечный его успех.

Ведя бой с переменным счастьем, казачьи отряды постоянно меняли свой состав, доходивший в среднем до 12 тыс. при 40 оруд., и к осени 1918 г. занимали следующее расположение: полк. Агоев стоял у ст. Зольской, в переходе от Пятигорска; полк. Вдовенко — в переходе к юго-востоку от Георгиевска. Это были лучшие по стойкости и дисциплине войска. Отдельные терские отряды прикрывали казачий «остров» с севера у Курской, с юга — от Владикавказа — у Котляревской. Бои шли и у Грозного — с местными большевиками, и у Кизляра, к которому подошли красноармейские части из Астрахани; при этом оба города переходили из рук в руки.

Большую Кабарду и г. Нальчик занимали осетинские и кабардинские отряды Кибирова и Серебрякова, а против Владикавказа стояли осетинские сотни полк. Хабаева.

Под давлением Добровольческой армии северо-кавказский фронт большевиков становился все в более угрожаемое положение, имея в своем распоряжении только одну коммуникационную линию — безводный Астраханский тракт. Очевидно, с целью пробить себе путь через Моздок и Кизляр, большевики предприняли в начале ноября серьезную операцию в этом направлении, поведя наступление двумя главными колоннами: от Георгиевска на Моздок и от Пятигорска на Прохладную.

21 октября большевики заняли ст. Зольскую и 28-го Прохладную. Одновременно сильная колонна их подошла к Моздоку. Терцы отступали без серьезного сопротивления... Пал Грозный вследствие отсутствия подкреплений, отвлеченных к Моздоку, и благодаря самовольному оставлению казаками важнейшего участка позиции. Снята была блокада Кизляра, и казаки, атакующие город, разошлись по станицам, где началась уже веселая пора давки винограда.

Командующий войсками, полк. Федюшкин, был к тому времени смещен правительством, и на его место назначен выздоровевший от ран ген. Мистулов — человек, высоко доблестный и честный, но еще менее самостоятельный. На соединенном заседании Временного правительства и Казаче-крестьянского съезда решено было «объявить всеобщую мобилизацию и командировать особую комиссию в отдели для ознакомления населения с критическим положением всего казачества, необходимостью новых жертв». Но было уже поздно.

На важнейших направлениях выбыли из строя начальники: полк. Агоев был ранен, Вдовенко заболел; боевых припасов почти не оставалось; все чаще стали случаи самовольного оставления позиций и митинги. На всех направлениях шло полное отступление, и ген. Мистулов под влиянием непрекращавшихся ссор и интриг в правительстве и совете, не будучи в состоянии остановить развал фронта, покончил жизнь самоубийством. Еще одна искупительная жертва за чужие грехи.

Между тем, большевики заняли и Моздок, разделив терские отряды, действовавшие к западу и востоку от него. Правительства передали власть «триумvirату» из Бичерахова, Букановского и вновь избранного командующего войсками ген. Колесникова и рассеялись. Терский фронт рухнул. Часть войск, тысячи две, с командующим, новым правительством и соц.-рев. комитетом направилась к Петровску; отряды Литвинова, Агоева, Серебрякова и Кибирова, общим числом около 4 тыс. человек, кружным путем, через горы, южнее Пятигорска, вышли к Баталпашинску на соединение с Добровольческой армией; часть казаков «Владикавказского фронта» вместе с отрядами Хабаева пробилась к Военно-Осетинской дороге... Остальные казаки разошлись по станицам. Весь Терский край попал во власть большевиков, начавших кровавую расправу.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Из них две в периоде формирования.
2. В феврале переименован в «I Кубанский».
3. Кроме гарнизонов городов, запасных, учебных и формирующихся частей, составлявших в общем еще 13—14 тысяч.
4. На его место командиром I конного корпуса был назначен ген. Покровский.
5. Заменен Черноморским военным губернатором ген. Кутеповым.
6. № 7.
7. № 64.
8. 7 декабря, № 246.
9. Потопление половины флота весной 1918 года.
10. Бывший «Император Александр III».
11. Переименован в «Генерал Корнилов».
12. Ген. Санников; с января 1919 г. ген. Картаци.
13. Ген. Лукомский.
14. С марта по сентябрь 1919 г. мы получили от англичан 558 орудий, 12 танков, 1 685 522 снаряда и 160 милл. руж. патронов.
15. В тот же период мы получили 250 тыс. комплектов.
16. Октябрь 1918 года.

17. «Товарищество московской объединенной промышленности и торговли». Во главе стояли братья Рябушинские. Председатель совета — А. В. Кривошеин.
18. В том числе причисление предприятия к работающим на оборону (§ 10).
19. Письмо от 4 декабря 1919 года.
20. № от 24 ноября 1919 года.
21. Кроме пайка — общего для всех рангов.
22. Шкала основного содержания была одинакова в военном ведомстве и во всех правительственных учреждениях.
23. К декабрю 1918 г. высшие чины получали содержание в месяц: главнокомандующий — 1000 руб. Кубанский атаман — 4000. Члены Особого совещания — 800 руб. Чл. Куб. прав-ства — 2000. Донцы получали больше Кубанцев.
24. «Цветные войска», как их называли острословы по пестроте красок и форменных отличий.
25. Корниловский, Марковский, Дроздовский, Алексеевский с соответствующими артиллерийскими дивизионами.
26. Приказ 16 апреля 1919 г., № 693.
27. 24 ноября 1918 г., № 64.
28. Осень 1917 года. Миссия Молдавского и подполк. Грузинова.
29. Бывший начальник Туркестанской казачьей дивизии.
30. Одновременно кн. Тарковский, бывший членом Дагестанского правительства, принял диктаторскую власть.
31. Начало см. т. II, гл. XV. «Терско-Дагест. пр-ство» возникло в декабре 1917 г. в результате соглашения Терск. каз. пр-ства, Союза горцев Кавказа и Союза городов Терск. и Дагест. областей.
32. Собрание представ. Советов и всех социалист. партий, от с.-р. до большевиков включительно.
33. В нем участвовали горская и казачья фракции.
34. В одном селении бывало до 30 правивших «народных избранников», получавших содержание в 15—20 тысяч.
35. Убит 20 июля 1918 года. Его сменил Пашковский, вернувшийся по амнистии с каторжных работ, к которым был приговорен за грабеж.
36. Сунженская, Аки-Юртовская, Тарская и Тарский хутор.
37. Из записки ген. Мадригова.
38. Т. е. живших в то время на Кавказе.
39. Председатель Пятигорского совета.
40. Брат партизана.
41. Предписание (1) 14 августа, подписанное, председателем комитета И. Семеновым.
42. Оригинально «происхождение» членов этого правительства: председатель Семенов — представитель городского населения Владикавказа; Орлов — от самоуправления Пятигорска; Полесюк — от слобожан Грозного, т. е. от тех групп, которые были в борьбе нейтральны или даже выступали за большевиков... В состав пр-ства входил и «военный министр» Овчаренко, имевший свой особый штаб.
43. На съезде правительство было частично переизбрано. Председателем стал Бичерахов, а в должности председ. Казаче-крестьянского совета его заменил Букановский.
44. Раньше никакой связи с ним у нас не было.
45. Такое же отношение к Армии Бичерахов проявил на «народном съезде», но он и его единомышленники встретили бурный протест собрания (Бюллетень заседания 14 сентября).
46. От него получена была помощь в 2 милл. рублей и боевые припасы.

Примечания редакции

- I. *Григорьев Николай Александрович* (1878—1919) — участник первой мировой войны, штабс-капитан. В 1917—1918 гг. служил в войсках Центральной рады, затем у гетмана Скоропадского. В декабре 1918 г. примкнул к петлюровцам, а после их поражения перешел на сторону Красной Армии: с 18 февраля — командир 1-й Заднепровской бригады, с 25 апреля — 6-й Украинской стрелковой дивизии. 7 мая в районе Елизаветграда поднял мятеж. Захватив значительную территорию на Юге Украины, расстреливал коммунистов, устраивал еврейские погромы, грабежи. В июле присоединился к Махно, 27 июля убит по его приказу.
- II. *Врангель Петр Николаевич* (1878—1928) — барон, генерал-лейтенант (1918 г.), один из

главных руководителей белого движения на Юге России. Окончил Академию Генштаба (1910 г.). Участник русско-японской и первой мировой войн. В августе 1918 г. вступил в Добровольческую армию, командовал конной дивизией и конным корпусом, с января 1919 г. — Кавказской добровольческой армией, в мае — декабре — Кавказской армией, в декабре 1919 — январе 1920 г. Добровольческой армией. С 4 апреля 1920 г. преемник Деникина на посту главкома Вооруженными силами Юга России. С 11 мая — главнокомандующий «Русской армией». Установил в Крыму и на Юге Украины режим военной диктатуры. После поражения в Северной Таврии и Крыму 14 ноября со значительной частью армии ушел за рубеж. В 1924 г. в Париже создал «Русский общевойсковой союз» (РОВС).

- III. *«Кермен»* — революционно-демократическая организация крестьянской бедноты и середняков Северной Осетии, возникшая летом 1917 года. Названа в честь легендарного народного героя XIX в. крестьянина Чермена (Кермена), погибшего в борьбе с феодалами. В октябре 1917 г. во Владикавказе образован ЦК «Кермен». К концу 1917 г. насчитывала около 1 тыс. человек. Основные лозунги: ликвидация класса помещиков, конфискация их земель, национальное равноправие и т. д. На практическую деятельность «Кермен» оказывали решающее влияние владикавказские большевики С. М. Киров, С. Г. Буачидзе, И. Д. Орахелашвили. В апреле 1918 г. слилась с РКП(б).
- IV. *Бичерахов Лазарь Федорович* (1882 — после 1934) по национальности осетин, один из руководителей белого движения на Кавказе в 1918—1919 гг., полковник Терского казачьего войска. Участник первой мировой войны. В начале 1918 г. во главе отряда терских казаков находился в Иране, 27 июня в Энзели заключил с английским генералом Л. Денстервилем договор о совместных действиях. 1 июля высадился у ст. Алят (в 35 км от Баку). Вступил в соглашение с Бакинским СНК, вошел с отрядом в состав войск Бакинской коммуны. 30 июля, командуя важным участком обороны Баку от турецких интервентов, открыл фронт и ушел в Дагестан. После захвата Баку англичанами награжден двумя высшими орденами Великобритании, получил чин генерала английской армии. С августа командующий войсками «Диктатуры Центрокаспия», созданной в Баку после падения коммуны. Захватил Дербент, Петровск-Порт, установил связь с Колчаком и Деникиным; создал эсеро-меньшевистское «Союзное кавказско-каспийское правительство». В ноябре 1918 г. перебазировался в Баку, где в начале 1919 г. его части были расформированы англичанами; затем выехал в Великобританию. Его брат *Георгий Федорович* — инженер, меньшевик, организатор антисоветского мятежа казаков на Тереке летом — осенью 1918 г. (бичераховщина), был связан с английской миссией во Владикавказе, с Деникиным; возглавлял «Терский казачье-крестьянский совет», затем «Временное народное правительство Терского края». После ликвидации мятежа в ноябре 1918 г. бежал в Петровск-Порт, где присоединился к отряду брата.
- V. В марте 1918 г. в составе РСФСР была образована Терская советская республика с центром во Владикавказе. Председателем Терского народного совета был избран Е. С. Богданов, председателем Совнаркома — большевик С. Г. Буачидзе. В это коалиционное правительство входили большевики, меньшевики-интернационалисты, левые эсеры и беспартийные. После гибели Буачидзе (см. прим. VI) председателем СНК стал левый эсер Ю. Г. Пашковский. Правительство республики проводило в жизнь декреты советской власти. Развитие революции на Тереке раскололо казачество, значительная его часть оказалась в рядах белогвардейских армий. В феврале 1919 г. территория республики была захвачена частями Добровольческой армии. В марте 1920 г. на Тереке была восстановлена советская власть.
- VI. *Буачидзе Самуил Григорьевич* (1882—1918) — член РСДРП с 1902 г., из крестьян, учитель. В 1917 г. член президиума Владикавказского совета, председатель комитета РСДРП(б). С февраля 1918 г. член Терского народного совета, председатель Коллегии по охране общественного и революционного порядка, с марта — председатель Совнаркома Терской советской республики. Член Кавказского краевого комитета РКП(б). 20 июня (у А. И. Деникина — июля) 1918 г. убит на митинге во Владикавказе белогвардейцами.

Еще раз о численности монгольского войска в 1237 году

В. Б. Кощеев

Вопрос о масштабах монгольского нашествия на Русь продолжает привлекать внимание исследователей. Отвергая как завышенные — 300 и более тысяч, так и заниженные — 30 тыс. — оценки, один из них приходит к выводу, что войска завоевателей насчитывали 55–65 тыс. конных воинов¹. При этом, однако, не делается различия между численностью монголов, вторгшихся на Русь в 1237 г. и принимавших участие в Западном походе 1236—1242 годов.

Вызывает сомнения и вывод о численности монгольской армии. Как бы низко ни оценивалась степень сопротивления завоевателям, все же 60 тыс. всадников явно недостаточно, чтобы пройти с многочисленными боями от Заволжья до Адриатики. История предшествующих этапов монгольской экспансии подтверждает это. С 1229 г. на западных границах Монгольской империи действовал 30-тысячный корпус Субедея и Кукдая, которые за семь лет войны добились очень скромных успехов. Их нападения удавалось отразить не только сильной Булгарии, но и башкирам, малочисленность которых отмечает и Д. В. Чернышевский². Неужели присылка еще одного такого же корпуса могла коренным образом изменить ход военных действий? Для этого требовались более значительные силы, и обращение к источникам позволяет о них судить.

Прежде всего для решения данного вопроса следует обратиться к сведениям венгерского монаха Юлиана, побывавшего в Северо-Восточной Руси в 1237 г., в самый канун нашествия³. Данные, содержащиеся в его послании папскому легату, отвергаются Чернышевским, как основанные на слухах, распространяемых беженцами. Это не совсем так. Юлиан имел различные источники информации и тем не менее осторожен в суждениях и предпочитает оставить вопрос открытым: «О численности всего их войска не пишу вам ничего»³. Послание, однако, завершается утверждением, что монгольское войско состоит из «240 тысяч рабов не их закона и 135 тысяч отборнейших [воинов] их закона в строю».

Столь точное исчисление вооруженных сил монголов не только противоречит приведенному заявлению Юлиана, но и содержится только в одном списке F, который является к тому же сокращенной редакцией послания. Напрашивается вывод, что эти сведения принадлежат не Юлиану, а добыты другими разведчиками. Ими могли быть монахи, которые, по сообщению Юлиана, незадолго до его приезда проникли через город Рецессуэ (Гороховец?) во владения союзного монголам мордовского князя и пропали без вести после его выступления на соединение со своими союзниками⁴.

Кощеев Вячеслав Борисович — преподаватель Новосибирского коммерческого института.

Как бы то ни было, эти сведения подтверждаются независимым и авторитетным источником. Иранский историк Рашид-ад-Дин писал, опираясь на монгольские архивы, что левое крыло монгольского войска состояло из 62 тысяч. Но суммирование отрядов, входивших в это крыло и подробно перечисляемых Рашид-ад-Дином, дает цифру в 68 тысяч ⁵. Получается, что монгольская армия состояла не из 129 тыс., как утверждает Рашид-ад-Дин, а из 135 тысяч.

Таким образом, сведения европейских разведчиков относительно численности собственно монгольского войска оказались вполне точными. Это заставляет с доверием отнестись и к данным о немонгольских войсках. Одновременно опровергается мнение Чернышевского об однородности военной организации монголов и, наоборот, подтверждается двойственность деления армии завоевателей, еще одно, косвенное подтверждение чему имеется у Рашид-ад-Дина, когда он, перечисляя подразделения, составленные из различных монгольских племен, и называя наряду с ними тумены кара-китаев и чжурчженей, не упоминает хорезмийцев и тюрок Восточного Туркестана и Великой степи ⁶. Не упомянутые ополчения, надо полагать, и составляли те самые «240 тысяч рабов не их закона».

Отталкиваясь от установленной таким образом более надежно численности монгольских сил, попытаемся определить, какая их часть была занята в Западном походе. В. В. Каргалов, признающий двойственное устройство монгольского войска, считает, что в походе участвовало 40—50 тыс. собственно монгольских войск, но обоснования этому не дает ⁷. Великий хан Угедей издал указ о том, чтобы свои войска для похода предоставил каждый улус ⁸. Распространено мнение, что таких улусов в то время было четыре, по числу старших сыновей Чингисхана: Джучи, Чагатай, Угедей и Тулуй. Но кроме этих, великих улусов, существовали и четыре малых улуса, выделенных младшему сыну Чингиса, Кулкану, и Чингисовым братьям Джучи-Хасару, Хачиуну и Темугэ-Отчигину. Их улусы находились на востоке Монголии, т. е. в наибольшем удалении от русских княжеств. Тем не менее участие их в Западном походе засвидетельствовано упоминанием среди военачальников внучатого племянника Чингиса — Аргасуна (Харкасуна) ⁹.

Основная часть собственно монгольских войск принадлежала улусу Тулуя. Рашид-ад-Дин определяет их число в 101 тысячу ¹⁰. В действительности их было 107 тысяч. Эти войска и составили ядро западной армии. Известно об участии в походе Бурундай (Буралдай), возглавлявшего правое крыло монгольского войска, которое насчитывало 38 тысяч ¹¹. Из этого числа необходимо вычесть 2 тыс. сулдусов, которых Угедей передал своему сыну Кутану, а также, возможно, тысячу телохранителей-кабтаулов ¹². Вместе с Бурундаем в походе были сыновья Тулуя Менгу и Бучек. Но неизвестно, привели ли они с собой какие-либо другие отряды. Поэтому войско Тулуева улуса в Западном походе можно оценить в 35 тысяч.

На долю улусов Джучи, Чагатай и Кулкана приходится по 4 тыс. войска ¹³. Из сыновей Джучи в походе были Орда и Бату, возглавлявшие оба крыла войск своего улуса, а также Шейбан и Тангут. В 1237 г. к ним присоединился Берке, возможно, сменивший Тангута. Поскольку война велась в интересах правителей этого улуса и в ней участвовали оба военных предводителя, то можно утверждать, что в бой были брошены все 4 тысячи. Из других улусов прибыло по 1—2 тысячи, так как в походе участвовали сын и внук Чагатай, Байдар и Бури, и сам Кулкан.

Доля Угедея равнялась доле его братьев. Но, став великим ханом, он подчинил себе 3 тыс., оставшиеся после матери Чингисхана, и забрал 3 тыс. из войск Тулуя. В поход он отправил сыновей Гуюка и Кадана (не Кутана!), которые могли взять с собой 1—3 тыс. из 10 тыс. войск улуса. Восточно-монгольские хапы имели вместе 9 тыс. воинов ¹⁴. Ввиду отдаленности их улусов и отсутствия у них немонгольских войск, можно считать, что они выставили не более трех тысяч.

Таким образом, собственно монгольских войск насчитывалось в походе 45—52 тысячи. Эти «тысячи» имели условный характер. Известно, что в четырех Джучиевых тысячах состояло 10 тыс. воинов ¹⁵. Но надо считаться с необходимостью оставить часть людей для охраны кочевий. Поэтому действительную численность монгольского войска можно определить в 50—60 тысяч. Это составляло примерно треть собственно монгольского войска. Подобное соотношение возможно применить и для немонгольских войск, что даст еще 80—90 тысяч. В целом численность армии Западного похода определяется в 130—150 тысяч.

С осени 1236 до осени 1237 г. эти войска вели ожесточенную борьбу с полов-

цами, аланами, булгарами и народами Поволжья. Потери в этих боях были огромны, но отчасти восполнялись новобранцами, прибывавшими в свои тысячи, а также местными отрядами из числа покорившихся племен. Расчет фуражных возможностей монгольского войска, гипотетически произведенный Чернышевским, показывает, что армия вторжения могла насчитывать не более 110 тыс. коней¹⁶, т. е. дает 50—55 тыс. воинов — даже меньше 55—65 тыс., указываемых Чернышевским. Но этому противоречат данные Юлиана о том, что монгольское войско, готовясь к вторжению, разделилось на четыре части: одна со стороны реки Этиль (Волги) подступила к Суздальскому княжеству, другая уже совершала нападения на рязанские рубежи с юга, третья остановилась напротив Дона близ замка Овехерух (по мнению комментаторов, это Воронеж)¹⁷. О предназначении четвертой части Юлиан умалчивает, но можно предположить, что ей поручалась охрана тыла.

Это свидетельство Юлиана не используется исследователями, которые рассматривают монгольское вторжение как движение одной колонной всех наличных сил. Каргалов, например, отвергает его на том основании, что оно не подтверждается другими источниками¹⁸. Прямых подтверждений, действительно, нет. Но имеются косвенные.

Согласно летописи, после взятия Владимира монгольское войско разделилось на три (опять три!) основных отряда: один, разорив по пути города на западе Владимиро-Суздальского княжества, осадил Торжок; другой через Ростов и Ярославль вышел на Сить; третий от Городца двинулся вверх по Волге и вышел к Галичу-Мерьскому, вероятно, по реке Костроме¹⁹. Отсюда явствует, что Переяславль был взят западным отрядом, после чего им же захвачен Юрьев. А между тем Юрьев лежит на пути из Владимира в Переяславль и должен был пострадать в первую очередь. Относительно же Переяславля Рашид-ад-Дин сообщает, что монголы им овладели «сообща»²⁰. И это вызывает доверие, так как прямой путь в Ростов через Суздаль был разорен самими же монголами еще во время осады Владимира. Поэтому правильнее будет считать, что разделение на западный и центральный отряды произошло в Переяславле, а не во Владимире.

Выявление этих обстоятельств позволяет критически отнестись и к сообщению о восточном отряде. Если бы он шел от Владимира, то путь его к Волге, скорее всего, пролегал бы по Клязьме и Оке, что привело бы монголов под стены Гороховца и Нижнего Новгорода. Однако Гороховец был взят лишь в 1239 г., а о разорении Нижнего Новгорода не сообщается вовсе. Это дает основание слово «оттоле», употребленное летописцем, рассматривать как временной, а не пространственный указатель, и отождествить восточный отряд с приволжской группировкой.

Восточные авторы скупко сообщают о Западном походе. Наиболее подробный рассказ у Рашид-ад-Дина. Он тоже ничего не пишет о приволжской группировке; по его мнению, в осаде Рязани и дальнейшем походе участвовали только Бату, Орда, Гуюк, Менгу, Кулкан, Кадан и Бури²¹. Захудалые восточно-монгольские ханы не привлекали внимания историка, и их имена в его сочинении не упоминаются ни разу. Но вот его умолчание о Берке, Шейбане, Тангуте, Байдаре и Бучеке означает, скорее всего, что эти ханы не участвовали в нашествии. Тангут, возможно, покинул войско. Кто-то остался охранять тылы. Но эта задача не требовала привлечения всех 4—5 ханов. Поэтому 2—3 из них могли возглавить приволжскую группировку. Допустимо предположение, что основу ее составили войска Берке, который летом 1237 г. вместе с другими ханами вел борьбу с мордвой и буртасами.

Вернувшиеся же из этого похода войска Бату, Орды, Кадана, Бури и Кулкана и есть та группировка, которая, согласно Юлиану, уже совершала нападения на Рязань с юга. Летопись сообщает: «На зиму приидоша от восточных страны на Рязанскую землю лесом безбожнии татарове со царем Батыем и пришедше стаха первое станом ту Онузе и взяша ю»²². Мордовские земли действительно лежали к востоку от Рязани. В таком случае, третья группировка, сосредоточивающаяся между Доном и Воронежом, образовалась из войск Гуюка и Менгу, прибывших с юга. Известно, что совместно с Менгу летом 1237 г. действовал Бучек²³. Его, таким образом, можно рассматривать как одного из предводителей четвертой, тыловой части войска.

Развитие событий в 1237 г. подтверждает наблюдения Юлиана. Юрия Всеволодовича часто упрекают в недальновидности и эгоизме, отталкиваясь от слов летописца о том, что этот князь «хоте сам особь брань створити»²⁴. Каргалов оспорил

это мнение и объяснил неучастие Юрия в обороне Рязани тем, что он был застигнут нашествием врасплох ²⁵. Данные Юлиана позволяют дать иное объяснение поведению князя. Если уж заезжему монаху от русских стало известно, что «татары» готовы к вторжению и дожидаются только, когда замерзнут реки и болота ²⁶, то тем более об этом должен был знать и готовиться к обороне князь Юрий. Не мог он и оказать помощи рязанцам, как этого не сделал бы и никто другой, когда опасность угрожает собственным границам ²⁷. Желание «особь брань створити», было для Юрия не капризом, а необходимостью.

Однако, если южные группировки монголов в декабре 1237 г. соединились где-то возле Рязани, то приволжская промедлила и вторглась в суздальские пределы в первой половине февраля 1238 года. Воспользовавшись этим, Юрий и перебросил стоявшие наготове войска на то направление, откуда угрожала большая опасность, — к Коломне. Замысел завоевателей удался лишь отчасти, и они не смогли ударить Юрию в тыл. Причина этого могла быть только одна: ожесточенное сопротивление мордвы. Следствием летних боёв 1237 г. был переход на сторону захватчиков одного из мордовских князей. Но другой, согласно Юлиану, отправился в труднодоступные места и приготовился к обороне ²⁸. После ухода главных сил к границам Рязани оставшийся монгольский предводитель (Берке?) продолжил покорение мордовских земель, увяз в этой войне, пропустил срок, назначенный для вторжения на Русь, и в конце концов отступил. Окончательно сломить сопротивление мордвы удалось лишь в 1239 году ²⁹.

Итак, накануне вторжения монгольское войско было разделено на четыре части, из которых три приняли участие в военных действиях на Руси. Источники не позволяют определить их численность, и речь может идти только о приблизительных ее оценках. Приволжская группировка должна была сковывать силы Владимиро-Суздальского княжества. Поэтому ее численность можно оценить в 20—30 тыс., но к началу ее вторжения на Русь несколько меньше из-за потерь в Мордовии. Во столько же можно оценить и тыловую группировку, действовавшую против половцев. Все остальное монгольское войско входило, видимо, в состав главных сил: не только отряды, пришедшие из Мордовии и с юга, но и корпус Субедея, посланного перед тем в карательный поход против возмущившихся болгар ³⁰. Это позволяет оценить численность главных сил в 70—80 тысяч. Продвижение их к Рязани и, возможно, к Коломне (по Оке и Осетру) двумя группировками помогало избежать трудностей с фуражом. Именно такая примерно численность главных сил согласуется с обстоятельствами военных действий.

Нет оснований занижать потери монголов. Семинедельная осада маленького Козельска стоила им 4 тыс. убитыми ³¹. Эти данные не вызывают сомнения, так как восходят к монгольским источникам, о чем свидетельствует приводимое тут же монгольское название Козельска — Злой город ³². Недельные бои за более крупные Рязань и Владимир сопровождались не меньшими потерями. Особенно много монголов погибло в битве под Коломной, где пал Кулкан ³³. Поскольку монгольские военачальники обычно не сражались лично, то это могло произойти после того, как монгольская конница смешалась, натолкнувшись на надолбы, и была опрокинута. Немало завоевателей погибло на рязанских рубежах, под Пронском, Москвой, Переяславлем и в других столкновениях.

После всех этих потерь, после выделения в западный отряд не менее 10—15 тыс., после новых потерь под Ростовом и Ярославлем главные силы монголов оставались все же настолько мощными, что смогли разгромить войско Юрия Всеволодовича, которое было немалым, судя по тому, что только в сторожевом полку насчитывалось 3 тыс. человек. Но и после этого кровопролитного сражения монгольское войско оставалось настолько многочисленным, что смогло начать возвращение в степи облавой, то есть отдельными отрядами ³⁴.

Именно такой отряд, хотя и несколько более сильный, чем другие, поскольку возглавлялся самим Бату, осадил Козельск, чем и объясняется столь долгое сопротивление нескольких сот горожан и беженцев из округи. Только приход отряда Кадана и Бури позволил монголам добиться успеха ³⁵. Таких отрядов было не менее трех, что дает 20—25 тыс. воинов. Примерно 30 тыс. человек, включая и санитарные потери, погибли на пути от Воронежа до Сити. Общие же потери завоевателей в этом походе, считая потери западного и восточного отрядов, можно оценить в 50 тысяч.

Вывод о столь высоких потерях подтверждается дальнейшим развитием событий. Только с осени 1238 г. монголы возобновили активные действия³⁶. Вероятно, это произошло после присоединения бывшего восточного отряда, возвратившегося с Руси, скорее всего, через Волжскую Булгарию. Но лишь с осени 1240 г., после прибытия свежих войск Кутана, Кайду и Сонкура, Бату получил возможность снова перейти в наступление.

Примечания

1. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Д. В. «Придоша бесчислены, яко пружи». — Вопросы истории, 1989, № 2.
2. Там же, с. 129.
3. АННИНСКИЙ С. А. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе. Исторический архив, 1940, т. 3, с. 88.
4. Там же, с. 89—90.
5. РАШИД-АД-ДИН. Сборник летописей. Т. 1, кн. 2. М.-Л. 1952, с. 270—274.
6. Там же, с. 266—277.
7. КАРГАЛОВ В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М. 1967, с. 75.
8. КОЗИН С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.-Л. 1941, с. 191—192.
9. Там же, с. 194.
10. РАШИД-АД-ДИН. Ук. соч., с. 266.
11. Там же, с. 267—269; т. 2. М.-Л. 1960, с. 37; Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 2. М. 1962, стб. 784—785.
12. Кутан, впрочем, тоже принял участие в походе. Этим опровергается мнение Каргалова и поддержавшего его Чернышевского, что возвращение в Азию в 1240 г. Менгу и Гуюка привело к ослаблению монгольского войска (КАРГАЛОВ В. В. Ук. соч., с. 117; ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Д. В. Ук. соч., с. 132). На смену тем отрядам, которые, возможно, уводили с собой эти два хана, прибыли свежие войска Кутана и младшего Батысева брата Сонкура (Шингкура), охранявшие в 1241 г. тылы войска и ведшие борьбу с половцами (см. РАШИД-АД-ДИН. Ук. соч. Т. 2, с. 45). Есть сведения и о прибытии в 1241 г. внука Угедея Кайду (ПАШУТО В. Т. Монгольский поход в глубь Европы. В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М. 1977, с. 216).
13. РАШИД-АД-ДИН. Ук. соч. Т. 1, кн. 2, с. 275—277.
14. Там же, с. 275—278.
15. История Вассафа. В кн.: ТИЗЕНГАУЗЕН В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.-Л. 1941, с. 84.
16. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Д. В. Ук. соч. с. 130.
17. АННИНСКИЙ С. А. Ук. соч., с. 86.
18. КАРГАЛОВ В. В. Ук. соч., с. 82—83.
19. ПСРЛ. Т. 1. М. 1962, стб. 518—519.
20. РАШИД-АД-ДИН. Ук. соч. Т. 2, с. 39.
21. Там же, с. 38—39.
22. ПСРЛ. Т. 1, стб. 514.
23. РАШИД-АД-ДИН. Ук. соч. Т. 2, с. 38.
24. ПСРЛ. Т. 1, стб. 515.
25. КАРГАЛОВ В. В. Ук. соч., с. 89.
26. АННИНСКИЙ С. А. Ук. соч., с. 86.
27. Возможно, что четвертая группировка предприняла угрожающий маневр в сторону черниговских рубежей, чем парализовала силы и этого княжества.
28. АННИНСКИЙ С. А. Ук. соч., с. 85—86; ПАШУТО В. Т. (Ук. соч., с. 214) делает вывод, что сдался мокшанский, а непокоренным оставался эрзянский князь.
29. ПСРЛ. Т. 1, стб. 523.
30. РАШИД-АД-ДИН. Ук. соч. Т. 2, с. 38.
31. ПСРЛ. Т. 1, стб. 522—523.
32. Так же монголами назван Бамаан, при осаде которого был убит внук Чингисхана Мутуген (РАШИД-АД-ДИН. Ук. соч. Т. 2, с. 89).
33. Там же, с. 39.
34. ПСРЛ. Т. 1, стб. 519—520. Рашид-ад-Дин. (Ук. соч. Т. 2, с. 39) пишет о туменах, но ввиду понесенных потерь, вероятно, точнее было бы говорить об отрядах в 5—10 тыс. воинов.
35. РАШИД-АД-ДИН. Ук. соч. Т. 2, с. 39.
36. Там же.

Ф. Гизо во главе МИД Франции (1840—1847 гг.)

Е. И. Федосова

29 октября 1840 г. во Франции был сформирован новый кабинет, который стал самым стабильным в правление Луи-Филиппа правительством — оно просуществовало семь лет и этот срок кажется огромным после министерской чехарды 30-х годов XIX в. (предыдущий кабинет А. Тьера продержался около года). Хотя председателем этого правительства был Н. Сульт, уже дважды возглавлявший до этого кабинет министров, действительным его главой являлся Ф. Гизо, крупный историк, влиятельный политический деятель, один из идеологов буржуазного либерализма. Этот пост Гизо занял, будучи уже зрелым политиком, много сделавшим для утверждения конституционной монархии во Франции в том ее истолковании, которое дали ей «доктринеры» — правая группировка в парламенте, лидером которой был в 30–40-х годах XIX в. Гизо¹. Распространение идеологии компромисса как на внутреннюю (в плане соглашения с силами «старой Франции», отказа от революционных страстей и теорий), так и на внешнюю политику было характерной чертой этого политического направления.

Министерство Гизо называли и «консервативным», и «миролюбивым», а самого его — «Наполеоном мира». Он стал министром иностранных дел Франции в разгар очередного восточного кризиса XIX века². В конфликте между Турцией и Египтом (апрель 1839 г.) французское правительство поддерживало египетского пашу Мухаммеда Али в его притязаниях на Сирию. Англия же выступала за сохранение статус-кво на Ближнем Востоке. Французское правительство (его возглавлял в то время Тьер), не допускавшее и мысли о возможности международной изоляции Франции, пыталось решить ближневосточную проблему путем соглашения с Англией. Между тем противоречия между двумя державами в этом регионе были настолько велики, что рассчитывать на такое соглашение было явно не реалистично.

В письме Тьеру от 5 марта 1840 г. Гизо, тогда французский посол в Англии, привел аргументы министра иностранных дел Англии Г. Пальмерстона: Франция стремится к созданию в Египте и Сирии независимого государства, которое было бы связано с нею союзническими узами. «Вы уже господствуете в Алжире,— подчеркнул в разговоре с Гизо Пальмерстон, — укрепляете свои позиции в Египте... Все африканское побережье и часть азиатского... под вашим влиянием. Мы никогда на это не согласимся. Мы против образования новых государств»³.

15 июля 1840 г. четырьмя европейскими державами (Англией, Россией, Австрией и Пруссией) была подписана Лондонская конвенция. Она предусматривала

Федосова Елена Ивановна - кандидат исторических наук, Московский государственный университет им. Ломоносова.

закрепление за египетским пашой наследственных прав лишь на Египет и предполагала, в случае отказа Мухаммеда Али признать это соглашение, военное вмешательство Англии и Австрии в конфликт на стороне Турции. Известие об этом произвело ошеломляющее впечатление во Франции. Конвенцию сочли новым ударом по ее национальному достоинству: во Франции был объявлен рекрутский набор. Конвенция означала крах англо-французского сближения. Тьер писал Гизо: «Союз, действие которого распространяется на второстепенные проблемы и не распространяется на основные — несерьезный союз»⁴. Франция вновь оказалась в международной изоляции.

В сентябре 1840 г. началось совместное военное англо-австрийское вмешательство в турецко-египетский конфликт. Сирийская экспедиция была направлена как против египетского пашы, который не принял условий, предъявленных ему четырьмя державами, и продолжил борьбу с султаном, так и против Франции. Египетские войска были вытеснены из Сирии и Ливана; побережье Сирии оказалось в руках англичан, что открыло неограниченные возможности для дальнейшего их проникновения в эти провинции Османской империи. Англия и Франция оказались на грани разрыва. В этой сложнейшей международной ситуации Тьер и подал в отставку, и министром иностранных дел стал Гизо.

Многие историки считали, что Гизо совершенно отказался от воинствующей политики Тьера. С этим вряд ли можно согласиться. Внешнеполитическая концепция Гизо сложилась еще в 30-е годы XIX века. Она включала стремление к ликвидации международной изоляции Франции в Европе путем разрушения Венской системы. Важным ее компонентом являлся принцип невмешательства государств во внутренние дела друг друга. Проблемы экспансии в Африку и на Ближний Восток Франция пыталась решить, используя противоречия между великими европейскими державами. Выступая в палате депутатов 2 июля 1839 г., Гизо подчеркивал, что Франция придерживалась на Востоке своей традиционной политики поддержки Оттоманской империи, «исходя из ситуации и в возможных пределах». На вопрос, возможна ли эта политика сегодня, он отвечал отрицательно, ссылаясь на распад Оттоманской империи и становление национальных государств (сначала Греции, а сейчас Египта)⁵. В целом верно оценив ситуацию, Гизо доказывал, что Франция бескорыстно поддерживает силы, способствующие этому процессу в Северной Африке и на Ближнем Востоке.

В начале 40-х годов Гизо стремится убедить английское правительство в том, что главный противник на Востоке — Россия и что Англия и Франция совместно должны помешать укреплению там ее позиций. Гизо уверял Пальмерстона, что события в Египте и Сирии — это проблема второстепенная и ее не следует путать с основной («проблемой Константинополя»), т. е. с вопросом об усилении позиций России в этом регионе. Выступая против военного вмешательства европейских держав в противоборство Турции с Египтом, Гизо пытался доказать, что «всякое использование силы на Востоке поворачивается в пользу России: прежде всего потому, что Россия появляется здесь со значительными военными силами и, как следствие, именно она получает возможность для укрепления здесь своих позиций»⁶.

Заняв пост министра иностранных дел, Гизо старался найти выход из той ситуации, в которой оказалась Франция в результате Лондонской конвенции. Конфронтация с Англией грозила Франции длительной изоляцией на международной арене. Поэтому Гизо не пошел на поводу у общественного мнения, которое в то время задыхалось «от ненависти, недоверия и ревности» к Англии и отказался от дальнейшего жесткого противостояния с ней. Уже первая инструкция Гизо, посланная Буркенэ, сменившему его в Англии, показывала, что новое правительство Франции освобождается от иллюзий конца 30-х годов XIX века.

С одной стороны, Гизо подчеркивал, что позиция Франции в восточном вопросе остается «отличной и чуждой» договору европейских государств от 15 июля 1840 г., особенно в той части, которая касается европейского военного вмешательства в спор между султаном и египетским пашой. Но, с другой стороны, Гизо отмечал, что политика Франции должна быть «гибкой и никогда не упускать из виду необходимости восстановления европейского согласия»⁷. Изоляция никому во Франции не может быть выгодна, предупреждал Гизо, поэтому необходимо изменить положение страны в Европе. В восточном конфликте он намеревался добиваться

подлинной независимости Османской империи. Одновременно в инструкции подчеркивалось, что необходимо поддержать на соответствующем уровне вооружение Франции.

Поиски возможного выхода из изоляции велись не только в направлении восстановления англо-французского союза, но и в попытках сближения с Австрией, Пруссией и Россией. В отчете за 1840 г. канцлер К. В. Нессельроде отмечал, что во Франции наблюдается появление «в головах многих влиятельных особ химерического проекта союза с Россией (sic!). Таким образом, в то самое время, как мы вновь завоевали дружбу Англии, мы видим, что о нашей дружбе молит Франция...». А барон Бруннов, выполнявший дипломатические поручения в Англии, даже считал, что Франция у России «просит милостыню — при нынешнем министерстве Гизо»⁸. Этим оценкам французской внешней политики не хватало трезвого подхода: правительство Гизо вовсе не «молило» Россию о дружбе, ему не нужно было просить ее о «милостыне».

Ведь английское правительство не хотело идти на разрыв с Францией и терять потенциального союзника в борьбе с Россией за влияние в Европе и на Ближнем Востоке, а австрийское также вело сложную дипломатическую игру, считая ситуацию благоприятной для вовлечения Франции в орбиту своей политики. Таким образом, желание Франции выйти из изоляции совпадало со стремлением Англии и Австрии смягчить конфликтную ситуацию и включить Францию в европейское соглашение о новом режиме черноморских проливов, тем самым связав действия России на Ближнем Востоке. Такое соглашение должно было, по мнению английского правительства, содержать не только принцип закрытия проливов, но и гарантировать целостность Османской империи.

Гизо решил: присоединиться к конвенции 15 июля Франция не может (такое предложение ей было уже сделано), но она согласна участвовать в каком-либо другом соглашении. Он выразил желание начать переговоры с союзными державами. Это вызвало негодование оппозиции в парламенте, которая была не согласна с «примиренческой» политикой Гизо⁹. Чтобы добиться уступок в пользу Мухаммеда Али (в отношении его прав на Сирию), Гизо в конце 1840 г. выдвинул проекты нового соглашения. Но его предложения были отвергнуты и Россией, и Англией. «Правительство ее величества, — писал Пальмерстон Гренвиллю, английскому послу в Париже, — чрезвычайно радо, что Франция выражает желание присоединиться к союзу четырех держав, но для того, чтобы не вводить в заблуждение месье Гизо, я должен подчеркнуть, что договор 15 июля будет выполнен до конца и Мухаммед Али лишится всей Сирии»¹⁰.

С конца 1840 г. европейские державы начали обсуждать вопрос о базе будущих переговоров по восточному вопросу. Французское правительство выдвинуло в связи с этим много предложений и планов, направленных на защиту интересов Франции в восточном Средиземноморье. В частности Франция хотела добиться права на покровительство христианскому населению Сирии. В инструкции от 12 января 1841 г. Гизо подчеркивал, что христианские народы имеют право на помощь против турецкой тирании¹¹. Россия и Англия усмотрели в этих предложениях стремление Франции к ослаблению их позиций в Леванте. Отношения с Англией продолжали ухудшаться. Предложения и проекты Гизо по восточному вопросу свидетельствовали о настойчивых поисках им не только путей для ликвидации международной изоляции Франции, но и решения восточного вопроса в ее интересах, что встречало сопротивление и Англии, и России.

В январе 1841 г. начала работу вторая Лондонская конференция по делам Востока. 30 января Турции была направлена нота, в которой союзники потребовали восстановления Мухаммеда Али в качестве правителя Египта. Это соответствовало интересам Франции, которая добивалась гарантии прав на Египет не только султана, но и египетского паши. И хотя текст конвенции, составленный позднее Пальмерстоном, не включал французских требований, стало очевидным, что противоречия между Россией и Англией и, особенно между Россией и Австрией в восточном вопросе, не позволяют им выступить единым фронтом против Франции.

Гизо долго не мог смириться с тем, что Сирийская экспедиция уже решила египетско-турецкий конфликт в интересах Турции. В инструкциях в Лондон от 8 марта и 23 апреля 1841 г. он писал, что такое решение «возможно лишь с отзыванием всех английских или австрийских военных сил с территории Османской им-

перии. Ни один иностранный солдат не должен остаться на территории Сирии». Гизо подчеркивал, что «мы не можем даже думать выйти из изоляции без исчезновения причин ее вызвавших». Такими причинами французское правительство считало «систему военного вмешательства» в восточный конфликт¹². Но одновременно оно отказывалось от конфронтации с европейскими державами, принимая активное участие в подготовке нового соглашения по Ближнему Востоку. Такая позиция открывала перспективы для преодоления международной изоляции Франции.

Царское правительство не было заинтересовано в новом соглашении по Ближнему Востоку, а тем более при участии Франции. Ему удалось ограничить круг обсуждаемых вопросов (переговоры свелись к проблеме режима черноморских проливов). В марте 1841 г. на второй Лондонской конференции была подписана конвенция, которая расширила коллективное вмешательство нечерноморских держав в правовой режим проливов. Подписав вторую Лондонскую конвенцию, Франция вышла из международной изоляции. Однако в ходе восточного кризиса Англии удалось в результате временного единения с Россией в восточном вопросе подорвать французское влияние на Ближнем Востоке и усилить свое проникновение в Сирию и Ливан. Планы (совершенно нереальные в той ситуации) создания арабской империи под покровительством Франции рухнули. Решив с помощью России эту задачу, английское правительство поспешило, теперь уже при содействии Франции, ограничить влияние России в этом регионе, отменив по существу Ункяр-Искелесийский договор 1833 года. Вторая Лондонская конвенция была выгодна прежде всего Англии. Но в ней были заложены те принципы, которые в 50-х годах XIX в. позволили Франции играть важную роль на международной арене.

Понимая всю призрачность надежд на «сердечное согласие» с Англией, французское правительство в поисках союзника, попыталось сблизиться с Австрией и Россией. В 1843 г. Гизо после победы над оппозицией на выборах, встретился с временным поверенным России П. Д. Киселевым. В ходе этой беседы Гизо говорил, что «во Франции существует, быть может, больше склонности национальной к России, чем ко всякой другой нации» и далее доказывал, что «союз обоих народов, который, может быть, когда-нибудь будет создан временем и силою вещей, есть именно тот союз, который наиболее просто может быть понят здесь и у вас». Гизо обратил внимание Киселева на «обидные» формы общения царя с Луи-Филиппом, которые создали «непреодолимые преграды» в отношениях двух государств.

На эти высказывания очень долго не было никакого ответа из Петербурга. Наконец, в частном письме Киселеву Нессельроде выразил удивление тем, что Киселев вздумал поздравлять Гизо с парламентским успехом и выразил пожелание, чтобы впредь «монолог» Гизо не превращался в «диспут»¹³. Русско-французские связи в 40-х годах XIX в. были ограничены до минимума (временные поверенные вместо послов). Отчет Нессельроде от 31 января 1845 г. начинался такими словами: «В настоящее время политические дела, которые мы должны вести с Францией, сократились до минимума, и наши дипломатические сношения с этой державой представляли в последнее время мало интереса жизненного»¹⁴.

Поэтому реконструкция союза с Англией становится по существу единственно возможной для Франции дипломатической комбинацией. Тем более, что глава британского кабинета лорд Эбердин уже в сентябре 1841 г. заявил, что «английское правительство приложит все силы для поддержания сердечных и искренних отношений с Францией». Со своей стороны Гизо в инструкции новому послу в Англии Сен-Олэру от 7 сентября 1841 г. отметил, что французское правительство стремится «жить со всеми правительствами Европы в мире, в атмосфере полного понимания и искренней сердечности». Из всех правительств Гизо выделил при этом английское, отношениями с которым Франция особенно дорожит. Он выражал уверенность, что новый британский кабинет стремится к возобновлению широких контактов с Францией, хотя пока и нет «никаких реальных свидетельств этих намерений»¹⁵.

Их осуществлению препятствовали трудности, главным образом экономического характера. В начале 1841 г. Англия возобновила переговоры с Францией о снижении таможенных тарифов (особенно на пряжу, ткани из льна и пеньку). Гизо был против коммерческой свободы, более того, было проведено повышение таможенных пошлин на эти статьи английского экспорта. Этот шаг вызвал протест со

стороны как английского правительства, так и депутатов от винодельческих районов Франции. Французские «прядильщики» также считали, что повышение пошлин оказалось неэффективным, так как английская пряжа идет в Бельгию и оттуда поступает во Францию в виде полотна. Создание в Германии прусского таможенного союза, заключавшего торговые договоры с Турцией, Англией, Голландией также неблагоприятно отозвалось на торговых интересах и Франции и Бельгии.

Быстрое развитие экономики Германии также ставило препятствия для французского экспорта; с расширением Германского таможенного союза было все труднее заключать выгодные экономические договоры. Французские дипломаты сообщали, что Германский таможенный союз ищет пути для вовлечения Бельгии в орбиту своей деятельности: «Германия в настоящий момент, кроме того, покусается на всех своих соседей. Патриотические и антифранцузские заявления раздаются со всех сторон». Орган либеральной буржуазии Франции газета «La Constitutionnel» назвала даже Германский таможенный союз «Торговым Священным Союзом»¹⁶.

В этой обстановке возникла идея создать в противовес прусскому — таможенный союз между Францией, Бельгией, а впоследствии и Швейцарией. Гизо убеждал Лондон, что коммерческое соглашение с Бельгией не окажет влияния на ее нейтралитет. Английское же правительство настаивало на том, чтобы он распространялся и на коммерческие дела. В беседе с Сен-Олэром Дж. Эбердин заявил, что «таможенный союз Франции и Бельгии мы рассматриваем как удар по независимости Бельгии и посягательство на трактаты, ее установившие». Такая позиция Англии (ее поддержали Россия, Австрия и Пруссия) была ударом по престижу Франции и ее экономическим интересам. Французское правительство было оскорблено тем, что Англия по существу диктовала ему, какие договоры оно может заключать. Сен-Олэр заявил, что роль арбитра лондонскому кабинету никто не поручал. Все это было оскорбительно для Франции, тем более, что еще в мае 1842 г. Англия заключила торговый договор с Португалией, и хотя он вызвал протест со стороны Франции, тем не менее был подписан.

К концу 1842 г. отношения между Англией и Францией стали очень напряженными. Французский посол в Лондоне настаивал на необходимости договориться по двум статьям англо-французского торгового обмена (британская льняная пряжа и французская водка). И хотя прийти к согласию не удалось, но и ссориться из-за этого французское правительство не решилось. В конце декабря 1842 г. Сен-Олэр получил инструкцию, в которой Гизо просил не обострять отношений с Англией¹⁷. От идеи торгового союза с Бельгией пришлось отказаться.

В начале 1843 г. начались переговоры между Англией и Францией по торговым делам. Французские представители не проявили желания достичь снижения таможенных тарифов, ибо это противоречило интересам значительных кругов национальной буржуазии. В правительство шли петиции из коммерческих палат, и лишь две из них (из Лиона и Сент-Этьенна) высказывались за снижение тарифов. «Англия, — говорилось в петиции из Лилля, — хочет открыть для себя французский рынок, которого она так долго добивается», и далее: «торговый договор с Англией никогда не может быть выгоден Франции...»¹⁸. Современники отмечали, что недоверие («дух Ватерлоо») мешало развитию англо-французских отношений. Переговоры о снижении таможенных тарифов так и не дали результатов, вызвав лишь взаимное недовольство.

Зато сотрудничество в промышленности обещало быть более успешным. Английские предприниматели охотно вкладывали капиталы во французскую экономику, в частности, в железнодорожное строительство. В 1842 г. было запланировано совместное строительство дороги Париж — Тур и создано англо-французское общество по развитию железнодорожной сети во Франции. Но просуществовало это общество недолго. Министерство общественных работ Франции заключило договор с французской компанией (впрочем, английские капиталы она также использовала). Таким образом, и это направление сотрудничества не получило развития. Таможенная реформа, проведенная в Англии в 1846 г. открыла английский рынок для французских товаров, в то время как французский так и остался закрытым.

«Сердечное согласие» — термин, которым с 1841 г. охотно пользовались и дипломаты, и политические деятели двух стран — все же, по выражению Эбер-

дина, оставалось «доверием на один день»¹⁹. Оно зиждилось не на единстве интересов, а на поисках французской дипломатией путей для ликвидации «унизительных» для Франции решений Венского конгресса.

Некоторую, но недолгую разрядку в отношениях между Францией и Англией внесли взаимные посещения их королевских особ. В августе 1843 г. английская королева Виктория посетила в замке д'О (летняя резиденция французских королей) Луи-Филиппа. Это был первый случай, когда английская королева покинула свою страну. Она стала первым монархом — гостем Луи-Филиппа. 27 декабря 1843 г., открывая работу палат, он говорил о своей искренней дружбе с английской королевой. В 1845 г. Виктория вновь посетила Францию, а Луи-Филипп — побывал в Англии. Однако эти взаимные визиты не привели к сближению интересов двух стран. К. Меттерних назвал англо-французское согласие «химерой», а утверждение дипломатов обеих стран о том, что мир в Европе царит благодаря этому согласию — «химерическим заблуждением»²⁰.

Июльская монархия проводила в 40-х годах XIX в. колониальную политику. Экспансия в Алжире с воодушевлением была воспринята самыми различными слоями французского населения. Прибыли от торговли с Алжиром и эксплуатация его земель были чрезвычайно велики. Аннексия Алжира рассматривалась как начало проникновения на Африканский континент. Это не могло не вызывать опасений у английского правительства. Нет по существу ни одного донесения французского посла из Лондона или инструкции туда, в которых бы не звучала тревога по поводу британских колониальных притязаний.

Во время восточного кризиса и изоляции Франции в феврале 1841 г. возник конфликт из-за Новой Зеландии. Гизо просил посла встретиться с Пальмерстоном и заявить, что Франция имеет в этом районе свои интересы. В октябре 1841 г. обсуждалась проблема Туниса (французское правительство пыталось вызвать «сочувствие» Англии к Тунису, томящемуся под османским владычеством). В одной из бесед с представителями английского кабинета Сен-Олэр обратил внимание на то, какое значение придает Франция своим позициям в Африке. Английское же правительство считало, что проблемы Туниса нет, ибо это часть Османской империи, и та не может «допустить, чтобы эта территория стала вторым Алжиром»²¹.

Весной 1844 г. борьба Франции с вождем национально-освободительного движения Алжира Аб-дель-Кадером вступила в новую фазу. Ему удалось получить поддержку султана Марокко. 30 мая его войсками была предпринята попытка атаковать французские аванпосты при Лалла-Марния. Франция начала сосредоточивать свои военные силы в районе Танжера для ответного удара. Зная, какой интерес Англия проявляет к африканским делам и к Марокко в частности, Гизо в инструкции французскому послу в Лондоне от 6 июля 1844 г. подчеркивал, что Франция была вынуждена перенести военные действия на территорию Марокко, поскольку «была атакована на своих границах». Гизо заверял лондонский кабинет, что его правительство не имеет никакого интереса в Марокко и просил Англию оказать давление на марокканского султана. 12 июня посол имел объяснение с Эбердином, который заявил: Англия убеждена в том, что Франция хочет захватить Марокко²².

Французская эскадра, сосредоточившись у Танжера, не получив ответа марокканского султана на свой ультиматум, 6 августа бомбардировала этот город. 12 августа в Лондоне узнали об этой акции. Эбердин просил предупредить Луи-Филиппа, что всякая оккупация хотя бы части марокканской территории приведет к крайне нежелательным последствиям. Британская общественность, большая часть депутатов парламента требовали увеличения английских вооруженных сил (флота прежде всего) в этом регионе. Ситуация складывалась тревожная.

Для Франции она была такой еще и потому, что летом 1844 г. Англию посетил Николай I и ему там был оказан блестящий прием. Англо-русское соглашение, международная изоляция вновь замаячили на горизонте, и французское правительство поспешило, заключив в сентябре 1844 г. мир с султаном Марокко, разрядить ситуацию. Так же, как и в 1840 г. Гизо не пошел на конфронтацию с Англией. Марокканский султан пообещал изгнать из своих владений войска Аб-дель-Кадера. Однако французская оппозиционная печать разразилась самыми невероятными обвинениями в адрес Луи-Филиппа и Гизо.

Последний удар по «сердечному согласию» был нанесен спорами из-за «испанских браков». Борьба между Англией и Францией за влияние в Испании велась

и раньше. Англии постоянно мерещилась перспектива создания франко-испанской империи, и причины для опасений имелись, так как влияние Франции в Мадриде было велико. Мария Кристина (регентша испанской королевы Изабеллы) стремилась добиться покровительства одной из великих держав с помощью брака своей дочери. Выбор ее пал на одного из сыновей Луи-Филиппа. В 1840 г. в результате политического кризиса Мария Кристина была вынуждена отказаться от регентства и обосновалась в Париже. Здесь возникла испанская, так называемая французская партия, интриговавшая против испанского правительства.

Чтобы получить поддержку Луи-Филиппа, Мария Кристина заявила, что как только ее влияние в Мадриде будет восстановлено, она выдаст королеву Изабеллу замуж за сына Луи-Филиппа. Тот, однако, заверял лондонский кабинет, что такой брак не входит в его планы, так как принесет серьезные политические осложнения Франции. В то же время он рассчитывал выдать Изабеллу замуж за одного из принцев дома Бурбонов, полагая таким образом сохранить преобладающее влияние Франции по ту сторону Пиренеев. Сестру же Изабеллы инфанту Луизу-Фердинанду французское правительство рассчитывало выдать за сына Луи-Филиппа герцога Монпансье. Английское правительство поддерживало в свою очередь кандидатуру (в качестве мужа Изабеллы) германского принца Леопольда Кобургского.

Путем интриг и дипломатических шагов французскому правительству удалось решить испанские матримониальные дела в свою пользу. Изабелла 27 августа 1846 г. объявила о своем выборе — это был герцог Кадисский (один из принцев бургонского дома), а ее сестра выходила замуж за герцога Монпансье. Это решение было воспринято в Англии крайне враждебно. Пальмерстон даже вошел в контакт с оппозицией во французском парламенте, чтобы сместить Гизо. К концу 1846 г., пожалуй, впервые за шесть лет правления министерства Гизо, оппозиция в палатах добилась успеха. На открытии их очередной сессии Тьер не без основания обвинял Гизо в том, что тот без серьезных мотивов пошел на разрыв отношений с Англией.

Таким образом, к 1847 г. «сердечному согласию» был нанесен новый удар. Пальмерстон активно начинает искать взаимопонимания с Петербургом; Гизо обращает свой взор на Австрию и ищет согласия с Меттернихом. В своих записках последний выразил надежду, что исчезновение «английских иллюзий» будет способствовать налаживанию отношений с Францией, а в перспективе и с Россией. По его мнению, должна произойти перегруппировка сил на международной арене: притязаниям Англии на европейское лидерство будут совместно противостоять континентальные державы — Австрия, Россия и Франция. Он предсказывал, что положение Луи-Филиппа будет при этом становиться «все более прочным», а министерства вигов «более слабым»²³.

Предсказания эти не оправдались, но некоторые предпосылки для сближения Франция и Австрии имелись. Это, прежде всего, сходные позиции в германском вопросе — и Австрия, и Франция были противниками гегемонии Пруссии в немецких землях. Французское правительство стремилось к сохранению Германской конфедерации в форме данной ей в 1815 году. Представители Франции в германских государствах сообщали о стремлении их населения к объединению, росте антифранцузских настроений, и о дискуссиях, которые шли в германской прессе относительно Эльзаса и Лотарингии. Французский представитель в Мюнхене Бургуань видел во всем этом угрозу европейскому равновесию²⁴. Представитель Франции во Франкфурте С. Фенелон, впрочем, считал, что политика Пруссии обречена на провал, что до политического единства Германии еще далеко. Внимание Франции, полагал он, должно быть направлено на поддержку второстепенных германских государств (особенно Баварии и Вюртемберга).

Этой же точки зрения придерживался и Гизо. Он считал, что следует поддерживать проведение умеренных реформ в германских государствах, стремясь, однако, сохранить политическую раздробленность Германии. В апреле 1847 г. Гизо писал своему представителю: «Сегодня, как и всегда, политика Франции заключается в сохранении различных государств, входящих в Германскую конфедерацию». Правительства этих государств, считал он, должны создать в своих странах атмосферу доверия подданных к себе, а для этого ввести конституционные формы правления, политические свободы. Вместе с тем Гизо понимал, что серьезным препятствием для Пруссии эти государства быть не могут.

25 февраля 1847 г. Гизо направил Меттерниху письмо, в котором подчеркивал,

что Франция, как и Англия, поддерживает развитие либерального духа в Европе, утверждение конституционных режимов. Однако события в Пруссии имеют, по его мнению, две стороны: во-первых, они связаны с изменениями форм ее государственного устройства, во-вторых, они же ведут к складыванию совершенно новой расстановки сил в Германии. Намеченные прусским королем Фридрихом Вильгельмом IV реформы, писал Гизо, открывают дорогу к лидерству Пруссии в германских государствах, что приведет к изменению положения в Германии и отразится на европейском равновесии. Меттерних реагировал тотчас же. Письмо его австрийскому послу в Париже было отправлено уже 18 марта 1847 года.

Меттерних выразил свою солидарность с Гизо и обеспокоенность событиями в Пруссии. Он советовал быть очень сдержанным в оценках событий в Пруссии во французской печати, учитывать рост амбиций Пруссии и тенденций к объединению германских земель²⁵. Отсюда вытекал его вывод, что «сердечное согласие» между Францией и Англией должно быть заменено новым — между Францией и Австрией. Сближались и политические позиции Меттерниха и Гизо. Их волновало усиление либеральных и революционных настроений, а Меттерниха еще и национальных движений. «Мы боремся,— писал Гизо австрийскому канцлеру,— вы и я, осмелюсь так думать, чтобы оберечь или изменить современные общества, и в этом заключается наш союз. Только при содействии Австрии французской консервативной политике можно успешно бороться с революционным и анархическим духом»²⁶.

Однако между Францией и Австрией были очень глубокие противоречия в Италии: хотя Франция и должна была считаться с территориальным делением Италии, установленным Венской системой, она не могла смириться с безраздельным владычеством Австрии в этом регионе и постоянно настаивала на его большей автономизации. Австрия же категорически отвергала это, как смертельную опасность для австрийского абсолютизма. Австрия была одним из инициаторов Священного союза и Венской системы. В общественном сознании она выступала как самый главный враг французского народа, основной виновник унижительных для него условий мира 1815 года. Между тем раздробленная Германия сама представлялась чуть ли не жертвой Австрийской империи.

Во французском обществе сохранялся миф о приверженности немцев (особенно в Рейнской провинции) к Франции, как «символу свободы, равенства всех народов». И даже если и поступала другая информация, то ее расценивали как дело рук агентов Меттерниха. Более того, оппозиция, несмотря на различия в политических симпатиях, видела в едином германском национальном государстве фактор прогресса, безопасности Франции и гарантии мира в Европе. Считалось, что перемены в Германии изменят международную ситуацию в пользу Франции и что в благодарность ей за поддержку — левый берег Рейна вновь станет французским. Эти взгляды разделяли Ж. Мишле, В. Гюго, А. Ламартин. Даже попытка осуществления идеи союза с Австрией привела бы к буре негодования во французском обществе. И прав был Н. И. Кареев, когда писал: «Гизо и Меттерних соединились между собой только для того, чтобы одновременно упасть в яму, которая разверзлась пред ними»²⁷.

Министерство Гизо не решило внешнеполитических задач, которые стояли перед Францией. Все его действия свидетельствовали о попытках вернуть Франции ее бывшее величие, сломать тот баланс сил, который сложился в 1815 году. Министерство Гизо стремилось использовать наместившиеся уже трещины в Венской системе, международные конфликты для заключения соглашений с отдельными государствами. Но, несмотря на некоторые дипломатические успехи, в 40-е годы XIX в., Франции так и не удалось войти в систему международных отношений в качестве великой европейской державы.

Расстановка сил на мировой арене и внутренняя нестабильность Июльской монархии приводили к тому, что ее внешней политике не хватало масштабности. По меткому замечанию Ш. Сент-Бева, эта политика не открывала для Франции никаких перспектив на международной арене. «Франция скушает»,— подвел итог А. Ламартин почти восьмилетнему правлению Гизо. Этим в значительной степени и определялась оппозиция внешнеполитической деятельности правительства Гизо в общественном движении Франции. Требование перейти от решения узких, прагматических проблем к созданию широкомасштабной программы внешней политики, сулящей возвращение былого величия Франции, было характерно для всех групп

общественной оппозиции. Такой программы правительство Гизо создать не смогло, да и условий для ее претворения в жизнь в 40-е годы XIX в. у Франции не было. Недовольство внешней политикой стало одним из факторов, приведших к отставке министерства Гизо, а затем и к общенациональному кризису и революции 1848 года.

Примечания

1. GIRARD L. Les libéraux français: 1814--1875. P. 1985; ROSANVALLON P. Le moment Guizot. P. 1986.
2. См. ГЕОРГИЕВ В. А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х начале 40-х годов XIX в. М. 1975; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М. 1978.
3. Paris. Archives des affaires étrangères. Fonds de la correspondance politique (AAE, C.P.) -- Angleterre, vol. 654, p. 213.
4. Ibid., pp. 177--178.
5. GUIZOT F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. Т. 4. P. 1861, pp. 326 - 330.
6. AAE, C.P. -- Angleterre, vol. 654, pp. 206 - 207.
7. Ibid.,— Angleterre, vol. 659, p. 223.
8. МАРТЕНС Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций. СПб. 1909. Т. 15, с. 182.
9. Correspondance. Egypte et Europe. La crise de 1839--1841. Cairo. 1937, t. 5, p. 153.
10. Цит. по: ГЕОРГИЕВ В. А. Ук. соч., с. 164.
11. AAE, C.P.— Angleterre, vol. 657, p. 24.
12. Ibid., pp. 115, 211.
13. МАРТЕНС Ф. Ф. Ук. соч. Т. 15, с. 187 - 188.
14. Там же, с. 202.
15. AAE, C. P.— Angleterre, vol. 658, pp. 181--182, 205.
16. OWSIŃSKA A. La politique de la France envers l'Allemagne à l'époque de la monarchie de Juillet. 1830 - 1848. Warszawa. 1974, pp. 51- - 52, 87.
17. AAE, C.P. -- Angleterre, vol. 658, p. 166; vol. 660, p. 132; vol. 659, pp. 170 --171.
18. Цит. по: GUYOT R. La Premier Entente Cordiale. P. 1926, p. 251.
19. AAE, C.P. -- Angleterre, vol. 660, p. 36.
20. Mémoires documents et écrits divers Metternich. Т. 7. P. 1883, p. 21.
21. AAE, C.P. -- Angleterre, vol. 657, p.74; vol. 658, pp. 228 - 229.
22. Ibid. -- Angleterre, vol. 664, pp. 196- - 199, 214 - 215.
23. Mémoires documents et écrits divers Metternich. Т. 7, pp. 296—298.
24. OWSIŃSKA A. Op. cit., p. 54.
25. Ibid., pp. 60 -62.
26. Цит. по: КАРЕЕВ Н. И. История Западной Европы в новое время. Т. V. СПб. 1908, с. 167.
27. Там же, с. 168.

Демология

А. Я. Шевеленко

Демология — сравнительно молодая отрасль науки. Однако ее подход к проблематике и научный инструментарий современные исследователи используют заметно чаще, нежели прежде. Занимая срединное место между историей, этнологией и своей матерью демографией, она претендует на самостоятельное значение и в то же время может служить вспомогательной исторической дисциплиной. Ее название укоренилось пока недостаточно ¹. В научной терминологии популярно использование древнегреческих слов «графейн» (писать) и «логос» (слово, знание, наука), применяемых обычно для наименования соответственно более узкого и, напротив, более широкого понятий. Так, этнография (в западном ее истолковании; у нас она трактуется шире) означает народописание, а этнология — народоведение. Равным образом, демография означает в буквальном переводе тоже народописание, а демология — народоведение.

Возникает вопрос о реальных внутренних отличиях внешне, казалось бы, одинаково переводимых с древнегреческого семантических пар: этнология и демология, этнография и демография. И «этнос», и «демос» означает «народ». Но этнос — это генетическое понятие, связанное с происхождением людей (семья, род, племя, народность) и с их национальной принадлежностью. Демос же — это толпа, совокупность любых людей в целом, не обязательно связанных родственными или национальными отношениями. Строго говоря, если этнограф занимается исследованием, допустим, родовой общины, то, при точном следовании термину, демографу надлежало бы изучать соседскую общину. Однако, как показал австрийский и канадский социолог Э. Францис ², деятельность этих наук далеко не всегда укладывается в рамки относящейся к ним терминологии. В принципе этнология, затрагивающая генезис и национальное развитие народов с сопутствующими социальными и культурными обстоятельствами, автоматически должна была бы входить в демологию, обнимающую собой все разностороннее существование и развитие людей, хотя, конечно, этнология обладает сегодня собственными научными приемами, отличными от демологических.

Что касается соотношения демографии и демологии, то первая, изучающая состояние и движение народонаселения во времени и пространстве, старше по возрасту и вплоть до недавнего времени пользовалась в науке приоритетом. Однако ей долго был присущ в основном описательно-регистрационный, сугубо статистический уклон. Вторая же затрагивает совокупно производственно-экономическую,

Шевеленко Анатолий Яковлевич — кандидат исторических наук, зав. отделом журнала «Вопросы истории».

социально-политическую, идеологическую (примыкая здесь полнее всего к исторической науке) и биологическую обусловленность движения народонаселения.

Такая картина возникла не сразу, она сложилась постепенно. Сочинений разного рода о народонаселении издревле имелось немало. Тем не менее принято считать, что основоположниками современной демографии были итальянский публицист-контрреформатор Дж. Ботеро (ок. 1540—1617) и английский сукнодел, торговец розничным товаром Дж. Граунт (1620—1674). Ботеро подметил зависимость черт и образа жизни любого населения от конкретной природно-климатической зоны, а также пытался установить формулу равновесия между численностью населения и средствами к существованию, предвосхитив некоторые идеи Т.-Р. Мальтуса³. Граунт, вникнув в лондонские ведомости ежегодной смертности жителей, стал в 1662 г. автором (или одним из авторов) и первым распространителем работы «Натуральные и политические наблюдения... относительно списков смертности...», в которой путем изучения достаточно массовых статистических данных охарактеризовал рождаемость (через приходские сведения о крещении) и смертность у горожан.

Вскоре родоначальник классической политэкономии У. Петти (1623—1687), считавший производство источником любого богатства, а потому интересовавшийся судьбой производителей и выдвинувший теорию трудовой стоимости, выпустил пятое издание работы Граунта с некоторыми дополнениями⁴. Она, помимо Англии, приобрела популярность также во Франции и Нидерландах, а содержащиеся в ней материалы положили начало политической арифметике. Так называли в странах Запада вплоть до конца XVIII в., исходя из античного понимания терминов «политика» (относящееся к государству) и «арифметика» (исчисление), изучение роли статистики в государственной жизни. Эта политическая арифметика почти сразу раздвоилась. Петти, провозгласив, что он собирается опираться в своих выводах исключительно на такие непреложные данные, как «количество, вес и объем», показал, как можно использовать политическую статистику в сфере экономики, и получил политэкономии (то есть «государственное хозяйствование»)⁵. Приверженцы же не экономического, а социального, сугубо человеческого аспекта стали последователями того, что делал Граунт и что сейчас именуется количественной демографией. В результате развернулось описание жизни и смерти народонаселения математико-статистическими методами. Оно велось во многих странах Европы, а затем и в США, но тогда еще не выделилось в самостоятельную отрасль науки.

Особую роль играло с XVIII в. такое ответвление политической арифметики, как исчисление страхования жизни на основе теории вероятности. Другое ее ответвление, государствоведческое, составило описание наличия внутри каждого государства трех объединяемых им «сил»: территории, населения и хозяйства (без установления единства воздействия которых оторванная от служения государству статистика, отождествлявшаяся с государствоведением, «превращается в народоведение»). Это направление пропагандировал статистик, филолог и историк А. Л. фон Шлёцер (1735—1809)⁶, согласно которому, между прочим, статистика есть история на отдыхе, а история есть статистика в движении.

Статистические обследования физического состояния групп отдельных людей часто служили целям биологии, медицины и использования человеческого труда. Это, третье, ответвление политической арифметики именовали в германских странах биоарифметикой, в британских — биометрией. Во Франции оно окончательно утвердилось только во второй половине XIX в., сначала работами основателя современной антропологии хирурга П.-П. Брокá (1824—1880)⁷, а потом еще и как специфическая отрасль антропологии — судебно-юридическая антропометрия — усилиями криминалиста, введшего важное в некоторых случаях для демографии сличение анатомических черт подследственных и других лиц по фотографиям, А. Бертийона (1853—1914). Бертийонаж был вскоре дополнен усовершенствованной английским метеорологом и антропологом Ф. Галтоном (1822—1911) дактилоскопией — сличением отпечатков пальцев⁸, которое также используется в демографии. Галтон, помимо того, разработал приемы демографо-статистического анкетирования, а Бертийон использовал антропометрию для такого антропо-демографического анализа, как установление признаков человеческих рас⁹.

К середине XIX столетия уже накопилась масса выкладок в подражание или в продолжение того, как Граунт, например, устанавливал соотношение между

рождаемостью девочек и мальчиков или находил зависимость количества самоубийств от численности помешанных в обществе. Такие выкладки называли тогда популяционистскими как относящиеся к народоисчислению (латинское «популюс» соответствует древнегреческому «демос»). И тут французский натуралист и статистик Ж.-К.-А. Гийяр (1799—1876) использовал, вроде бы впервые, термин «демография» для научного обозначения подобных работ: в своем сочинении «Основы людской статистики, или Сравнительная демография»¹⁰ он истолковывал ее в качестве направления статистики, регистрирующего экономическое, политическое, физическое и нравственное лицо государства и его обитателей.

Новое понятие закрепилось, особенно благодаря медику Л.-А. Бертийону (1821—1883), возглавлявшему в 1876—1883 гг. Статистическое бюро Парижа и осветившему то место демографии, которое она должна занимать в жизни Франции¹¹. Он зафиксировал понимание этой дисциплины как исследования в организме совокупного человечества его анатомического строения (состав населения, изучаемый статической демографией) и его физиологических функций (движение населения, изучаемое динамической демографией). В России последователем идентичного направления являлся видный ученый, организатор переписи столичного населения в 1881 г. Ю. Э. Янсон (1835—1892)¹². Именно Бертийон-старший вдохновил своего сына Альфонса на занятия антропометрией, а другой его сын, Жак (1851—1922), стал известным статистиком и в конце XIX — начале XX в. открыл перед практической демографией новые горизонты¹³.

Для знаменитого универсального словаря, издававшегося лексикографом П.-А. Ляруссом, была написана анонимная тематическая заметка «Демография», увидевшая свет в дополнительном томе (1878 г.). Эта дисциплина характеризовалась там как «статистическое описание народа или населения, примененное для изучения людей разных наций»¹⁴. В том же году в Париже был созван Международный демографический конгресс. На нем профессор географии и политэкономии П.-Э. Левассёр (1828—1911) констатировал реальное наличие демографической науки; после чего была избрана Постоянная демографическая комиссия в качестве регулярно действующей ученой организации. Так демография состоялась официально, хотя практически уже существовала.

В Германии как главный метод демографии давно преобладала математическая статистика. Ее эмпирические основы заложил военный капеллан, пастор Й. П. Зюссмильх (1707—1767), изучавший «по-граунтовски» лютеранские приходы Бранденбурга и Померании и усматривавший в смене человеческих поколений предустановленный свыше порядок, почему и измерения показателей рода человеческого казались ему богоугодным делом¹⁵. Это математико-статистическое направление господствовало потом среди специалистов настолько, что до начала XX в. статистику и демографию вообще почти не различали. Только катаклизмы первой мировой войны и последовавшие затем перемены в состоянии населения привели к серьезной трещине в прежних воззрениях.

В результате французский министр труда А. Ландри (1874—1956) развернул более полно задуманную им еще в 1909 г. концепцию демографической революции¹⁶, которая повлияла на расширение демографической тематики. К тому времени она несколько сместилась, ибо директор штутгартского Статистико-топографического бюро Г. фон Рюмелин (1815—1889) еще в 1863 г. статьей «К теории статистики»¹⁷, оказавшей сильное влияние на умы, переключил внимание немецких, а потом и других демографов на описательную сторону работы как ведущую, для которой математико-статистическое направление должно служить лишь методическим приемом.

Постепенно такой подход к делу надолго возобладал, тем более что и прежде многие демографы грешили описательством. Демография и в Европе, и в Америке приобрела характер преимущественно описательной дисциплины, не вдающейся глубоко в причинность явлений и отражающей главным образом сложившуюся картину. Так обстояло дело до середины XX столетия. Однако это удовлетворяло не всех. Ученые, изучавшие общую роль народонаселения, хотели не только констатировать наличие чего-то, но и вникать в исходную сущность, выходя за рамки эмпиризма. Не отказываясь от испытанных приемов демографической методики, расширить ее диапазон и нацелить ее на изучение движения народонаселения не самого по себе, а во всей взаимосвязи социальных событий прошлого и настоящего,— вот к чему двигались недовольные.

Искомый путь они нашли у того же Гийяра, понимавшего суть демографии как и географии населения, и общей истории человечества. Если первая, описательная часть гийярова понятия (где, кто и как живет) вполне сопрягалась с установившейся методикой, то вторая (почему сложилось именно так) требовала обновления, углубления в историю и экономику. Необходимый шаг предпринял Э. Энгель (1821—1896), возглавлявший с 1860 до 1882 г. Прусское статистическое бюро. Обладая солидным опытом государственной службы, будучи организатором Всегерманской промышленной выставки 1850 г., он как знающий статистик серьезно улучшил методику исследования массовых социальных явлений.

Это нашло отражение в руководимых Энгелем изданиях «Прусская статистика» с 1861 г., с 1863 г.— статистических выпусков «Страна и люди Прусского государства» и «Ежегодника служебной статистики Прусского государства» и с 1870 г.— регулярных «Статистических очерков просвещения в Прусском государстве». Помимо того, он стал автором трудов о более точной системе народоисчисления и в дальнейшем углубил социальное значение всей демографической работы, используя ее результаты для оценки получаемой людьми заработной платы, их жилищной нужды, места трудящихся в обществе, влияния на их жизнь вторгшейся в нее новой техники эпохи пара, потребностей и возможностей домашних хозяек, расходов в рабочих семьях и пр.¹⁸ Фиксация наличных показателей жизни людей обогащалась теперь разъяснением того, отчего сложилась именно такая картина, а не иная. Энгель во многом превзошел идеи нынешней экономической демографии. В демографический катехизис прочно вошел закон Энгеля, гласящий, что если наблюдается рост семейного бюджета, то он, как правило, превосходит в процентном отношении рост повседневных расходов на содержание семьи.

Именно Энгель, уже прославившийся в качестве демографа, предложил в 1871 г. (рубежная дата!) ввести в обиход понятие демологии. Он усматривал в ней, в отличие от более узкой, сугубо статистической демографии, науку о происхождении, внутренней сущности государственных и иных человеческих общностей и изменениях, в них происходящих¹⁹. С той поры специалисты, поддерживавшие идею Энгеля (демологи), стали отличаться от традиционных демографов большей глубиной проникновения в движение народонаселения, стремлением выявить и обосновать свойственные ему закономерности в тесной связи с общим ходом истории и прогрессом экономики.

Этот новый термин тоже не сразу обрел свою теперешнюю пристань. Ведь именно тогда стало распространяться и употребление слова «демография», так что конкуренции на равных не возникло. Ранее немецкие ученые, от случая к случаю уже применявшие без особых претензий термин «демология», просто смешивали порой этнос с демосом и считали демологию равнозначной этнологии (*Volkskunde*). Теперь ситуация менялась, началось разграничение. Итальянские ученые идентифицировали прежде демологию с изучением устного народного творчества и стали вкладывать в это слово другой смысл только лет через 50 после того, как британский археолог У. Дж. Томс (А. Мертон) ввел в 1846 г. для обозначения устного народного творчества термин «фольклор». Решающую роль сыграл тут в итальянской науке, и терминологически, и по существу дела, последователь Энгеля поэт, статистик и экономист А. Месседаля (1820—1901), преподававший политэкономии в Падуанском и Римском университетах. Особенно важны в данном плане его очерк научной статистики народонаселения и содержащая демологическую привязку работа о соотношении политэкономии и социологии. Посмертная публикация всех его трудов усилила их воздействие²⁰.

Так началось самостоятельное, хотя и в тесном единении с демографией, научное шествие демологии, сначала по Европе. На рубеже XX в. оно оставалось еще очень скромным, но к середине столетия набрало силу, когда под воздействием второй мировой войны и ее последствий произошли как бы похороны прежней демографии в ее традиционном виде из-за признания несостоятельности демостатистики, оторванной от исторического базиса. Роль толчка сыграл труд одного из руководителей чикагского Центра по изучению народонаселения Ф. М. Хозера и его коллег²¹. Будучи ранее лишь падчерицей демографии, демология все более становится после этого переломом одним из важнейших средств раскрытия содержания исторического процесса и часто обретает именно такой, новый смысл в исторической демографии и демографической истории²².

Особенно плодотворно действует сегодня на этом поприще большой отряд французских специалистов во главе с Ж. Дюпакье, по-новому понимающих проблематику демографического исследования и реализующих это на практике²³. К ним примыкают многие из тех ученых разных стран, кто входит сегодня в международное Общество исторической демографии. С 1960-х годов уже и отдельные ученые СССР употребляли термин «демология», чаще для обозначения теоретической демографии либо как ее метода и как наиболее общей демографической дисциплины²⁴.

Хотя от Рубикона, персиденного Энгелем, нас отделяет более столетия, сегодня демология находится по-прежнему в стадии становления, а демография уступает ей место крайне неохотно и нередко совершает крен в сторону прежней статистики²⁵ либо отказывается от исследования всесторонне обусловленной динамики событий в пользу статики²⁶. Приверженность к традиционной демографии проявляют даже такие видные специалисты, как возглавлявший в 1962—1971 гг. крупнейшее в мире специальное учреждение — парижский Национальный институт демографических исследований Ж. Буржуа-Пиша²⁷, в принципе вовсе не консерватор, автор новаторской теории стабильного, полустабильного и квазистабильного населения. Ту же приверженность демонстрируют многие национальные демографы и авторы тематических пособий²⁸.

Сегодня демографы и демологи различаются не столько самоназванием или приемами работы, сколько подходом к проблематике: первые обращают больше внимания на режим воспроизводства населения (количественные данные), вторые — на тип воспроизводства населения с входящими в него видами этого воспроизводства (качественные черты). Причем ряд ученых, трудясь явно как демологи, по-прежнему именуют себя демографами, не видя в том никакой беды, но одновременно тяготея к познанию закономерностей исторического процесса. Возможно, здесь сказывается их давняя профессиональная деятельность в качестве историков, а также склонность к теоретическим обобщениям²⁹. Тем не менее, если демография стремится ныне, как декларируют это ее приверженцы, стать интегральной дисциплиной и сама хочет рассматривать в комплексе движущие силы смены поколений в истории и обуславливающие этот процесс факторы, то встает вопрос: зачем вообще нужна демология? Тем более что демография стараниями лучших ее представителей (в России — проф. Д. И. Валентей с коллегами) уже превращается в важнейшую часть синтетической системы знаний о народонаселении³⁰.

Относится это и к ряду крупных зарубежных демографов. Например, Ф. Хассан (Вашингтонский государственный университет), используя данные археологии, палеоантропологии, истории, этнографии и лингвистики, представил картину того, как действовали демопрцессы в палеолитическо-мезолитическом охотничье-собираательском потребляющем, а затем начальном производящем обществе: их связь с общим прогрессом и локальным регрессом производительных сил; возможности использования последних в результате давления на них избыточного населения; рождаемость, смертность и численность населения в том обществе; связь демопрцессов со становлением различных языков, появлением экономических центров, формированием самых ранних цивилизаций и расселением человечества по материкам. Хассан умело использует демографический инструментарий, включая математически рассчитанные модели, но его палеодемография есть истинная демология³¹.

Итак, нельзя ли обойтись уже имеющимся терминологическим багажом? Дело в том, что сами демографы единогласно отмечают слабости традиционной демографии там, где речь заходит о причинности явлений, и пишут: «Могут ли одни демографы определить, почему растет или не растет население?.. Перечень таких вопросов велик. Так кто же скажет — почему, почему, почему?»³². Ответ элементарен: если демография не в состоянии объяснить то, что непосредственно входит в сферу ее исследований, значит, такая дисциплина в научном отношении внутренне недостаточна. Именно демологи могут сделать то, что не по плечу традиционным демографам.

Передовые демографы, тяготея к подлинной научности и выходя на простор более глубоких исследований, прибегли теперь к использованию расширительного определения и, понимая скомпрометированность термина «демография», иносказательно именуют «системой знаний о народонаселении» просто то, что вкратце называется демологией. Некоторые демографы предпочитают другое словоупотреб-

ление. Так, специалисты из Института всеобщей истории РАН во главе с Ю. Л. Бессмертным и примыкающие к ним ученые говорят о «новой исторической демографии» и уже организуют под этой шапкой международные форумы.

Демонология охватывает как раз систему знаний о народонаселении: его качестве и развитии, воспроизводстве, общественной подвижности и миграциях, присущих ему законам функционирования. Теория народонаселения увязывает его изменения с тем, что сообщают об этом история и социология, политэкономия и экономика, география и этнография, философия и право, биология и медицина, различные науки, изучающие материальный и духовный прогресс человечества, а потом рассматривает результаты изучения в комплексе. При этом демография, охватывающая сегодня ряд подчиненных ей более узких демодисциплин, остается сама в центре демологии как существенная ее составляющая. Понятно, что по мере новых достижений разных наук они будут пополнять собой багаж демологии. Однако именно ее синтезирующий характер и вызывает протесты тех, кто хочет остаться на прежних позициях³³.

Демонология рассматривает состояние и развитие народонаселения в четырех срезах: пространственном (территориально-географическом), временном (историческом), созидательном (все социально-экономические и духовные успехи человечества) и естественного самовоспроизводства (биологическом). Так определяется межа, отделяющая ее от прежней демографии³⁴. Демографы доньше ведут количественный учет населения, разрабатывают проблему его воспроизводства и освещают его стихийность, равно как и нацеленную на стимулирование воспроизводства государственную политику. Но этим прежняя демография и ограничивается. Демологию же интересует, кроме того, качество населения: его здоровье и физическая способность трудиться, наличие необходимых знаний, умения и трудового опыта, культурный уровень, профессиональный, классовый, национальный и этнический состав. Демология исследует динамику народонаселения от эпохи к эпохе и внутри каждой из них, зависимость людей от материальных и духовных условий их бытия и их собственную роль в изменении таких условий, соотношение социального и биологического факторов в их жизни.

Здесь ярко проявляется междисциплинарная сущность демологии. Демография конца XX в. тоже по-своему междисциплинарна, когда включает в себя, помимо собственной теории, свою историю, экономический и бытоописательный аспекты деятельности людей, медицинский и этнографический, региональный и военно-политический, занимается моделированием демо процессов. Но она замыкает на себя получаемые ею сведения³⁵, даже когда использует не только статистическое наблюдение и описание, математические модели и реляционную методiku, но и достижения генетики и экологии. Зато демография, в отличие от демологии, занимается также прогнозированием. Почти в каждом современном крупном труде на демографическую тему присутствуют параграфы о перспективах развития народонаселения. Характерна в этом смысле фундаментальная работа директора исследовательского центра при Чикагском университете Д. Дж. Боуга о населении США³⁶. Демологи прогнозами пока вовсе не увлекались, хотя это не исключено в дальнейшем.

Различия в использовании демографами и демологами доступного по источникам материала налицо при рассмотрении любой исторической проблемы. Например, существуют полученные путем сложных, хотя и приблизительных подсчетов данные, что в зарубежной Европе к началу II тысячелетия проживало около 40 млн. человек, а к началу XVI в. — свыше 60 миллионов. Ради достижения полноты картины традиционный демограф представит все поддающиеся исчислению промежуточные стадии движения народонаселения с XI столетия по XV, включая цифры рождаемости и смертности с учетом их перепадов, вызванных войнами (нормандское завоевание Англии, Крестовые походы, Реконкиста, расширение Священной Римской империи германской нации, война Алой и Белой Розы, отпор османам и мн. др.), эпидемиями (Черная смерть и т. д.), миграциями (вторжение монголов, передвижения немцев и западных славян и пр.). Историк, уделяя меньше внимания сугубо биологическим показателям, раскроет зато конкретную последовательность событий синхронно и по территориям диахронно, покажет роль разных социальных групп в развитии экономики, в социальных процессах и политических коллизиях, духовном прогрессе, осветит деятельность ряда личностей. А демолог, соединив

проблематику демографа и историка, сверх того будет искать совокупность причин, породивших в их взаимодействии биологическое и социальное движение народонаселения и обусловленные ими изменения. В этом отношении даже история как наука, сравнительно далекая от изучения биологического фактора и не всегда использующая материал об этносах, тоже порой не в состоянии конкурировать с демологией независимо от того, идет ли речь о макро- либо микроструктурах, больших или малых фактах исторического процесса.

Каково же будущее демологии? Она может по-прежнему оставаться не вполне различимой внутри демографии. Вряд ли это укрепит ее научный статус и разовьет ее все расширяющиеся функции. Но она может также вычлениваться в общепризнанно самостоятельную дисциплину, поглотив демографию. Это пошло бы на пользу как теории, так и практике демонаправленных исследований. Что касается интересов исторической науки, то им соответствует больше демология. Хотя, в конце концов, дело не в названии, а в том, насколько масштабно и досконально работают специалисты и каков научный уровень их занятий.

Сегодня демология — это научная дисциплина, разносторонне и интегрально исследующая главную производительную силу общества — само человечество. Тема вечно актуальная. Вот почему справедливо суждение, что в будущем демологии вряд ли стоит сомневаться.

Примечания

1. Демографический энциклопедический словарь. М. 1985, с. 122; La Grande encyclopédie. T. XIV. P. S. a., p. 70; TREBICI V. Mica enciclopedia de demografie. București. 1975, p. 38.
2. FRANCIS E. Ethnos und Demos: soziologische Beiträge zur Volkstheorie. Brl. 1965.
3. BOTERO G. Della Ragion di Stato. Venezia. 1589 (n. ed.: 1930); e j u s d. Delle relationi universali. Pt. 1—2. Roma. 1591—1592.
4. GRAUNT J. Natural and Political Observations Mentioned in a Following Index, and Made upon the Bills of Mortality, with Reference to the Government, Religion, Trade, Growth, Air, Diseases and the Several Changes of the Said City. Lnd. 1662 (Petty's ed.: 1666; n. ed.: Baltimore. 1939).
5. PETTY W. Political Arithmetick. Lnd. 1690 (n. ed.: 1963). Не чуждался он и изучения по-граунтовски списков смертности (PETTY W. Observations upon the Dublin Bills of Mortality in 1681 and the State of That City. S. 1. 1683).
6. SCHLOEZER A. L. v. Allgemeines Staatsrecht und Staatsverfassungslehre. Göttingen. 1793; e j u s d. Theorie der Statistik. Göttingen. 1804.
7. BROCA P. Instructions générales pour les recherches anthropologiques à faire sur le vivant. P. 1879.
8. GALTON F. Finger Prints. Lnd. N. Y. 1892.
9. BERTILLON A. Les races sauvages. P. 1883; e j u s d. Identification anthropométrique. P. 1893.
10. GUILLARD A. Eléments de statistique humaine, ou Démographie comparé. P. 1855.
11. BERTILLON L.-A. La démographie figurée de la France. P. 1874; e j u s d. (réd.). Dictionnaire des sciences anthropologiques. P. 1883.
12. ЯНСОН Ю. Э. Теория статистики. СПб. 1886; его же. Сравнительная статистика населения (состав населения, брачность, рождаемость, механическое движение населения). СПб. 1892.
13. BERTILLON J. La statistique humaine de la France. P. 1880; e j u s d. Eléments de démographie. P. 1895; e j u s d. La dépopulation de la France. P. 1911.
14. Grand dictionnaire universel du XIXe siècle. T. XVI. P. 1878, p. 659.
15. SUEßMILCH J. Die goettliche Ordnung in denen Veraenderungen des menschlichen Geschlechtes, aus der Geburt, dem Tode und der Fortpflanzung desselben. Brl. 1742.
16. LANDRY A. La Révolution démographique: études et essais sur les problèmes de la population. P. 1934. Подробнее об этих проблемах см.: ВИШНЕВСКИЙ А. Г. Демографическая революция. М. 1976.
17. См.: RÜMELIN G. Reden und Aufsätze. Freiburg. 1875.
18. ENGEL E. Die Methoden der Volkszählung. Brl. 1861; e j u s d. Die Kosten der Volkszählungen. Brl. S. a.; e j u s d. Der Preis der Arbeit. Brl. 1872; e j u s d. Die moderne Wohnungsnoth. Leipzig. 1873; e j u s d. Die erwerbsthätigen juristische Personen. Brl. 1876; e j u s d. Das Zeitalter des Dampfes in technisch-statistischer Beleuchtung. Brl. 1880; e j u s d. Das Rechnungsbuch der

- Hausfrau. Brl. 1881; e j u s d. Die Lebenskosten belgischer Arbeiter-Familien früher und jetzt. Dresden. 1895, u. a.
19. См. Zeitschrift des königlichen preußischen statistischen Bureauas, Bd. XI, Brl. 1871.
 20. MESSEDAGLIA A. La scienza statistica della popolazione. Torino. 1877; e j u s d. L'economia politica in relazione colla sociologia e quale scienza a sé. Roma. 1891; e j u s d. Opere scelte di economia ed altri scritti. Vol. I—II. Verona. 1920—1921.
 21. The Study of Population: an Inventory and Appraisal. Chicago. 1959, p. 157. См. также: Социально-классовая структура и демографические процессы в России и СССР: вопросы комплексного изучения. М. 1991.
 22. HOLLINGSWORTH T. H. Historical Demography. Lnd. 1969, p. 53; IMHOF A. Einführung in die historische Demographie. München. 1977, S. 11.
 23. DUPÂQUIER J. Introduction à la démographie historique. P. 1974; e j u s d. La population française aux XVIIe et XVIIIe siècles. P. 1979; e j u s d. La population rurale du Bassin Parisien à l'époque de Louis XIV. P. 1979; e j u s d. Pour la démographie historique. P. 1984; e j u s d. Histoire de la démographie. P. 1985; Histoire de la population française. Dir. par J. Dupâquier. P. 1988, e. a.
 24. КОЗАЧЕНКО И. В. Основы демографии. Киев. 1972, с. 24; ПИСКУНОВ В. П. Демографическая категория «народонаселение». — Демографические тетради. Вып. 8. Киев. 1973, с. 80; е г о ж е. О периодизации мирового демопроецесса. Киев. 1982, с. 6, 18, 25; СТЕШЕНКО В. С. Демография в современном мире. М. 1978, с. 100, 232.
 25. ПОДЪЯЧИХ П. Г. Статистика населения, наука о народонаселении и наука демография. М. 1969, с. 24, 34.
 26. КОЗЛОВ В. И. Динамика численности народов. М. 1969, с. 8.
 27. BOURGEOIS-PICHAT J. La démographie. P. 1970.
 28. TREBICI V. Op. cit.; SRB V. Demografie. Praha. 1971; FÖRSTER E., GIERSDORF P. Grundlagen der Demographie. Brl. 1976, S. 13 - 14.
 29. ШЕЛЕСТОВ Д. К. Демография: история и современность. М. 1983; е г о ж е. Историческая демография. М. 1987; ПОЛЯКОВ Ю. А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М. 1986; Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. М. 1989; БЕССМЕРТНЫЙ Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века. М. 1991. См. также некоторые страницы работ: Проблемы взаимодействия социальной структуры воспроизводства населения в России и СССР. М. 1988; Проблемы исторической демографии СССР. Киев. 1988.
 30. Система знаний о народонаселении. М. 1991, с. 85.
 31. HASSAN F. A. Demographic Archaeology. N. Y. a. o. 1981.
 32. Система знаний, с. 7.
 33. Там же, с. 23.
 34. О чем наглядно свидетельствует содержание уникального «Демографического энциклопедического словаря». См. также: Место демографии в системе наук. М. 1975, с. 21.
 35. Типична в данном плане выдающаяся работа директора парижского Национального института демографических исследований в 1945—1962 гг. А. Сави (SAUVY A. Théorie générale de la population. Vol. I -II. P. 1963 -1966). В том же духе — обстоятельный труд: BOGUE D. J. Principles of Demography. N. Y. a. o. 1969. См. также: ПРЕССА Р. Народонаселение и его изучение. М. 1966.
 36. BOGUE D. J. The Population of the United States: Historical Trends and Future Projections. N. Y. — Lnd. 1985.

Самолеты над Марково и Уэлькалем

И. И. Пстыго

В начале Великой Отечественной войны Военно-Воздушные Силы СССР оказались в тяжелом положении. Множество самолетов, не поднявшись в воздух, погибло на аэродромах в первый же день войны, пораженное ударом вражеской авиации. К тому же самолетов новых типов (Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3, Ил-2, Пе-2) в составе ВВС СССР было тогда около двух с половиной тысяч, а овладевших ими летчиков — около 8% требуемого числа, ибо до начала войны большинство летного состава не успело их освоить. 25 авиационных дивизий не закончили перед войной формирования. Устаревшие самолеты (И-15, И-153, И-16, СБ, ТБ-1, ТБ-3) имели низкие технико-тактические данные и были довольно изношены. Все они требовали усиления конструкции, а их моторы обладали малым запасом ресурса. Что касается наших потерь на аэродромах 22 июня, то противник сумел разбомбить и сжечь на земле более 800 и сразу же сбить в воздухе около 400 самолетов во фронтовой и прифронтовой полосе. Один только Белорусский военный округ потерял тогда более 700 самолетов.

Люфтваффе безраздельно господствовали первые месяцы войны на фронтах, обеспечивали быстрое продвижение своих мотомеханизированных и танковых войск в глубь СССР, нарушали оперативное построение и боевые порядки наших войск, терроризировали отступающих и тылы. В ту пору люфтваффе, несмотря на отчаянное сопротивление советской авиации, действовали бесцеремонно, развязно и нахально.

Лихорадочные же мероприятия руководства СССР, включая подтягивание авиации из глубин страны и ускорение заводского выпуска новых самолетов, не сразу дали положительные результаты. Ведь в тылу имелись преимущественно устаревшие самолеты, авиазаводы же в основном перебазировались на восток, и с октября 1941 г. спад их производства ощущался особенно болезненно. Лишь позднее налачился выпуск новой техники для ВВС, когда постепенно приамурский завод в Комсомольске начал осваивать дальний бомбардировщик Ил-4, Казанский завод — тоже дальний Пе-8 и обычный бомбардировщик Пе-2, Новосибирский — истребители Як-3, Як-7 и Як-9, Горьковский — истребители Ла-5, Ла-7 и Ла-9, Куйбышевский — штурмовик Ил-2.

Пришлось пойти и на приобретение самолетов у США и Англии по ленд-лизу. Вначале мы получали от них британские истребители «харрикейн» и «спитфайр», американские «киттихаук» и «томагавк», которые тоже успели устареть¹. Наши летчики о них говорили: «На тебе, Боже, что мне не гоже». Вот, например, «томагавк». Он не мог рулить по земле без дополнительного груза на стабилизаторе, иначе при любой неровности грунта мог скапотировать, то есть стать на нос. В качестве такого груза на хвосте сидел механик. Подобные особенности приводили порой к тому, что летчик взлетал с механиком на стабилизаторе, что заканчивалось, как правило, печально. Сейчас этому не все даже поверят, а тогда это было повседневной практикой. О каком приличном воздушном бое с «мессершмиттами» на таких самолетах можно было думать?

И наши комиссии по ленд-лизу все более решительно стали требовать, чтобы нам давали

Пстыго Иван Иванович — маршал авиации.

другие самолеты. После длительных споров американцы начали поставлять истребители Р-39 («аэрокобра») и Р-63 («кингкобра»), бомбардировщики В-3 («дуглас» А-20ж) и «митчелл» (В-25). Последний нам нравился. Довели мы до кондиции и «кингкобру». Но даже она имела две слабости: при больших перегрузках фюзеляж ломался пополам (какой же воздушный бой выиграешь без перегрузок?), а самолет легко срывался в штопор, однако с трудом выводился из него. В 1950 г. в авиадивизии, которой я тогда командовал, инспектором техники пилотирования был Герой Советского Союза майор С. М. Елизаров. Он признавался, вспоминая, что первые 20 своих воздушных боев занимался только тем, что срывался в штопор, когда тянулся за ведущим, и выводил самолет из штопора. Он и сам удивлялся, как остался в живых.

Если жалобы наших летчиков и комиссии дошли все же до ушей и глаз президента США Ф. Д. Рузвельта, то в ответ на его запрос американские летчики и представители авиапромышленности наговорили ему массу дифирамбов в адрес их самолетов. Но Рузвельт был человек, имевший самостоятельный аналитический ум, и пригласил к себе нескольких наших летчиков, побеседовал с ними и попросил в его присутствии показать пилотаж на этих самолетах. Блестящий летчик-испытатель А. Г. Кочетков сумел продемонстрировать ему, объясняя по радио свои действия в воздухе, всю сложность вывода из штопора, а в очередном полете с перегрузкой фюзеляж «кобры» у него сломался пополам. Только тогда американцы начали что-то улучшать, но ликвидировать врожденные пороки конструкции до конца не сумели. Рузвельт наградил Кочеткова американским орденом «Креста» и выдал ему денежную награду.

Мы перегоняли американские самолеты так. Большая их часть отправлялась с аэропортов Аляски Ном, Фэрбенкс и Анкоридж на аэродромы Чукотки Уэлькаль и Марково самими американцами, а далее их гнали над территорией СССР уже наши летчики. Правда, иногда они принимали самолеты США на аэродромах Аляски, однако делалось это редко. В Уэлькале еще в 1949—1950 гг. громоздились горы битых самолетов, в Марково — меньше. Кто же их ломал? Американские летчики при посадке в сложных условиях погоды. Эти горы до нашего прилета туда были бесхозными кучами металлолома, а с нашим прибытием стали хозяйством авиагарнизонов. И что только там наши техники ни брали: проводники разного сечения, тумблеры-выключатели, реле, усилители, радиоприемники, электромоторы-динамики, даже целые двигатели. Жаль, что не все подходило к советским самолетам.

По докладу главного инженера и начальника тыла был издан приказ по нашей авиадивизии. Мы затратили много времени и труда, разобрали, рассортировали все по номенклатурам и убрали в простейшие склады. Многое потом нам очень пригодилось, и не только на самолетах, но и в ремонтных мастерских или просто в быту.

Начальником трассы, руководившим строительством аэродромов и других объектов, необходимых для упомянутых перелетов, самими перелетами и их обеспечением, был известный полярный летчик Герой Советского Союза генерал-майор авиации И. П. Мазурук. Илья Павлович многое там сделал. Были сформированы, в частности, перегоночные эскадрильи, пополненные лучшими летчиками строевых авиачастей. Трасса пролегла так. От Номы до Уэлькаля по воздуху — 700 км над местностью с хорошо видимыми ориентирами, в основном берговыми чертами азиатского и американского материков, о. Св. Лаврентия и бухты Провидения. Затем наши летчики перегоняли самолеты через Колыму до Якутска и Красноярска, где ориентировка несравнимо тяжелее. От Уэлькаля до Средне-Колымска и Зырянки — 1500 км, от Зырянки до Якутска — 1200 километров. Там однообразная и малонаселенная местность.

Карты, которыми мы пользовались, ввали. Обычно же, если не считать очертаний побережий материков или полос вдоль нескольких рек, то были чистые листы бумаги с нанесенной на них географической сеткой Меркатора. В тех местах лето длится не более двух месяцев, остальное время года там зима с устойчивым снежным покровом и лютыми морозами. Белое безмолвие! Ни аэродромы, ни трасса в целом, ни самолеты не были оборудованы необходимыми техническими средствами навигации и самолетовождения. Целые эскадрильи, взлетев с аэродрома Марково, никуда до сих пор не прилетели, и о них нет никаких сведений. Охотникам потом не раз попадались отдельные, уже полуразвалившиеся самолеты.

Потеряв там много самолетов и экипажей при перегонке, мы задались практическим вопросом: целесообразно ли при таких потерях использовать этот путь? Было в конце концов принято решение основную массу самолетов доставлять из Америки морским путем в порты Персидского залива, там выгружать, собирать, облетывать и перегонять их летом через Иран на Кавказ. Этот путь оказался более целесообразным, потери уменьшились².

А с первым путем я познакомился после того, как в январе 1948 г. командующий ВВС Дальнего Востока генерал-полковник авиации С. А. Красовский направил меня, заместителя

командира штурмового авиаполка, служить на Сахалин. А командующий воздушной армией генерал-полковник авиации Н. Ф. Панивин определил меня в 226-ю штурмовую авиадивизию, базировавшуюся на аэродроме Гастелло (бывший японский Найро) у залива Терпения. Там мы осваивали новые самолеты Ил-10, затем Як-11. Летом 1949 г. мне поручили сформировать на Сахалине смешанную авиадивизию, вступить в командование ею и перебраться на Чукотку. Вскоре подразделения истребителей Ла-11 и военно-транспортных самолетов Ли-2 начали готовиться к перебазированию.

Мы решили произвести его со всеми людьми, техникой и наземным имуществом двумя эшелонами: по морю и по воздуху. Нам выделили корабль в порту Корсаков, на него мы погрузили имущество и штаб, и корабль ушел в Анадырь. Из Анадыря в Марково, место дислокации нашего штаба, наземный эшелон добирался по р. Анадырь, судоходный для мелкосидящих плавучих средств. А непосредственно перелет авиадивизии, событие далеко не обыденное, привлек к себе внимание командующего тамошней воздушной армией генерал-майора авиации С. Е. Белокопя. Он много раз вызывал меня, обсуждая различные варианты перелета.

После тщательного обсуждения дело мы поставили так, что на обеспечение дальнего перелета истребителей нацелили основные силы транспортной эскадрильи: технический состав вместе с имуществом грузился в несколько самолетов Ли-2 и летел параллельно боевым эскадрильям с учетом разницы в скоростях полета. Я управлял перелетом дивизии, находясь во главе эшелона. Пролетев большую часть пути до очередной посадки, связывался с аэродромом посадки, уточнял погоду в том районе и давал команду на взлет истребителей. Затем первым прибывал на место посадки и встречал своих летчиков, сначала истребителей, потом транспортников. Так ежедневно совершали очередной скачок по маршруту.

После посадки на промежуточном аэродроме техсостав готовил самолеты к полету на следующем отрезке. Далее весь технологический цикл повторялся. Заключительный этап пути в Уэлькаль пролегал через административный центр Чукотского национального округа Анадырь. Над городом эскадрилья пролетела на небольшой высоте, чтобы показать, что мы прибыли. Весь перелет занял пять дней, без потерь и чрезвычайных происшествий, что по тем временам представляло собой событие, и немалое. Авиадивизия получила от командования благодарность в приказе.

Местные органы власти встретили нас радушно. Для них наш прилет был радостью. Раньше там встречали только экспедиции. Челюскинская же эпопея состоялась за 15 лет до этого; многие о ней забыли. К тому же мы представляли собой крепкий воинский организм, предназначенный для пребывания на постоянном месте базирования. Главная трудность, с которой мы сразу же столкнулись, — острая нужда в жилье. Эскадрильям пришлось включиться в его строительство полным ходом. Им были заняты у нас абсолютно все. Возводили небольшие рубленые дома, но капитально и высокими темпами: за 5 дней собирали коробку дома и делали крышу. Тем временем из Анадыря на Ли-2 привозили кирпичи и раствор, после чего клали печь, вечером производили пробную топку, на следующий день размещали квартирантов. Другие бригады строили добротные казармы, столовые, служебные помещения, и к концу ноября все люди были под крышей. А к осени 1950 г. обустроились вообще основательно.

С 1947 г. в интересах картографии авиаполк тяжелых самолетов начал сплошное фотографирование местности на Чукотке. И в 1951 г. к нам поступили новенькие карты высокой точности всех масштабов. Но в ожидании этих карт экипажи летали больше по наитию. Нам обозначили воздушное пространство по границе, за которое мы несли ответственность: гигантскую дугу, опоясывавшую Чукотский полуостров от о. Айон в Восточно-Сибирском море до мыса Олюторский на Камчатке, по прилегающей акватории Чукотского и Берингова морей. В распоряжение дивизии передали много аэродромов в различных районах Чукотки.

Близ поселка Уэлькаль располагалась истребительная авиаэскадрилья. Запасные аэродромы она имела в Уэлене, на мысе Чаплино, в заливе Лаврентия и других местах. В Марково, где находился штаб дивизии, стояли самолеты управления, там садились Ли-2, прилетавшие с Большой земли. Транспортная авиаэскадрилья базировалась на аэродроме Танюер (на полпути между Марково и г. Анадырь), а одно ее подразделение размещалось в Анадыре. Именно Мазурук успел в годы войны построить эти аэродромы.

Первое, что предприняло командование авиаотряда в служебном плане, — установило рабочую связь с пограничными войсками. Мы провели разъяснительную и организационную работу среди пограничников в смысле определения ими типов своих и чужих самолетов, могущих появиться в районе государственной границы. Установили и отработали методы, способы и сигналы оповещения. Радиолокации ведь тогда на Чукотке еще не было.

Отработали также схему и технологию связи. К сожалению, в 1949 г. нашим истребителям практически полетать не удалось, ибо вскоре началась чукотская зима, когда главной заботой стало поддержание аэродромов в рабочем состоянии. Ее сменило короткое холодное лето с фантастической массой комаров и мошкары. Над тундрой можно летать под облаками только по приборам. Внизу, даже ниже облаков, видна лишь гладкая белесая поверхность. Естественного горизонта как бы и нет, а небо тоже бело-серое. Глазу зацепиться не за что.

Пурга на Чукотке — постоянное и неприятное явление. Во всех городках между строениями мы протягивали канаты, и все же одного солдата как-то унесло ветром. Весной его останки нашли вдали от городка. В другой раз стихия покалечила три Ли-2, которым из-за их размеров доставалось больше, чем Ла-11. Если вы пришли в гости и тут началась пурга, то запирайте двери, ставни на окнах и сидите в гостях, пока пурга не прекратится. В казармах и жилых домах приходилось держать двухнедельные запасы продуктов и топлива, во всех помещениях иметь кухонные очаги и посуду. А как только кончало пуржить, все — бегом на аэродром, откапывать и очищать самолеты, приводить в порядок взлетную полосу.

Если же полыхает северное сияние, то после него примерно трое суток происходит непрохождение радиоволн всех диапазонов в результате магнитных бурь. Это явление, «гухор», тоже немало мешало нам. Мне довелось водить самолеты над Кубой и Ираком, Нигерией и Мексикой, Германией и Кореей. Свою Родину я облетал вдоль и поперек, от мыса Дежнева до Белоруссии, от Мурманска до Средней Азии. И самое тяжелое я видел именно на Чукотке, а самое неприятное — это интенсивное обледенение самолетов.

Весна на Чукотке тоже для нас необычна. Солнце сияет так, что без светофильтровых очков рискуешь ослепнуть. Даже при минус 12° снег интенсивно тает. Это делают свое дело солнечная радиация и ультрафиолетовые лучи. Подтаявший днем снег мы вечером укатывали, а утром он уже тверд, как бетон: сработал 30-градусный ночной мороз.

Тем временем появление советских военных самолетов на Чукотке стало известно в США. И «мустанги», истребители американской авиации, базировавшиеся на о. Св. Лаврентия, начали летать через советскую границу. Локаторов на Чукотке не было, и наши летчики обычно опаздывали с перехватом «гостей». Те срочно убирались, не желая встречаться с Ла-11. Тогда мы решили посадить шесть своих истребителей у залива Лаврентия. Они продежурили там с весны до осени 1950 г., и «мустанги» временно перестали интересоваться нашими делами. Когда же весной 1951 г. нарушения границы возобновились, наши летчики пригрозили воздушной атакой. В ответ слышались выстрелы. Летчик-истребитель В. С. Ефремов привез однажды после встречи с «мустангами» четыре пробоины в крыле. Сам он ответил залпом из пушек. Один «мустанг» задымил и со снижением ушел в свою сторону, что отчетливо было заметно визуально и подтвердилось на ленте фотокинопулемета. После этого случая «гости» долго не появлялись.

Примечания

1. См. подробнее: КОТЕЛЬНИКОВ В. Р. Авиационный ленд-лиз.— Вопросы истории, 1991, № 9—10.
2. О данном пути см.: ЗОРИН Л. И. Особое задание. М. 1987.

Судьба Сергея Седова

К. Ф. Попов

Л. Д. Троцкий был женат дважды. От первой жены, Александры Соколовской, у него были дочери Зина и Нина; от второй, Натальи Седовой, сыновья Лев и Сергей. Все его дети кончили свою жизнь трагически. О Льве Седове, который разделял взгляды отца и активно помогла ему, написано много. О Сергее — почти ничего. Ведь он покинул отчий дом, когда Троцкий жил еще в Кремле, заявив, что ему противна политика, он не стал даже вступать в ряды ВЛКСМ, потом погрузился в науку. Позднее, отказавшись уехать с отцом в изгнание, Сергей тем не менее оказался обреченным на гибель. Недаром 27 января 1937 г. в «Правде» появилась заметка, что сын Троцкого Сергей Седов «пытался отравить рабочих».

Последний год его жизни переплетается с судьбою первого начальника строительства и затем директора Красноярского машиностроительного завода А. П. Субботина, близкого друга Г. К. Орджоникидзе. Александр Петрович родился в 1900 г. в семье кузнеца Усольского солеваренного завода, двухлетним остался без отца. Мать четверых детей добывала средства на жизнь выпечкой хлеба и сдавала также уголь строителям. В 1908 г. Саша стал работать мальчиком при котельщике, в 1914 г. поступил юнгой на Балтийский флот, потом окончил машинную школу и прослужил до 1926 г. машинистом и старшиной-машинистом на судне «Борец за коммуны», комиссаром эсминца «Войсковой». Воевал в гражданскую войну в составе Волжско-Каспийской военной флотилии, на Южном и Северном фронтах, был ранен и контужен. Будучи командирован в Ленинград на учебу во втуз, закончил его и в 1932 г. был направлен на возведение «Красмаша»¹.

На собрании городского парткома в Красноярске 23 августа 1936 г. от Субботина потребовали ответа за то, что он «засорил завод классово-чуждыми элементами» и, в частности, принял на работу сына Троцкого Сергея Седова. Директор оправдывался: его «как говорится, богом сюда занесло, как ссыльного, как инженера-специалиста». Секретарь горкома Степанов переспросил: Как «инженера»? Субботин ответил: «Да (смех в зале). На третий или четвертый день после моего приезда ко мне в кабинет вошел человек, назвался Седовым и стал предлагать свои услуги как специалист по газогенерации. Он стоит передо мной, я его спрашиваю: «Да ты откуда взялся?». «Я, говорит, сын Троцкого». Надо сказать, я немножко вспотел. «Надо немного подождать», говорю. И так Седов ходил некоторое время около завода, потом его взяли на работу»².

Выступающие бросали директору в лицо колючие реплики, обвиняя его в покровительстве врагам народа. Редактор заводской стенгазеты Никифоров утверждал, что почти все отделы на заводе возглавляют то бывший троцкист, то белый офицер, то помещик. Когда Субботин сказал, что у него не было оснований обвинить Седова в недобросовестном отношении к делу, первый секретарь крайкома П. Д. Акулинушкин заявил: «Враг никогда хорошо не работает».

В постановлении бюро Кировского райкома ВКП(б) г. Красноярска от 28 августа 1936 г.

Попов Коминт Флегонтович · публицист (Красноярск).

«О проявлениях либерализма и меньшевистского отношения к самокритике тов. Субботина» говорится: «Бюро райкома ВКП(б) считает, что тов. Субботин, возглавляя важнейшее предприятие в крае, допустил в практике своей работы притупление большевистской бдительности, выразившееся в допущении на работу Красмаша Седова — сына Троцкого, Закса — племянника Зиновьева и других социально-чуждых людей. Несмотря на сигналы отдельных коммунистов, тов. Субботин продолжал оставлять этих врагов народа на заводе»³.

Когда Седов появился в кабинете Субботина и предложил свои услуги в качестве специалиста по газогенерации, то пояснил, что работал в Научном автотранспортном институте (НАТИ) доцентом и что имеет печатные труды. Как раз перед этим директор вернулся из Москвы, где получил от начальника «Главзолото» А. П. Серебровского задание освоить впервые в стране производство газогенераторных двигателей вместе с книгой Н.С. Мезина, С. Л. Седова и Б. М. Черномордика «легкие газогенераторы автотранспортного типа». Книга эта лежала на столе у Субботина. Когда он поинтересовался, каким ветром доцента НАТИ занесло в Сибирь, Седов ответил, что он — административно-ссылный как сын Троцкого. Тогда директор сказал, что хотя специалисты по газогенераторам нужны, но взять Седова он не может, пока не будет дано разрешения. После этого директор отправился к первому секретарю крайкома партии Акулинушкину. Тот позвонил в краевое управление НКВД и согласовал вопрос о приеме Седова на работу.

В результате был издан «Приказ № 228 по управлению «Стройкрасмаша» от 21 сентября 1935 года. § 1. Начальнику эксплуатационного отдела В. А. Шауб подготовить и приступить к производству газогенераторных установок для моторных судов, заказываемых золотой промышленностью. § 2. Работа и испытания по газогенераторным установкам должны проходить в срочном порядке с тем, чтобы суда, начиная с пятого теплохода, непременно были оборудованы такими установками. § 3. Для руководства работами по газогенераторным установкам назначить в эксплуатационный отдел инженера Седова Сергея Львовича. Начальник строительства и директор завода А. Субботин»⁴. Седову был определен оклад 750 руб. в месяц.

Вскоре в Красноярске появился Серебровский. Он посчитал, что Седов — фигура не совсем удачная, но как специалиста его можно использовать. И поставил перед Акулинушкиным вопрос, нельзя ли в Красноярске организовать техническое бюро из ссылных специалистов, которые работали бы под контролем НКВД и занимались газогенераторами, паровыми машинами и другими механизмами, осваиваемыми заводом. Из НКВД ответили: бюро создавать нецелесообразно, Седова же можно использовать не в штате, а по договору.

10 октября 1935 г. последовал новый приказ директора: «Завод тяжелого машиностроения и вагоностроения в г. Красноярске — «Красмашвагонстрой» в лице заместителя начальника строительства и директора завода Ермилова Александра Васильевича..., с одной стороны, и инженера-механика Седова Сергея Львовича — с другой, пришли к соглашению: 1. Гражданин Седов С. Л. принимает на себя обязательство провести при заводе работу по переводу выпускаемых теплоходов на газогенераторный газ. План работы прилагается. 2. Работа ориентировочно рассчитана на 12 месяцев, и за ее выполнение Красмашвагонстрой выплачивает Седову С. Л. десять тысяч рублей (10000)... ежемесячно в сумме 750 рублей»⁵. Соглашением оговаривалось также, что работа будет выполняться в установленное время в эксплуатационном отделе, а Седову обеспечиваются прозодежда, больничные и отпускные.

Из личного листка по учету кадров, заполненного Седовым при поступлении на работу, явствует, что родился он в марте 1904 г. в Вене, мещанин, беспартийный, окончил Московский механический институт им. М. В. Ломоносова по специальности — автомобилизм, имеет научные труды в области газогенераторов, двигателей и термодинамики, состоит на учете как административно-ссылный, в Красноярск выслан постановлением Особого совещания НКВД по ст. 58 УК на 5 лет. На приложенном к листку фото: молодой человек интеллигентного вида, острижен наголо, одет в осеннее пальто, видны шарф и галстук, взгляд спокойный, внимательный⁶. Женой Седова была Г. М. Рубинштейн⁷. Следователей, занимавшихся делом Седова, раздражали многие детали его биографии: длительное проживание за границей (Австрия, Швейцария, Франция, Испания, США, Англия), знание французского, «русско-еврейская» национальность (как он писал). В графе «занятие родителей» он написал: «Политика».

По воспоминаниям ветерана «Красмаша» И. И. Добровольского (приемный сын Субботина), Седов отличался общительностью, был доброжелателен, азартно играл в заводской футбольной команде. В другом документе сказано, что ему «доверили читать лекции рабочим». В октябре 1935 г. ему поручили изготовить новый газогенераторный двигатель, с тем чтобы в навигацию 1936 г. проверить его в действии, для чего был заложен экспериментальный корпус речного газохода. К Седову был приставлен помощником соглядатай

Рогозов. Лабораторные исследования и первые опыты на судне дали положительные результаты.

Однако вскоре Седова арестовали, Рогозов, имевший необходимую подготовку, довел дело до конца. В одной из своих объяснительных директор завода писал: «Нужно отметить, что в продолжение 10 дней судно «Газоход» испытывалось специальной комиссией из «Госпара» и дало прекрасные результаты». Когда работа временно застопорилась, в газете «Красноярский рабочий» появилась обличительная корреспонденция «По вине Красмашвагонстроя суда не выходят в рейс».

Седов становился жертвой несправедливых репрессий дважды. Первый раз — в связи с «Кремлевским делом», по которому было осуждено 110 человек во главе с Л. Б. Каменевым (июль 1935 г.). Тогда Сергею инкриминировали «контрреволюционную деятельность» и сослали в Сибирь. Второй раз он был арестован в Красноярске. Выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР 29 октября 1937 г. в закрытом заседании, без участия обвинения, защиты и свидетелей, на основании ст. ст. 58-1 «а», 58-8, 58-9 и 58-11 УК РСФСР приговорила его к расстрелу.

В основе обвинения лежали показания лиц, осужденных по другому делу, что Седов вел с ними разговоры антисоветского содержания, занимался вредительско-диверсионной деятельностью по месту работы и совместно с «агентом германской разведки Шаубом А. В.» создал террористическую группу. В ходе следствия Седов категорически отверг все обвинения и на очных ставках с различными лицами отрицал их показания, в ходе судебного заседания виновным себя не признал и решительно отменил все предъявленные ему обвинения. Несмотря на это, он был расстрелян в день вынесения приговора. Вместе с Седовым были репрессированы многие другие руководители заводских отделов и специалисты. Последовавшее официальное сообщение, что на заводе раскрыта крупная диверсионно-террористическая организация, парализовало работу коллектива.

В протесте по этому делу от 7 июля 1988 г. Прокуратура СССР констатировала, что объективных данных, свидетельствующих о виновности Седова, в деле не имеется. Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 28 сентября 1988 г. приговор в отношении Седова был отменен за отсутствием состава преступления. Тем же постановлением отменены решения Особого совещания при НКВД СССР от 14 июля и 20 июля 1935 г. касательно его связи с «Кремлевским делом».

В истории с Седовым Субботин проявил большое личное мужество и человечность. В протоколе заседания партийной коллегии Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) по Красноярскому краю, разбиравшей дело Субботина, говорится: «Даже после ареста Седова тов. Субботин продолжал заботиться о Седове»⁸. Действительно, Субботин после ареста Седова 16 июня 1936 г. принял и выслушал его жену, после чего дал указание в бухгалтерию: «Прошу Вас произвести расчет с тов. Седовым немедленно и деньги не задерживать»⁹.

Один из протоколов допроса Субботина гласит: «Я, наконец, не мог мириться с внутрипартийной жизнью, которая лишала прав члена партии высказывать свои взгляды по вопросам политики партии, а решения низовых партийных организаций принимались по прямому указанию партийного руководства... Я не разделял также линии партии в вопросах массовых репрессий и судов, применяемых иногда совершенно необоснованно к лицам, не разделяющим полностью политики партии... Я не разделял политики партии в отношении взятых темпов индустриализации страны, которая проводилась, по-моему, за счет ухудшения материально-бытовых условий рабочих».

Из докладной на имя уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Красноярскому краю видно, что после ареста Седова Субботин вызвал по радиотелефону Серебровского и, проинформировав его о тяжелом финансовом положении стройки, попытался ходатайствовать об освобождении Седова как незаменимого специалиста. Получив от Серебровского ответ, «если взяли — хорошо сделали», он не дал распоряжения насчет «тщательной проверки выполненной по договору работы Седовым».

Тот же автор докладывал: «Кроме Седова, на завод 17 марта 1935 г. был принят племянник Зиновьева — Закс, который неоднократно имел перемещение по заводу с повышением в окладе жалованья... При попустительстве Субботина, как члена парткома, он редактировал стенную газету «Коммунар» и руководил кружком немецкого языка, посещаемым рабочей молодежью... Наличие на ответственной работе строительства завода 22-х человек антисоветски классово чуждого элемента и выявление парторганизацией Красмашстроя 11 троцкистов говорит за притупление большевистской бдительности у Субботина и за его либеральное отношение к Седову, Заксу, Кутузову И. И. — последний занимал должность врид

гл. механика, ярый троцкист и изъятый с завода органами НКВД и отданный под суд за вредительство. И, несмотря на это, Субботин дает ему хорошую характеристику как хорошему производственнику»¹⁰.

11 апреля 1937 г. Субботина вызвали в горком. На его голову обрушился град обвинений. Затем Акулинушкин отправил письмо секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву: «На Стройкрасмаше в 1936 г. вскрыта контрреволюционная троцкистская вредительская группа, возглавляемая Седовым — сыном Троцкого, Заксом — племянником Зиновьева и другими... Установлено, что начальник строительства и директор завода Субботин, лично зная арестованных вредителей, расставил их на самые важнейшие посты и, имея с ними весьма тесную и близкую связь, своей защитой и поддержкой создавал обстановку и условия для вредительской и подрывной деятельности этим врагам народа».

Субботин, по мнению первого секретаря крайкома партии, «органически сросся с троцкистами, вредителями и классово-враждебными элементами... Сомкнувшись с этими врагами народа, сам встал на путь вредительства»¹¹. Впрочем, вскоре Акулинушкин тоже был расстрелян как «враг народа».

16 июня 1937 г. Субботин был обвинен в том, что «в 1935 году по заданию врага народа Серебровского создал и возглавил на Красноярском заводе тяжелого машиностроения правотроцкистскую организацию, контрреволюционной деятельностью которой лично руководил и сам занимался активной вредительской (сверху вписано: «И шпионской») деятельностью, направленной на срыв строительства завода; вербовал в состав организации других лиц, был лично связан с врагами народа Серебровским и Пятаковым, подготовлял совершение террористических актов над руководителями ВКП(б) и Советского правительства»¹². 13 июля 1938 г. Субботин был расстрелян. Реабилитировали его в ноябре 1956 года.

Примечания

1. Красноярский государственный красной архив (КГКА), ф. 26, оп. 10, д. 4282, л. 9.
2. Там же, оп. 3, д. 3891, л. 56.
3. Там же, л. 31.
4. Там же, л. 27.
5. Там же, л. 111.
6. Там же, л. 120.
7. Д. А. Волкогонов в интервью газете «Известия» 18 августа 1990 г. сообщил: «В 37-м в Советском Союзе был расстрелян младший сын Троцкого — Сергей Седов. Жива его жена Ольга Гребнер. Мне она рассказывала о семье Троцкого. Сергей — в 28 лет профессор, талантливый химик, был далек от политики». Документами, которые хранятся в красноярских архивах, эти сведения не подтверждаются. Правда, Волкогонов оговаривается, что родственники Троцкого могли сменить свои фамилии.
8. КГКА, ф. 26, оп. 3, д. 3891, л. 5.
9. Там же, л. 8.
10. Там же, л. 7-10.
11. Там же, л. 138-145.
12. Там же.

Вице-адмирал З. П. Рожественский

В. В. Познахирев

«Луч беспристрастной истории озарит многотрудный путь, самоотверженно пройденный честным флотоводцем, которому не дано было совершить только одного — чуда»¹, — эти слова, произнесенные более 80 лет назад, могут подтвердить далеко не все историки, ибо речь шла о том самом адмирале Рожественском, который проиграл в 1905 г. морскую битву при Цусиме. Заметки о Рожественском в энциклопедиях не отличаются разнообразием и содержат ограниченные сведения, а достоверность их вызывает сомнения. Например, в качестве даты рождения адмирала энциклопедии приводят 30.X (11.XI) или 17(29).III.1848 года. Но, согласно послужному списку, он родился именно 30 октября 1848 г.²; что касается 17 марта, то это не что иное, как день его ангела (именины).

Зиновий Петрович Рожественский происходил из семьи военного врача. Получив дома и в гимназии разностороннее образование, он в 1864 г. был зачислен в Морской корпус, где сразу обратил на себя внимание самостоятельностью поведения, замкнутостью и болезненным самолюбием. Кадет Рожественский увлекался тактикой, артиллерией, историей, следил за новинками в военно-морском деле. Первые годы его службы прошли на кораблях Балтийского флота, а затем он стал слушателем Михайловской артиллерийской академии в Санкт-Петербурге. Там он участвовал в выборе оптимальных типов корабельных орудий, сотрудничая с адмиралом А. А. Поповым. В 1873 г. лейтенант Рожественский завершил обучение «по первому разряду с присвоением знака отличия за окончание курса и награждением годовым окладом жалования по чину» и в дальнейшем работал в Комиссии морских артиллерийских опытов, исполнял обязанности флаг-офицера начальника эскадры броненосных судов Балтийского флота вице-адмирала Г. И. Бутакова. «Ужасно нервный человек, отзывался он о Рожественском, а бравый и очень хороший моряк»³.

Рожественскому в его повседневной работе не был свойствен дух новаторства, хотя он не чуждался прогресса. В 1876 г. он получает разрешение посещать лекции в Петербургском институте инженеров путей сообщения, берется за переводы научных статей из иностранной периодики и увлекается только что начавшей проникать на флот электротехникой. Ему принадлежал один из проектов электрического освещения столичных театров.

Русско-турецкая война 1877—1878 гг. застала Рожественского в Николаеве, куда он был откомандирован для осмотра приморских укреплений и вооружения коммерческих судов. В июле 1877 г., находясь в составе экипажа парохода «Веста», он принял участие в бою с турецким броненосцем «Фетхи-Боленд». Пять часов «Веста» уходила от превосходившего ее противника, а Рожественский оставался не у дел, будучи прикрепленным к бездействовавшим носовым орудиям, и принял участие в бою лишь после того, как часть офицеров выбыла из строя. Первый же снаряд, выпущенный по его команде, повредил погонное орудие броненосца,

Познахирев Виталий Витальевич — адъюнкт Высшего военно-морского училища. Санкт-Петербург.

после чего тот прекратил преследование. За это Рожественский был произведен в капитан-лейтенанты и награжден орденом св. Георгия 4-й степени.

Рожественский же называл тот бой «постыдным бежеством» и жаловался Бутакову, что Георгий «жжет его». В июле 1878 г. он изложил свои взгляды на ход этого боя в печати⁴. Статья вызвала дискуссию, повлекшую за собой судебное разбирательство и увольнение бывшего командира «Весты» капитана 2-го ранга Н. М. Баранова. Но пострадал и Рожественский: его долго не продвигали по службе и лишили ежегодных летних плаваний.

В июле 1883 г. ему неожиданно предложили принять должность командующего морскими силами Болгарии, делавшими первые шаги. У болгар отсутствовали даже основополагающие документы, необходимые для развития флота, не было оборудованной базы, не хватало жилых помещений для личного состава. Любимый административную деятельность Рожественский сразу же включился в новую работу. В 1884 г. под его руководством были разработаны первые в истории болгарского флота документы по боевой подготовке, реорганизован учебный процесс, упорядочено несение брандвахты. «Характерным в его командовании было наведение строгого порядка на флотилии»⁵.

Сформулированные им задачи болгарской морской флотилии сводились к следующему: «Она на первое время должна представлять собою наличие средств для обороны водных границ страны; быть рассадником личного состава, приобщенного к морскому делу, образованного по разнообразным его отраслям и способного с течением времени провести в народе сознание силы взятых за дело частного судоходства», «возвратить страну на поприще всемирной торговли»⁶. Рожественский выработал «Положение» о судоремонтном предприятии в Русе, принял меры к устройству зимнего порта, составил проект установки дебаркадеров вдоль побережья Дуная и все время безуспешно требовал увеличения ассигнований на флот: «Пока... правительство, стремящееся к защите свободы и развитию благосостояния народа, оставляет меня во главе зарождающегося флота, писал он, я не устану ходатайствовать о нуждах этого флота, т. е. о нуждах народа»⁷.

Не получив требуемых средств, Рожественский обратился к правительству России и добился безвозмездной передачи Болгарии двух минопосок, 10 паромов, 40 якорных мин, 100 пуд. пироксилина, других материалов, что позволило укрепить оборону болгарских портов. При участии Рожественского было положено начало болгарскому военно-морскому музею и морской библиотеке, создано техническое общество, образовано офицерское собрание.

Осенью 1885 г., в связи с обострением отношений между Болгарией и Россией, Рожественского отозвали на родину. В ноябре того же года капитан 2-го ранга Рожественский был назначен флагманским артиллеристом, а в 1887 г. он подал начальнику Главного морского штаба стратегическую записку насчет целесообразности создания в Ионическом море летучего отряда миноносцев на случай войны со средиземноморской державой: «Я почитал бы себя счастливым,— писал он,— если бы мой личный труд был допущен при осуществлении этой идеи»⁸. Однако это предложение не нашло поддержки. Рожественского назначили старшим офицером броненосной батареи «Кремль», а в 1890 г. — командиром клипера «Наездник». То было время его службы на Балтийском флоте и сотрудничества с адмиралом С. О. Макаровым. «Милостивый государь Степан Осипович,— писал ему Рожественский.— Покорнейше Вас благодарю за полученный сегодня отчет о Кронштадтской лекции. Воспользовавшись Вашим руководством, я втягиваю офицеров в дело. Мною собраны сведения об изменении температуры на глубинах в Формозском проливе»⁹.

Осенью 1891 г., после возвращения из Владивостока в Кронштадт, капитан 1-го ранга Рожественский назначается военно-морским агентом в Великобританию. Посылая оттуда в Петербург чертежи английского крейсера первого класса, которые, по его мнению, «не представляют существенного интереса для наших техников», он выдвинул предложение: «В Главном морском штабе могла бы быть составлена памятная книжка об этом классе судов... и преподана инструкция командирам наших кораблей относительно наивыгоднейших условий атаки этих крейсеров и обороны против них. Если потребуется, то подобные же сведения будут мною доставлены относительно крейсеров 2 и 3 класса»¹⁰.

Получив указание подготовить контракт на приобретение в Англии миноносца, оборудованного устройством, снижающим вибрацию корпуса, Рожественский возразил против такого решения: «Ознакомление с прибором, уничтожающим сотрясение, не уяснит нам принципа и метода, пользуясь которым, мы сами могли бы строить миноносцы другого чертежа и снабжать их... приспособлением, уничтожающим сотрясение... было бы весьма полезно произвести ряд самостоятельных исследований... Думаю, что людям, сведущим в кораблестроении и механике, достаточно будет намеков, чтобы изобрести необходимые приборы, построить правильный метод... и спроектировать все необходимые для опытов приспособления»¹¹.

К рапорту Рожественский приложил выполненные им чертежи устройства с полным его описанием.

Летом 1894 г. его назначили командиром крейсера первого ранга «Владимир Мономах» в составе Средиземноморской эскадры адмирала Макарова. Судя по его рапортам, он был достаточно высокого мнения о Рожественском: «С моего вступления в командование я обратил внимание на чрезмерно большой расход угля во время якорной стоянки,— доносил в Петербург Макаров.— По этой части на броненосце «Император Николай I» было сделано многое, и расход угля с 7 тонн доведен до 4 1/2... Я назначил комиссию под председательством... Рожественского, который энергично принялся за дело, и вообще я встретил по этой части большую готовность в... Рожественском, который сразу уменьшил расход до 2 1/2 тонны». В другом рапорте адмирал писал: «Вечером получил телеграмму начальника Главного морского штаба, в которой он спрашивал меня о готовности крейсера... «Владимир Мономах». Ответил, что крейсер готов, и, действительно, капитан 1 ранга Рожественский держит свой крейсер в таком виде, что он мог тотчас же быть отправлен по назначению»¹².

Весной 1895 г. «Владимир Мономах» в составе эскадры прибыл на Дальний Восток для поддержания веса России во время мирных переговоров между Японией и Китаем. Там, как видно из дневника Макарова, Рожественский оказывал ему помощь при составлении тактического руководства для боя, а также вел переговоры о совместных действиях с командующим германской эскадрой. В декабре 1898 г. Рожественский был произведен в контр-адмиралы и назначен командующим учебно-артиллерийским отрядом Балтийского моря. Высокие результаты артиллерийских стрельб принесли ему широкую известность. Соответственно возросли его честолюбие и самомнение. Будучи очень трудоспособным, самостоятельно мыслящим флотоводцем, он тем не менее никогда не пользовался любовью ни своих начальников, ни подчиненных. Одни видели в нем соперника, другие — деспота, чему способствовали его прорывавшиеся порою свирепость и неуравновешенность.

В январе 1900 г. ему было поручено возглавить операцию по снятию с камней о-ва Гогланд (Сур-Сари) броненосца береговой обороны «Генерал-адмирал Апраксин». В тяжелых погодных условиях Рожественский умело организовал работу, мобилизовав на спасение корабля ряд специалистов и использовав достижения техники. Редкая спасательная операция такого рода была выполнена успешно. С эпопеей «Апраксина» связан, в частности, эпизод, дополнительно характеризующий Рожественского как человека весьма своеобразного. Недовольный тем, что списки лиц, представленных им к поощрению, оказались пересмотренными, он написал в Главный штаб: «Так как я уже имел счастье получить высочайшую благодарность, объявленную как в приказе, так и лично мне,.. то имею честь покорнейше просить, чтобы из 1500 рублей, назначенных мне в награду,.. 500 были прибавлены к вознаграждению капитана 2 ранга Бергштрессера (заместитель Рожественского по спасательным работам.— В. П.), а тысяча — выданы... командиру броненосца «Полтава»¹³.

Спустя четыре месяца Рожественский вернулся к обязанностям командира учебно-артиллерийского отряда и вскоре подал в Главный штаб докладную записку: «Численность обучающегося состава не достаточна для снабжения комендорами судов в военное время... На укомплектование же мобилизованного флота призванными из запаса не следовало бы рассчитывать,.. имея в виду, что призванные... в большинстве случаев окажутся непригодными для исполнения обязанностей... у новых орудий»¹⁴. Доказывая, что комплект специалистов будет расти, он предлагал способы решения вопроса в рамках прежнего бюджета. Однако практических результатов его записка не имела.

Педагогические взгляды Рожественского, изложенные им перед комиссиями по реорганизации Школы младших специалистов и Морского училища, отражены в документах: «Действующие программы школ достаточны. Нужно только, чтобы экзамены... не были пустой формальностью, а сами школы серьезно относились как к выбору учеников, так и к образованию из них специалистов. Программы школ должны развиваться не насильственно, а самими школами, которые должны чувствовать непрерывный прогресс дела... Закона о программах быть не должно, а должен быть закон о качестве воспитателей»; «Можно предвидеть, что при сохранении для Морского училища ныне действующего закона о приеме только дворянских детей ряды училища не заполнятся способными людьми»¹⁵.

В марте 1903 г. Рожественский был назначен начальником Главного морского штаба. В этой должности он проявил себя сторонником строительства крупного броненосного флота в ущерб кораблям других классов и допустил ряд иных ошибок, неизменно поддерживая идею разгрома противника в генеральном морском сражении. В заслугу ему можно поставить обоснование замены главной базы Тихоокеанского флота с безотлагательным увеличением добычи угля в месторождениях Уссурийского края и наращиванием морских сил России на Дальнем Востоке.

В 1904 г. Зиновий Петрович получил чин вице-адмирала и с апреля переключился на подготовку второй Тихоокеанской эскадры к походу из Балтийского моря на Дальний Восток, в поддержку запертой японцами в Порт-Артуре первой Тихоокеанской эскадры. Посылка новой эскадры постепенно приобретала признаки авантюры. Даже предвидя разгром, адмирал не нашел в себе смелости открыто заявить об этом и после русско-японской войны признавался одному из своих знакомых: «Будь у меня хоть искра гражданского мужества, я должен был бы кричать на весь мир: Берегите эти последние ресурсы флота! Не отправляйте их на истребление! Что Вы будете показывать на смотрах, когда окончится война? Но у меня не оказалось нужной искры»¹⁶.

В октябре 1904 г. вторая Тихоокеанская эскадра вышла из Балтийского моря. Она добиралась до Японского моря семь месяцев и в мае 1905 г. потерпела поражение у Цусимы. Рожественский не организовал с присущим ему умением ни боевой подготовки кораблей, ни разведки сил противника, не наметил четкого плана действий, пустив все на самотек. Правда, позднее следственная комиссия установила, что с самого начала не было никаких шансов на успех¹⁷. Подавляющее большинство военно-морских специалистов и в России, и за рубежом предвидели катастрофу еще до Цусимы, и лишь отдельные лица поддерживали Рожественского¹⁸. Естественно, после проигранной войны развернулась уничтожающая критика. Началась травля Рожественского. Россия искала конкретных виновников позора. В этом приняли участие и Морское ведомство, и пресса.

Рожественский не оправдывался. Он писал знакомому: «Я часто читаю тяжелые обвинения по своему адресу, и злобные строки представляются мне выражением горя общества о гибели флота, которым я командовал и который был и остается для меня дороже моей репутации, ценнее чести моей»¹⁹. Военно-морским судом он был оправдан, поскольку получил в бою тяжелое ранение, и в 1906 г. уволен в отставку. Далее он неприметно жил в Петербурге, где и умер 1(14) января 1909 г. от паралича сердца.

Примечания

1. СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ А. Над свежеею могилой Рожественского. С.-Петербургские ведомости, 9.I.1909.
2. Центральный архив военно-морского флота в Санкт-Петербурге (ЦАВМФ), ф. 417, оп. 4, д. 4244, л. 15.
3. Там же, л. 16об.; ВИТМЕР А. Что видел, слышал, кого знал. Морской сборник, 1914, № 6, с. 32.
4. ВИТМЕР А. Ук. соч., с. 31.
5. БОЕВ Р. Военный флот на България 1879-1900. София. 1969, с. 95, 50—51.
6. ЦАВМФ, ф. 1233, оп. 1, д. 5, л. 18-18об., 19об.
7. Там же, л. 25—25об.
8. Там же, ф. 417, оп. 1, д. 244, л. 9.
9. Там же, ф. 17, оп. 1, д. 320, л. 20—30.
10. Там же, ф. 417, оп. 1, д. 827, л. 114.
11. Там же, л. 15.
12. С. О. Макаров. Документы. Т. 2. М. 1960, с. 159, 165.
13. ЦАВМФ, ф. 1233, оп. 1, д. 11, л. 114об.
14. Там же, ф. 417, оп. 1, д. 2130, л. 1.
15. Там же, ф. 1233, оп. 1, д. 12, л. 1; д. 15, л. 5об.
16. Там же, д. 3, л. 1.
17. Заключение следственной комиссии по выяснению обстоятельств Цусимского боя. Морской сборник, 1917, № 9, с. 44.
18. ЦАВМФ, ф. 763, оп. 1, д. 529, л. 2; д. 263, л. 15.
19. Там же, д. 381, л. 2-3.

Роковой выстрел Береговуа

М. Ц. Арзаканян

1 мая 1993 г. во Франции произошло событие, повергшее страну в шоковое состояние: бывший премьер-министр Пьер Береговуа, только что сложивший с себя полномочия, покончил с собой. Республиканская история Франции насчитывает почти 140 лет, за это время сменилось свыше 70 премьеров, однако жизнь лишь одного из них оборвалась столь трагически.

Пьер родился в нормандском городке Девиль-ле-Руан 23 октября 1925 года. Его отец, бывший офицер царской армии Береговой, выходец с Украины, после Октябрьской революции сражался в рядах белого движения и в 1918 г. эмигрировал во Францию, где и женился на француженке. Как вспоминал будущий политик, его отец всегда тосковал по родине. У Пьера были два брата и сестра. Родители держали крохотную бакалейную лавку, так что доходов хватало только на то, чтобы едва сводить концы с концами. С 16-ти лет Пьер сам начал работать на текстильной фабрике, где был смазчиком станков, затем приобрел профессию слесаря-сборщика и поступил на работу в железнодорожное депо г. Эльбёф. В годы второй мировой войны юноша вступает в ряды Сопротивления. После войны умирает от туберкулеза его отец, мать остается одна с четырьмя детьми. Пьер был старшим, нужно было зарабатывать для всей семьи на хлеб насущный, так что об учебе нельзя было и мечтать.

Береговуа, пожалуй, — единственный премьер-министр Франции, не окончивший высшей школы. В своем «багаже» он носит только аттестат о среднем образовании и диплом слесаря-сборщика. Но это не помешало ему достичь самых высоких вершин в политике. Береговуа часто и с гордостью повторял: «Да, я самоучка». А пока он продолжал работать на железной дороге. Вскоре будущий премьер становится членом Социалистической партии (СФИО), сотрудничает в левой профсоюзной организации «Форс увриер». В 1948 г. Береговуа женился. Его супруга Жильберта стала ему верной и преданной спутницей на всю жизнь, родила двух дочерей и сына, а они, в свою очередь, подарили родителям пятерых внуков. В 1950 г. Береговуа поступает на службу в «Газ де Франс», переезжает в Париж, трудится денно и попно, а одновременно усиленно занимается своим образованием и дважды стажуется в Страсбургском университете на факультете права. Постепенно он втягивается в большую политику.

После возвращения к власти де Голля в 1958 г. и установления V республики левым силам пришлось надолго уйти в оппозицию, социалистическое движение переживало затяжной кризис. Много лет оно искало пути к возрождению, к выдвижению таких новых идей, которые могли бы привлечь симпатии людей. Единства в рядах социалистов не было, без конца уходили одни лидеры, приходили другие, создавались новые группировки, но на протяжении долгого времени добиться успеха им не удавалось. Тем не менее Береговуа всегда был верен социалистическим идеям. Вместе с Аленом Савари стоял у истоков Автономной социалисти-

Арзаканян Марина Цолаковна — кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории РАН.

ческой партии (АСП), входил в секретариат Объединенной социалистической партии, но неоднократно повторял, что его настоящим духовным отцом стал его тезка, левый радикал и один из премьер-министров IV республики П. Мендес-Франс. Его идеи и методы работы Береговуа тщательно анализировал. Коренной перелом для социалистического движения произошел в 1971 г., когда в Эпинэ состоялся объединительный съезд: АСП слилась с Конвентом республиканских институтов, возглавляемым Франсуа Миттераном. Так появилась новая Социалистическая партия, существующая по сей день и пережившая с того дня и взлет побед, и горечь поражений.

Отныне жизнь Береговуа навсегда стала связанной с социалистическим движением. Особенно памятным для него стал 1973 год, когда на партийном съезде в Гренобле он обратил на себя внимание самого Миттерана. Тот сразу увидел в Береговуа человека, не только беззаветно преданного социалистическим идеалам, но и обладающего колоссальной работоспособностью, желанием неустанно трудиться на благо партии. А Береговуа нашел в Миттеране и могущественного покровителя, и умудренного жизнью наставника, в счастливую звезду которого тут же уверовал. Вскоре он стал одним из самых преданных сторонников будущего президента республики. Хотя карьера Береговуа в «Газ де Франс» продолжалась по восходящей, настоящим его призванием теперь становится политика. В том же году Миттеран как первый секретарь соцпартии назначил его национальным секретарем.

В 1974—1981 гг. Береговуа отвечал за партийные международные связи. Ему поручили также вести переговоры с коммунистами для разработки совместной программы действий левых сил. Береговуа энергично берется за это сложное дело. А коммунисты находят его «слащавым и желчным, но дьявольски активным»¹. Ему удалось добиться всего, чего хотели социалисты, и Миттеран высоко оценил такой успех, отметив это в своей книге «Здесь и сейчас»². Триумфальным для социалистов стал 1981 год, когда Миттеран был избран президентом. Практически все верные соратники нового главы государства получили высокие должности. Береговуа был назначен генеральным секретарем Елисейского дворца. На этот важный пост при президенте со времен де Голля назначались только люди, лично преданные главе государства.

Генеральный секретарь заменяет президента на тех мероприятиях, в которых тот сам не участвует; подготавливает повестку дня еженедельных заседаний Совета министров и докладывает ее президенту; ведет их протокол; регулирует подготовку проектов законов и регламентных актов и подает их на подпись главе государства³. Береговуа работал много и четко, прекрасно справляясь со своими обязанностями. Он говорил: «Когда я рядом с Франсуа Миттераном, я не задаю вопросов. Я целиком и полностью согласен с его политической линией»⁴. Имя генерального секретаря теперь узнала вся Франция. Детям эмигрантов, вообще людям со схожей судьбой чрезвычайно редко удавалось достичь подобных высот.

В 1982 г. Береговуа становится министром по социальным делам. «Социалистический эксперимент» проходил нелегко, некоторые министры сами отказывались от своих постов, и на их места назначали более смелых и выдержанных. Одно из таких сложных министерств — как раз то, куда направили Береговуа. Но и там он упорно, путем невероятных усилий, добивался именно того, чего от него ожидали. В 1983 г. он выставил свою кандидатуру на муниципальных выборах в г. Невер. Это была уже пятая попытка. Ранее Береговуа четырежды баллотировался на общенациональных выборах, причем в разных департаментах, но неизменно терпел неудачу. Теперь Миттеран решил лично позаботиться о своем подопечном и выбрал для него округ, где по давней традиции избиратели постоянно голосовали за социалистов. Президент «укоренил» там своего ставленника, и тот стал мэром Невера.

В следующем году Береговуа получил в правительстве Л. Фабиуса ответственный пост — министерство экономики и финансов. И он опять с энтузиазмом берется за работу. Однако социалистический эксперимент в экономике пришелся не по душе многим французам. Им довелось пережить за три года три девальвации франка. На парламентских выборах 1986 г. победили правые. Так начался другой эксперимент в истории V республики, на этот раз конституционный: левый президент два года правил совместно с правым премьер-министром Жаком Шираком. В период «сосуществования» министры-социалисты находились на вынужденных каникулах. Когда же в 1988 г. Миттеран был переизбран на второй семилетний срок, во Франции опять наступила «социалистическая эра».

Последовали новые назначения. Многие, в том числе сам Береговуа, полагали, что он реальный претендент в премьер-министры. Однако президент предложил этот пост М. Рокару. А Береговуа опять занял левое крыло Луврского дворца, где располагается министерство экономики и финансов, и вернулся к привычным для него делам. Его девиз был таков: «Я

политик, я стараюсь понять задачу и затем выбрать подходящий момент, чтобы действовать»⁵. А действовал Береговуа умело. Ему удалось стабилизировать экономику, укрепить национальную валюту, уменьшить бюджетный и внешнеторговый дефицит, снизить инфляцию. К французскому министру относились с уважением в финансовых кругах всего мира⁶. На встречах «большой семерки» к его мнению всегда прислушивались. Но сам он мечтал о более высоком назначении. Рокар ушел в отставку в мае 1991 г., и министр экономики и финансов решил, что наконец-то пробил его час. Однако Миттеран, впервые в истории Франции, предложил пост премьер-министра женщине — Эдит Крессон. Береговуа остался в прежней должности. Узнав о том, что и на сей раз выбор президента пал не на него, он, явившись в свое министерство, сказал, вздохнув: «Ну, что ж, господа! Продолжаем работать»⁷.

Тем временем дела социалистов ухудшились. Они явно не справлялись с нараставшей безработицей, не могли разрешить и других социальных проблем. Внутри соцпартии начались раздоры, усилилось соперничество. Четко обозначилось несколько группировок, враждующих между собой. Крессон неоднократно говорила Миттерану, что ей мешают управлять страной так, как она считает нужным. А первым среди виновников она неизменно называла Береговуа⁸. Престиж правительства, президента падал. К концу 1991 г. рейтинг первых лиц государства стал низок настолько, что в таблице популярности политических деятелей Франции Миттеран занимал только 9-ю строку, а Крессон — 17-ю⁹. В марте 1992 г. социалисты потерпели поражение на региональных и местных выборах. Миттеран решил опять сменить премьера. Вот на этот раз его выбор пал на Береговуа.

Итак, он стал премьер-министром. Однако власть была вручена ему в неблагоприятной обстановке. Большинство французов выражало недовольство правлением социалистов. Через год должны были состояться очередные парламентские выборы. Опросы общественного мнения свидетельствовали о предстоящей победе правых. Предполагалось также вынести на референдум вопрос о Маастрихтских соглашениях по «единой Западной Европе», которые одобрялись далеко не всеми гражданами Франции. Противоречия внутри СФИО углублялись. Экономика не шла на подъем, безработица нарастала. Правые, рвавшиеся взять реванш за годы «отсидки» в оппозиции, объявили Береговуа капитаном гибнущего корабля, хотя он искренне верил, что спасет его.

Близкие ему люди отмечали, что после долгожданного назначения Береговуа пребывал в приподнятом, радостном настроении¹⁰. В апреле 1992 г., обнародуя свою программу в Национальном собрании, новый премьер заявил, что главным приоритетом правительства явится борьба с безработицей. Оно займется также содействием социальной справедливости, борьбой с коррупцией, обеспечением безопасности граждан, защитой окружающей среды, подготовкой ратификации Маастрихтских соглашений. Но Береговуа был отпущен на все это лишь год, до новых выборов в парламент.

Каждое утро в 8 час. Береговуа уже находился в Матиньонском дворце, а возвращался домой вечером, в половине девятого. Получив пару часов разрядки, с удовольствием смотрел по телевизору какой-нибудь фильм или футбольный матч, порой на сон грядущий читал детективы или разгадывал кроссворды. Послушать музыку ему удавалось реже (он был поклонником артистов эстрады, особенно Ш. Трене, Э. Пиаф, М. Матье). Жена премьера как-то сказала, что в их семье есть две любимые мелодии — известная песня, исполняемая Пиаф, «Жизнь в розовом свете» и «Песня Лары» из фильма «Доктор Живаго», поставленного по роману Б. Л. Пастернака¹¹. Лишь летом 1992 г. Береговуа позволил себе небольшой отдых, проведя неделю в Тунисе и неделю — в милой ему с детства Нормандии, где премьер купил небольшой дом на берегу Ла-Манша. Там он плавал, катался на велосипеде, играл в пинг-понг, присутствовал на традиционном морском празднике, ежедневно занимался с двухлетней внучкой, читая ей книгу про слоника Барбара, которую сам обожал в детстве. вечера неизменно проводил с близкими, от души веселился, помогал женщинам готовить конфитюры и компоты¹².

Наступила осень. Полугодовой итог правления Береговуа был неутешительным. Несмотря на неимоверные усилия премьер-министра, дела складывались не в его пользу. По стране прокатилась волна крестьянских выступлений, потом началась забастовка водителей грузовиков. Приходилось постоянно разбираться с социальными проблемами, одновременно готовя Францию к референдуму. Только 52% французов сказали «да» Маастрихтским соглашениям. Опрос общественного мнения предсказывал социалистам на грядущих выборах невиданное поражение. Рейтинг правительства и президента находился на низком уровне. Береговуа же не переставал верить, что все еще может перемениться, ибо на это есть время, а опросы не всегда дают объективную картину¹³. Он всячески старался хотя бы немного снизить уровень безрабо-

тицы, но никак не получалось. К тому же по Европе буквально вихрем промчался финансовый кризис, и Франции его тоже не удалось миновать.

К концу 1992 г. силы премьера начали иссякать. А его ждали новые неприятности. Первоочередной задачей стала подготовка выборов в Национальное собрание. Социалисты давно перестали быть сплоченной когортой и часто не могли договориться между собой. «Социалистическая партия превратилась в корабль без руля и без ветрил, давно потерявший управление. Его бросало из стороны в сторону, и он едва держался на плаву»¹⁴. Миттеран, вздыхая, повторял: «Я не понимаю, что случилось с партией. Она превратилась в ноль. Ее просто больше не существует»¹⁵. Правда, сам президент напряженно думал о том, как он будет управлять страной в оставшиеся до новых выборов два года. Он уже готовился к следующему «сосуществованию» с правыми.

Ситуация усугублялась тем, что в средствах массовой информации постоянно приводились порочащие социалистов сведения. Большим политическим скандалом обернулось «дело о зараженной крови». В 1985 г. Национальный центр по переливанию крови, зная, что часть ее запасов заражена вирусом СПИД, все-таки сбывал их. В результате зараженная кровь была перелита 1300 больным гемофилией, из которых 300 человек впоследствии скончались. Виновным в случившемся пресса считала премьера той поры Фабиуса. Обвинения выдвигались также против председателя Национального собрания Анри Эмануэлли за его причастность к противозаконному финансированию соцпартии. В феврале 1993 г. очередь дошла и до Береговуа. Газеты написали, что в 1986 г. он занял 1 млн. франков у своего знакомого для покупки квартиры в Париже; спустя некоторое время тот умер, и Береговуа возвращал долг его сыну: половину — деньгами, половину — предметами искусства и редкими книгами. Журналисты стали раздувать эту историю, стремясь усмотреть в ней нечистоплотность.

Такая ситуация буквально надломила премьер-министра. Он подчеркивал, что пресса не вправе вмешиваться в его частную жизнь, хотя понимал, что враги просто пытаются подорвать его авторитет и поставить под сомнение его честность. По словам сотрудников премьера, их шеф с февраля находился в прострации, «он потерял веру в себя, от его энергии не оставили камня на камне»¹⁶. Мало того, он просто потерял душевный покой. История с долгом стала для премьер-министра буквально навязчивой идеей¹⁷. Береговуа считал, что все вокруг его осуждают. Он был очень печален. Да, наверное, как сказал французский психоаналитик С. Леклер, действительно, «в глубине каждого человека всегда найдется место для потаенного озера грусти и меланхолии»¹⁸. В душе премьер-министра это озеро из потаенного уже превратилось в явное. Но одновременно Береговуа не покидало и чувство тревоги. Он сам себе буквально внушал, что именно его злосчастный долг стал причиной всех бед социалистов. Никто не мог переубедить премьера. Ему все время казалось, что окружающие его люди хотят говорить только об этом, он даже невольно вздрагивал, когда к нему обращались. Увы, как говорили древние римляне, «есть предел для любой печали, но нет его для тревоги».

Выборы принесли социалистам сокрушительное поражение. Они потеряли половину голосов своих избирателей и получили всего 52 места в Национальном собрании вместо 260, завоеванных в 1988 году. Многие виднейшие лидеры соцпартии, бывшие министры, такие, как Рокар и Дюма, потеряли парламентские мандаты. Береговуа, напротив, был одним из тех немногих, кого переизбрали. И тем не менее он глубоко переживал такой провал. Он прекрасно понимал, что несет личную ответственность за то, что случилось. Бывший премьер-министр действительно стал последним капитаном «Титаника», и хотя он был назначен на уже тонущее судно, легче от этого не становилось. Ведь он-то был уверен, что спасет его. С фотографии, сделанной 2 апреля в Национальном собрании и представляющей только что избранных депутатов, на нас проникновенно смотрит лицо, полное тоски.

Береговуа очень страдал и давно находился в довольно глубокой депрессии. Он замкнулся в своей «раковине» и как бы отключился от текущей жизни. О его подавленном состоянии знали все. Однако, видимо, никто по-настоящему не отдавал себе отчета в том, насколько это серьезно. Родные, близкие, друзья-социалисты, скорее всего, просто ждали, когда депрессия пройдет и в бывшем премьер-министре пробудится вкус к обыденным житейским делам, к маленьким мирским радостям и огорчениям. Но этого не случилось. Любой мыслящий, созидающий человек всегда живет сознанием полезности сделанного и надеждой на новые свершения. Позади себя Береговуа теперь видел только свою вину в постигшем социалистов фиаско. И надеяться ему в новой политической обстановке было уже не на что. Все мечты о будущем рухнули. Его жизненная дорога подошла к обрыву. И где-то в глубине человека «озеро печали» превратилось в неукротимую пучину, захлестнувшую рассудок. В апрельские дни в своих мыслях Береговуа явно находился на грани земного и вечного. Он уже подошел к роковой черте и был готов переступить порог небытия.

Два последних дня жизни бывший премьер-министр провел в Невере. Там он практически все время находился среди людей. Но, как стало вскоре ясно, теперь Береговуа только искал

средство для осуществления задуманного. 1 мая он произнес в мэрии города речь, короткую и немного непонятную. Затем мэр следил в городском парке за велосипедными гонками. А вечером он должен был наблюдать за традиционными соревнованиями на лодках-каное. Береговуа прибыл с телохранителем и шофером в муниципальный кемпинг близ места соревнований. Но вскоре попросил охранника, чтобы тот дождался приезда его помощника, а шоферу сказал, чтобы он доставил его обратно в мэрию города. Потом он переменял решение и велел ехать к каналу, идущему вдоль Луары, где он обычно любил прогуливаться. По дороге мэр звонил из машины (так и осталось не известным, кому), шофер из деликатности при этом выходил. По прибытии на место Береговуа попросил водителя вернуться в кемпинг за телохранителем с тем, чтобы потом они вместе приехали за ним. Именно в кемпинге двое мужчин обнаружили, что револьвер, принадлежавший охраннику и лежавший всегда в машине во вмонтированной коробке, исчез. Шофер сразу понял, что Береговуа вынул оружие, когда звонил. Было шесть часов вечера. Они тут же выехали и, приехав в начале седьмого на место, обнаружили бездыханного мэра. Пуля, нацеленная в голову, прошла очень глубоко. Береговуа казался мертвым, о чем незамедлительно и было сообщено. Однако, когда спешно вызванная «скорая помощь» отвезла его в больницу, оказалось, что бывший премьер-министр жив, но находится в глубокой коме. Прооперировать его на месте было невозможно, так как провинциальная больница не располагала достаточным инструментарием. Приняли решение срочно транспортировать мэра в Париж, но вертолет нашли не сразу. Он поднялся в воздух лишь в десять вечера. Береговуа сопровождали два врача, непрерывно следившие за сложной реанимационной аппаратурой. Приземлились в Париже около одиннадцати. Скорая помощь тут же перевезла пострадавшего в больницу Валь-де-Грас. Туда уже приехали президент республики Миттеран и новый премьер-министр Э. Балладюр.

Целая команда самых опытных врачей была готова к проведению объемных реанимационных процедур и сложнейшему нейрохирургическому вмешательству. К сожалению, на их долю выпала совсем иная, скорбная миссия. Медики констатировали, что во время перелета Пьер Береговуа скончался. Перед ними был уже неживой человек. В таком случае французы никогда не употребят зловеще звучащее слово *le cadavre* (труп) и даже не скажут бесстрастное — *le corps* (тело). Они негромко произнесут грустное и благородное *la dépouille* — останки.

Пьер Береговуа завещал, чтобы его похоронили в Невере. 4 мая утром состоялось прощание с ним в городской мэрии. После обеда гроб был перенесен в центральный готический собор Невера. Там собрались практически все высшие чины Французского государства: президент республики Миттеран, бывшие премьер-министры Моруа, Фабиус, Рокар, Крессон, премьер-министр Балладюр, председатель Национального собрания Сеген, председатель Сената Монори, бывший президент республики Жискара д'Эстен. После заупокойной мессы надгробное слово произнес Миттеран. А потом под своды древнего собора понеслись звуки музыки, но не траурного марша, а мелодии из фильма «Доктор Живаго». Затем только в кругу родных и близких Пьер Береговуа был погребен на городском кладбище. Он отправился, как выражаются французы, в свое самое долгое путешествие.

Примечания

1. *Libération*, 3.V.1993.
2. MITTERRAND F. *Ici et maintenant*. P. 1980.
3. КРУТОГОЛОВ М. А. Президент Французской республики. М. 1980.
4. *Jours de France*, 1981. № 36.
5. *Ibid.*
6. *Libération*, 3.V.1993.
7. *Paris-Match*, 9.IV.1992.
8. *Le Figaro*, 30.XII.1992.
9. *Paris-Match*, 5.XII.1991.
10. *Ibid.*, 15.X.1992.
11. *Ibid.*, 9.IV.1992.
12. *Ibid.*, 20.VIII.1992.
13. *Ibid.*, 15.X.1992.
14. *Le Figaro*, 30.XII.1992.
15. *Paris-Match*, 18.II.1993.
16. *Ibid.*
17. *Ibid.*, 13.V.1993.
18. *Libération*, 3.V.1993.

Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 1—4.

М. Изд-во Московского университета. 1985—1990.

Рецензируемые книги являются продолжением обобщающих трудов, посвященных русской культуре XIII—XVII веков.

В 1-й главе части первой Б. И. Краснобаев выделяет период с 90-х годов XVII в. до 1812 г. как особый в истории русской культуры. «Принципиально новое» в русской культуре, по его мнению, «возникло в XVII в. (примерно во второй трети)», а с 1690-х годов «новая культура переживает период интенсивного становления и распространения» (ч. 1, с. 10, 24). Думается, следовало бы подчеркнуть при этом значение петровских преобразований для ускоренного развития «новой культуры», которое в силу этого началось не ранее второй половины 90-х годов XVII в., а реальные сдвиги относятся к началу XVIII века. В большинстве рецензируемых очерков повествование начинается именно с этого времени. Спорным является и представление Краснобаева о конечной хронологической грани периода. Конечно, Отечественная война 1812 г. не могла не повлиять в той или иной мере на культуру России. Однако на первые годы правления Александра I приходится достаточно существенные изменения в культурной сфере, обусловленные реформаторской деятельностью того времени, в том числе и в сфере просвещения. Видимо, неслучайно в издании весьма мало внимания уделяется первому десятилетию XIX века.

Сущность «новой культуры» в «Очерках» охарактеризована достаточно неопределенно. Краснобаев считает, что эта культура возникла в контексте «общеевропейского развития» и для нее характерна была важная роль науки (ч. 1, с. 20, 26), подчеркивая при этом, что в России XVIII в. был «феодальный тип культуры», хотя с развитием капиталистического уклада (с 60—80-х годов XVIII в.) стала утверждаться «культура переходного характера» (ч. 1, с. 22). «Новая культура обслуживала потребности феодального общества», несмотря на то, что в ней было «заложено нечто, не совместимое с феодально-крепостническими отношениями» (ч. 1, с. 25). Вместе с тем, по мнению Краснобаева, у «новой культуры» «было немало общего» с традиционной: очень важную роль в жизни русских людей и в XVIII в. играла религия, в силу чего, как он справедливо считает, «понятие светскости» русской культуры XVIII в. «должно быть ограничено» (ч. 1, с. 23—24). Думается, Краснобаев слишком напрямую выводит особенности культуры из социально-экономического развития. К тому же надо учитывать, что «новая культура», по крайней мере со второй половины XVIII в., не представляла собой единого «потoka»: одни ее деятели защищали существовавшие социальные отношения, другие выступали против них.

В книге указывается, что культура русского крестьянства в XVIII в. «почти совсем не изучена». При этом Краснобаев подчеркивает, что «для крестьян новая культура представлялась дворянской, а следовательно, враждебной» (ч. 1, с. 27, 29). К сожалению, этот спорный тезис не обосновывается автором. Между тем вопрос этот очень важен, поскольку, как справедливо указывается в книге, «крестьянская культура питала национальную». Вопрос о национальной культуре также принадлежит к числу недостаточно разработанных,

что подчеркивается и в рецензируемом издании. Краснобаев обращает внимание на то, что в России в последние десятилетия XVIII в. начали пересматривать негативное «отношение к средневековой русской культуре» (ч. 1, с. 30); «в последней трети XVIII века начинает выработываться сознание, что существует национальное единство», «начинает формироваться национальное самосознание» (ч. 1, с. 32, 34). Автор явно преувеличивает влияние восстания Пугачева на общественное сознание, утверждая, будто «после „пугачевщины“ крестьянский вопрос вошел в национальное самосознание» (ч. 1, с. 31). В «Очерках» утверждается, что еще с 1760-х годов «одной из ведущих в литературе становится крестьянская тема» (ч. 3, с. 213). Думается, в книге явно проглядывает тенденция преувеличивать роль классовой борьбы в историко-культурном процессе.

К вопросу об особенностях культуры русских крестьян обращается и М. М. Громыко. В очерке «Духовная культура русского крестьянства» она указала на характерные для нее слабую расчлененность отдельных элементов, непрофессиональность творчества, преимущественно прикладной характер крестьянских знаний о природе и крестьянского искусства (ч. 4, с. 300—301).

Основное внимание в рецензируемом труде сосредоточено на вопросах духовной культуры, но значительное место отводится и материальной культуре. Большой обстоятельностью отличается написанный преимущественно на архивных материалах Л. В. Миловым и Л. Н. Вдовиной очерк «Культура сельскохозяйственного производства», в котором показано, что развитие агрикультуры в России в XVIII в. было связано с товаризацией сельскохозяйственного производства. Вместе с тем «живучесть трехпольного севооборота опиралась прежде всего на натуральный характер крестьянского хозяйства» (ч. 1, с. 54). Весьма обстоятельно охарактеризованы сельскохозяйственные орудия, агротехника, применявшиеся в России. «В целом агрикультура к концу XVIII в. имела в российских губерниях... весьма существенный прогресс, что отразилось в довольно высоком для ряда культур среднестатистическом уровне урожайности» (ч. 1, с. 101). Такой вывод представляется не вполне обоснованным, ибо в России XVIII в. продолжало господствовать трехполье, а проследить изменение урожайности сельскохозяйственных культур на протяжении XVIII в. трудно (за первую половину века имеются лишь фрагментарные сведения). Рассматривая вопрос об агрономии и сельскохозяйственной практике, авторы с полным основанием подчеркивают, что «влияние формирующейся агрономической науки на крестьянское хозяйство было незначительным» (ч. 1, с. 126).

Не столь обстоятелен очерк «Культура промышленного производства» (авторы Н. В. Козлова, Л. В. Кошман и В. Р. Тарловская). В нем немало внимания уделяется вопросу о формах промышленности, но упускается из виду такая распространенная в то время форма, как капиталистическая простая кооперация. Представляет интерес наблюдение авторов о сохранении или несущественном изменении старых технологий в ряде отраслей промышленности (кожевенном производстве, солеварении и пр.). В связи с этим авторы делают вывод о характерном для феодализма экстенсивном развитии промышленности (ч. 1, с. 173). Однако с этим трудно согласиться, по крайней мере применительно к эпохе позднего феодализма. В данном очерке показано, как совершенствовалась техника в металлургическом производстве.

В очерке «Торговля» (авторы Н. В. Козлова и В. Р. Тарловская) много внимания уделяется вопросам, которые, думается, не имеют прямого отношения к культуре. Включать его в сборник вряд ли следовало (о культурном уровне купцов, их специальных знаниях и пр. можно было бы сказать в других очерках).

В написанном Л. М. Марасиновой очерке «Пути и средства сообщения» достаточно подробно характеризуются транспортные магистрали, типы судов и экипажей (сведений о морских судах не приводится). Представляется обоснованным вывод, что «в XVIII в. произошли значительные количественные и качественные сдвиги в развитии путей и средств сообщения» (ч. 1, с. 257).

И. В. Власова и Д. Н. Шанский детально рассмотрели вопрос о типах поселений в России XVIII века. Г. Г. Громов обратил внимание на то, что влияние городских образцов на крестьянское жилище в XVIII в. было еще слабым. По мнению автора, в технологии крестьянского строительства в наибольшей мере проявилось «то, что было типично и возможно для средневековой культуры» (ч. 1, с. 341). Думается, что такой вывод требует пояснений, в частности указания на конкретные черты средневековой культуры. Вопрос о жилищах горожан освещается и в очерке М. Г. Рабиновича «Город и городской образ жизни». Автор показывает, что в России в тот период имело место «развитие традиционных типов городского дома» (ч. 4, с. 270).

Р. М. Белогорская и Л. В. Ефимова детально прослеживают изменения в костюме русских людей (прежде всего дворян) и подчеркивают, что «придворный и дворянский костюм XVIII в. ... развивался в русле западноевропейской моды» (ч. 1, с. 357). Старообрядцы, по слова авторов, при Петре I получили «право носить одежду традиционного покроя» (ч. 1, с. 345). В действительности же это стало их обязанностью, от чего они, как известно, были освобождены при Екатерине II. Отмечается также, что «в 1782 г. был издан указ, который регламентировал цвет дворянской одежды по губерниям» (ч. 1, с. 351). Но важно было бы подчеркнуть, что этот указ лишь рекомендовал дворянам той или иной губернии носить одежду определенного цвета. Сам характер вмешательства правительства в частную жизнь людей был, думается, при Екатерине II качественно иным, чем при Петре I и его преемниках — до Елизаветы включительно. Белогорская и Ефимова указывают, что, несмотря на указы Петра I, горожане «на протяжении всего XVIII века... носили одежды преимущественно традиционного покроя». Этот вывод делается на основании свидетельств конца XVIII в. (ч. 1, с. 357—358). Однако известно, что в первой четверти этого столетия петровские указы в отношении одежды горожан в общем исполнялись.

Характерные особенности российского абсолютизма XVIII в. попытался раскрыть И. А. Федосов, подчеркивающий, что «авторитарность абсолютных правителей... предполагала нетерпимость к инакомыслящим, введение единообразия в систему государственных органов, приводила к стремлению регламентировать быт, нравы, всю общественную жизнь, накладывая отпечаток на все области культуры». Впрочем, по нашему мнению, Федосов, утверждая, что при Петре I Россия была поставлена «на уровень с передовыми европейскими державами как в экономическом и политическом, так и в культурном отношении», склонен преувеличивать достижения России в петровскую эпоху (ч. 2, с. 3). Трудно согласиться и с негативной оценкой политики ближайших преемников Петра I. С точки зрения автора, «до 1741 г. политика абсолютизма строилась на оппозиции петровским преобразованиям» (ч. 2, с. 14). Достаточно указать на то, что Академия наук была учреждена уже после смерти Петра I. По мнению Федосова, «новые качественные сдвиги в истории абсолютизма начали происходить во второй половине XVIII в.», когда «абсолютизм... пытается использовать некоторые» идеи Просвещения (ч. 2, с. 14—15). Если при Петре I поощрялись те сферы культуры, «которые в первую очередь были необходимы государству», а открывающиеся школы носили «по преимуществу прикладной, утилитарный характер», то «во второй половине XVIII в. складывается более широкое понимание значения науки, образования и культуры в целом» (ч. 2, с. 13—14). «Наиболее полно влияние просветительской философии проявилось в политике абсолютизма в области науки, просвещения, литературы и искусства» (открытие ученых обществ, создание большого количества новых журналов, поощрение книгоиздательства) (ч. 2, с. 18). Думается, однако, что влияние просветительской философии особенно полно выразилось в постановке вопроса о крепостном праве, утверждении определенной веротерпимости, запрещении пыток и пр. «Очерки» позволяют утверждать, что проблема просвещенного абсолютизма в России еще далека от решения.

В очерке М. Т. Белявского «Сословия и сословный строй» показан значительный сдвиг в уровне образованности дворян в последней четверти столетия. С изменениями в положении и в быту дворянства в XVIII в. автор связывает достижения в области архитектуры и других искусств (ч. 2, с. 27). Историк обращает внимание и на возникновение крепостной интеллигенции, а также подчеркивает вклад в культуру солдатских детей, которые имели возможность обучаться в школах (ч. 2, с. 36). О роли представителей других социальных категорий населения в развитии культуры Белявский не пишет. Он акцентирует внимание на низком образовательном уровне рядового духовенства и утверждает, что «основная... часть купечества держалась старых привычек старообрядчества и свойственного последнему враждебного отношения к новой светской культуре» (ч. 2, с. 35, 39—40). С последним тезисом согласиться трудно, ибо старообрядцы среди купцов составляли меньшинство.

В очерке о системе государственного управления (авторы Н. Б. Голикова и Л. Г. Кислягина) поставлена задача показать совершенствование «культуры управления» (ч. 2, с. 44). Много внимания уделено административным реформам при Петре I. В целом они оцениваются очень высоко. Как несомненное свидетельство «повышения культуры управления» рассматривается «организация органов надзора» (ч. 2, с. 106—107). Отмечается, что в петровскую эпоху не была завершена реформа местного управления (ч. 2, с. 73). В первые годы после смерти Петра, по достаточно обоснованному мнению авторов, продолжалось совершенствование «механизма дворянского государства», что выразилось в создании Верховного тайного совета в связи с недостаточной оперативностью Сената и проведении реформы местного управления (ч. 2, с. 76—77). Авторы подчеркивают, что в екатерининскую эпоху

усиливается самодержавный характер власти, и это, по их мнению, «отражало объективный процесс совершенствования системы управления абсолютистского государства» (ч. 2, с. 91, 97).

Авторы очерка, посвященного финансам (И. Г. Спасский и А. И. Юхт), рассказывают о российском бюджете XVIII в., пытаются хотя бы приблизительно установить долю расходов на науку и просвещение в конце столетия. Они высоко оценивают монетную реформу при Петре I, как имевшую «вполне национальный характер» и отличавшуюся «высокой культурой осуществления» (ч. 2, с. 131—132).

Л. Н. Вдовина подробно прослеживает, как изменялись правовые нормы и правовая практика, устройство суда и судопроизводство, развивалась правовая мысль и т. д. Автор констатирует «заметное влияние и на законодательство, и на правовую мысль последней трети XVIII в.» екатерининского наказа Уложенной комиссии (ч. 2, с. 167). По мнению Вдовиной, «неудачи кодификационной деятельности в XVIII в. коренились в самой абсолютистской форме правления» (ч. 2, с. 171). С этим трудно согласиться, так как законы в России все же были кодифицированы — в николаевскую эпоху. Нужно учитывать, что было технически очень сложно составить свод многочисленных российских законов. Не представляется убедительным утверждение Вдовиной, что «вершиной русской правовой мысли были взгляды... А. Н. Радищева». Гораздо более разработанную программу преобразований в области права и суда выдвигал, как показала и сама Вдовина, просветитель, профессор права С. Е. Десницкий (ч. 2, с. 184).

П. П. Елифанов и А. А. Комаров рассказывают о развитии военного искусства, фортификационного дела, подготовке офицерских кадров. Обращает на себя внимание крайне тенденциозная оценка Елифановым состояния военного дела при ближайших преемниках Петра I. Он склонен отрицать значение всего, что было сделано тогда в этой сфере (даже основание Шляхетского кадетского корпуса), голословно утверждая, что при Минихе «специальные знания получали немногие выпускники» этого учебного заведения (ч. 2, с. 209). Лишь при Елизавете Петровне, по мнению Елифанова, происходит «восстановление военного механизма государства, расстроенного насаждением пруссачества», что, по его словам, «потребовало огромных усилий» (ч. 2, с. 212). Трудно согласиться с утверждением историка, что в России XVIII в. существовали «высшая, представленная шляхетскими кадетскими корпусами, средняя и низшая... ступени военного образования» (ч. 2, с. 213—214). Было бы правильнее рассматривать шляхетские кадетские корпуса как средние специальные учебные заведения, а гарнизонные школы — как низшие.

Комаров признает, что с конца 20-х до начала 60-х годов флот переживал упадок (ч. 2, с. 248), но вместе с тем отмечает, что в 1732 г. была избрана удачная система управления флотом (ч. 2, с. 242). Комаров считает, что флот «был сгустком явлений новой культуры» и влиял «на становление новой светской системы образования», участвовал в развитии науки (ч. 2, с. 255).

Очерк «Школа и образование» написан М. Т. Белявским (вопросы образования затрагиваются и в ряде других очерков). Автор пишет о значении Славяно-греко-латинской академии для развития русской культуры. К сожалению, он допускает неточность, утверждая, что в школах допетровского времени преподавалась будто бы юриспруденция (ч. 2, с. 258). Обоснован вывод автора, что к концу первой четверти XVIII в. «в России в основном сложилась система духовной школы». По его мнению, «преподавание в духовных училищах оставалось чисто схоластическим» (ч. 2, с. 262—263). Представляется более верной точка зрения В. С. Шульгина, который в очерке «Религия и церковь» отмечает, что с 50-х годов «господство схоластики» в преподавании философии в семинарах «стало колебаться», «ведущее место заняла» уже система не Аристотеля, а Лейбница—Вольфа (ч. 2, с. 384). Складывание «единой системы светской школы» завершилось в 1780-е годы (ч. 2, с. 273). Интересны данные о социальном составе учащихся народных училищ, среди которых в начале 90-х годов был высок процент детей дворовых людей (ч. 2, с. 276). В связи с этим вызывает сомнение суждение автора, что «в последней трети XVIII столетия резко сократились возможности получения образования для детей низших сословий и сословных групп» (ч. 2, с. 280). Этот вывод доказан Белявским лишь в отношении солдатских детей. Показано развитие высшего светского образования в России, рассмотрены новые требования к методам преподавания в Московском университете, приведены сведения о численности светских учебных заведений и количестве учащихся к началу XIX века. В очерке затронут вопрос о педагогической мысли в России. Полемизируя с дореволюционными и некоторыми советскими историками, Белявский приходит к заключению, что нельзя характеризовать И. И. Бецкого «как «видного просветителя», стоявшего в одном ряду с Н. И. Новиковым и А. Н. Радище-

вым». Созданные и преобразованные Бецким учебные заведения, полагает автор, «должны были готовить верных слуг и защитников существующего строя». Трудно согласиться с его утверждением, что «мероприятия Екатерины II и Бецкого по воспитанию «новых людей» проводились в целях, прямо противоположных идеям просветителей» (ч. 2, с. 289). Бецкого, который стремился воспитать деятельных и гуманных «новых людей», следует считать просветителем, хотя и более умеренным, чем, например, Новиков.

Рассматриваемый очерк мог бы быть более полным. В нем, по сути дела, не вполне раскрыта деятельность в XVIII в. такого важного учебного заведения, как Славяно-греко-латинская академия (не остановился на ней и Шульгин). Не освещен также вопрос об уровне грамотности населения России (Громыко в своем очерке привела некоторые сведения о степени распространения грамотности среди государственных крестьян в конце XVIII в.).

В очерке «Книжное дело» (авторы Б. И. Краснобаев и Л. А. Черная) приводятся сведения о типографиях, изданиях, цензуре, библиотеках и пр. Авторы убедительно показывают, что «в XVIII в. ...книга заняла ведущее место среди культурных ценностей эпохи». Одной из важнейших причин бытования в России XVIII в. также и рукописной книги Краснобаев и Черная с полным основанием считают «официальный характер русской печатной книги» (ч. 2, с. 304). К сожалению, авторы не рассматривают вопроса о резком возрастании числа публикуемых книг в 60-е годы. О книгах, получивших распространение среди крестьян, достаточно подробно пишет Громыко в упомянутом выше очерке. Ею показана важная роль старообрядцев в обеспечении крестьян книгами, в том числе учебными.

В очерке «Русская периодическая печать» (автор С. С. Дмитриев) выделены два периода в истории русской периодической печати в XVIII в., разделяемых, по его мнению, 1759 годом, когда стал издаваться первый частный журнал «Трудолюбивая пчела». Может быть, правильнее было бы считать переломными 60-е годы, когда появилось значительное число таких журналов разного направления и началось формирование отраслевой периодики (ч. 2, с. 324—325). Охарактеризованы газеты XVIII в., показаны черты их сходства с рукописными газетами XVII в. и отличие от них, отражено содержание многих журналов.

В очерке В. С. Шульгина «Религия и церковь» православная церковь рассматривается как реакционная сила, выступавшая против «новой культуры». Характерными чертами культурно-политической концепции церкви Шульгин считает «традиционализм, православный изоляционизм, подчиненность религиозной догме всех сторон жизни, всех форм деятельности». С его точки зрения, эти же черты характеризуют и средневековую культуру (ч. 2, с. 356). Автор, думается, допускает односторонний подход к позиции церкви. В очерке встречаются противоречивые суждения. Так, утверждается, что русские иерархи не поддерживали петровских преобразований, и тут же признается, что среди них были «и такие.., которые с одобрением встречали некоторые не затрагивавшие непосредственно интересов церкви начинания Петра» (ч. 2, с. 359). Правильнее было бы сказать, что хотя церковь в определенной мере противилась тем преобразованиям Петра, которые ущемляли ее интересы, в целом она была служанкой абсолютистского государства и внесла немалый вклад в развитие просвещения в петровскую эпоху. Шульгин остановился на отношении церкви и государства к неправославным, особенностях обыденного религиозного сознания и пр. Светская власть подходила к неправославным с государственной точки зрения, а церковь — с религиозной, проявляя при этом религиозную нетерпимость. Предоставление в начале XVIII в. свободы вероисповедания иностранцам автор рассматривает как проявление принципа веротерпимости (ч. 2, с. 376). Думается, однако, что до веротерпимости в ту пору было еще далеко. Автор не упоминает о насильственной христианизации язычников и мусульман. В обыденном религиозном сознании характерно было «выдвижение на первый план обрядовой стороны... Мифология, обрядность и догматика самого христианства переосмысливались в духе прежней языческой религии». Это, с точки зрения автора, препятствовало проникновению «православного вероучения в глубины народного сознания, что значительно затрудняло выполнение христианством его основной социальной функции» (ч. 2, с. 377—378). Однако вопрос этот пока слабо изучен и поэтому трудно сказать, в какой мере «православное вероучение» проникало «в глубины народного сознания». Нужно учитывать и противоречивость самого христианства, возможность использования его идей и противниками господствовавших социальных порядков. Слишком резко противопоставляет Шульгин позиции государства и церкви в борьбе с «чародейством». Эта борьба недостаточно раскрыта, хотя выяснение этого вопроса имеет принципиальное значение для изучения перехода от средневековой к «новой культуре».

Большое внимание уделено развитию науки. Н. Ф. Уткина в очерке «Естественные науки» в общей форме рассмотрела предпосылки «утверждения позиций экспериментальной

науки» в России, которое она усматривает в растущей интенсивности «человеческой деятельности», разнообразии ее форм, новых тенденциях «в воззрениях на мир». Переход российского естествознания на качественно новую ступень ускоряли петровские преобразования в экономике и культуре страны. Новые учебные заведения были очагами распространения естественнонаучных знаний. Трудно, однако, согласиться с мнением Уткиной, что «абсолютистское государство было заинтересовано лишь в утилитарных результатах» развития естественных наук (ч. 3, с. 7). Если бы дело обстояло так, вряд ли бы возникла Академия наук. Преобладание в ней иностранных ученых, с точки зрения Уткиной, «в течение долгого времени поддерживалось сословной политикой государства», нежеланием его усиливать «третье сословие», откуда наука «черпала свои кадры». Как утверждает Уткина, «настороженное отношение к науке... предпочтение иностранцев русским ученым нанесли немалый урон русской науке». Однако эти тезисы, по сути дела, не доказываются. Едва ли правильно говорить о настороженном отношении абсолютистского государства к науке как таковой, хотя материалистические, атеистические идеи и преследовались. Преобладание же иностранных ученых среди членов Академии наук в течение долгого времени, очевидно, было связано главным образом с тем обстоятельством, что еще не было подготовлено достаточного числа русских ученых. Наука в России XVIII в., отмечает автор, «содействовала экономическому развитию страны, способствовала зарождению и формированию капиталистического уклада... несла в себе общедемократическое начало». Думается, здесь допускаются некоторые преувеличения. Если наука в России XVIII в. и способствовала развитию буржуазных отношений, то, очевидно, в незначительной мере. К тому же среди ученых были люди разных взглядов, в том числе и консервативных.

В большей мере, как представляется, автору удалась та часть очерка, которая посвящена отдельным естественным наукам. Она в целом достаточно объективно отразила вклад как работавших в России иностранцев, так и русских ученых.

В очерке «Медицина и здравоохранение» (авторы В. А. Ковригина, Е. К. Сысоева и Д. Н. Шанский) подчеркивается, что еще к концу XVII в. были заложены «основы государственной медицины». Первая же четверть XVIII в. рассматривается «как начало новой стадии в развитии медицины», хотя качественные изменения в ней, как показано в «Очерках», проявились с 60-х годов XVIII в. (появление новых форм «медицинского обслуживания населения», развитие научной мысли, издание медицинской литературы) (ч. 3, с. 55, 72).

В очерке «Географические знания. Экспедиции и открытия», написанном Л. Б. Хорошиловой, подчеркивается, что в работах С. У. Ремезова «в зародыше отразилось будущее направление русской географии — ее комплексный страноведческий характер» (ч. 3, с. 93). Вместе с тем показано, что при Петре I происходят коренные изменения в области географических знаний в России.

В очерке «Историческая мысль» (автор Д. Н. Шанский) раскрываются достижения русской историографии, но также указывается и на широкое распространение в то время «памятников донаучного периода», то есть сочинений, созданных до XVIII в. (ч. 3, с. 129). Шанский считает, что рационалистические «идеи в историографии XVIII в. не вступали в открытый конфликт с наследством предыдущих веков». По мнению автора, причина этого состояла в том, что в России носителями таких идей были дворяне, которые и придавали им «консервативные черты». Такое объяснение представляется явно недостаточным.

Однако мнение Шанского, что в России первой половины XVIII в. еще не завершился процесс превращения исторических знаний в науку, хотя и был сделан значительный шаг вперед в этом направлении, представляется вполне правомерным (ч. 3, с. 139).

Авторы очерка «Общественно-политическая мысль» М. Т. Белявский и Л. Г. Кислягина считают, что в ней «в первой половине века... господствовало официальное направление», а в дальнейшем «формируются различные течения — от консервативно-официального до просветительского» (ч. 3, с. 163, 211). Едва ли можно считать всех или почти всех идеологов первой половины XVIII в. представителями «официального направления». Свообразные взгляды были, например, у И. Т. Посошкова, выступавшего за ограничение крепостного права. М. В. Ломоносова же Белявский и Кислягина неправомерно противопоставляют другим мыслителям, без основания усматривая в его воззрениях «антифеодальную... направленность» (ч. 3, с. 175). Трудно согласиться и с мнением авторов, что Екатерина II, по инициативе которой был, по существу, поставлен вопрос о крепостном праве в России, принадлежала к консервативно-охранительному течению (ч. 3, с. 183—184). Скорее ее можно отнести к тому течению, которое авторы условно называют либерально-консервативным и представители которого, как они пишут, были «за сохранение крепостного права и сословного строя, но в подновленном, определенном твердыми законами виде» (ч. 3, с.

189). Белявский и Кислягина рассматривают просветительское направление как антикрепостническое (ч. 3, с. 183), однако подчеркивают, что относимый ими к просветителям А. Я. Поленов в своей известной конкурсной работе «не поставил вопроса» о ликвидации крепостнических отношений (ч. 3, с. 193). Характерной «для представителей просветительской мысли» Белявский и Кислягина считают, в частности, критику религии (ч. 3, с. 180). Но это явное преувеличение: большинство из названных ими мыслителей критиковали церковников, но отнюдь не религию. Думается, что особенности воззрений российских просветителей изучены еще далеко не в полной мере. Особенно важно выяснить вопрос об отношении к крепостному праву всех тех мыслителей, которых причисляют к просветителям, вскрыть различия в просветительской мысли России и западноевропейских стран. Вопросы о социально-политических представлениях народных масс Белявский и Кислягина почти не затронули. По сути дела, не обоснован их вывод, что «в сочинениях, вышедших из народной среды, и документах булавинского восстания» содержалось «полное отрицание основ феодального строя» (ч. 3, с. 171). Громыко же в своем очерке остановилась лишь на социальных утопиях, воспринятых некоторыми группами крестьян.

Авторы очерков, посвященных литературе и отдельным видам искусства, стремятся показать воздействие на них общественных, особенно просветительских, идей. Дается четкая периодизация их истории в связи со сменой определенных направлений, стилей. Подчеркнуто, что русские литература, архитектура, изобразительное искусство развивались очень быстро (ч. 3, с. 212, ч. 4, с. 151). Показано влияние западноевропейских образцов. Вместе с тем не упускается из виду и роль национальных традиций. В очерке В. И. Федорова «Литература» отмечается сохранение ряда «традиционных особенностей древнерусской литературы» в первые три десятилетия XVIII в. (ч. 3, с. 214). Федоров видит одну из основных закономерностей развития литературы в «ее неуклонной демократизации», в частности под влиянием просветительских идей (ч. 3, с. 212, 235). Однако наблюдалась и противоположная тенденция, связанная с возрастанием роли дворянства в культурной жизни России. Не случайно главными героями всех наиболее значительных повестей, относимых Федоровым к первым десятилетиям XVIII в., в отличие от более ранних, были дворяне. В очерке А. И. Горшкова «Русский язык» прослеживается процесс складывания русского литературного языка.

О. А. Державина и Г. В. Москвичева освещают историю театров (в частности, народных балаганных, продолжавших традиции скоморохов). Музыка, подчеркивает Ю. В. Келдыш, несколько запаздывала в своем развитии по сравнению с другими видами художественного творчества (ч. 3, с. 345).

Архитектура и градостроительство, отметил В. В. Кириллов, в XVIII в. выходили «на общеевропейский путь развития», что требовало подготовки новых кадров (ч. 4, с. 7). Национальные традиции предопределили своеобразие русской архитектуры XVIII века. В «Очерках» рассмотрены особенности и достаточно традиционные народной скульптуры и провинциальной живописи. При этом затрагивается вопрос о взаимном влиянии профессионального и народного искусства. Однако не показано, в чем конкретно состояло воздействие второго на первое.

В рецензируемом труде, конечно, сделан определенный шаг по пути исследования особенностей русской культуры XVIII века. Довольно обстоятельно охарактеризованы многие ее стороны, причем полнее, чем в каких-либо других трудах, отражены и черты, унаследованные от предшествующего времени, и влияние западноевропейской культуры. В отдельных очерках читатель может найти новые фактические данные (особенно это относится к очерку «Культура сельскохозяйственного производства»). Однако недостаточно внимания уделено обобщенной характеристике культуры русского народа в XVIII в. в целом. Необходима обстоятельная разработка истории перерастания средневековой культуры в культуру нового времени, выяснение всех факторов этого процесса, взаимосвязи материальной и духовной культуры. Нуждается в осмыслении вопрос о воздействии на русскую культуру украинской и белорусской (он, по сути дела, не затрагивается в сборнике), ибо культурные связи между восточнославянскими народами (особенно русско-украинские) в XVIII в. были весьма интенсивными. Особенности культуры русских крестьян также выяснены еще далеко не в полной мере, как и взаимосвязи между культурами социальных верхов и основной массы населения России XVIII в., между профессиональным и народным искусством.

Л. В. ВОЛКОВ

Сборник статей о реформах 1860—1870-х годов подготовлен большой группой российских и зарубежных историков¹. В основу его положены материалы состоявшейся в мае 1989 г. в Пенсильванском университете (Филадельфия, США) научной конференции, посвященной Великим реформам. В книге представлены взгляды как российских, так и ряда западных ученых на реформаторский процесс в России и особенности ее экономического и социального развития во второй половине XIX века.

Издание посвящено памяти профессора Московского университета П. А. Зайончковского, оставившего глубокий след в отечественной историографии благодаря и своим работам, и педагогическому наставничеству. Под его руководством проходили стажировку многие американские историки. Школа Зайончковского способствовала сближению ученых России и США, обмену идеями и профессиональным опытом. Большинство как российских, так и зарубежных авторов сборника в той или иной мере имеют отношение к этой школе или испытали на себе ее влияние.

Историографической ситуации, в которой появилась книга, посвящена статья Э. Глисона (США). Она представляет собой одну из первых попыток оценить то, что было сделано за последние 25—30 лет американскими славистами, изучавшими историю России XIX столетия, а также рассмотреть особенности исследовательского подхода к истории России в российской и зарубежной историографии. В статье много заслуживающих внимания замечаний в адрес отечественной историографии и отдельных ее представителей. Однако автор не сделал и попытки критического осмысления трудов американских историков. Он лишь подчеркивает, что интерес к изучению государственных институтов России и ее бюрократии у американских историков «в основном уже иссяк» и они переключились на изучение «проблем социальной истории» (с. 20). Рассуждая о взглядах советских историков, Глисон порою отождествляет их с официальной идеологией. Но если бы это было так, то невозможно было само существование школы Зайончковского.

Автор ставит в своей статье интересный вопрос о возможности «формирования единой историографии России» при участии отечественных и зарубежных исследователей и призывает историков быть достойными этой «грандиозной задачи» (с. 20). Если понимать под «единой историографией» единство взглядов, то такая задача едва ли выполнима и вряд ли отвечает интересам науки. Вместе с тем деловое научное сотрудничество в изучении важных проблем российской истории весьма плодотворно, чему примером и является сборник.

Статьи сборника объединены общим стремле-

нием авторов рассмотреть Великие реформы как шаг от регулярного полицейского к правовому государству. Тема построения в России «гражданского общества», которая специально рассматривается в заключительном разделе сборника, по существу проходит через всю книгу. Первый ее раздел посвящен политике реформ и открывается обстоятельными статьями Л. Г. Захаровой и А. Дж. Рибера (США). Оба автора констатируют, что в результате реформ произошла трансформация русского общества, в котором наметились необратимые перемены.

Захарова обращает внимание на особую роль в этом процессе политики гласности и «Судебных уставов»: «Они не только создали новый, современный буржуазный суд, но в определенной степени установлением норм правового порядка в сфере юридической несколько ограничили самодержавную монархию» (с. 39). Автор подчеркивает, что реформы имели незавершенный характер, а приобщение «основной массы населения, миллионов крестьянства к гражданской жизни» происходило в условиях усиления государственной власти над экономикой и обществом (с. 42).

По мнению Рибера, в результате реформ было создано «новое, более сложно организованное общество» (с. 69) и «заложен фундамент русской политической культуры новейшего времени» (с. 44). Развитие промышленности, урбанизация, повышение уровня грамотности и социальной мобильности способствовали оформлению в обществе групповых интересов: социально-политических, этнических и региональных. Автор выделяет четыре бюрократические партии, возникшие «на основе общности групповых интересов»: «экономисты», «инженеры», «военные» и «фракция П. А. Шувалова» (последняя сформировалась из «партии плантаторов» и отстаивала интересы аристократии).

В статье показаны борьба сторонников Шувалова с «военными» и «экономистами», а также попытки его установить контроль над министерствами, связанными с охраной общественного порядка, и заменить на административных постах своими ставленниками «константиновцев» (либерально настроенных чиновников, сплотившихся вокруг брата Александра II Константина Николаевича; эта группировка была весьма влиятельной в первое десятилетие царствования Александра II). В этой борьбе группировок Рибера видит признаки того, что самодержец «начал терять контроль над процессом управления» (с. 69).

Рибера не связывает фракцию Шувалова с партией контрреформ, хотя упоминает о его претензиях на посредничество между М. Н. Катковым и царем². Итак, Шувалов не может быть отнесен к числу либеральных реформаторов. Он скорее мог бы быть назван консервативным реформато-

ром, в отличие от либералов из партий «экономистов» и «военных», где видную роль играли М. Х. Рейтерн и Д. А. Милютин.

Статья Рибера еще раз обращает наше внимание на то, что борьба, развернувшаяся накануне 1880-х годов между противниками и сторонниками реформ в правящих сферах, имела более сложный характер, чем это представлялось до сих пор историкам. С одной стороны, шел процесс ограничения и консервативной корректировки реформ, который современники часто называли «попятным движением», а с другой — либеральные реформаторы из Министерства финансов в 1880-х годах провели отмену подушной подати и подготовили ряд экономических реформ, реализованных уже в 1890-х годах С. Ю. Витте. В связи с этим возникает вопрос, насколько приемлемо распространенное в отечественной историографии понятие «эпоха контрреформ» и отражает ли оно реальное положение вещей. Когда началась и завершилась эта эпоха?

Д. Филд (США) назвал свою статью «1861: "Год юбилея"». Она написана в присущей автору парадоксальной манере. Поскольку один из эпиграфов к статье — «Близится царствие Божие и будет год юбилея» — взят из духовной песни (спиричуэлс) американских рабов XIX в., то читатель вправе надеяться на какие-то исторические сопоставления, связанные с отменой рабства в России и США. Однако автор осторожен и, к сожалению, скуп в такого рода сравнениях. Лейтмотив его статьи состоит в том, что реформа хотя и избавила крестьян от крепостной зависимости, но не обеспечила им полной свободы и «1861 г. отнюдь не стал библейским «юбилейным» годом» (с. 74).

Статья содержит ряд интересных и тонких наблюдений по поводу восприятия крестьянами манифеста и «Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», а также их отношения к правительственной трактовке понятия земельной собственности. Филд пишет о культурной пропасти между «крошечной космополитичной элитой» в России и «народом», состоявшим из крестьян. Эта пропасть образовалась, по мнению автора, «вследствие сословных различий, связанных с окончательным оформлением крепостного права в Соборном уложении 1649 г.», а затем расширилась и углубилась благодаря реформам Петра I. Филд видит причинную связь не только между крестьянской реформой 1861 г. и событиями революции 1905 г., но и между 1649 и 1861 гг. (с. 82).

Первый раздел сборника завершает статья Ст. Хока (США). Она отличается несомненной новизной. Хок обращает внимание на то, что правительство в России «не потратило ни копейки» на проведение крестьянской реформы в отличие от Пруссии и Австрии, где государство оплатило значительную часть расходов, связанных с выкупной операцией. Навязанные крестьянам жесткие условия выкупа, по мнению Хока, были следствием финансового

кризиса и даже краха государственных кредитных учреждений. Правительство должно было разработать «политику индустриализации исключительно для России», а не заимствовать зарубежные методы финансирования. Из статьи не вполне ясно, как представляет себе автор, хотя бы в общих чертах, эту политику. Концепция Хока несомненно привлечет внимание к проблеме общей экономической оценки реформы. Остается открытым вопрос — насколько она способствовала превращению в предпринимателей не только русского крестьянина, но и помещика.

Экономическому значению реформы специально посвящены и статьи второго раздела книги: П. Готрелла (Англия), Д. Крисчна (Австралия), а также Дж. У. Киппа (США). Если Готрелл призывает осторожно оценивать экономическое влияние реформ, которые, по его убеждению, только «совпали с периодом экономического роста, а не положили ему начало» (с. 124), то Крисчн и Кипп как раз пишут о серьезных экономических последствиях реформ. Крисчн еще раз напоминает о значении отмены в 1863 г. винных откупов, о том, что реформа высвободила огромные средства для более продуктивных капиталовложений, нанесла удар по коррупции и означала «переход русского общества к более современным формам государственного устройства» (с. 137—138)³. Кипп рассматривает развитие российского флота и роль в этом реформаторов из военно-морского ведомства как попытку правительства преодолеть экономическую и техническую отсталость, характерную для России середины XIX века.

Таким образом, Крисчн и Кипп не разделяют концепции Готрелла, которая находится в противоречии и со взглядами Хока и редакторов сборника на выкупную операцию (см. с. 101, 121). Готрелл обращает внимание на необходимость более тщательного изучения процессов накопления капиталов в России в условиях господства феодальных отношений и внеэкономического принуждения, а также корректировки наших представлений о цикличности экономического развития России. Однако сама эта цикличность едва ли может быть поставлена под сомнение. Ведь необходимость проведения в 1860—1870-х годах именно Великих реформ, а не обычных преобразований, была обусловлена предшествовавшим этому длительным периодом застоя, отмеченным экономическим отставанием России.

В двух следующих разделах сборника рассматриваются пореформенные институты и проблемы правового государства. Тема раскрепощения сил общества в результате реформ получила свое развитие в статьях Н. Ф. Устьянцевой «Институт мировых посредников в крестьянской реформе» и А. К. Афанасьева «Присяжные заседатели в России. 1866—1885 гг.». Эволюция государственного устройства России в конституционном направлении исследуется в статьях

Ф. А. Петрова и В. А. Нардовой. Можно только пожалеть, что оба автора сравнительно мало внимания уделяют анализу механизма функционирования органов местного самоуправления и их взаимодействию с правительственными структурами. Статья Дж. Бушнелла (США) близка по своему характеру к уже упомянутой статье Киппа. В то же время Бушнелл затрагивает чрезвычайно важную тему: влияние реформ в гражданском обществе на военную программу Милютина.

Насколько реформы способствовали развитию в России гражданского общества? На этот вопрос пытаются ответить Э. Кимбэлл (США) и Т. Тарановски (США). В подходе к проблеме гражданского общества в России Тарановски опирается на традиции русской юридической школы, а также на достижения современных американских историков. В статье рассматривается процесс модернизации русского общества, начиная с царствования Петра I. Тарановски отмечает особое значение судебной реформы, логическим следствием которой и должно было стать правовое государство. Он характеризует период между реформами 60-х годов XIX в. и революцией 1905 г. как время ожесточенной борьбы чиновников-консерваторов, сторонников традиционного полицейского государства, и либералов-реформаторов, стремившихся «модифицировать русское самодержавие». «Реформы 60-х годов привели к революции 1905 г., — пишет Тарановски, — не только потому, что они подорвали существовавший порядок, но и потому, что они подорвали его недостаточно» (с. 315).

Оценивая состояние русского общества в пореформенный период, Кимбэлл отмечает как фактор формирования гражданского общества появление разнообразных добровольных объединений вроде Литературного фонда, Шахматного клуба, комитетов по распространению грамотности, и им подобных. Существенно дополняют его наблюде-

ния данные, содержащиеся в статье А. Линденмейер (США) и также свидетельствующие о развитии в русском обществе пореформенного периода гражданского сознания.

Сборник завершает статья С. Д. Кэссоу (США). Анализируя историю принятия университетского устава 1863 г., автор приходит к выводу, что реформаторами была упущена возможность обеспечить российским университетам особое положение и гарантировать в них «баланс сил» между государством, профессорско-преподавательским составом и студенчеством.

Материалы сборника открывают новые возможности для определения места Великих реформ в процессе развития российской государственности, а также в событиях мировой истории второй половины XIX в., таких, например, как отмена рабства в США или реставрация Мэйдзи в Японии.

Член-корреспондент РАН
Б. В. АНАНЬИЧ

Примечания

1. Под редакцией Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. Американская версия сборника подготовлена издательством «Индиана пресс», выход в свет ожидается в этом году.
2. О сложном характере программы П. А. Шувалова см.: ЧЕРНУХА В. Г. Борьба в верхах по вопросам внутренней политики царизма (середина 70-х годов XIX в.). — Исторические записки. Т. 116.
3. CHRISTIAN D. «Living Water»: Vodka and Russian Society on the Eve of Emancipation. N. Y. 1990. Статья Крисчна — реферат этого исследования.

О. В. МАРТЫШИН. *Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики.* М. Российское право. 1992. 384 с.

Работа доктора исторических наук О. В. Мартышина представляет собой первое историко-правовое исследование средневекового Новгорода. В центре внимания автора — системный анализ основных политических институтов, рассмотрение роли и значения отдельных социальных групп и прослоек общества, разбор различных отраслей права (включая и международное) одного из крупнейших городов средневековой Европы.

Автор обстоятельно характеризует литературу по данной теме. К сожалению, за рамками историографического анализа остались работы, вышедшие после 1985 года¹. Говоря о концепции ис-

тории Новгорода, предложенной акад. В. Л. Яниным, Мартышин замечает, что ряд вопросов (относящихся к социальной структуре, происхождению и периодизации республики, становлению ее исполнительных и судебных органов, датировке важнейших памятников права и т. п.) трактуется Яниным «спорно или недостаточно аргументированно» (с. 30). Собственно, перечисленные вопросы и стали предметом исследования. В их трактовке Мартышин нередко следует построениям И. Я. Фроянова, и в частности полагает, что советские историки искусственно преувеличивают степень феодализации

Новгородской земли на ранних этапах ее развития.

Переходя к анализу эволюции государственного строя Новгорода, автор предлагает свою периодизацию (с. 93—94). Согласно ей первый этап охватывает время до рубежа X—XI веков. Политический строй Новгорода в это время не отличался своеобразием, поскольку вече как институт до середины XIII в. функционировало повсеместно. Второй этап — с конца X — начала XI в. до конца XIII в. — отмечен активной борьбой за свободу выбора и смещения князей и посадников, становлением органов республиканской власти. Возникновение посадничества нового типа относится ко времени после 1125 года. Вряд ли, однако, можно согласиться с мнением Мартышина, что замена Всеволода Мстиславича и события 1136 г. вызваны были «нуждами новгородской торговли». Конец XIII в. автор считает важным рубежом, когда оформилась Новгородская боярская республика. Третий этап развития Новгорода — XIV—XV вв. — время его расцвета. Автор полагает, что олигархического правления в Новгороде не существовало: оно выдумано историками. Поскольку Новгород противостоял Москве и пытался заключить союз с Литвой, исследователи — хотели они того или нет — бросали тень на политический строй Новгорода XV в., стремясь подчеркнуть его обреченность (с. 93).

Автор исследует различные группы населения Новгорода — бояр, купцов, ремесленников, земледельческое население, холопов, духовенство. Экономической основой боярства Мартышин считает крупное землевладение, а главным источником его доходов — кормление, связанное со сбором государственных доходов. В подтверждение приводится цитата из Новгородской первой летописи с изложением событий 1207 г., когда Дмитрий Мирошкинич был обвинен в том, что повелел «на новгородцах серебра имати, а по волости куны брати, а по купцем виру дикую, и повозы возити и иное все зло». Однако там, где Мартышин видит постоянный обычай, для летописца — всего лишь нарушение определенных норм. Для иллюстрации своей точки зрения автору следовало бы указать на найденные археологами на территории боярских патронимий деревянные цилиндры-бирки (древнейшие из них обнаружены уже в дохристианских слоях X в.)². Новгородские бояре первоначально выступали как доверенные лица княжеской администрации при сборе дани, и, разумеется, получали от этого определенный доход.

Другой источник доходов боярства, по Мартышину, — ростовщические операции. Он опять ссылается на события 1207 г., когда на разграбленных дворах Дмитрия были найдены доски — долговые обязательства. К сожалению, автор игнорирует богатейший материал о ростовщичестве в берестяных грамотах. Так, грамота № 526 (последняя треть XI в.) содержит запись долгов лиц, живущих достаточно далеко от Новгорода: в Русе, на реках Луге

и Шелони, оз. Селигер, в Дубровине³. Это дает представление о размахе ростовщических операций боярства. Лишь после накопления известных средств указанными путями боярство приступило к широкой скупке земель. Приведенные данные свидетельствуют о том, что становление новгородского боярства надо относить к X—XI вв., а не к XII—XIII вв., как это делает Мартышин.

В разделе о ремесленниках не сказано о явном преобладании вотчинного ремесла в Новгороде. Анализируя правовое положение холопов, автор не использовал такой важный источник, как «Устав о холопстве» Пространной Русской правды, имевший, по мнению М. Н. Тихомирова, новгородское происхождение. Сомнительна и трактовка «жителей» как зажиточных торгово-промышленных людей (с. 160).

Говоря о государственном строе Новгорода, Мартышин подвергает сомнению выводы Янина относительно эволюции посадничества. По мнению автора, Янин «дал слишком большую волю фантазии», отнеся возникновение посадничества нового типа к 80-м годам XI века. Мартышин считает метод соотнесения булл (вислых печатей) конца XI — первой трети XII в. с известными по письменным источникам именами посадников неубедительным, поскольку совпадения имен могли быть случайными. Не принимается автором отождествление Завида (первое из восьми имен, следующих за посадником середины XI в. Остромиром в посадническом списке «А») и протопроедра Евстафия, известного по буллам этого времени. По мнению Мартышина, Евстафий мог быть и просто советником из окружения князя. Но сфрагистам известны до конца XI в. всего четыре типа булл: княжеские, митрополичьи, Ратибора и Евстафия. Рядовой советник не мог обладать правом скрепления документа буллой, оно могло принадлежать только крупному должностному лицу. И вполне оправданно видеть в печатях протопроедра Евстафия начальный этап эволюции посаднической печати.

На тысяцких автор распространяет те же сомнения, что и на посадников. Мартышин отрицает причастность тысяцких к сотенному управлению, так как это создавало бы чересполосицу территориально-административных структур и препятствовало осуществлению нормального управления. Но, как доказали исследования археологов, чересполосица концов и сотен в Новгороде возникла исторически. Пустые пространства между концами, в основе которых лежали крупные боярские патронимии, заселялись непривилегированным населением, образовавшим сотни. Кроме того, надо иметь в виду, что чересполосица вообще чрезвычайно характерна для феодального землевладения, в том числе и городского.

Боярский совет рассматривается автором как выросший из княжеской думы (с. 222). Предпочтительнее более обоснованная материалом источников точка зрения о его возникновении в ходе

преобразований конца XIII— начала XIV века. Вопреки утвердившейся точке зрения об изначальной вторичности княжеской власти по отношению к городу, Мартышин однолинейно трактует князя как прежде всего военачальника. Думается, здесь нужны более точные акценты. Постоянной и главнейшей функцией князя в Новгороде было руководство судом и законодательное оформление всех официальных документов. Мартышин утверждает, что Новгород не признавал суверенитета какого-либо князя (с. 238—239). Однако и в период расцвета Новгород никогда не выходил из системы великого княжества Владимирского.

Автор указывает на противоречивость государственного строя Новгорода, ограниченность его республиканизма (относя его лишь к самому городу Новгороду), и предлагает говорить о «самодержавном характере республики», что, по мнению Мартышина, очень точно определяет взаимоотношения Новгорода и подчиненных ему земель. Но спорно все же приписывать Новгородской республике колониальный характер (с. 266) и даже обнаруживать национально-освободительную борьбу на ее окраинах (с. 173). Понятия из новой и новейшей истории вряд ли допустимо переносить на средневековье. Протестуя против определения политического строя Новгорода как олигархического, автор определяет форму правления в нем как смешанную — присутствовал как демократический, так и аристократический, и даже в какой-то мере монархический элемент (князь).

Анализ Мартышиным правовой системы Новгорода представляет наибольший интерес. Он попытался рассмотреть все отрасли права в Новгородской республике, прослеживает зависимость конкретных норм ее права от вечаевого быта. В области уголовного права здесь впервые на Руси отпочковалась категория государственного преступления, впервые наблюдается отказ от повышенной законодательной охраны жизни и собственности привилегированной части населения, очень рано выдвинулось и достигло определенного уровня развития гражданское право, отмечаются элементы гражданской правоспособности женщин.

Судоустройство подразделяется автором на вотчинные, монастырские и частных лиц, духовные, смесные (двух феодалов и др.), третейские и государственные суды. Последние состояли из вечаевого суда, совместного суда посадника и князя, суда

тысяцкого, суда соцких и суда докладчиков. Детально рассмотрен в книге и судебный процесс и его стадии: обращение в суд, целование креста, вызов в суд, принятие мер пресечения, собственно суд, промежуточная стадия — пересуд, исполнение решения. Автор касается таких важных вопросов, как судебные сроки, документация, пошлины, стороны и представители сторон, третьи лица в суде, соединимость различных дел в одном производстве, виды и соотношение доказательств.

Вполне обоснованными представляются выделенные автором особенности судопроизводства Новгорода (с. 369). К сожалению, недостаточно использованы берестяные грамоты, что в определенной мере обедняет выводы автора. Между тем эти грамоты отражают конкретные юридические казусы, привлечение которых не только позволило бы уточнить и конкретизировать положения памятников письменного права, но и зримо представить себе действующих лиц судебного процесса, каким был, например, Олисей Гречин — священник, претендент на архиепископскую кафедру и художник одновременно, имевший усадьбу в Людином конце города. Что касается международного права, то автор несколько модернизировал средневековые его нормы. Вряд ли можно искать в договорах средневековых государств принципы равноправия и стремления к сотрудничеству.

При всей историографической и источниковедческой односторонности рецензируемая книга может рассматриваться как первый шаг на пути обобщения и анализа всего достигнутого в исследовании средневекового Новгорода, особенно его судебно-правовой системы.

А. Б. МАЗУРОВ

Примечания

1. См.: История и культура древнерусского города. Сб. статей. М. 1989; ЯНИН В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. М. 1990.
2. ЯНИН В. Л. Археологический комментарий к Русской правде. В кн.: Новгородский сборник. М. 1982, с. 149.
3. АРЦИХОВСКИЙ А. В. Берестяная грамота № 526. В кн.: Древняя Русь и славяне. М. 1978.

А. П. ПРОНШТЕЙН. *Источниковедение в России. Эпоха капитализма.* Ростов-на-Дону. Изд-во Ростовского университета. 1991. 664 с.

Рецензируемая книга представляет собой продолжение монографии «Источниковедение в России. Эпоха феодализма»¹ (Ростов н/Д. 1989). Автор следующим образом заявляет о предмете своего ис-

следования: «Во-первых, методологические взгляды историков, сыгравших большую роль в развитии источниковедческой мысли во второй половине XIX — начале XX в.; во-вторых, процесс накопле-

ния конкретных знаний об источниках, их группах, комплексах, видах и типах и, в-третьих, развитие на этой основе теории и методики источниковедения» (с. 4). Но поскольку исследовать все эти три темы в одной книге невозможно, автор сужает задачу работы до «монографического изучения творчества отдельных представителей исторической науки, которые в тот или иной период ее развития уделяли внимание разработке проблем источниковедения» (там же).

Хотя «представители исторической науки» персонифицированы именами С. М. Соловьева, К. Н. Бестужева-Рюмина, В. О. Ключевского, Д. Я. Самоквасова, С. Ф. Платонова, В. С. Иконникова, В. И. Сергеевича, А. А. Шахматова, Н. И. Кареева, А. С. Лаппо-Данилевского, это все же еще не вся историческая наука. Для того чтобы хотя бы отчасти восполнить пробелы, автор дополняет главы о творчестве названных историков очерками об изучении во второй половине XIX — начале XX в. некоторых комплексов исторических источников: русских летописей, законодательных актов, материалов писцового делопроизводства, литературных памятников. Так, наряду с главой «А. А. Шахматов и развитие летописного источниковедения в России» в книге есть глава «Разработка русских летописей (до А. А. Шахматова)».

Очерки об отдельных историках помещены в монографии в порядке создания ими важнейших трудов, а заглавия частей первой («Становление и развитие источниковедения как научной исторической дисциплины во второй половине XIX в.») и второй («Источниковедение в России в конце XIX — начале XX в.») свидетельствуют о замысле автора проследить процесс разработки проблем источниковедения в отечественной историографии. Каждая из глав книги достаточно автономна, и лишь в совокупности они дают общее представление об историографии отечественного источниковедения.

Название книги «Источниковедение в России. Эпоха капитализма» — не вполне точно. Фактически в книге прослеживается, как во второй половине XIX — начале XX в. изучались и использовались источники, возникшие до середины XIX века. А это означает, что в книге не поставлена проблема применения опыта исследования источников более ранних периодов при изучении источников, создаваемых в новую историческую эпоху.

В работе собран большой фактический материал об источниковедческих сюжетах в трудах историков второй половины XIX — начала XX в., рецензиях на эти труды и оценке их в позднейшей историографии. Некоторые выводы автора нуждаются, однако, в более весомой аргументации, уточнениях, комментариях. Так, отметив «непрерывный рост числа ученых, интересы которых сосредоточивались на исследовании общих и частных проблем источниковедения», автор резюмирует: «Трудно назвать какую-нибудь страну, где источниковедение стояло бы в это время на таком же высоком уровне, как в России» (с. 550—551). Думается, вы-

вод о «непрерывном росте» числа источниковедов в рассматриваемый период требует более конкретного подтверждения. Утверждение же о превосходстве отечественной исторической науки в разработке проблем источниковедения по сравнению с другими странами также должно быть, как нам представляется, уточнено и конкретизировано на основе соответствующих сравнительных исследований.

Сам по себе бесспорный и давно установленный факт сосредоточения в конце XIX — начале XX в. многих отечественных ученых на разработке проблем источниковедения трактуется в историографии неоднозначно. В частности, отмечается, что активизация источниковедческих исследований в капиталистическую эпоху отражала «определенное поступательное движение научного познания», однако «уход многих ученых исключительно в специальные источниковедческие проблемы, углубленная источниковедческая работа значительно опережали разработку общих концептуальных проблем»².

С позиций современного источниковедения можно глубже понять результаты, полученные в области этой дисциплины во второй половине XIX — начале XX века. Многие из того, что было достижением в то время, стало анахронизмом. Характеризуя фундаментальный труд Иконникова «Опыт русской историографии», в котором была предпринята попытка подвести итоги разработки проблем источниковедения во второй половине XIX в., автор пишет об обосновании принципа деления исторических источников на «остатки и предания» (с. 548). К сожалению, отношение самого Пронштейна к этому принципу классификации источников никак не обозначено, и читатель вправе сделать вывод о том, что она принята и современной наукой.

Между тем в современном источниковедении проблема исторического источника рассматривается с позиций учения об информации, в соответствии с которым возникновение большинства исторических источников, зафиксировавших социальную информацию, понимается как процесс отражения объективной реальности субъектом — творцом источника. В силу этого очевидна неправомерность противопоставления «остатков» — источников, которые являются элементами действительности, — «преданиям» — якобы лишь отражающим эту действительность через сознание субъекта. «Все виды источников и представляют собой результат отражения действительности субъектом, и являются компонентами действительности, продуктом деятельности субъекта; следовательно, одновременно выступают и как «остатки» и как «предания»³.

Соотнесение достижений отечественного источниковедения второй половины XIX — начала XX в. с современным уровнем этой дисциплины дает возможность представить, что сохранило значение, пройдя испытание временем, а что оказалось проходящим. Сегодня отечественное источниковедение во многом опирается на достижения науки

XIX — начала XX века. В частности, некоторые методы количественного анализа применялись еще в XIX в. для обработки данных, собранных земскими статистиками.

Книга Пронштейна по истории отечественного источниковедения позволяет лучше понять и оценить современный уровень этой научной дисциплины.

А. Г. ГОЛИКОВ

Примечания

1. См. рецензию А. В. Лубского. — Вопросы истории, 1990, № 11.
2. САХАРОВ А. М. Историография истории СССР. Досоветский период. М. 1978, с. 210.
3. КОВАЛЬЧЕНКО И. Д. Методы исторического исследования. М. 1987, с. 115—116.

Белая книга о депортации корейского населения России в 30—40-х годах. Книга первая. М. Интерпракс. 1992. 205 с.

Авторы-составители этой публикации — директор Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований Дипломатической академии МИД России, доктор исторических наук профессор Ли У Хе (Ли Вл. Ф.) и президент Международной конфедерации корейских ассоциаций СНГ кандидат философских наук доцент Ким Ен Ун (Ким Е. Е.) — провели большую поисковую и аналитическую работу. В книгу вошло свыше 100 документов из государственных и ведомственных архивов России, Казахстана, Узбекистана, большая часть которых публикуется впервые.

Собственно документальная часть сгруппирована в три проблемно-хронологических раздела и предваряется очерком Ли У Хе «Трагедия и возрождение российских корейцев», в котором сжато излагается почти 130-летняя нелегкая история корейцев в России: причины их эмиграции, адаптация на российской почве, участие в политической и хозяйственной жизни в первые десятилетия советской власти и, наконец, трагедия депортации и политических репрессий конца 30—40-х годов. Документы снабжены научными комментариями.

Раздел первый «В канун тотальной депортации» открывается «Уставом Союза корейцев, проживающих на территории СССР», подписанным председателем СНК А. И. Рыковым 10 июня 1924 года. Согласно «Уставу», корейская община обрела широкие юридические права и возможности в возрождении национальной культуры. Однако к концу 30-х годов эти возможности в условиях сталинского режима были сведены на нет. Одной из самых крупных политических акций советской власти, направленных на удовлетворение национальных чаяний корейского национального меньшинства, составители считают учреждение по предложению самих корейцев, а также Восточного отдела Коминтерна, института уполномоченного по корейским делам при президиуме Дальневосточного революционного комитета (док. № 2 от 4 декабря 1924 г.).

В марте 1919 г. в Корее началось народное антияпонское восстание, и находящиеся в России члены патриотической организации — Корейского

национального совета — подготовили «Декларацию независимости Кореи» (док. № 4). Составители вполне обоснованно именуют ее «одним из самых оригинальных и бесценных документов национальной истории Кореи начала XX в.» (с. 45). «Декларация» содержала призыв к международному сообществу справедливо решить дальневосточную проблему, и по целому ряду положений (упование на четырехтысячелетние национальные традиции, просветительский потенциал христианства и других религий и т. д.) разительно отличалась от левозкстремистских программ коммунистических группировок, за что и была ими отвергнута.

Ряд документов касается текущей жизни корейского населения Приморья в 20-е годы, которому пришлось преодолевать многочисленные хозяйственные и политические трудности, усугубляемые некомпетентностью и произволом местной партийно-государственной бюрократии. В письме бывших корейских партизан (по моим сведениям, членов первых корейских коммунистических групп в России) от 25 декабря 1922 г., адресованном в Наркомзем РСФСР (док. № 6), говорится о тяжелом экономическом положении корейцев Приморья, мало изменившемся и после революции: земельном голоде, нехватке средств на орошение, на сельхозинвентарь, об отсутствии поддержки со стороны государства. Авторы письма обращаются с единственной просьбой — предоставить ссуду, причем на строго оговоренных условиях ее полного и скорейшего погашения.

Письмо было одобрено Хан Мен Се, одним из руководителей корейской коммунистической организации в России, который на следующий день сам обратился в Наркомнац РСФСР с изложением концепции национально-культурного самоопределения российских корейцев (док. № 5). Свою идею Хан Мен Се обосновывал необходимостью ликвидации «очагов японского шпионажа», оздоровления корейского населения, «испытывшего влияние японской пропаганды», предотвращения экономического проникновения японцев на территорию Приморья. Составители указывают на «довольно противоречивый»

характер документа, содержащего «ряд неточных и субъективных оценок» (с. 48).

Очевидно, в данном случае корейский политический лидер, не особенно надеясь на способности местной и центральной бюрократии решать весьма сложные проблемы национальной политики, прибег к понятному для своих адресатов тезису о внешней угрозе и предложил создать столь же понятный им механизм — «подсобный корейский административный центр при Дальневосточном ревкоме в виде секции или отдела». Активное участие самих корейцев в принятии решений хотя бы на таком уровне могло быть плодотворным. На это обращение последовала неожиданная реакция: «уракоммунисты Дальнего Востока», как их назвал позднее Хан Мен Се, вознамерились решить проблему кардинально, а именно — выселить всех корейцев из Приморья (с. 62). Это происходило в 1922—1923 гг., когда еще не заросли травой места совместных боев против белогвардейцев и интервентов. Столь «кардинальные» акции удалось тогда предотвратить, но мало что было сделано и в позитивном смысле: де-факто получил право на существование лишь один — посъетский — корейский райисполком.

Реальные контуры политики сталинизма в отношении корейцев обозначены в документах второго раздела «Депортация как государственный терроризм и покушение на права человека». Совершенно секретное Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1937 г., другие директивы верховной власти и соответствующих ведомств предусматривали немедленное выселение корейского населения Дальневосточного края — «в целях пресечения проникновения японского шпионажа» (с. 64). Поскольку формально корейцы считались спецпереселенцами, им были обещаны материальные и денежные компенсации, помощь в обустройстве на новом месте (в Казахской и Узбекской ССР) и т. п.

Бюрократическая машина даже выдала массу соответствующих расчетов и постановлений, но, как свидетельствуют документы, приведенные в книге, никто не собирался их выполнять. Между тем депортированные более чем на 90% были лишены своей индивидуальной и коллективной собственности, то есть фактически ограблены. В этой связи заслуживает внимания предложение составителей сборника использовать обнаруженные ими материалы в качестве правовой основы для постановки вопроса о действительном возмещении материального урона, нанесенного советскими властями трудовому корейскому населению в 1937—1938 гг. (с. 79).

Документы третьего раздела «Корейские спецпереселенцы в системе «победившего социализма» раскрывают трагические последствия депортации корейцев. Материалы весьма оригинального жанра — спецсообщения (попросту — доносы) — показывают, что корейцы отнюдь не безропотно восприняли депортацию, хотя искреннее недоумение, горькое сожаление, возмущение все еще соседствовали с наивными попытками найти ответ в работах Ленина, обратиться к Сталину (с. 133 и др.). Преступная акция сталинистов спровоцировала не только ненависть к режиму, но и антирусские настроения, поскольку касалась лишь корейской части населения Дальнего Востока, и в итоге привела к гибели значительной части неубранного урожая, позорному межведомственному соперничеству претендентов на фактически конфискованную собственность депортированных.

В местах нового поселения распались корейские трудовые коллективы, люди превращались в пауперов или просто гибли. Бюрократия не реагировала даже на телеграммы с оплаченным на последние деньги ответом (с. 163). Исключения лишь подтверждали правило. Часть документов посвящена судьбам конкретных людей. Справка Управления КГБ по Читинской области скуповещает о трагедии российского корейца Ли Хен Мена — скромного огородника, отца четверых детей, в одночасье превращенного органами НКВД в «контрреволюционного агитатора» и «шпиона» и лишь впоследствии посмертно реабилитированного (док. № 93, 93а).

Заключительные материалы сборника относятся уже к послевоенному времени, включая и события последних лет. Казалось бы, с завершением войны отпадут даже надуманные основания для «особого» режима жизни корейцев, но ведомство Берии даже усугубило их участь, уже де-юре превратив их в «спецпереселенцев», без права возвращения в родные места (с. 192). В июне 1991 г. был принят Закон о реабилитации репрессированных народов, но понадобилось еще немало времени и схоластических дискуссий, прежде чем появилось специальное постановление Верховного Совета России от 31 марта 1993 г., касающееся корейцев.

К сожалению, в разделе нарушен хронологический принцип. Комментарии в ряде случаев излишне эмоциональны.

Думается, что рецензируемая публикация создает предпосылки для написания истории корейцев России.

В. С. БОЙКО

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков МГУ С. Л. Плешкова поставила перед собой три задачи — определение места галликанской церкви в государственной системе, выяснение характера взаимоотношений между французской короной и папством, и наконец, анализ проблемы: французская монархия и французская реформация.

Автор использует весьма широкий круг источников. В их числе: свод королевских ординасов (XV — середины XVI в.), другие законодательные акты, реестр решений парижского муниципалитета, затрагивающих деятельность духовенства, документы Генеральных штатов XV—XVI вв., переписка Людовика XI и других французских монархов, донесения миланских и венецианских послов во Францию и другие материалы, а также документы, вышедшие из лоно католической церкви (акты французской нунциатуры, отчеты папских нунциев, материалы соборов католической церкви, переписка и мемуары французских церковных иерархов), трактаты различных политических деятелей, правоведов и т. д.

Войти в курс проблем, исследуемых в рецензируемой монографии, читателю помогает обширный историографический обзор. Стоило бы, однако, пополнить список перечисленных автором работ советских медиевистов — особенно имея в виду раздел о Реформации, — книгами М. М. Смирина¹, а также сравнительно недавно опубликованной книгой Н. В. Ревуненковой, посвященной ренессансному свободомыслию и идеологии Реформации².

Вопрос о месте галликанской церкви в государственной системе автор рассматривает в связи с анализом процесса оформления правового статуса этой церкви. В книге подчеркивается значение Прагматической санкции (1438 г.), провозгласившей приоритет соборов над властью папы, статус автономии французской церкви (с этого момента получившей наименование галликанской), предусматривавшей права французского духовенства на выборы прелатов, раздачу бенефициев, на суд и на согласование аннат. Однако за римской курией сохранялось право апелляционного суда как высшей церковной инстанции. В Прагматической санкции, как показано в монографии, нашло отражение слитность интересов и монархии и духовенства. Монарх выступал гарантом церковной автономии, за ним оставлялось право на отмену Прагматической санкции (чем французская корона впоследствии и воспользовалась).

Римская курия не признавала законность этого документа и требовала его отмены. К анализу, проведенному автором, было бы полезно добавить, что, вырабатывая Прагматическую санкцию, и монархия и высшее французское духовенство

опирались на решения соборов католической церкви в Базеле (1431 г.) и предшествовавшего ему собора в Констанце (1414—1417 гг.). Одно из основных постановлений последнего содержало тезис о подчинении папы собору. Собор в Базеле подтвердил предыдущие решения и добавил требование, обращенное к новому папе Евгению IV, примириться с умеренным крылом гуситов — «чашниками», требовавшими введения родного языка в церковное богослужение и причащения под обоими видами (т. е. хлебом и вином). Прагматическая санкция 1438 г. подтвердила приверженность базельским постановлениям.

Автор справедливо отмечает, что сама возможность принятия Прагматической санкции была прямым следствием ослабления папства в XIV — начале XV в. во многом в результате политики Филиппа IV и других французских королей (Авиньонское пленение пап и его последствия и др.). Добавим, что римская курия была вынуждена идти на уступки французской короне и в XIII в., когда папство находилось в зените своего могущества. Так, еще в 1247 г. папе от имени французского короля Людовика IX были предъявлены обвинения в различного рода злоупотреблениях, наносивших ущерб Франции. Речь, в частности, шла о нарушениях в области юрисдикции, о привилегиях госпитальеров и тамплиеров, об огромных субсидиях в пользу римской курии и т. д. В конечном итоге Рим был вынужден пойти на уступки. Размеры денежных платежей были значительно уменьшены, снизился также и объем продовольственных поставок. Папа обязался советоваться с королем при назначении на церковные должности³. Не забудем также, что Авиньонскому пленению пап предшествовала пощечина, нанесенная Бонифацию VIII посланцем короля Филиппа Гильомом Ногарэ (не вынеся подобного оскорбления, папа вскоре скончался).

Подробно рассматривает Плешкова и вопрос о Болонском конкордате 1516 г., отменившем Прагматическую санкцию. Еще раньше, в 1472 г., французский король Людовик XI заключил соглашение с папой Сикстом IV, позволившее римской курии вернуть часть своих привилегий. Автор подходит к этому вопросу диалектически. Она показывает, как, идя на уступки папству, фактически приостанавливая действие Прагматической санкции, французская корона вместе с тем усиливала свое влияние на духовенство, препятствуя его объединению с сепаратистски настроенным дворянством и городами. Это было началом нового этапа в государственно-церковных отношениях, отмеченного подчинением французской церкви монарху, установлением ее зависимости и от короны, и от папства. К пересмотру церковной политики подталкивали и внешнеполитические интересы Франции. Успеш-

ное завершение Итальянских войн французская корона связывала с подписанием нового соглашения с Римом, что получило отражение в конкордате, подписанном Франциском I и Львом X в Болонье в августе 1516 г. (и, отметим, действовавшим до 1682 г.). Прагматическая санкция была официально отменена Франциском I.

Анализируя франко-римские отношения в свете Итальянских войн, автор убедительно показывает, что король стремился достичь своих целей, используя римский престол. Папа же со своей стороны дорожил союзом с Францией, хотя и опасался усиления могущества и влияния французского монарха, почему и не отказывался от участия в антифранцузских коалициях, и всячески стремился поддерживать баланс сил на итальянском театре военных действий. Напомним, что акад. С. Д. Сказкин отмечал, что в конце 50-х годов XVI в. именно благодаря тому, что папе Павлу IV удалось после определенного перерыва вновь втянуть в итальянские дела Генриха II, и несмотря на то, что испанские войска во главе с герцогом Альбой заняли летнюю резиденцию папы в Ананьи, Павлу IV удалось спасти свой престол и добиться подписания выгодного для всех сторон мира в Като-Камбрези в апреле 1559 года ⁴.

После подписания конкордата официально утвердились принципы взаимовыгодных отношений между французской монархией и папством. Галликанская церковь получила статус двойной зависимости: от монарха и римского престола. Французский король пошел на компромисс с Римом в поисках поддержки своих завоевательных планов. Болонский конкордат наносил удар не только по автономии галликанской церкви, но и по посреднической роли Парижского парламента, по самостоятельности Парижского университета. Как отмечал С. Г. Лозинский, высшее духовенство, рекрутировавшееся из аристократии, стало высшим французским сословием, преданным своему королю. Однако низшее духовенство оказалось вне конкордата, оно плохо оплачивалось и зачастую было настроено враждебно к господствующему строю ⁵. Подчинение национальной церкви королю способствовало становлению французской абсолютной монархии.

Разбирая вопрос о месте галликанской церкви в государственной системе, Плешкова подчеркивает, что оформление статуса стало важным рубежом в церковной политике монархии, закрепив традицию вмешательства короны в дела клира, и способствовало втягиванию церкви в государственную систему. В книге Плешковой показано, что хотя роль родового дворянства в составе высшего духовенства за несколько десятилетий снизилась, тем не менее и его значение, и значение дворянства мантии осталось преобладающим. Французская корона энергично использовала свои взаимоотношения с клиром в качестве средства политического нажима, в частности при назначении кардиналов от галликанской церкви и т. д.

Вполне обоснованно автор отмечает значение судебной реформы 1539 г., которая определила правовой статус духовенства и церковных судов, расширив судебные прерогативы короны за счет духовенства. Вызывала недовольство духовенства и налоговая политика монархии. Французский клир добивался независимости как от римской церкви, так и от монарха, стремясь использовать для защиты своих интересов Генеральные штаты и провинциальные соборы. Можно согласиться с автором, что церковная политика монархии углубляла противоречия между аристократами в среде французских иерархов и несановным клиром, происходившим из низших социальных слоев (с. 62 сл.).

Плешкова затрагивает и малоизученную в отечественной историографии тему — отражение проблемы «монархия и церковь» в трактатах французских правоведов XVI века. Клод де Сейссель, Ги Кокиль, Пьер Питу и другие связывали судьбу галликанской церкви с деятельностью Генеральных штатов и Парижского парламента, с будущим государством.

Рассматривает автор и конфессиональную политику монархии в период реформации. Плешкова развивает в своем труде идеи академика Сказкина ⁶, аргументированно повествуя об активной антиреформационной политике, проводившейся французской монархией.

В монографии раскрывается противоречивый характер церковной политики французской монархии. Именно Париж стал родиной ордена иезуитов. Делегация галликанской церкви активно участвовала в Тридентском соборе 1545—1563 гг., объявившем, в частности, папу наместником Бога на земле, носителем абсолютной власти. И в то же время Франциск I всячески способствовал укреплению союза с немецкими протестантскими князьями, демонстрируя свою лояльность к немецкой Реформации.

Со второй половины XVI в., как справедливо отмечает автор, во французской Реформации стала преобладать политическая тенденция. Монархия поддерживала в ней те элементы, которые были настроены более централистски (с. 146 сл.). После вступления на престол Генриха IV Бурбона и принятия Нантского эдикта 1598 г., положившего конец гражданским войнам, церковная политика французского абсолютизма определилась надолго. Была подтверждена верность Болонскому конкордату 1516 г. и альянсу со папой, но одновременно зафиксировано право монархии на решение церковного вопроса в самой Франции.

Что же принесла автономия реформатской церкви Франции? Эта проблема требует, по мнению Плешковой, специального рассмотрения. Она неразрывно связана с другой, которая также поставлена автором, а именно: почему же Реформация не победила во Франции и страна так и осталась католической? Отсутствие ответа на этот вопрос —

пусть в гипотетической форме — является, пожалуй, одной из основных претензий к автору этой полезной работы.

В. Л. КЕРОВ

Примечания

1. СМИРИН М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война. М.-Л. 1947 (2-е изд. 1955).
2. РЕВУНЕНКОВА Н. В. Ренессансное свободомыслие и идеология Реформации. М. 1988.

3. Mattaei Parisiensis monachi Sancti Albani Chronica Mayora. T. VI. In: Rerum britannicorum medii aevi scriptores. Ed. Luard, N° 57, Lnd. 1882, pp. 131—133; MARTINI G. La politica finanziaria dei papi in Francia intorno alla metà del secolo XIII. Roma. 1950.
4. СКАЗКИН С. Д. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. Материалы научного наследия. М. 1981, с. 174—175.
5. ЛОЗИНСКИЙ С. Г. История папства. М. 1986, с. 224.
6. СКАЗКИН С. Д. Ук. соч., с. 175; История Франции в трех томах. Т. 1. М. 1972, с. 181—1782.

Энциклопедический словарь юного историка. Всеобщая история.
М. Педагогика-Пресс. 1993. 448 с.

«Словарь юного историка» — не обычное справочное издание. Его составители и редакционная коллегия стремились не только пополнить знания школьников о важнейших событиях мировой истории, но и помочь формированию их исторического мышления, правильной ориентации в главных современных проблемах мирового сообщества.

Существенное место в словаре занимают термины и понятия, раскрывающие глобальный характер развития мировой цивилизации, взаимосвязь и взаимозависимость народов, населяющих все континенты. В нем получили отражение основные исторические эпохи, массовые миграции населения. Авторы стремятся на современном уровне раскрыть общетеоретические понятия, знание которых необходимо для понимания мирового исторического процесса (государство, демократия, диктатура, политические партии, революции, религия, цивилизация и др.). В большинстве случаев авторы сумели подойти к раскрытию этих терминов по-новому, преодолеть партийно-классовую тенденциозность и идейно-политическую предвзятость. Примерами удачных статей этого типа можно считать статьи «Государство» и «Религия». В первой раскрывается идея правового государства, в котором господствует закон, показана историчность государства как социального института, на современном уровне изложена формула разделения властей (с. 118—121). В статье «Религия» подчеркивается нераздельность стремления людей к сознательному пониманию законов мироздания и активного эмоционального начала, присущего человеку. Авторы подчеркивают, что религия «обращается к каждому человеку, к его личной ответственности за свою судьбу и за судьбы человечества, дает нравственные установки и критерии общежития, учит жить и умирать» (с. 356).

Большое внимание уделено (и вполне обоснованно) самой исторической науке, ее значению

в жизни общества, высочайшей нравственной и гражданской ответственности историков, призванных собирать и осмысливать накопленный опыт, столь важный особенно в переломные эпохи.

Сама историческая наука представлена в «Словаре» во всех ее основных ответвлениях, включая историографию, архивное дело, этнографию, вспомогательные исторические дисциплины. Особо ценно то, что в книге представлены содержательными справками крупнейшие зарубежные и отечественные историки и их творчество. Среди них Геродот, Фукидид, Сыма Цянь, Тацит, Т. Карлейль, Т. Маколей, Б. Кроче, А. Тойнби, М. Вебер и др. Российская историческая наука представлена Н. М. Карамзиным, С. М. Соловьевым, Т. Н. Грановским, В. О. Ключевским, а также Е. В. Тарле, С. Д. Сказкиным, Е. А. Косминским, И. Ю. Крачковским и др.

В обращении к читателю, которым открывается это издание, говорится о трудностях, переживаемых современной отечественной исторической наукой, которой приходится преодолевать тяжелое наследие того времени, когда «мифотворчество, прикрываясь ложным пафосом, нередко оказывалось впереди процесса формирования подлинно научных знаний» (с. 5). Юного историка предупреждают о пагубных последствиях и для науки и для общества, которыми чреват пренебрежение историческими реалиями, подмена их всевозможными догмами и стереотипами, замазывание или затушевывание темных и трагических страниц истории, фальсификация прошлого. Причины негативных явлений в исторической науке, подчеркивается в этом обращении, следует искать не только в том прессе идеологизации и политизации, которые сковывали возможности свободного развития исторической науки в условиях тоталитарно-бюрократической системы, но и в самой исторической науке, «в общем снижении

профессионального уровня исторических исследований, в сильной деформации исторических знаний, в ее отходе от исторической правды, в потере высоких нравственных ценностей» (с. 6). Само содержание «Словаря» — это попытка преодолеть указанные выше негативные явления.

В этом отношении особенно важно внимание авторов, составителей и редакторов к историческим личностям, к людям как подлинным творцам истории. Это внимание получило определенное воплощение как в статьях, посвященных отдельным персоналиям, так и в статьях тематическо-проблемного характера.

Заслуживает одобрительной оценки иллюстративный и особенно картографический материал, содержащийся в «Словаре». Карты весьма содержательны и удобны для чтения. Некоторые из них, например, «Современные расы мира» (с. 272—273), представят интерес не только для юного читателя, но и для специалиста.

Издание адресовано читателям среднего и старшего школьного возраста. В этом отношении можно только одобрить включение в книгу полезных методических рекомендаций юному читателю — как работать с первоисточником, с истори-

ческой картой, написать реферат, как организовать факультативные занятия, олимпиады и кружки по истории, рассказано и об опыте создания школьного музея.

Автор и составители признают, что были поставлены в непростые условия. Ограниченный объем книги заставил их отказаться от характеристики и описания многих и достаточно существенных событий, фактов, процессов и личностей. К тому же, указывают редакторы, «немало вопросов всеобщей истории, в том числе принципиального характера, требуют нового осмысления и нового толкования... Не удивительно поэтому, что в некоторых статьях старая трактовка отдельных понятий и явлений соседствует с новыми подходами» (с. 6).

При подготовке нового издания книги следует иметь в виду дальнейшее расширение состава тем, терминов, понятий, и особенно персоналий при сохранении общей направленности «Энциклопедического словаря», отчетливо наметившегося стремления его создателей к сочетанию лапидарности изложения с плотностью содержащейся в нем информации.

К. Е. РОГОВ

D. SAUNDERS. *Russia in the Age of Reaction and Reform. 1801—1881*. Lnd.— N. Y. Longman. 1992. 386 p.

Д. СОНДЕРС. *Россия в век реакции и реформы. 1801—1881*

Рецензируемая работа вышла в публикуемой издательством Лонгман серии книг по истории России. Монография английского историка Д. Сондерса охватывает период от первых попыток Александра I ограничить собственное самодержавие до реформ Александра II включительно.

Характеризуя Российскую империю как страну острейших и непримиримых противоречий — между бедностью и богатством, невежеством и образованностью, государственной унификацией и культурным многообразием, слабостью и могуществом, Сондерс указывает на невероятную трудность и даже невозможность каких-либо социальных или политических компромиссов в этих условиях. «Способны ли русские усвоить истину, что политика есть искусство возможного?» — таким вопросом задается автор (с. XI).

Нетрудно уловить в монографии Д. Сондерса дыхание современности. С момента выхода в свет его труда «Украинское влияние на русскую культуру, 1750—1850»¹, доставившего ему известность в кругах славистов, и до публикации рецензируемой работы прошло 7 лет, полностью охватывающих время перестройки,

или, лучше сказать, очередной попытки перехода от реакции к реформам.

Монография Сондерса — труд серьезного исследователя, глубоко изучившего источники и демонстрирующего широкую эрудицию. Автор учел едва ли не все сколько-нибудь серьезные труды по истории России XIX в., опубликованные в нашей стране и за ее пределами. К сожалению, автор не упоминает некоторые новые работы, в частности С. В. Мироненко и М. М. Сафонова, имеющие прямое отношение к избранной теме².

Сондерс вполне обоснованно вышел за рамки традиционного деления истории России XIX в. на два больших периода: до и после реформы 1861 года. Реформы 60—70-х годов автор рассматривает как одну из ярких и драматических страниц самодержавного реформаторства, движимого противоречивыми чувствами самосохранения и необходимостью модернизации страны. Условность хронологических рамок периода на этом фоне очевидна: их можно раздвинуть в обе стороны, наполнив соответствующим фактическим материалом без всякого ущерба для авторской концепции. Российские самодержцы в изображении

Сондерса не разделяются на реакционеров и реформаторов: они вечно колеблются в своих попытках содействовать прогрессу. Структура монографии достаточно полно отражает концепцию автора, прослеживающего хронические неудачи российских правителей, пытавшихся приспособиться к быстро меняющемуся со времен Французской революции миру.

Реформы Александра I, считает Сондерс, важны не сами по себе, а прежде всего тем, что дали толчок к формированию представления о самодержавии как о строе, базирующемся на законе, а не на кнуте. Участие России в войнах с Наполеоном, полагает Сондерс, помешало осуществлению реформ. Описывая движение декабристов, автор склонен акцентировать такие его стороны, как готовность установить деспотическое правление в стране в случае победы пестелевского течения; сокращение числа участников движения; покровительно-снисходительное отношение к народу; неспособность убедить в правильности своих воззрений даже собственных солдат; некоторое преувеличение роли движения самими его участниками; непонимание крепостными крестьянами значимости происшедших событий. При этом советское декабристоведение упрекается автором за чрезмерное преувеличение и абсолютизацию революционных мотивов движения, а также за стремление представить декабризм как хотя и многослойное, но все же единое и цельное движение.

Николай I у Сондерса — и реформатор и реакционер. При этом, говоря о той области, где реакционный курс монарха проявился наиболее рельефно (образование и печать), автор напоминает о небывало высоких темпах развития народного образования и росте количества печатных изданий. Он пишет не только о самих преобразованиях, но и об учреждениях, а также и конкретных лицах, поставленных во главе их проведения.

Сондерс считает, что внешнеполитическая, и прежде всего военная, активность Николая I излишне преувеличена зарубежными современниками.

Суждения автора о возникновении русской интеллигенции вызывают некоторые вопросы. Сондерс говорит о формах, в которых существовала общественная мысль в николаевской России, и об источниках формирования интеллигенции. Однако, по его мнению, малочисленность «интеллектуалов», некоторая наивность в их суждениях не позволяют называть их, как это делала советская историография, либеральным или даже революционным движением. С некоторыми оговорками данный упрек можно было бы принять, учитывая логику автора, требующего различать реальную опасность для самодержавия, исходящую из дворянских салонов и кружков, и страхи николаевского режима по этому поводу. Однако Сондерс сомневается, заслуживают ли вообще «интеллектуалы» 30—40-х годов «высокого имени „интеллиген-

ция"», тем более что сам этот термин, как указывает автор, появился позже применительно к «шестидесятникам». Во всяком случае автор не определяет достаточно четко своего отношения к термину «интеллигенция» и ко времени ее появления в России.

Сондерс довольно детально анализирует причины и содержание реформ 60-70-х годов. По его словам, просвещенные бюрократы стремились к более радикальным преобразованиям, и их усилия не были напрасными.

Рассматривая вопросы внешней политики России в 60-70-х годах автор уже самим названием главы — «Россия и Европа» — перекликается с известной книгой Н. Данилевского. Автор считает, что тогдашним правителям России трудно было противостоять напору славянофильских идей. Взгляды Данилевского, как утверждает Сондерс, заметно повлияли на перемены во внешнеполитическом курсе России. По мнению автора, попытки правительства Александра II покончить с дипломатической изоляцией страны были безуспешными.

Автор считает приемлемой узкую трактовку термина «народничество» в духе концепции Ф. Вентури, полагавшего, что истинное народничество формировалось вокруг людей типа Д. Каракозова. Переход народников к тактике террора Сондерс объясняет тем, что сама идея реформирования общества при вовлечении в него определенных его слоев ассоциировалась у них с царубийством. По мнению Сондерса, возможен был некий компромисс правительства и его противников. Однако террор сделал такой компромисс невозможным.

Общий вывод Сондерса пессимистичен. Целый комплекс причин: личные качества и менталитет как преобразователей, так и их оппонентов, отдельных слоев и групп, хронический бюджетный дефицит, обусловленный крайней неэффективностью государственного управления, неразвитость гражданского общества и архаичность социальных отношений в деревне, а также огнедышащий вулкан входящих в Российское государство наций и народностей с их собственными интересами и потребностями,— все это, по мысли Сондерса, обрекало реформы в Российской империи на провал.

В. В. КРАВЧЕНКО, В. В. ТИМОФЕЕВ

Примечания

1. SAUNDERS D. The Ukrainian Impact on Russian Culture 1750—1850. Edmonton. 1985.
2. САФОНОВ М. М. Проблема реформ в государственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л. 1988; МИРОНЕНКО С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М. 1989.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Возвращаясь к напечатанному

Еще одно «белое пятно»

Уважаемые коллеги! Отраднo, что журнал «Вопросы истории» приоткрыл еще одно «белое пятно» советской послевоенной истории: я имею в виду воспоминания Б. С. Абакумова «Советские летчики в небе Кореи», опубликованные в № 1 журнала за 1993 год. Вместе с тем почтенный автор, сын своего поколения, как и все мы, отдал дань былым традициям мемуаристики: ни слова фактически о советских потерях, о превосходстве американской техники. Меня статья взволновала по личным причинам: на советском военном кладбище в Порт-Артуре (Китай) среди могил погибших в Корейской войне есть могила и моего двоюродного брата, советского гражданина майора Виктора Эммануиловича Калмансона (1918—1952). Сбили его при посадке на аэродром Китая, одет он был в китайскую военную форму, защищал китайские ГЭС на пограничной с Кореей реке Ялу. От его боевых

друзей я слышал, что американские машины летали быстрее наших.

Брат был опытным летчиком с довоенным стажем, инструктором летной школы на Северном Кавказе в начале Великой Отечественной войны, участвовал в перегонке американских самолетов для советских ВВС из Египта через Иран на Украину, потом воевал в Заполярье. После войны закончил штурманскую академию в Монино. Направления в Китай добился с трудом (ввиду «неблагозвучной» фамилии).

У меня вызывает недоумение тот факт, что редакция не определила собственной позиции в отношении самой Корейской войны — явного акта агрессии со стороны северян.

*Ваш постоянный читатель А. Кан,
профессор Упсальского
университета (Швеция),
участник Великой Отечественной войны*

Наконец-то прервано долгое молчание

Заметка Б. С. Абакумова, опубликованная в № 1 журнала «Вопросы истории» за 1993 г., о действиях наших летчиков в Корейской войне уникальна. За прошедшие с той войны 40 лет у нас публиковались лишь какие-то отрывки и перепечатки из американских, английских источников. Долгое молчание, мне думается, не просто нанесло ущерб и тем, кто погиб, и тем, кто остался в живых, а затем, не по своей воле, оказался «за бортом». Люди, близкие к авиации

в 50-х годах, работавшие в авиационных КБ Миокояна, Сухого, Яковлева, с большим тщанием изучали опыт войны в воздухе. Благодаря мужеству собственно Б. С. Абакумова и его погибших товарищей вырабатывались требования к авиационной технике последующих лет. Я это знаю, поскольку в те годы учился в Московском авиационном институте и там стояли части от свежесбитых «сейбров» (F-86).

Следующая большая воздушная (локальная)

война во Вьетнаме прямо опиралась на технику, изготовленную на основе корейского опыта. В мемуарах Абакумова много цифрового и фактического материала, но они очень сжато написаны, а очень бы хотелось, чтобы автор сподвигся написать свою книгу-исследование. Ведь наверняка у него имеется гораздо больший материал, чем тот, что дан в этой публикации. Автор почти ничего не пишет о наших машинах — предшественницах МиГ-15. А ведь основной парк накануне 50-х годов состоял у нас из Як-15, 17, МиГ-9 — слабенькие, неотработанные и робкие машины, в основе своей скопированные с немецких ЮМО-004. Хочется знать, как они себя показали, если участвовали в боях. Ведь реактивная авиация англичан, американцев немного отставала от немецкой, появилась почти сразу после Me-262 («глостер метеор», «де-кэвиленд» и др.). Если бы англичане не продали нам лицензии на двигатели «нин-дервент», тяжко бы нам пришлось в небе Кореи. Ни Ил-28, ни МиГ мы не смогли бы использовать. Очень интересно и другое. В армии КНДР, как пишет автор, было 239 самолетов, в том числе Як-9Ц, Як-9П, Ла-9, Ла-11, то есть последние, «новейшие» самолеты второй мировой войны. По существу же — это последние поршневые истребители. Известно ли что-либо об их судьбе? Ведь они могли встречаться в небе с реактивными машинами (стран ООН). Кроме рассказа И. Кожедуба, как он атаковал сзади и сбил немецкий Me-262,

больше нигде не упоминалось о таких эпизодах на нашем фронте. В Корею же практически завершился век поршневой авиации, но было бы интересно узнать какие-то результаты. Хотелось бы узнать подробнее о боях «мигов» (наших летчиков) с «сейбрами» F-86. Ведь в боях и с нашей, и с американской (английской) сторон участвовали опытейшие, прошедшие войну летчики. Как оценивает Б. С. Абакумов их мастерство, особенно в сравнении с немецкими? Из потерянных американцами 2,5 тыс. машин сколько было потеряно в воздушных боях (в частности истребителей)?

И все-таки война войной, но, видимо, непросто было для летчиков перешагнуть психологический рубеж: спустя всего лишь пять лет после окончания второй мировой войны сбивать своих бывших союзников, тем более, как теперь выясняется, и напали-то первыми сами северокорейцы. Ведь знаменитый А. И. Покрышкин сражался большую часть войны на американской «аэрокобре» F-50. Конечно, солдат есть солдат. И все же!

Наша пресса много писала о французских летчиках эскадрильи «Нормандия-Неман» и других. А так хотелось бы, чтобы о своих писали побольше! Хорошо, что вышли в свет воспоминания Б. С. Абакумова.

*Г. И. Иванов,
кандидат технических наук,
г. Арзамас-16.*

Contents

Articles: **A. I. Osadchaja**. Exchange in Russia. **V. M. Panejakh**. Absolution of Leningrad Department of AS USSR History Institute in 1953. **Historical Profiles**. **Timothy E. O'Connor**. Anatolij Vasiljevich Lunacharskij. Reminiscences. Memoirs of Nikita Sergeevich Khrushchev. Publications. Materials of the Commission of Inquiry CC RSDRP on the Case of R. V. Malinovskij (May-November 1914). History and Fates. **A. I. Denikin**. The Essays of the Troubles Time in Russia. Communications. **V. B. Koscheev**. Once More About the Number of Mongol Army in 1237. **E. I. Fedosova**. F. Guizot at the Head of French Ministry of Foreign Affairs (1840—1847); **A. Ja. Shevelenko**. Demology. People. Facts. Events. **I. I. Pstygo**. The Planes Over Markovo and Wellikal. **K. F. Popov**. The Fate of Sergej Sedov. **V. V. Poznakhirev**. Vice-admiral Z. P. Rozehsvenskij. **M. Ts. Arzakanjan**. The Fatal Shot of Beregovoy. **Historiography**. **Reviews on Books**: The Essays of Russian Culture in the XVIIIth Century. The Great Reform in Russia. 1856—1874. **O. V. Martyshin**. Free Novgorod. Social-political Structure and Law in the Feudal Republic. **A. P. Pronshtejn**. The Science of Historical Sources in Russia. Epoch of Capitalism. The White Book About the Deportation of the Korean Population in Russia in the 30s—40s years. **S. L. Pleshkova**. The French Monarchy and the Church (in the XVth-middle XVIth Centuries). The Encyclopedic Dictionary of the Young Historian. The Universal History. **D. Saunders**. Russia in the Age of Reaction and Reform 1801—1881. Lnd.-N. Y. Letters to the Editor.

**Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»
Российская Академия наук.**

Главный редактор: А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, В. А. Дьяков, И. Д. Ковальченко, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, А. П. Новосельцев, Р. Г. Пихоя, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка без разрешения редакции журнала «Вопросы истории» не допускается

«Вопросы истории» № 10, 1993. Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва, К-6. М. Путинковский пер. 1/2. Телефон: 209—96—21.

Технический редактор Е. П. Лебедева.

Сдано в набор 05.08.93. Подписано в печать 29.09.93. Формат 70x108/16. Бумага газетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8. Бум. л. 6,0. Уч.-изд. 21,18. Тираж 30.000. Заказ 3977. Индекс 70145.

ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории», ТОО «Сашко»

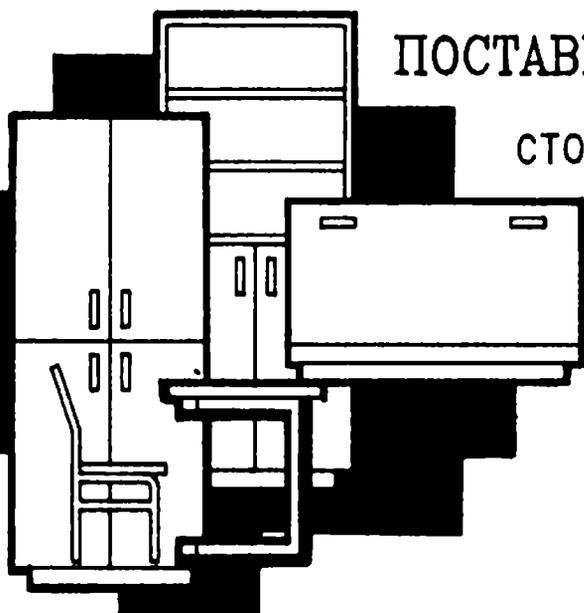
Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО ОАО РОС-МЕТАЛЛ

У НАС ЕСТЬ ТО, ЧТО ВАМ НУЖНО!

ПОСТАВКА КОМПЛЕКТНЫХ КЛАССОВ

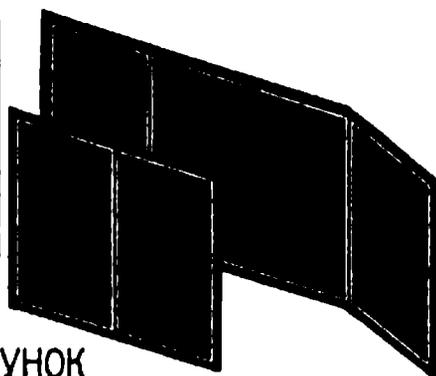
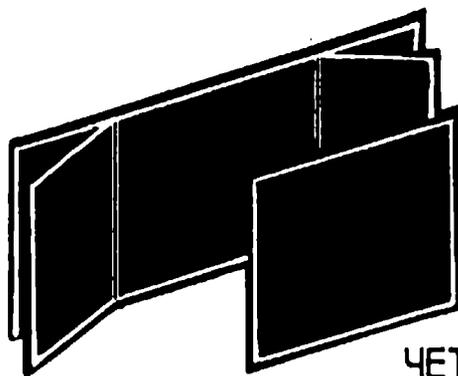
СТОЛЫ УЧЕНИЧЕСКИЕ ОДНО И ДВУХМЕСТНЫЕ
ШКАФ ДЛЯ НАГЛЯДНЫХ ПОСОБИЙ
МЕБЕЛЬ СЕКЦИОННАЯ
ШКОЛЬНАЯ ДОСКА
СТОЛ УЧИТЕЛЯ
СТУЛЬЯ

НАША МЕБЕЛЬ СОЗДАЕТ ЕДИНЫЙ СТИЛЬ АУДИТОРИИ.

ПРИБРЕТЕНИЕ КОМПЛЕКТНОГО КЛАССА
ЭКОНОМИТ ВАШИ СРЕДСТВА.

ШИРОКИЙ АССОРТИМЕНТ КЛАССНЫХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ДОСОК

ОТСУТСТВИЕ БЛИКОВ
ЧЕТКИЙ ГРАФИЧЕСКИЙ РИСУНОК
ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО РАБОЧИХ ПОВЕРХНОСТЕЙ
ЧЕРНОГО ИЛИ ЗЕЛЕННОГО ЦВЕТА

ВЫБОР ЗА ВАМИ !

443001 РОССИЯ Самара ул.Самарская 203^б к.221

ТЕЛЕФОНЫ /8462/39-94-51 39-93-54
39-93-58 32-07-30

ФАКС /8462/33-47-03
ТЕЛЕТАЙП 214219 ВЕНЕРА

Выставочный зал:

г. Москва, ул. 1-я Владимирская, д. 20,

м. Перово, Дом молодежи,

тел. (095) 176-87-59, 305-73-21

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**